

Г. З. ИОФФЕ

**КРАХ
РОССИЙСКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ
КОНТРРЕВОЛЮЦИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет АН СССР по комплексной проблеме
«История Великой Октябрьской социалистической революции»

Институт истории СССР АН СССР

Г. З. Иоффе

КРАХ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1977

В монографии раскрывается крах буржуазно-помещичьей, монархической контрреволюции, стремившейся ликвидировать завоевания не только Октябрьской социалистической, но и Февральской буржуазно-демократической революций. В книге разоблачается белоэмигрантская и современная антикоммунистическая историография, извращающая подлинный смысл победы Советской власти; показывается значение опыта Великого Октября для сил социализма и демократии во всем мире; подчеркивается необходимость решительной борьбы с реакцией для сохранения революционных завоеваний.

Ответственный редактор

академик

И. И. МИНЦ

ВВЕДЕНИЕ

Еще не просохли чернила на подписи Михаила Романова, удостоверявшей его отказ «воспринять верховную власть» (переданную ему отрекшимся Николаем II), как буржуазная пресса развернула шумную пропагандистскую кампанию, стремясь убедить массы в том, что совершившаяся Февральская революция была революцией всех классов, революцией «единодушной». «Все участвовали в этой революции,— писал, например, кадет князь Е. Трубецкой,— все ее делали: и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство, не исключая объединенное...»¹

Отсюда следовало, что монархической контрреволюции в России не существует или по крайней мере она серьезно не угрожает завоеваниям Февраля. Сторонники царизма, позднее уверял А. Керенский, представляли собой лишь «пыль, оставленную рухнувшим зданием царизма»². Большевицкая «Правда» уже в первые революционные дни разоблачала эту буржуазно-либеральную ложь. «Силы старой власти,— писала она,— падают, но они еще не добыты. Они только притаились и ждут удобного случая для того, чтобы поднять голову... Оглянитесь кругом, и вы увидите, что темная работа черных сил идет непрерывно...»³

Пропагандистская версия о послефевральском «исчезновении» монархистов с течением времени трансформировалась в историческую концепцию, получившую довольно широкое распространение в белоэмигрантской литературе. Лишь некоторые ее представители признавали проявления монархистско-реставраторских тенденций, но относили их главным образом к бело-

¹ «Речь» (Петроград), 1917, 5 марта.

² *Kerensky A. F. The Crucifixion of Liberty.* New York, 1933, p. 308—309.

³ «Правда» (Петроград), 1917 14 (27) марта. О том же в мартовские дни 1917 г. много писал орган Петроградского Совета — газета «Известия».

гвардейские эпохи гражданской войны⁴. Поскольку же белоэмигрантская историческая литература и мемуаристика долгое время питали западную буржуазную историографию, то и в ней, пожалуй, до сих пор превалирует тезис, согласно которому в антисоветском (даже белогвардейском) лагере практически никто не стремился к восстановлению монархии⁵.

В результате игнорирования фактора буржуазно-помещичьей, монархической реакции происходит искажение всей исторической ретроспективы: победа Октября и Советской власти в гражданской войне выглядит как торжество большевистского «тоталитаризма» над «либерализмом» и «демократизмом» Февральской революции. Между тем известно, что один из важнейших итогов Великого Октября состоит в том, что, проделав свою основную — социалистическую — работу, он попутно («походя, мимоходом», по выражению В. И. Ленина) завершил общедемократические преобразования, защитил их от угрозы ликвидации буржуазно-помещичьей контрреволюцией и поднял на качественно новый уровень — уровень советской демократии. Еще в 1918 г. М. Н. Покровский писал, что после Февраля 1917 г. «старый режим был и физически и психологически так близок от «нового» (речь идет о режиме Временного правительства.— Г. И.), из-под красной рубашки свежеевыкрашенной республики так еще явственно сквозила черно-бело-желтая царская грунтовка, что обратная перекраска была легче легкого. И если бы не Октябрь, Николай или Михаил прочно сидели бы уже теперь снова в Зимнем дворце...»⁶

Если обратиться к работам В. И. Ленина периода Октября и гражданской войны, нетрудно увидеть, что основной вопрос классовой борьбы, развернувшейся в России, он ставил категорически: «либо диктатура рабочего класса, диктатура всех трудящихся и победа над капитализмом, либо самое грязное и кровавое господство буржуазии вплоть до монархии...»⁷ Так называемая «третья сила», пытавшаяся выступить от лица «широкой (эсеро-меньшевистской) демократии» под лозунгом Учредительного собрания (января 1918 г.), по убеждению

⁴ См., например: Милуков П. Н. Россия на переломе, т. 2. Париж, 1926, с. 42; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг., ч. 1, кн. 1. Таллин, 1937, с. 25, 44.

⁵ Chamberlin W. The Russian Revolution, vol. 2. New York, 1954, p. 94—95; Fleming P. The Fate of Admiral Kolchak. New York, 1963, p. 85; Luckett R. The White Generals. London, 1970, p. 166—167, etc. В современной советологической литературе можно, правда, встретить и признания монархизма белогвардейщины (см., например: Schapiro L. The Origin of Communist Autocracy. Cambridge, Mass., 1955, p. V, etc.), но они носят самый общий характер и не меняют господствующую точку зрения. Подробнее см.: Салов В. И., Рыкалов В. С. К критике антимарксистской историографии гражданской войны и иностранной интервенции.— В кн.: Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972, с. 64—73.

⁶ История освобождения России. М., 1918, с. 1.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 41.

В. И. Ленина, была обречена на провал и, борясь против диктатуры пролетариата, фактически содействовала тем, кто стремился к буржуазно-помещичьей, монархической реставрации. «Меньшевики и эсеры,— писал В. И. Ленин,— играли роль пособников монархии, как прямых... так и прикрытых...»⁸ «Поверьте мне,— говорил он в беседе с американским корреспондентом вскоре после кронштадтских событий,— в России возможны только два правительства: царское или Советское... Учредительное собрание в настоящее время было бы собранием медведей, водимых царскими генералами за кольца, продетые в нос...»⁹

Таким образом, ленинская концепция Октября и гражданской войны предполагает изучение правых, реакционных сил, стремившихся к ликвидации завоеваний не только Октябрьской социалистической революции, но и многих завоеваний буржуазно-демократических революций. По характеристике В. И. Ленина, эти силы были представлены двумя группами политических партий: во-первых, партией кадетов и близкими к ней группами и, во-вторых, партиями и группами, стоявшими правее кадетов. Блок кадетов с монархистами, писал В. И. Ленин, «подтвержден, как политический факт, перед всей Россией...»¹⁰

Но те монархисты, которые выражали интересы «крепостников-помещиков и самых отсталых слоев буржуазии», боролись за «всевластие чиновников и полиции», за восстановление династии Романовых, в революционной атмосфере России вынуждены были «действовать тайком и осторожно, боясь народа»¹¹. Авангардную часть блока составляли кадеты, прикрывавшие свой монархизм¹², а после Февраля рекламировавшие себя «партией революции».

Это, вероятно, в немалой степени объясняет недостаточную изученность темы монархической контрреволюции и ее краха. Правда, в последние годы она стала всё чаще привлекать внимание историков. Так, в трудах И. И. Минца и Э. Н. Бурджалова исследованы некоторые сюжеты истории монархической контрреволюции в период Февраля 1917 г. В работах Х. М. Астрахани, Н. Г. Думовой, А. Я. Грунта, Н. Я. Иванова, М. И. Капустина, В. В. Комина, И. И. Минца и других, целиком или частично посвященных истории контрреволюции между Февралем и Октябрем (главным образом корниловщине), речь идет и о монархистах.

Что касается эпохи гражданской войны и интервенции, то некоторые сведения о монархистах можно найти в книгах В. В. Гармизы, К. В. Гусева, Д. Л. Голикова, И. И. Минца,

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 103. См. также т. 45, с. 50.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 129.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 403.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 194, 195.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 258.

П. И. Рощевского, О. Ф. Соловьева, С. Н. Семанова, Л. М. Спирина и др.¹³ Эти авторы сконцентрировали свои усилия главным образом на так называемой «демократической» (эсеро-меньшевистской) контрреволюции. Особо следует отметить новую работу Л. М. Спирина «Крушение помещичьих и буржуазных партий в России» (М., 1977).

Слабо исследована история белой эмиграции (в том числе монархической), хотя и здесь наметились сдвиги (работы И. Я. Трифонова, С. А. Федюкина, Л. К. Шкаренкова и др.).

Конечно, и в этой монографии не удалось в полной мере раскрыть столь сложную тему, как крушение монархической контрреволюции, органически связанную с историей всего контрреволюционного лагеря России. Свою задачу автор видел прежде всего в выявлении монархической контрреволюции начиная с крушения царизма. Это давало возможность определить ее роль в общем контрреволюционном потоке. Затем предстояло выяснить социально-политическое содержание послереволюционного монархизма, который не представлял собой нечто однородное, а объединял черносотенство, октябризм и кадетизм (а также некоторые промежуточные группировки), имевшие определенные программные и тактические различия. В целом это должно было помочь глубже вскрыть факторы неизбежного краха монархической контрреволюции.

Таковы были основные элементы авторского замысла. Его научная и политическая актуальность не вызывала сомнений. Только ясно представив себе, что контрреволюция несла стране, прикрываясь маской патриотизма и демократизма, можно в полной мере оценить историческое значение победы Советской власти. На это прямо указывал В. И. Ленин. Во время кронштадтского мятежа он говорил рабочим: «Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выписок из белогвардейской прессы... Почему наши газеты уделили этому так много внимания? Правильно ли это? Правильно. Потому, что надо ясно знать своего врага»¹⁴. Вместе с тем показ тылов антисоветского фронта, реакционных сил, до поры до времени шедших за «демократической контрреволюцией», может служить напоминанием о том, что в борьбе с империализмом и реакцией нет места компромиссам.

Чем была российская монархия перед крушением? Эта совершенно особая, многоплановая проблема имеет свою обширную литературу¹⁵. Тем не менее в интересах темы необходимо

¹³ В популярном и публицистическом изложении освещена тема Романовых после свержения царизма (например, работа М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», опубликованная в 1973—1974 гг. в журнале «Звезда»).

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 139.

¹⁵ Из новых работ советских авторов отметим: Об особенностях империализма в России. М., 1963; Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. М.,

хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать социально-политическое содержание русского предреволюционного монархизма. Обычно он ассоциируется с черносотенством, с черносотенными организациями (Совет объединенного дворянства, Русское собрание, Русская монархическая партия, Союз русских людей, Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и т. п.) и их вождями В. М. Пуришкевичем, А. А. Дубровиным, Н. Е. Марковым 2-м и др. Это, конечно, верно, но далеко не исчерпывает понятие «монархизм».

По характеристике В. И. Ленина, черносотенные партии защищали интересы основной социальной опоры царизма — помещиков-крепостников¹⁶. Ядро этих партий составляли сами помещики, их представители в правительственном аппарате монархии, церковные иерархи. Но как и другие политические партии, черносотенцы стремились создать себе массовую опору и демагогической пропагандой пресловутых идей «православия, самодержавия и народности» находили ее в среде «некоторой части темных, несознательных рабочих, крестьян, городской бедноты»¹⁷. Этим мелкобуржуазным, обывательским элементам обычно отводилась роль грубой силы, роль погромщиков, которые натравливались черносотенными вождями на революционеров, либералов, «инородцев» и других врагов «веры, царя и отечества».

Политически же программы черносотенных организаций сводились к требованию сохранения самодержавия «в том неприкосновенном виде, в каком государь (Николай II) получил ее от своих царственных предков». Наиболее ярые черносотенцы ненавидели даже С. Ю. Витте, П. А. Столыпина и др. Но учитывая «дух времени», определенная их часть все же не настаивала на полной ликвидации одного из завоеваний революции 1905 г. — Государственной думы. Дума, по их мнению, должна была ограничиться ролью законосовещательного органа и, оставаясь «национально-русской», помогать «царю-законодателю».

Черносотенно-монархические идеологи и политики были теснейшим образом связаны с правительством, особенно с заку-

1966; *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967; *Лаврычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967; *Аврех А. Я.* Столыпин и третья дума. М., 1968; *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; *Черменский Е. Д.* История СССР. Период империализма. М., 1974; *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975; *Ерошкин Н. П.* Самодержавие накануне краха. М., 1975; *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975; *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

¹⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 133, 134; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1. М., 1970, с. 207.

¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 176.

лисной, неофициальной его частью — придворной камарильей. Хорошо понимая ее огромную роль в условиях самодержавного режима, они всячески укрепляли там влияние, проводя к «подножию трона» своих людей.

В белоэмигрантской монархической литературе широко утверждалось, что Распутин являлся «дьявольским» орудием либералов и масонов, разрушавших царскую власть. Скорее, однако, было наоборот. В выдвижении и карьере Распутина немаловажную роль сыграли политические расчеты некоторых черносотенных организаций, учитывавших религиозно-мистическую склонность императорской четы (особенно Александры Федоровны). Один из наиболее активных заправил «Русской монархической партии», протоиерей И. Восторгов, еще в 1907 г. на собраниях черносотенной верхушки усиленно предлагал использовать «тобольского заратустру» в качестве эха голоса «настоящего русского мужика», якобы глубоко преданного «богу и царю» в отличие от разложившейся интеллигенции и других городских слоев¹⁸. Распутин был лично связан с И. Восторговым (как, впрочем, и с другими представителями черносотенно-настроенного духовенства) и через «знаменитый» салон графини Игнатьевой, который посещали весьма «важные персоны», укреплял свое положение при дворе¹⁹. Следует отметить, что царица и в какой-то мере Николай II смотрели на Распутина именно так, как того хотели Восторгов и К^о: ему верили как истинному представителю «простого русского народа».

Черносотенцы вели борьбу и за официальное правительство — Совет министров, куда они, используя свои креатуры в камарилье, проводили «нужных» министров (такowymi в разное время были И. Г. Щегловитов, Н. А. Маклаков, А. Н. Хвостов, Б. В. Штюрмер, Н. А. Добровольский и др.). Кроме того, они буквально бомбардировали царя и его окружение петициями и записками, требовавшими восстановить «историческую власть», основанную на самодержавном принципе, убеждая его, что только в этом — спасение страны от надвигающейся «смуты» (т. е. революции).

Последний русский император явно благоволил к черносотенцам. И все же черносотенные организации и группировки не сумели консолидироваться в некую единую монархическую партию, отстаивавшую интересы самодержавия. Более того, их влияние не только не расширялось, но, пожалуй, напротив, падало. К кануну Февраля черносотенство представляло собой

¹⁸ См.: *Вонлярьский В.* Мои воспоминания. Берлин, б. г., с. 197, 205.

¹⁹ *Алмазов Б.* Распутин и Россия. Прага, 1922, с. 26, 33. Последующая борьба некоторых черносотенных покровителей Распутина (митрополита Гермогена, иеромонаха Иллиодора и др.) против своего «детниша» не противоречит этим данным: Распутин «зарвался», вышел из-под контроля, начал приобретать самодовлеющее влияние (*Труфанов С.* Святой чорт. Пг., 1917).

свору грызущихся между собой одиозных политиканов, существовавших на секретные правительственные субсидии.

Один из корреспондентов отставного министра внутренних дел Н. А. Маклакова (с ним черносотенцы связывали большие надежды) летом 1916 г. в раздражении и отчаянии писал: «Правые «верхи» в полном параличе. Вот именно это последнее обстоятельство и губительно... Правые «низы» страшно волнуются, стараются указать на опасность, но их никто не поддерживает и крик их пропадает при полном невнимании к нему тех, кто наиболее заинтересован в сохранении исторических основ русской государственной жизни... Бсда наша в том, что среди нас не находится, как говорят англичане, «the right man of the right place» (подходящий человек на своем месте). На «левое» дело таких субъектов хоть отбавляй, а у нас — ни души. Пустыня! Да и не может найтись при склонности «вершины» на левую сторону. Нам — слова, им — уступки»²⁰.

Корреспондент Маклакова не понимал, что так озлоблявшая его в общем-то мнимая «склонность «вершины» на левую сторону» вызывалась тем, что официальному правительству необходимо было отмежевываться от «черных» в интересах проведения политики лавирования между помещиками и крупной буржуазией (столыпинщина). К тому же царизм всегда стремился поддерживать иллюзию своей «надклассовости» и «надпартийности», «особого положения» попечителя и радетеля интересов всех русских людей.

Однако глубинная причина того, что кривая черносотенного монархизма шла вниз, лежала в социально-экономическом развитии страны, в ее, с одной стороны, дальнейшем «обуржуазивании», а с другой — в продолжающемся «размывании» старого, феодально-крепостнического уклада.

Как известно, в 1905 г. под влиянием быстрой капиталистической эволюции и вызванного ею революционного движения царизм сделал второй (после 1861 г.) шаг по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию. Но та же самая причина вызвала к жизни и укрепляла другой монархизм — монархизм конституционный, нашедший политическое выражение в деятельности таких партий, как октябристы, прогрессисты, кадеты и др. Они представляли интересы обуржуазившихся помещиков (главным образом октябристы), промышленной и финансовой буржуазии, а также буржуазной интеллигенции²¹.

В зависимости от степени оппозиционности по отношению к феодальной монархии — самодержавию (октябристы, напри-

²⁰ ЦГАОР, ф. 1467 (Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства), оп. 1, д. 685, л. 110, 110б, 111.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 131; т. 22, с. 302 и др.

мер, фактически являлись правительственной партией) выдвигались и различные программы реформ. Буржуазный либерал, писал В. И. Ленин, «настроен против старого порядка, абсолютизма, крепостничества, привилегий высшего сословия и т. д., настроен в пользу политической свободы и конституционного «правового» строя»²². Но даже кадеты, стоявшие на левом фланге либерализма, считали, что реформы не должны идти дальше установления конституционной монархии. Причину этого глубоко вскрыл В. И. Ленин. Он писал: «Ненавидя оттесняющее их от власти правительство, помогая разоблачению его, внося колебание и разложение в его ряды, либералы еще неизмеримо более ненавидят революцию, боятся всякой борьбы масс...»²³

В реформированном на буржуазный манер государственном аппарате царизма буржуазия видела мощный оплот против революции, которая в 1905 г. так напугала ее. Октябристско-кадетские «Вехи» недвусмысленно выразили это, призывая «благословлять власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». По существу политика либералов была направлена на то же самое, что и политика правых: предотвращение новой революции, руководимой рабочим классом. Но если правые убеждали царя, что избежать ее можно, только укрепив самодержавие, то либералы доказывали другое: спасение лежит на пути реформ.

Правые пытались достигнуть своих целей путем расширения влияния главным образом в камарилье; что касается либерально-монархической оппозиции, то она все активнее стремилась поставить под контроль официальное правительство — Совет министров. Давая впоследствии общую оценку деятельности думского Прогрессивного блока (в него вошли различные оппозиционные группы от кадетов до националистов), В. В. Шульгин писал, что суть конфликта, который возник между блоком и «короной», сводился «к вопросу о назначении министров»²⁴.

Таким образом, правящий лагерь, прежде всего его глава — царь, ходом исторического развития оказался перед дилеммой: либо, следуя черносотенно-националистическому курсу, еще больше повернуть руль «вправо», отбросив всякие «конституционные» привески к самодержавию, либо под давлением буржуазно-монархической оппозиции повернуть его «влево», завершив трансформацию своего рода «конституционного самодержавия» (выражение В. И. Ленина) в конституционную монархию.

В предвоенный период царизм пытался решить эту дилемму бонапартистской политикой лавирования. Создав в III Го-

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 48.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 181.

²⁴ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961, с. 8.

сударственной думе два большинства (правооктябристское и октябристско-кадетское), царское правительство попеременно опиралось то на одно из них, то на другое²⁵.

Буржуазные историки на западе, которые в последние годы усиленно изучают предысторию русских революций 1917 г., отыскивая в ней альтернативу Февралю и Великому Октябрю, склонны считать, что одна из роковых ошибок последнего царствования заключалась в нежелании постепенно, но последовательно осуществлять октябристско-кадетский курс. Если бы, утверждают они, царь более решительно поддерживал таких государственных деятелей, как С. Ю. Витте, П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин, готовых к компромиссу с оппозицией, крушения монархии удалось бы избежать²⁶.

Пытаясь объяснить «странную» слепоту царизма, удивительным образом якобы не желавшего увидеть «спасительных путей» и проводившего «самоубийственную» политику, буржуазные авторы обычно ссылаются на безволие и религиозность последнего царя, на «роковое» влияние императрицы и Распутина и т. п. «Феномену» Николая II, как нам представляется, вообще придавалось преувеличенное значение. Николай II, несомненно, был заурядным человеком. Но учитывая, что его правление пришлось на период глубочайшей социально-экономической трансформации России и порожденных ею оппозиционного и, главное, мощного революционного движений, нельзя не признать проявленного им искусства лавирования.

В. И. Ленин утверждал: «Классы не ошибаются: в общем и целом они намечают свои интересы и свои политические задачи соответственно условиям борьбы и условиям общественной эволюции»²⁷. Также действовал и царизм, представлявший интересы консервативных слоев общества, прежде всего дворянства и крупной буржуазии. «Люди реакции,— писал В. И. Ленин,— не чета либеральным Балалайкиным. Они люди дела. Они видят и знают по опыту, что самомалейшая свобода в России ведет неизбежно к подъему революции. Они *вынуждены* поэтому идти все дальше и дальше назад, разрушать все больше и больше октябрьскую конституцию, задвигать все больше всякими заслонками прноткрытый было политический клапан.

²⁵ Подробнее см.: *Аврех Л. Я.* Столыпин и III Дума. М., 1968.

²⁶ См., например: *Russia Under the Last Tsar*. Ed. by Th. Stavrou. Minneapolis, 1969; *Russia in Transition, 1905—1914*. Ed. by McNeal R. New York, 1970; *Russia Enters the 20-th Century*. Ed. by Katkov G. London, 1971, etc. Следует отметить, что наряду с авторами, именующими себя «оптимистами» (поскольку они оптимистически смотрят на возможность мирной эволюции царской России), в современной «советологии» имеются и «пессимисты», полагающие, что кризис в России начала XX в. оказался настолько глубоким, что выйти из него реформистским путем было невозможно.

²⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 347.

Нужно все безграничное тупоумие российского кадета или беспартийно-прогрессивного интеллигента, чтобы вопить по этому поводу о безумии правительства и убеждать его встать на конституционный путь. Правительство *не может поступать иначе*, отстаивая царскую власть и помещичьи земли от прикрытого, придавленного, но не уничтоженного напора снизу»²⁸.

Вот почему конституционно-монархические лозунги буржуазии во многом были донкихотством. Теоретически допуская превращение самодержавия в буржуазно-конституционную монархию, В. И. Ленин не верил в такую возможность на практике. «...многовековая история царизма,— писал он,— сделала то, что в начале XX века у нас нет и *не может быть* иной монархии, кроме *черносотенно-погромной монархии...*»²⁹

Однако пока у самодержавия оставались резервы для политического маневрирования, оно шло на определенные уступки буржуазно-монархической оппозиции. По мере того как царизм убеждался, что эти уступки не только не приводят к разрядке социальной напряженности и ослаблению революционных выступлений, а, напротив, обостряют их, предпринимались попытки попятного движения, возврата к старому — неограниченному самодержавию. Но и они парадоксальным образом вели к такому же результату: переход реакции в наступление в конечном счете стимулировал рост революционного движения, что вызывало отрицательное отношение и империалистических кругов Антанты, неудовлетворенных неспособностью самодержавия эффективно мобилизовать военные усилия страны. Таким образом, как либерально-монархический, так и черносотенно-монархический рецепты оказывались недейственными. Создавалось положение, известное в шахматах как «цугцванг», когда никакой дальнейший ход, какое движение невозможны. Следствием такой ситуации неизбежно становилось то, что обычно называют разложением царизма. Будучи неспособным решительно двигаться ни вперед, ни назад, он оказался в состоянии стагнации. Выраженными симптомами ее перед Февралем 1917 г. были и религиозно-мистический дурман последних Романовых (особенно царицы), и «распутиниада», и «министерская чехарда» и т. д.

Эти симптомы, это бессилие правительства отталкивали от Николая II даже некоторые элементы, органически связанные с самодержавной монархией (представителей великокняжеской среды, высшего генералитета, бюрократических верхов и т. п.). Оскорблены были в своих лучших чувствах и другие «верноподданные», стоявшие на более низких ступенях социальной лестницы. Все они, конечно, не переставали быть «внепартийными» монархистами, а были лишь против монархии Ни-

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 196.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 16—17.

колая II и Александры Федоровны, погрязших, по их убеждению, в «распутиннаде». Это создавало некоторую основу для их контактов с буржуазной оппозицией, с возникшим в августе 1915 г. Прогрессивным блоком. Царской чете и камарилье грозила изоляция...

И все же царизм еще далеко не был трупом. Он располагал мощной экономической базой (крупное помещичье землевладение, государственное хозяйство), опирался на разветвленный правительственный аппарат с его карательными органами, во многом держался силой традиции.

Перед своим концом, проявляя, по словам В. И. Ленина, «дикую растерянность», «полную потерю головы»³⁰, царизм продолжал судорожно маневрировать, надеясь выждать, дотянуть до военной победы, которая, по его расчетам, могла значительно изменить ситуацию.

Выход из тупика, в который царизм заводил и страну, указывала большевистская партия: он лежал на путях борьбы за полную ликвидацию царизма, за свержение монархии и последующее перерастание революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 152.

В БОРЬБЕ С ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Старое правительство... никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят».

Ленин

Маркс называл революции локомотивами истории. Могучим усилием, огромным напряжением локомотив — революция придает все убыстряющийся ход поезду — истории, обычно неторопливо следующему по обкатанным рельсам. Таким локомотивом была и Февральская революция в России, сокрушившая царизм в течение каких-нибудь нескольких дней.

Буржуазному и обывательскому уму этот факт представлялся настолько невероятным, что о Февральской революции многие заговорили как о «чуде», как о чем-то чуть ли не сверхъестественном. Кадетские «Биржевые ведомости» писали с неподдельным удивлением: «На наших глазах произошло сотворение русской свободы, почти как сотворение мира, стихийной силой, внезапно, без видимой связи с кануном бытия, почти без перехода от прошлого к настоящему»¹.

Проходили годы, но Февраль продолжал потрясать воображение белоэмигрантских и иностранных буржуазных историков. Американский советолог Дж. Кеннан назвал Февральскую революцию «одним из наиболее удивительных, наименее предвиденных и до сих пор наименее понятных политических изменений в истории»². Его английский коллега У. Мосс считает, что «Февральская революция представляет для историка своего рода загадку»³.

Чтобы как-то объяснить «феномен» Февраля, белоэмигрантские и западные авторы, склонные искать главные пружины исторического процесса не в глубинных социально-экономических процессах, а в «верхах», выдвинули тезис, согласно которому царизм фактически не был свергнут, а скорее пал, рухнул не столько от силы внешнего толчка, сколько от собствен-

¹ «Биржевые ведомости» (Петроград), 1917, 5 марта.

² Kennan G. Russia Leaves War. New York, 1956, p. 8.

³ Mosse W. Russia, 1917. The February Revolution.— «Soviet Studies», 1968, vol. XIX, № 3, p. 430.

ной внутренней дряблости⁴. Эмигрантский эсеровский журнал «Воля России» писал: «Чудо Февраля, если можно говорить о чуде, было в том, что самодержавный Угрюм-Бурчеев исчез именно так, как и описано в истории одного города — со зловещим треском, моментально, точно растаял в воздухе»⁵.

Ретроспективно оценивая события Февральской революции, нельзя не признать, что современники имели основания ожидать (и действительно ожидали) более длительной и упорной борьбы, более решительного и ожесточенного сопротивления со стороны царизма, десятилетиями подавлявшего и уничтожавшего своих противников. Верно и то, что длительное кризисное состояние царизма содействовало успеху революции. Но, как писал В. И. Ленин, даже в эпоху кризисов старое правительство «не упадет», если его «не уронят»⁶. Уронить же его можно, лишь противоборствуя правительственной машине, стремящейся сокрушить, подавить революцию.

Историкам, обращающимся к прошедшим победоносным революциям, отчетливо видна обреченность тех, против кого революции были направлены. А современники — участники и очевидцы событий отнюдь не были так прозорливы. Сохранилось немало свидетельств, живо передающих напряженный драматизм революционных дней, подлинные переживания тех, кто по разным причинам оказался в антиправительственном лагере.

В исторической литературе развертывание сил Февральской революции изучено достаточно полно⁷. Напомним лишь, что революция не явилась неудержимо разгулявшейся стихией, как еще недавно почти единогласно утверждали буржуазные авторы⁸. Февральская революция постепенно готовилась

⁴ Подробнее об этом см.: *Иоффе Г. З.* Февральская революция в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970, с. 94—112. Отметим, что некоторые зарубежные авторы пересматривают это положение. См., например: *Wildman A.* The February Revolution and the Russian Army.— «Soviet Studies», 1970, vol. XXI, № 1, p. 3.

⁵ «Воля России» (Прага), 1927, № 3, с. 89.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

⁷ Миц И. И. История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. М., 1967, 1970; Черменский Е. Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959; Лейберов И. П. Петроградский пролетариат в борьбе за победу Февральской буржуазно-демократической революции в России.— «История СССР», 1957, № 1, с. 41—73.

⁸ Подробнее см.: *Иоффе Г. З.* Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии, с. 165—211. Следует отметить, что в новейших работах, выходящих на Западе, тезис о «тотальной стихийности» Февральской революции уже не находит полной поддержки. Так, например, П. Дьюкс соглашается с тем, что февральские выступления рабочих явились «результатом многих лет пропаганды и политического воспитания» и что главным образом рядовые партийные работники, «несомненно, играли энергичную роль в организации различных групп демонстрантов» (*Dukes P.* A History of Russia. Medieval, Modern, Contemporary. London, 1974, p. 209).

всей предшествующей историей: классовыми битвами первой русской буржуазно-демократической революции, уроками столыпинской реакции, жесточайшими тяготами первой мировой войны. Большевистская партия в тяжелых условиях преследований и репрессий вела неустанную, кропотливую работу в массах, готовя их к решительному штурму царизма. В. И. Ленин позднее говорил: «Мы в своей стране, где пережили две революции, знаем и видим, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать. Можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент, по какому поводу, сказать нельзя»⁹. Еще в период первой русской революции В. И. Ленин писал, что ситуация в России такова, что царизм может рухнуть «сразу, от одного удара, ибо «народная революция» в России нанесла уже царизму сотню ударов, и добьет ли его сто первый или сто десятый удар, это неизвестно»¹⁰.

В ходе Февральской революции ситуация складывалась таким образом, что царские власти никак не могли хотя бы на некоторое время как-то стабилизировать обстановку. Они не успевали реагировать на стремительное развитие событий, что усугублялось и их рассредоточенностью по трем центрам.

Совет министров, военные и полицейские власти Петрограда и Петроградского военного округа располагались в столице. Императрица, которая с осени 1915 г. довольно активно вмешивалась в дела государственного управления, находилась в Царском Селе, в нескольких десятках километров от Петрограда. Наконец, сам император и верховный главнокомандующий Николай II за день до начала революции, 22 февраля, уехал в Ставку, в Могилев. Впоследствии некоторые белоэмигрантские мемуаристы и историки, обращаясь к событиям Февраля 1917 г., увидят в совпадении этих двух дат некую загадочную связь, чей-то тайный заговор против царя¹¹. Но подобного рода утверждения являлись лишь позднейшим отражением напряженной обстановки, тревожных слухов и толков о заговорах в Петрограде в канун Февральской революции¹² и после ее победы, по мнению побежденных, казалось бы, подтвердившихся.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 458; подробнее см.: Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М., 1971.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 259.

¹¹ Dehn L. The Real Tsaritsa. London, 1922, p. 139; Buxhoevden S. The Life and Tragedy of Alexandra Feodorovna, Empress of Russia. London — New York, 1929, p. 246.

¹² См., например: Каррик В. Дневник. — «Голос минувшего», 1918, № 7-9, с. 57.

Первыми с выступлениями петроградского пролетариата столкнулись царские власти столицы (ключевой фигурой здесь был командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов). Показания некоторых из ее представителей, дававшиеся после революции в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, а также многочисленные воспоминания, появившиеся в годы эмиграции, создают двойственное, противоречивое впечатление о реакции правительственной верхушки на стремительно разворачивавшиеся события. С одной стороны, совершенно очевидно, что были предприняты лихорадочные усилия для подавления начавшихся забастовок и демонстраций, а затем и восстания солдат гарнизона: с разгона народа полицией, пехотой и конницей и до приказа стрелять в людей после трехкратных предупредительных выстрелов. Последняя мера применялась по непосредственному указанию царя («царь велел: стрелять надо»¹³, говорил впоследствии Хабалов на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии) и с одобрения Совета министров, который, по словам того же Хабалова, пришел к выводу, что «остается подавлять беспорядок силой оружия»¹⁴. С другой стороны, нельзя отрицать того, что мощный и неудержимый размах революции поверг представителей власти в состояние определенной растерянности.

Вчерашние сановники и генералы называли то одного, то другого «виновного», растерявшегося, не сумевшего справиться со своими обязанностями. Военный министр генерал М. А. Беляев обвинит генерала Хабалова¹⁵, градоначальник А. П. Балк возложит ответственность на Беляева¹⁶, дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков будет упрекать министра внутренних дел А. Д. Протопопова¹⁷ и т. д. и т. п. А монархический историк Февральской революции, бывший жандармский генерал А. И. Спиридович обвинит всех разом. «Высшая военная власть, — напишет он много лет спустя, — растерялась в этот день (27 февраля. — Г. И.) не меньше гражданской и также не сумела найти правильную линию поведения, чем и помогла успеху революции»¹⁸.

В этих бесконечных горьких упреках и сетованиях явно звучат ноты самооправдания людей, крепких «задним умом». Ведь никто иной, как тот же генерал Спиридович, по воспоминаниям

¹³ Падение царского режима, т. 1. Л., 1924, с. 190.

¹⁴ Там же, с. 194.

¹⁵ Падение царского режима, т. 2. Л., 1925, с. 239 (допрос М. А. Беляева).

¹⁶ «Новое время» (Белград), 1922, 1 августа.

¹⁷ Воейков В. Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936, с. 193.

¹⁸ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917, т. 3. Нью-Йорк, 1962, с. 137.

Воейкова, днем 26 февраля сообщал в Ставку, что «выступление (т. е. революция.— *Г. И.*) будет ликвидировано в ближайшие дни»¹⁹. Таким образом, в дни революции он оценивал обстановку точно так же, как и «растерявшиеся» власти, вплоть до 27 февраля докладывавшие царю, что они справятся с положением.

Тем не менее растерянность перед лицом молниеносно развертывавшихся революционных событий все же была. Полковник лейб-гвардии Преображенского полка А. П. Кутепов, в дни революции находившийся в Петрограде на отдыхе и срочно вызванный в градоначальство, наблюдал там следующую картину: «Все они (т. е. члены градоначальства.— *Г. И.*) были сильно растеряны и расстроены. Я заметил, что у генерала Хабалова во время разговора дрожала нижняя челюсть»²⁰.

Post factum многие белоэмигранты станут утверждать, что, если бы в Петрограде оказался какой-либо «прочный» генерал или офицер, он сумел бы «железной рукой» подавить революцию. Монархический историк Февральской революции И. Якобий глубокомысленно рассуждал: «Да, решительный начальник, батальон верных солдат, быстрота действий, и судьба России — да и всего мира — была бы иная»²¹.

Если даже согласиться с такой «философией», то вряд ли можно объяснить факт концентрации «слабохарактерных» генералов и высших чиновников случайным стечением обстоятельств. Не вернее ли допустить, что он являлся следствием общего состояния самодержавного государственного аппарата, отличительными чертами которого являлись безынициативность, нежелание взять на себя ответственность без приказаний «сверху», от вышестоящего начальства? Понятно, что эта черта резко усилилась при чрезвычайных обстоятельствах, какими, конечно, были февральские события.

Однако утверждение о «тотальной» бездеятельности и нерешительности петроградских властей в дни Февральской революции все же не верно. Можно вспомнить хотя бы эпизод с карательным отрядом уже упоминавшегося полковника Кутепова. Вся биография Кутепова не оставляет ни малейшего сомнения в его боевой «прочности». Фронтовик, корниловец, в годы гражданской войны он зарекомендовал себя одним из беспощадных белогвардейских военачальников, сеявших вокруг огонь и смерть. После бегства врангелевской армии из Крыма Кутепов установил драконовские порядки, которыми поддерживал «боевой дух» среди белогвардейцев Галлиполийского лагеря. На протяжении 20-х годов, будучи одним из заправил монархического Российского общевосточного союза (РОВС) и главарем его боевой организации, Кутепов вел не-

¹⁹ Воейков В. Н. С царем и без царя, с. 198.

²⁰ Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934, с. 161.

²¹ Якобий И. Император Николай II и революция. Париж, 1938, с. 171.

примиримую борьбу против Советской страны, используя методы шпионажа, провокаций и террора.

Словом, у этого человека «челюсть не дрожала». И когда утром 27 февраля генерал Хабалов принял решение сформировать ударный карательный отряд, во главе он поставил Кутепова, по его аттестации, «храброго и решительного офицера»²². Кутепову было приказано потребовать от восставших сложить оружие, «а если не положат, то, конечно, самым решительным образом действовать против них»²³.

Сам Кутепов заявил, что он не остановится перед расстрелом восставших рабочих и солдат. Его отряд насчитывал более 1000 человек пехоты и кавалеристов, имевших на вооружении 12 пулеметов²⁴. Предполагалось также сформировать резервный отряд под командованием полковника князя Аргутинского-Долгорукова и часть его направить в поддержку Кутепова²⁵.

Это была серьезная сила, в руках решительного боевого командира способная нанести тяжелый удар по невооруженным рабочим и оставшимся без офицеров солдатам Петроградского гарнизона. Даже после революции, рассказывая Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о движении и действиях отряда Кутепова, Хабалов никак не мог понять, почему же этого не произошло. «Тут начинается твориться в этот день нечто невозможное!...— с нескрываемым удивлением говорил он.— А именно: отряд двинут,— двинут с храбрым офицером, решительным. Но как-то ушел, и результатов нет... Что-нибудь должно быть одно: если он действует решительно, то должен был бы столкнуться с этой наэлектризованной толпой: организованные войска должны были разбить эту толпу и загнать эту толпу в угол к Неве, к Таврическому саду. А тут: ни да, ни нет!»²⁶

Что же случилось с отрядом Кутепова? Он начал действовать весьма энергично, расстреливая восставших на Литейном проспекте, на Сергеевской улице, в районе Орудийного завода и в других местах. Но все было тщетно. Огромный район, где действовал отряд Кутепова, был буквально затоплен народом, в колышущейся массе которого «тонули» кутеповские каратели. «Когда я вышел на улицу,— вспоминал Кутепов,— было уже темно и весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая хлынула со всех переулков... Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может. Я вошел в дом, приказав закрыть двери»²⁷.

²² Падение царского режима, т. 1, с. 198.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 214.

²⁵ Там же, с. 200.

²⁶ Там же, с. 198—199.

²⁷ Генерал Кутепов, с. 169.

Точно так же заканчивались и все другие попытки властей погасить революционный пламя²⁸. Им оставалось одно: перейти к обороне в ожидании подхода карательных войск с фронта. В центральный пункт обороны было превращено Адмиралтейство, куда стянули отдельные, еще остававшиеся верными царизму подразделения Петроградского гарнизона. Командование убеждало их, что в самый кратчайший срок подойдут фронтные части и расстреляют взбунтовавшиеся запасные батальоны и рабочие демонстрации. Это не было какой-либо уловкой последних защитников царизма, отчаявшихся, но решивших «красиво» умереть у «подножия трона». Их вера, что царь, находившийся в Ставке, вот-вот сокрушит революционный Петроград, была вполне искренней; сомнений на этот счет у них, по-видимому, не возникало, ибо, проиграв к концу 27 февраля в Петрограде, контрреволюция еще не проиграла в двух других своих центрах: в Царском Селе, где находилась императрица, и, самое главное, в Ставке.

В Царском Селе

Гарнизон Царского Села состоял главным образом из гвардейских частей, среди которых были «собственные их величеств» полки, несшие охрану императорской фамилии. Большинство офицеров были выходцами из дворянских и аристократических семей. Все это в немалой степени привело к тому, что царско-сельский гарнизон в целом оставался на выжидательных позициях даже после того, как Петроградский гарнизон перешел на сторону революции. 1 марта, когда думские депутаты И. П. Демидов и В. А. Степанов по поручению Милюкова приехали в Царское Село для выяснения обстановки (в Петрограде ходили слухи, что царско-сельские полки готовятся к походу на революционный Петроград), внешне здесь было все спокойно. «В городе тихо,— писал впоследствии Демидов,— улицы почти пусты. После Петрограда, кипевшего, как в котле, это было странно»²⁹. Депутаты объехали казармы. Их встречали приветственными возгласами, но дисциплина и подчинение офицерам еще почти полностью сохранились.

Такая обстановка не внушала императрице серьезных опасений, и лишь сообщения, поступающие из Петрограда, все

²⁸ См.: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 199. После победы революции Чрезвычайная следственная комиссия упорно пыталась обнаружить пулеметы, которые по многочисленным показаниям обстреливали восставших с крыш городских зданий. Следствие не пришло к каким-либо результатам, но в бумагах комиссии сохранились анонимки такого рода: «Романовские пулеметы еще не раз сослужат свою службу. Часть их находится в надежных руках» (ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 470, л. 1).

²⁹ *Демидов И.* Царское Село 1 марта 1917 г.— «Последние новости» (Париж), 1927, 12 марта.

больше и больше тревожили ее. Но и они не могли поколебать ее убежденности в том, что царь должен по-прежнему проводить жесткий твердый курс, решительно отменяя все разговоры об уступках, реформах и т. п.

Еще 22 февраля, когда Николай II уезжал в Могилев, Александра Федоровна оставила в его купе запечатанное письмо. Когда Николай уже в дороге вскрыл конверт, он вновь прочитал то, о чем слышал от своей супруги много раз. «Только, дорогой,— писала Александра Федоровна,— будь тверд, покажи властную руку, вот что пужно русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту,— дай им теперь почувствовать порой твой кулак. Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: «нам нужен кнут!..» Они еще боятся тебя и должны бояться еще больше, так что, где бы ты ни был, их должен охватывать все тот же трепет...»³⁰

Письма императрицы, отправленные Николаю II в Ставку в период с 24 февраля (в этот день она первый раз упомянула о «беспорядках» в столице) до отречения царя от престола, а также многочисленные воспоминания показывают, что эта ее подпись была не просто напыщенной фразой. Оказавшись изолированной в Александровском дворце и получая из Петрограда все более и более устрашающие сведения о нарастании революционного движения, Александра Федоровна не потеряла головы.

Комендант Александровского дворца генерал Гроттен, встретившись с приехавшими думскими депутатами Демидовым и Степановым, получил от них заверение, что нападения на дворец не произойдет, если сама охрана не спровоцирует его³¹. Тем не менее были предприняты меры обороны. В подвале Александровского дворца разместили солдат, вокруг выставили часовых. Несколько раз императрица спускалась в подвал, обходила солдат, подбадривая их и упрасывая не начинать стрельбу³². «Мы все держимся по-прежнему,— писала она в Ставку.—...Вечером я с Марией делаю свой обход по подвалам, чтобы повидать всех наших — это очень ободряет»³³. Все мысли и усилия царицы были направлены на то, чтобы укрепить дух царя, который, по ее мнению, по слабости характера мог поддаться давлению думских лидеров и пойти на какие-либо «конституционные» уступки³⁴. Сама она решительно отвергла «конституционный манифест» великого князя Павла Александровича. Он был составлен 1 марта и представлял собой отчаянную попытку некото-

³⁰ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5. М.—Л., 1927, с. 209.

³¹ Демидов И. Царское Село 1 марта 1917 г.— «Последние новости» (Париж), 1927, 12 марта.

³² Оалер. В Царскосельском дворце в дни революции.— «Сегодня» (Рига), 1923, 16 июля.

³³ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 227.

³⁴ Там же.

рых великих князей, действовавших совместно с Родзянко, спасти монархию обещанием введения конституционного строя.

В интервью, опубликованном 11 марта 1917 г. в «Русской воле», Павел Александрович утверждал, что Александра Федоровна одобрила текст его манифеста. Но это явно не соответствует действительности. Александра Федоровна решительно отказалась подписать его и 2 марта писала Николаю: «Павел, получивший от меня страшнейшую головоломку за то, что ничего не делал с гвардией, старается теперь работать изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно конституции после войны...»³⁵ Больше походит на правду другое сообщение Павла Александровича, из которого следует, что Александра Федоровна 28 февраля приказывала ему ехать на фронт, чтобы привести «преданных людей» и во что бы то ни стало «спасти трон»³⁶.

Когда в ночь с 1 на 2 марта генерал Н. И. Иванов с Георгиевским батальоном наконец добрался до Царского Села (войска, посланные с Северного и Западного фронтов еще не подошли) и встретился с царицей, она, по свидетельству великого князя Николая Михайловича, «уверяла генерала, что энергичными действиями он легко может восстановить порядок в Петрограде»³⁷. Все свои надежды, таким образом, Александра Федоровна связывала с карательными войсками, которые, как она знала, царь уже отправил на Петроград. Сообщая Николаю II о событиях в Петрограде, царица успокаивала его, убеждая, что теперь «не похоже на 5-й [год], потому что все обожают тебя (т. е. Николая. — Г. И.) и только хотят хлеба»³⁸.

В сложном переплетении решений и поступков тех, кто так или иначе мог влиять на ход событий, позиция императрицы, независимо от ее объективной несостоятельности, могла стать существенным фактором.

В белоэмигрантской мемуаристике (в том числе и монархической) много сказано о мощном влиянии больной, мистически настроенной императрицы на Николая II. Нередко речь даже идет о его полном подчинении супруге³⁹.

Возможно, что свидетельства такого рода преувеличены, поскольку известны факты, когда Николай II не уступал просьбам или настояниям Александры Федоровны⁴⁰. Так или иначе, но волевое превосходство царицы над своим супругом явля-

³⁵ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 227.

³⁶ «Русская воля» (Петроград), 1917, 11 марта.

³⁷ Записки Н. М. Романова. — «Красный архив», 1931, т. 6 (49), с. 109.

³⁸ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 221.

³⁹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота, т. 1. Нью-Йорк, 1954, с. 58.

⁴⁰ См.: Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927, с. 23—24.

лось, по-видимому, фактом. Управляющий департаментом полиции генерал В. Ф. Джунковский показывал в Чрезвычайной следственной комиссии, что императрица «не допускала никаких препон на своем пути»⁴¹.

Особенно сильно влияние императрицы на царя и на некоторые важные стороны государственного управления стало проявляться с конца лета 1915 г. В это время при поддержке Распутина она удачно провела «кампанию» против великого князя Николая Николаевича и начальника военно-походной канцелярии царя князя В. Орлова, подозревавшихся ею в заговоре против Николая II. Николай Николаевич был смещен с поста главкома; на его место царь назначил себя. Это окрылило императрицу. После отъезда Николая II на фронт она стала рассматривать себя чуть ли не его наместницей в тылу. Николай покорно согласился с ролью, присвоенной себе императрицей⁴².

Можно полагать, что оппозиционеры, мечтавшие об изменении политического курса и «либерализации» царизма, всегда учитывали главенствующую роль Александры Федоровны во взаимоотношениях с царем. Во всяком случае в их весьма туманных планах дворцового переворота ставился вопрос об изоляции императора от его жены.

Если болезненная подозрительность Александры Федоровны привела ее к необоснованному убеждению в существовании «заговора Николая Николаевича — В. Орлова» против Николая II, то в отношении себя она, по-видимому, ошибалась мало. По свидетельству близкого к Николаю Николаевичу Г. Шавельского, в Ставке, в Барановичах, действительно шла речь о заточении императрицы в монастырь, чтобы парализовать ее влияние на императора⁴³. О том же со слов придворного историографа Д. Н. Дубенского пишет генерал Спиридович⁴⁴.

Эта же мысль руководила и заговорщиками, убившими зимой 1916 г. Распутина. Ф. Юсупов говорил В. А. Маклакову, что он и его друзья (В. М. Пуришкевич и др.) рассчитывали на то, что смерть Распутина приведет к «окончательному нервному расстройству императрицы и устранению ее от дел как

⁴¹ Падение царского режима, т. 5. Л., 1926, с. 166.

⁴² См.: Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 60. В одном из своих выступлений в Париже (1936 г.) Керенский утверждал, что существовал даже некий «тайный указ» 1916 г., по которому Александра Федоровна при определенных обстоятельствах могла стать регентшей («Последние новости» (Париж), 1936, 28 февраля). Керенский выдавал этот указ как результат влияния Распутина, которое, по всей вероятности, гипертрофировалось в кадетской литературе.

⁴³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота, т. 1, с. 190—191, 294, 318 и др.

⁴⁴ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917, т. 1. Нью-Йорк, 1960, с. 161.

душевнобольной»⁴⁵. Да и позднее, в январе-феврале 1917 г., во всех платонических проектах государственного переворота довольно определенно ставился вопрос о насильственной изоляции Александры Федоровны хотя бы на время переворота⁴⁶. И не исключено, что в какой-то степени эта идея неосуществленных проектов дворцовых заговоров направляла действия некоторых сторонников Временного комитета Государственной думы, следивших за движением царского поезда, вышедшего на рассвете 28 февраля из Могилева в Царское Село.

Императрица во всяком случае была убеждена в этом. «Ясно,— писала она Николаю 2 марта,— что они не хотят допустить тебя увидеться со мною прежде, чем ты подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде»⁴⁷.

Пройдет год, отшумят бури Февральской революции, арестованные Романовы окажутся в далеком Тобольске, а Александра Федоровна будет упрямо считать, что если бы в критические дни Февраля 1917 г. Николай II оказался рядом с ней, отречения не последовало бы. Когда чрезвычайный комиссар В. В. Яковлев по распоряжению Советского правительства сообщил Николаю Романову о предстоящем переезде из Тобольска на Урал, бывшая императрица решительно заявила, что поедет вместе с мужем, чтобы не дать ему подписать какую-нибудь бумагу, «как это было во время отречения в Пскове»⁴⁸. Некоторые монархисты впоследствии также уверяли, что, «если бы император и императрица были в те дни вместе, можно было бы определенно утверждать, что император бы не отрекся»⁴⁹.

Конечно, эти наивные расчеты, сделанные задним числом людьми, искавшими хоть какое-то оправдание своему полному и бесславному разгрому, в наши дни выглядят наивно: главной силой, определившей отречение царя, были революционные рабочие и солдаты, свергнувшие царизм. Но этот очевидный факт не исключает, что в драматической обстановке первых мартовских дней 1917 г. властное давление императрицы могло бы затормозить принятие царем решения об отречении и тем в определенной мере повлиять на ход Февральской революции.

⁴⁵ Маклаков В. А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова.— «Современные записки» (Париж), 1928, № 34, с. 265.

⁴⁶ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967, с. 300, 302.

⁴⁷ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 227.

⁴⁸ Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921, с. 102.

⁴⁹ Botkin G. The Real Romanovs. New York — London, 1932, p. 146.

Мы оставили императора Николая II в купе его литерного поезда за чтением письма Александры Федоровны, в котором она призывала царя быть твердым, показать «властную руку», заставить «трепетать» оппозицию.

Между тем царский поезд, как вспоминал позднее придворный историограф генерал Дубенский, шел «совершенно обычным порядком; всюду было спокойно: в городах царские поезда встречались местным начальством. Станции были пустынные... Только в Ржеве, Вязьме и Смоленске народу было больше, и он приветливо встречал царя, снимал шапки, кланялся, кричал «ура»»⁵⁰. Все было обыденным, уже давно ставшим привычным.

В Могилеве на станции царь, как всегда, был встречен начальником штаба генералом М. В. Алексеевым. Автомобили быстро доставили прибывших в губернаторский дом, где находилась Ставка. Поздно вечером Дубенский вышел прогуляться. У подъезда в дубленых «романовских» полушубках стояли часовые Георгиевского батальона, а в садике, между дворцом и управлением дежурного генерала, дежурила дворцовая полиция; на крыше дома генерал-квартирмейстера ясно виднелись пулеметы в чехлах, установленные на случай налета неприятельских аэропланов, а около них фигуры часовых в папахах и постовых шинелях. «Тихий мягкий снег спускался с неба,—умиротворенно вспоминал Дубенский,—начиналась оттепель»⁵¹.

Невозмутим был и царь. Перед тем как отойти ко сну, он писал Александре Федоровне: «Ты пишешь о том, что бы быть твердым повелителем, это совершенно верно. Будь уверена, я не забываю, но вовсе не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место»⁵². Какая безмятежная уверенность звучит в этих словах: достаточно резкого замечания или ответа — и все станет на свое место! Небольшого роста человек с невыразительным лицом, одетый в полевую офицерскую форму, прочно чувствовал себя властелином огромной монархии, уже ощутившей первые толчки революционного взрыва, который через несколько дней сокрушит ее навсегда. Но это будет через несколько дней, а пока царь писал: «Здесь в доме так спокойно, ни шума, ни возбужденных криков»⁵³.

⁵⁰ Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России.— В кн.: Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927, с. 32.

⁵¹ Там же, с. 33.

⁵² Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 213.

⁵³ Там же, с. 212.

В исторической литературе встречается утверждение, что ограниченный и безвольный Николай II ничего не понял в случившемся, отнесся к нему чуть ли не с идиотской безучастностью. Но если проследить действия Николая II в Ставке с момента получения им первых сообщений о революционных выступлениях в Петрограде до отъезда ранним утром 28 февраля в Царское Село, выявляется довольно четкая определенность его позиции.

Первые сообщения о «беспорядках» в столице стали поступать в Ставку уже 24—25 февраля. Но они не носили тревожного характера. Генерал Хабалов, военный министр генерал Беляев и министр внутренних дел А. Д. Протопопов доносили, что успешно справляются с положением. Тем не менее вечером 25 февраля, как мы уже знаем, Николай II дал Хабалову директиву: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Императрице в Царское Село он писал: «Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын (премьер-министр.— Г. И.) не потерял голову!»⁵⁴

26 февраля не изменило характера информации, шедшей по официальным каналам из Петрограда и частным порядком из Царского Села. Но уже к полудню 27 февраля она стала приобретать иное содержание. Прежде всего царю были доложены две телеграммы председателя Государственной думы М. В. Родзянко. В первой из них Родзянко сообщил об угрожающем разmere начавшихся в Петрограде волнений, отмечал, что власть «находится в полном параличе» (26-го этого еще не было), и в качестве выхода указывал на «безотлагательное призвание лица, которому может всрить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения... Промедление,— телеграфировал Родзянко,— смерти подобно»⁵⁵.

Таким образом, в первой телеграмме Родзянко по существу выдвигал требование Прогрессивного блока, настаивавшего на создании министерства доверия⁵⁶. Вторая телеграмма также содержала просьбу «призвать новую власть на началах, доложенных... во вчерашней телеграмме»⁵⁷.

⁵⁴ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 224.

⁵⁵ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки...— «Красный архив», 1927, № 2 (21), с. 6.

⁵⁶ Миллюков разъяснял, что не видит принципиальной разницы между министерством доверия и ответственным министерством. «Пусть мы получим такое министерство (доверия.— Г. И.), и оно силой вещей скоро превратится в ответственное, парламентское министерство» (ЦГАОР, ф. 1001 (А. Мосолова), оп. 1, д. 120 (Записка о заседаниях съездов Общеземского и Общегородского союзов в Москве 12—14 марта 1916 г.), л. 13).

⁵⁷ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки...— «Красный архив», 1927, № 2 (21), с. 6.

Примерно к полудню 27 февраля в Ставке имела официальная информация о начавшихся волнениях в Петроградском гарнизоне, но она носила противоречивый характер. Если генерал Хабалов уже просил «прислать немедленно надежные части с фронта»⁵⁸, то военный министр часом позже выражал уверенность «в скором наступлении спокойствия, для достижения которого принимаются беспощадные меры»⁵⁹. Вся информация, которую Николай к середине 27 февраля получил от императрицы из Царского Села, была отрывочна и не очень вразумительна, но в общем ближе к оптимистическим реляциям Беляева, чем к встревоженным донесениям Хабалова. И царь выжидал.

А новая информация продолжала поступать. Из материалов, приведенных поэтом А. Блоком (он работал в Чрезвычайной следственной комиссии), следует, что в 6 часов вечера 27 февраля председатель Совета министров Н. Д. Голицын направил в Ставку телеграмму, в которой сообщал, что правительство не может справиться с положением, просил распустить его и поручить лицу, пользующемуся большим доверием, составить новое министерство⁶⁰. Примерно в это же время в Ставку пришла телеграмма генерала Беляева. Он доносил, что «погасить мятеж» ему не удастся и просил о присылке «действительно надежных частей».

К концу дня 27 февраля некоторые министры и Родзянко предприняли попытку оказать на царя давление через брата, великого князя Михаила Александровича, срочно вызванного из Гатчины в Петроград. Ему, как впоследствии рассказывал Родзянко, внушали, что «брат (Николай II.— Г. И.) летит в пропасть, если не даст возможность завтра объявить в Государственной думе об ответственном министерстве и о высылке Александры Федоровны в Ливадию»⁶¹. Михаил связался с генералом Алексеевым и просил передать царю, что необходимо поручить лицу, «облеченному доверием» императора и одновременно «пользующемуся уважением в широких слоях», сформировать правительство, «ответственное единственно перед Вашим императорским величеством». В качестве такого лица Михаил называл одного из лидеров оппозиции — князя Г. Е. Львова⁶². Просьба Михаила Александровича была, как видно, сформулирована в более неопределенных выражениях, чем советы Родзянко и даже премьер-министра Голицына, в которых речь шла о создании министерства доверия или ответственного министерства.

⁵⁸ Там же, с. 8.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921, с. 74.

⁶¹ Цит. по кн.: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде, с. 234.

⁶² Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 12.

К исходу 27 февраля обстановка начала приобретать некоторую определенность. Во всяком случае перед Николаем II теперь стояла альтернатива: либо поступить в соответствии с рекомендациями Родзянко, Голицына и Михаила Александровича, т. е. пойти на уступки в духе программы Прогрессивного блока, либо действовать сообразно просьбам военного министра Беляева и генерала Хабалова, т. е. направить в Петроград карательные войска с фронта и подавить революцию силой. Это была ситуация, напоминавшая октябрьские дни 1905 г., когда Николай также оказался перед дилеммой, о которой писал своей матери: «Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу. Другой путь — предоставление гражданских прав населению: свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, проводить всякий законопроект через Государственную думу — это в сущности и есть конституция»⁶³.

Тогда после долгих, мучительных колебаний, под давлением С. Ю. Витте царь «перекрестился» и решил «дать то, что все просят», т. е. избрал второй путь. Он, убежденный ревнитель «самодержавного принципа», совершил над собой насилие, так как все уверяли его, что лишь на этом пути произойдет «успокоение» в стране и укрепление трона. Но уже очень скоро стало ясно, что ничего подобного не произошло. П. Н. Милюков позднее писал, что в результате у Николая II укрепилась мысль что «у него насилием и обманом вырвали согласие на нарушение собственных прав и что согласие это рано или поздно должно быть взято назад, а не расширено в направлении дальнейшего ограничения самодержавной власти»⁶⁴.

В телеграммах Родзянко царь, по всей вероятности, мог увидеть новую попытку думских оппозиционеров использовать «беспорядки» в столице для дальнейшего наступления на самодержавие. К тому же Николай II вообще не верил председателю Думы. Близкий к царю генерал Спиридович пишет, что в канун революции Родзянко возомнил себя «каким-то сверхинспектором всего происходившего в России, бранил все и вся, кричал на всех и вся, обвинял всех и вся, всем докладывал»⁶⁵. Это привело к тому, что на него «перестали смотреть серьезно, и когда позже он действительно говорил дельные вещи (при начале революции), ему вообще уже не верили, как болтуну»⁶⁶.

Просьбам же Голицына и Михаила Александровича царь тем более не придавал особого значения, полагая, что старый Го-

⁶³ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.). — «Красный архив», 1927, т. 3 (22), с. 167, 168.

⁶⁴ Милюков П. Н. Россия на переломе, т. 1. Париж, 1926, с. 26.

⁶⁵ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917, т. 1, с. 151—152.

⁶⁶ Там же.

лиции все же «потерял голову», а совершенно безвольный Михаил заплясал под дудку Родзянко. По сообщению генерал-квартирмейстера Ставки А. С. Лукомского, начальник штаба генерал Алексеев рекомендовал внять просьбам Голицына и Михаила Александровича, но не добился успеха⁶⁷. Николай II избрал второй путь: путь вооруженной борьбы с революцией.

Через Алексеева Михаилу Александровичу было передано, что «все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе (Совета министров. — Г. И.), его императорское величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село»⁶⁸. В таком ответе можно усмотреть слабую попытку тактического маневра: царь не отвергал с порога возможность правительственных перемен, давая, по-видимому, понять, что переговоры о них не исключены после его приезда. Это мог быть расчет на оппозицию, с которой был связан Михаил Александрович. Но ответ председателю Совета министров Голицыну не оставлял никаких сомнений в подлинных намерениях царя. «Относительно перемен в личном составе, — телеграфировал Николай Голицыну, — при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми»⁶⁹. Снова, как пишет Лукомский, Алексеев пошел к царю «умолять изменить решение», но, вернувшись, сказал, «что государь решения не меняет»⁷⁰.

Но жребий был брошен двумя-тремя часами раньше, когда после телеграммы Беляева о присылке войск царь между 9 и 10 часами вечера приказал назначить генерал-адъютанта Н. И. Иванова главнокомандующим Петроградским военным округом «с чрезвычайными полномочиями». В сопровождении Георгиевского батальона Иванов должен был выехать в Царское Село, куда одновременно с Северного и Западного фронтов распоряжением Ставки направлялись по два пехотных, по два кавалерийских полка и по одной пулеметной команде Кольта. 28 февраля утром Алексеев дополнительно телеграфировал и на Юго-Западный фронт о подготовке к отправке на Петроград еще трех полков⁷¹. Таким образом, в распоряжение генерала Иванова поступала довольно крупная войсковая группа, которой ставилась задача нанести удар по революционному Петрограду. Именно так смотрел на поход Иванова сам царь. Днем 28 февраля, уже находясь в пути из Могилева в Царское Село, он записал в дневнике: «Лег спать в 3¼, т. к. долго разговаривал с Н. И. Ивановым, которого посылаю водворить порядок»⁷². И в это же время телеграфировал импе-

⁶⁷ Лукомский А. Из воспоминаний. — В кн.: Февральская революция. Мемуары. Сост. С. А. Алексеев. М. — Л., 1925, с. 208, 209.

⁶⁸ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... — «Красный архив» 1927, т. 2 (21), с. 12.

⁶⁹ Там же, с. 13.

⁷⁰ Лукомский А. Из воспоминаний, с. 209.

⁷¹ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 24.

⁷² Дневник Николая Романова. — «Красный архив», 1927, т. 1 (20), с. 136.

ратрице из Вязьмы: «Надеюсь, вы себя хорошо чувствуете и спокойны. Много войск послано с фронта...»⁷³

Потом, когда план разгрома революционного Петрограда рухнет, когда Февральская революция уже победит, генерал Иванов и его помощник по «гражданской части» А. А. Лодыженский станут доказывать, что его «поездка» в Царское Село «отнюдь не преследовала каких-либо карательных целей»⁷⁴. Комиссия Временного правительства, расследовавшая «дело Иванова», также охотно придет к заключению, что генерал Иванов «ставил своей задачей успокоение населения не путем вооруженного насилия, а путем обеспечения столицы продовольствием и ее заводов углем»⁷⁵. Впоследствии эта версия перекочевала в мемуары белоэмигрантов, а отсюда в работы многих иностранных историков. Первые стремились доказать, что «экспедиция» Иванова была организована наспех, чуть ли не случайно, что сам Иванов был дряхлым старцем, менее всего способным осуществить возложенную на него задачу⁷⁶.

Что касается зарубежных авторов, то они мало интересуются историей карательной миссии Иванова. Немногие замечания, содержащиеся в их работах, сводятся обычно к утверждениям (как, например, у Б. Пэrsa), что у Иванова и в намерениях не было «атаковать столицу и войти в нее»⁷⁷. По словам Дж. Каткова, Иванов «рассчитывал, что прибытие небольшого количества дисциплинированных и лояльных войск произведет необходимый психологический эффект в столице и не нужно будет прибегать к большому кровопролитию или крупным военным операциям»⁷⁸.

Однако из документов Ставки, относящихся к организации похода генерала Иванова на Петроград, видно, с какой тщательностью он готовился. Каждому солдату Георгиевского батальона выдавалось по 120 патронов. В разговоре по прямому проводу с начальником штаба Северного фронта генералом Даниловым Алексеев требовал послать на Петроград части «из самых прочных, надежных» и поставить во главе их «прочных генералов», «надежных, распорядительных и смелых». При этом он давал Данилову подробнейшие указания о движении карательных частей (относительно их снабжения, связи и т. п.),

⁷³ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 225.

⁷⁴ Экспедиция ген. Иванова на Петроград.— «Красный архив», 1926, т. 4 (17), с. 229.

⁷⁵ ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 643, л. 92. См. также: Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде.— «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, с. 106—107.

⁷⁶ Записки Н. М. Романова.— «Красный архив», 1931, т. 6 (49), с. 208, 209; см. также: Генкина Э. Б. Февральский переворот.— В кн.: Очерки по истории Октябрьской революции, т. 2. М., 1927, с. 71.

⁷⁷ Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939, p. 457.

⁷⁸ Katkov G. Russia, 1917. The February Revolution. London, 1969, p. 412.

подчеркивая, что «обстоятельства требуют скорого прибытия войск»⁷⁹.

Генерал Данилов принял приказ к немедленному исполнению и уже через несколько часов сообщал в Ставку номера полков и фамилии «прочных генералов», которые поведут их на Петроград. Одновременно командующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский отдал приказ о принятии необходимых мер по обеспечению нормального движения по железным дорогам и пресечению возможных «беспорядков» в тыловых районах его фронта⁸⁰. Такой же приказ поздно вечером 27 февраля дал главнокомандующим всех фронтов генерал Алексеев. Затем последовали его распоряжения генералу А. Е. Эверту об отправке частей с Западного фронта и генералу А. А. Брусилову о подготовке четырех полков Юго-Западного фронта к движению на Петроград. Распоряжения выполнялись быстро и четко.

Днем 28 февраля генерал-квартирмейстер Ставки А. С. Лукомский распорядился, чтобы Западный фронт выделил специальные радиостанции для поддержания непрерывной связи с генералом Ивановым, Ставкой и штабом Северного фронта. В ночь на 1 марта в Ставку было сообщено, что приказ принят к исполнению⁸¹.

Телеграфируя вечером 28 февраля военному министру Беляеву об отправке войск с фронта, Алексеев сообщал ему, что головные части придут в Петроград на рассвете 1 марта, и добавлял: «если представится необходимость, то в Петроград будет отправлена одна из гвардейских кавалерийских дивизий, каковую приказано подготовить к посадке»⁸². Часом позже он предупредил генералов Рузского и Эверта, чтобы они были готовы отправить со своих фронтов «остальные полки и батареи 2-го и 15-го кавалерийских дивизий»⁸³.

Из сказанного видно, что царь, Ставка и штабы фронтов в течение 27 и 28 февраля не испытывали колебаний в намерении подавить революцию вооруженной силой, снятой с фронта, и готовили операцию против революционного Петрограда по всем правилам военного искусства.

Это, между прочим, признает даже такой горячий обличитель генералов-«изменников», как А. И. Спиридович. «До вечера 28 февраля,— пишет он,— Ставка разделяет взгляд государя, что восстание нужно подавить, и принимает соответствующие меры»⁸⁴. Ставка без колебаний пошла даже на час-

⁷⁹ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 10.

⁸⁰ Там же, с. 14.

⁸¹ Там же, с. 28—29.

⁸² Там же, с. 28.

⁸³ Там же, с. 29.

⁸⁴ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917, т. 3, с. 242.

тичное «оголение» фронта ради навсдения «порядка» в тылу. Флигель-адъютант А. А. Мордвинов писал, что он, как и многие другие, в эти дни и часы просто как-то забыл о немцах и был даже удивлен, когда один из приближенных царя напомнил ему о них.

В то время как Ставка торопливо переговаривалась со штабами фронтов и Петроградом о скорейшем продвижении эшелонов Иванова к пунктам их сосредоточения, самого царя уже не было в Могилеве. В час ночи с 27 на 28 февраля он со свитой перебрался в поезд. Паровоз уже находился под парами, но царь не давал приказа трогаться: в своем купе он принимал генерала Иванова, который готовился двинуться с Георгиевским батальоном в Царское Село по более короткому направлению — через Витебск. На нем остановились не случайно: литерные поезда царя не должны были вклиниваться в движение ивановских войск, часть которых уже погрузилась в эшелоны.

Царь долго беседовал с Ивановым с глазу на глаз, по-видимому давая ему окончательные директивы. О содержании их можно судить по документу, подписанному Алексеевым и дежурным генералом Ставки П. К. Кондзеровским. Из него следует, что Иванов наделялся правами «предания гражданских лиц военно-полевому суду». Особо разъяснялось, что распоряжения Иванова «о суждении гражданских лиц в военно-полевом суде могут быть делаемы как по отношению к отдельным делам, так и по отношению к целым категориям дел...»⁸⁵ Суть, выраженная этим косно-канцелярским языком, сводилась к тому, что Иванову давалось право расстреливать людей в неограниченном количестве.

Рано утром Иванов связался с генералом Хабаловым, который с небольшой горсткой войск еще отсиживался в Адмиралтействе, и получил от него общую сводку положения в городе. Она была безрадостной: революция в Петрограде победила. В 11 часов утра эшелон Иванова с сопровождавшими его тремя ротами Георгиевского батальона двинулся в путь. По железнодорожному графику поезд Николая II прибывал в Царское Село днем 1 марта. Несколькими часами раньше здесь уже должен был находиться генерал Иванов в ожидании направляемых с фронта частей.

Таким образом, разьединенный до сих пор штаб монархической контрреволюции был бы сконцентрирован в непосредственной близости от революционного Петрограда, в Царском Селе. Если бы это осуществилось, силы контрреволюции, несомненно, получили бы больший импульс. Но царь не доехал до Царского Села. И впоследствии монархические авторы оценят отъезд царя из Ставки как «непоправимую и роковую ошибку».

⁸⁵ Блок А. Последние дни императорской власти, с. 84—85.

ку». «Находясь в Ставке, — писал полковник В. М. Пронин, — государь при армии, под ее защитой. Отсюда можно организовать управление страной вместо ушедшего правительства, и тогда пусть бунтует Петроград. Задушить его, изолировать со всех сторон...»⁸⁶

Некоторые из мемуаристов после революции будут утверждать, что царя отговаривали от намерения уехать из Могилева, ссылаясь на опасность утери связи между ним, Ставкой и Царским Селом, а также возможность попасть в руки «мятежников»⁸⁷. Другие же, напротив, станут обвинять генералов-«изменников» (особенно Алексеева) в том, что они чуть ли не сознательно организовали отъезд царя из Могилева. Дворцовый комендант Воейков рассказал целую историю о «коварстве» Алексеева, узнавшем об отъезде царя. «Его хитрое лицо, — пишет Воейков, — приняло еще более хитрое выражение, и он с ехидной улыбкой слащавым голосом спросил меня: а как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь?» Это будто бы насторожило Воейкова, и он прямо просил Алексеева ответить на вопрос, считает ли он опасным отъезд царя. «Отчего же? — сказал Алексей, — пускай государь едет... ничего»⁸⁸.

Все это, конечно, позднейшие мемуарные «напластования», имеющие цель обвинить одних и оправдать других.

В день отъезда царя ни Алексей, ни Лукомский, ни кто-либо другой еще не мог знать, что обстановка будет такой, как она сложилась в действительности. Несмотря на всю тревожность информации, поступившей к вечеру 27 февраля из Петрограда, положение еще не представлялось таковым, что оно приведет к крушению монархии или даже отречению Николая II.

В литературных поездах

Еще не занялся морозный рассвет последнего февральского дня 1917 г. (было 5 часов утра), когда литературный поезд «А», в котором находился император, тихо отошел от могилевского вокзала. Часом раньше, как это и полагалось, ушел литературный поезд «Б» — свитский. Начался последний рейс императора Николая II, потому что через трое суток он уже возвращался в Ставку полковником Романовым. Потрясающая быстрота происшедшей перемены в исторических судьбах России и личной судьбе этого человека, вся обстановка, в которой она совершилась, наложили особую, драматическую окраску на этот эпизод Февральской революции. Английскому советологу Дж. Каткову

⁸⁶ Пронин В. М. Последние дни царской Ставки. Белград. 1929, с. 17.

⁸⁷ Лукомский А. Из воспоминаний, с. 209—210.

⁸⁸ Воейков В. Н. С царем и без царя, с. 201—202.

царский поезд, почти двое суток блуждавший по железнодорожным магистралям между Могилевом, Петроградом и Псковом, представлялся «призрачным поездом», «поездом-привидением». Но призрачным был не поезд, призраками уже были его пассажиры, призраками ушедшей в небытие, тонувшей самодержавной России.

Многим современникам и мемуаристам казалось, что блуждание царских поездов не было случайным, что оно направлялось чьей-то волей, чьей-то рукой. Как правило, эту руку усматривали во Временном комитете Государственной думы, люди которого будто бы предпринимали лихорадочные усилия, чтобы, с одной стороны, не пропустить царя в Царское Село, а с другой — заблокировать его возможное возвращение на фронт.

В действиях некоторых членов Временного комитета Государственной думы, получавшего подробные сведения о движении царского поезда, в какой-то мере прослеживается идея несущественных планов дворцового переворота, по одному из которых предполагалось захватить царский поезд в пути и вынудить царя к некоторым политическим уступкам. Но фактически подтвердить это нелегко.

А. Ф. Керенский, С. И. Шидловский и другие пишут, что думские деятели препятствовали продвижению царского поезда к Царскому Селу и на фронт⁸⁹. По другим свидетельствам (в том числе и Родзянко), они, напротив, делали все, что было можно, для свободного проезда Николая II⁹⁰. По воспоминаниям Ю. В. Ломоносова, помощника комиссара думского комитета в Министерстве транспорта, лидеры комитета в ответ на запросы о том, что делать с идущим царским поездом, давали неопределенные, даже противоречивые указания⁹¹. Советский исследователь истории Февральской революции Э. Н. Бурджалов отвергает все эти версии и пишет, что путь литерным поездам преградили «рядовые железнодорожники — сторонники революции, действовавшие по собственной инициативе»⁹².

Но так или иначе, а вышедшие на рассвете 28 февраля оба литерных поезда в течение всего дня вплоть до раннего утра 1 марта беспрепятственно двигались по своему маршруту согласно графику⁹³.

⁸⁹ Шидловский С. И. Воспоминания, ч. II. Берлин, 1923, с. 82; Kerensky A. F. Russia and History's Turning Point. New York, 1966, p. 212.

⁹⁰ В разговоре с генералом Рузским Родзянко говорил, что им «немедленно были приняты меры, чтобы путь для проезда его величества был свободен» («Красный архив», 1927, т. 2 (21), с. 55; см. также: Половцев П. А. Дни затмения. Париж, б. г., с. 16).

⁹¹ Ломоносов Ю. Воспоминания о Мартовской революции 1917 года. Стокгольм — Берлин, 1921, с. 30.

⁹² Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде, с. 340.

⁹³ Пронин В. М. Последние дни царской Ставки, с. 19—20.

Что же происходило в самих поездах, прежде всего в литере «А»? Прямая связь со Ставкой временно прекратилась вскоре после Орши⁹⁴, куда генерал Алексеев успел передать полученную им из Петрограда телеграмму группы членов Государственного совета, просивших царя о безотлагательном «даровании» министерства доверия⁹⁵. Затем, в течение всего 28 февраля, никакой дополнительной информации из Ставки и Петрограда не поступало. Сведения, которые получались на станциях от железнодорожных и жандармских офицеров, встречавших поезд, носили отрывочный и противоречивый характер. Окружающая обстановка особой тревоги не внушала. На некоторых станциях стоявшие здесь воинские эшелоны при проходе царского поезда выстраивали почетные караулы; раздавались звуки гимна, крики «ура». Все это лишь могло укрепить у царя убеждение, что «бунтуют» одни запасные в Петрограде, а вся Россия и особенно армия по-прежнему верны ему.

Около 9 часов вечера 28 февраля царский поезд прибыл в Лихославль. Именно с этого момента в литер «А» стали поступать по-настоящему тревожные сведения. Наибольшие опасения внушали две телеграммы: одна — комиссара Временного комитета Государственной думы Бубликова, разосланная по всей железнодорожной сети, другая — никому не известного поручика Грекова. В первой говорилось о том, что старая власть оказалась бессильной и Государственная дума «взяла в свои руки создание новой власти», во второй — содержалось требование неведомого Временного правительства повернуть оба литерных поезда не в Царское Село, а прямо в Петроград⁹⁶.

О содержании этих телеграмм сначала узнали в свитском поезде литер «Б». Потрясенные новостью, что в Петрограде уже действует новое правительство, от имени которого какой-то поручик берет на себя смелость руководить движением царских поездов, члены свиты взволнованно обсуждали положение. Было решено, чтобы Дубенский написал записку лейб-хирургу С. П. Федорову, находившемуся в поезде царя, со всеми этими сведениями и с советом доехать лишь до станции Бологое, а оттуда повернуть на Псков, в штаб Северного фронта.

Дубенский быстро написал на клочке бумаги: «Дорогой Сергей Петрович, дальше Тосны (отсюда нужно было поворачивать на ветку, идущую к Царскому Селу.— Г. И.) поезда не пойдут. По моему глубокому убеждению, надо его величеству из Бологого повернуть на Псков (350 верст) и там, опираясь на фронт Рузского, начать действовать против Петрограда. Там во Пскове скорее можно сделать распоряжение о составе отряда для отправки [на] Петроград...»⁹⁷ Эта записка пролива-

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 26.

⁹⁶ Там же, с. 33.

⁹⁷ Блок А. Последние дни императорской власти, с. 91.

ет подлинный свет на настроение, царившее в литературных поездках. Разговоры об ответственном министерстве, если они и велись, были лишь свитской болтовней, а главная надежда по-прежнему возлагалась на карателей (примечательно, что в своих позднейших мемуарах Дубенский свел содержание этой записки к невинному совету ехать в Псков, чтобы «определить создавшиеся обстоятельства и выяснить обстановку»⁹⁸). Один из офицеров свитского поезда вышел на ближайшей станции и стал дожидаться литер «А», чтобы вручить записку Федорову. Не имея пока никаких распоряжений, свитский поезд пошел дальше.

Офицер выполнил поручение: записка Дубенского была передана Федорову, который тотчас сообщил о ней дворцовому коменданту Воейкову. На станции Бологое в свитский поезд доставили его ответ: «Во что бы то ни стало пробраться в Царское Село!»⁹⁹ Царь явно не желал менять своих первоначальных планов: он знал, что в Царское Село по соседнему железнодорожному пути идут эшелоны карателей генерала Иванова.

В час ночи 1 марта литер «Б» подошел к станции Малая Вишера: до Петрограда оставалось около 150 верст. Во время стоянки в купе командира собственного его величества железнодорожного полка генерала Цабеля буквально вбежал запыхавшийся офицер. Он доложил, что только что приехал на дрезине со станции Любань, которая уже находится во власти восстановивших там войск, и, по имеющимся у него сведениям, то же самое произошло на станции Тосно. Некоторые эмигрантские, а за ними и зарубежные авторы пишут, что это сообщение было паническим и ничего подобного в Любани не произошло: просто солдаты какой-то проезжающей воинской части разгромили станционный буфет, после чего порядок быстро восстановили¹⁰⁰. Главное, однако, не в том, носил ли инцидент в Любани чисто местный характер или был прямо связан с революционными выступлениями в Петрограде и его окрестностях. Суть заключалась в том, что не были «локальными» события в Петрограде, что там революция уже победила и революционные волны оттуда, как из эпицентра, начали расходиться по стране. Горячее, грозное дыхание такой волны и ощутили «свитские», находившиеся на путях станции Малая Вишера.

Прошло не более получаса с момента получения сообщения о событиях в Любани и Тосно, а солдаты охраны уже бежали по слабо освещенной платформе, занимали телефон, телеграф, комнату коменданта. Офицеры спешно выставляли часовых вокруг поезда, на входных стрелках, у водокачки. О движении

⁹⁸ Дубенский Д. И. Как произошел переворот в России.— В кн.: Отречение Николая II, с. 48.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1956, с. 70.

далее не могло быть и речи. В непроглядной темноте морозной ночи, ярко сверкая окошным светом, литер «Б» застыл в ожидании подхода поезда царя. Он тихо подошел примерно через час. Окна были темны; в поезде спали. Быстро разбудили Воейкова; он поднялся сонный, с всклокоченными волосами. Торопливо оделся, пошел к царю. Царь поднялся с кровати, надел халат и, выслушав Воейкова, сказал: «Ну, тогда поедемте до ближайшего юза»¹⁰¹.

Об этом факте в воспоминаниях участников «последнего рейса» имеются разногласия. Флигель-адъютант А. А. Мордвинов пишет, что в Малой Вишере было решено возвратиться в Бологое, затем через Старую Руссу и Дно выйти на Виндавскую дорогу и двигаться в Царское Село. По словам Мордвинова, лишь в Старой Руссе, после того как пришло сообщение, что где-то впереди разрушен мост, был намечен новый маршрут — на Псков. Но и отсюда предполагалось ехать в Царское Село¹⁰². Скорее всего, это ошибка Мордвинова, так как большинство мемуаристов (в том числе и Воейков) определенно пишут, что решение ехать не в Царское Село, а в Псков было принято уже в Малой Вишере. Совершив маневр на запасных путях, первым, во изменение всех правил, двинулся литер «А», за ним, прикрывая его хвост, пошел свитский состав.

Историки до сих пор спорят, почему Николай II отдал приказание повернуть на Псков, где находился штаб Северного фронта. Большинство принимает версию Воейкова, по которой в Пскове царь намеревался установить потерянную связь со Ставкой и сориентироваться в обстановке. Но если вспомнить содержание записки Дубенского, посланной им Федорову, нельзя исключить, что из Пскова Николай II надеялся к тому же форсировать движение эшелонов генерала Иванова на Петроград: ведь части именно Северного фронта быстрее всего могли достигнуть столицы.

Воейков пишет: когда царский поезд пришел в Старую Руссу, стало известно, что генерал Иванов недавно проследовал через Дно. По словам Воейкова, это произвело на царя «неприятное впечатление», и он спрашивал: «отчего он (Иванов.— Г. И.) так тихо едет?»¹⁰³

Между тем Думский комитет, оказавшийся лицом к лицу с созданным рабочими и солдатами Петроградским Советом, располагавшим действительной властью, лихорадочно искал компромисса с направлявшимся в столицу царем. Опасаясь, что он прибудет в Царское Село примерно в одно и то же время с войсками генерала Иванова, лидеры комитета решили, что целесообразнее встретить Николая II в пути.

¹⁰¹ Блок А. Последние дни императорской власти, с. 92.

¹⁰² Мордвинов А. А. Последние дни императора.— В кн.: Отречение Николая II, с. 97, 98.

¹⁰³ Воейков В. Н. С царем и без царя, с. 205.

После того как стало известно, что из Малой Вишеры царский поезд повернул на Бологое, из Думы последовало распоряжение остановить его там в ожидании встречи с Родзянко¹⁰⁴. Но телеграмма либо запоздала, либо не была вручена, и оба поезда в 9 часов утра, не меняя паровозов, проследовали через Бологое на Старую Руссу. В Петрограде вполне могли расценить это как уклонение от встречи с Родзянко и стремление прорваться на фронт. В таком смысле, как нам кажется, можно объяснить телеграмму Бубликова, который отдал приказ: со станции Дно направить в сторону Бологого два товарных поезда, занять ими какой-либо разъезд и «сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологого в Дно»¹⁰⁵. Неисполнение приказа расценивалось как измена отечеству.

Тем не менее приказ не был выполнен. Попытку железнодорожников перегородить путь на Дно организацией крушения так называемого балластного поезда сорвали жандармские власти станции¹⁰⁶. Поэтому литерные поезда беспрепятственно достигли станции Дно. Сюда, по утверждению Воейкова, пришла телеграмма от Родзянко, который сообщал: «Выезжаю на ст. Дно для доклада вам, государь, о положении дел и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дожидаться моего приезда, ибо дорога каждая минута»¹⁰⁷. В этой телеграмме уже ничего не говорилось о необходимости каких-либо политических уступок со стороны царя; напротив, она носила вполне верноподданнический характер, и у Николая II не было оснований уклоняться от встречи. По имеющимся в литературе сведениям, царь действительно ждал Родзянко в Дно, но он не приехал.

О том, что произошло, рассказывает в своих воспоминаниях С. Шидловский. По его словам, утром он пришел в Таврический дворец, где Родзянко сказал ему, что сейчас они оба выедут навстречу царю «предлагать ему отречение». Стали ждать сообщения со станции о готовности поезда. В это время неожиданно явился председатель Исполкома Совета Н. С. Чхеидзе и заявил, что Петроградский Совет не допустит поездки Родзянко до тех пор, пока не станет известным содержание документа, который он и Шидловский намереваются везти Николаю.

Такой документ, согласно Шидловскому, действительно был. Его, по всей вероятности, написал Милюков, и состоял он из двух абзацев. В первом говорилось об отречении царя, а во втором — о передаче престола наследнику Алексею.

Чхеидзе заявил, что документ этот должен быть обсужден на пленуме Совета, и ушел. Он явился вновь лишь к концу

¹⁰⁴ Ломоносов Ю. Воспоминания о Мартовской революции 1917 года, с. 33.

¹⁰⁵ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 36.

¹⁰⁶ Грусланов В., Лободин М. По дорогам прошлого. М., 1967, с. 26.

¹⁰⁷ Цит. по: Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года, с. 55.

дня. Ответ его сводился к тому, что поезд будет дан Родзянко при двух условиях: с ним поедут представители Совета; второй абзац документа (о передаче престола Алексею) должен быть снят. «Тогда,— пишет Шидловский,— Родзянко и я заявили, что такого отречения государю мы не повезем, т. к. считаем невозможным предложить ему бросить престол на произвол судьбы, не указывая преемника или не давая указаний насчет того, как поступить с ним»¹⁰⁸. Таким образом, поездка Родзянко фактически была сорвана Петроградским Советом, выступившим против промонархических махинаций Временного комитета Государственной думы.

Шидловский далее утверждает, что, после того как не удалась поездка Родзянко, «Гучков и Шульгин без ведома Временного комитета и Совета рабочих депутатов умудрились похитить на Варшавском вокзале паровоз и вагон и укатили в Псков...»¹⁰⁹ Однако инженер Ю. Ломоносов, находившийся в Министерстве путей сообщения и имевший непосредственные контакты с Родзянко, выдвигает несколько иную версию. Он пишет, что Родзянко приказал ему готовить поезд для депутатов Думы, которые поедут «с особым поручением».

«— Отречение?— спросил излишне любопытный Ломоносов, на что последовал резкий ответ:

— Это вас не касается и таких слов говорить нельзя»¹¹⁰.

Временный комитет Государственной думы держал в строжайшей тайне свой замысел, возникший, по-видимому, уже в ночь на 1 марта: спасти монархию ценой ухода Николая II. А он, не дождавшись Родзянко, приказал сообщить ему, что направляется в Псков. Гучков и Шульгин, таким образом, знали, где они сумеют настигнуть царя.

В Пскове. Отречение

В 8 часов вечера 1 марта литерные поезда тихо подошли к Пскову. Началась последняя страница истории последнего царствования.

Пока литерные поезда в течение 28 февраля и 1 марта блуждали по железнодорожным путям, Ставка совершила тактический поворот. Если до сих пор она поддерживала курс на военное подавление революции и усиленно работала над организацией карательной экспедиции генерала Иванова, то теперь, поздно вечером 28 февраля, генералу Алексееву, на стол которого попали новые сведения о событиях в Петрограде, все более очевидной становилась необходимость соглашения с

¹⁰⁸ Шидловский С. И. Воспоминания, ч. II, с. 83—84.

¹⁰⁹ Там же, с. 85.

¹¹⁰ Ломоносов Ю. Воспоминания о Мартовской революции 1917 года, с. 39.

Временным комитетом Думы. Поступавшие сведения убедительно свидетельствовали, что думская оппозиция и восставшие массы Петрограда, руководимые Советом рабочих и солдатских депутатов, далеко не одно и то же.

Еще сравнительно недавно зарубежная буржуазная историография представляла либеральную оппозицию, и в частности Государственную думу, в роли руководителей Февральской революции. В новейшей иностранной литературе этот антиисторический тезис почти не встречается. Вместо него все большее распространение получает тезис о «двух революциях», якобы составлявших Февральскую революцию: во-первых, революции рабочих и солдат и, во-вторых, революции буржуазии¹¹². Однако исследования советских историков убедительно показывают, что существо политики либеральной оппозиции в канун Февраля сводилось к компромиссу с царизмом в целях предотвращения революции¹¹³. Не изменили себе либеральные оппозиционеры и непосредственно во время февральских событий.

В «Письмах из далека» В. И. Ленин писал: «...горстка помещиков и капиталистов, с Гучковыми и Милюковыми во главе, хочет обмануть волю или стремление громадного большинства, заключить *сделку с падающей монархией*, поддержать, спасти ее: назначьте Львова и Гучкова, ваше величество, и мы будем с монархией против народа. Вот весь смысл, вся суть политики нового правительства!»¹¹⁴ Буржуазные лидеры Думы, явно напуганные могучим размахом революции, предлагали все силы, чтобы остановить ее. Они уверяли монархический генералитет, что уступки царя помогут им быстро восстановить «порядок». Намечалась возможность компромисса между Временным комитетом Государственной думы и Ставкой, направленного против революции, во имя сохранения несколько «улучшенной» монархии.

Генерал Алексеев и некоторые другие генералы Ставки и фронтовых штабов в определенной мере уже давно были готовы к такому компромиссу. В литературе имеется немало данных, свидетельствующих о недовольстве Алексеева «распутинской» политикой царя и царицы, о его связях с либерально-буржуазной оппозицией, в частности с будущими премьер-министром Временного правительства Г. Е. Львовым и военным министром А. И. Гучковым¹¹⁵. Теперь эти люди уверяли, что выполнение их требований об ответственном министерстве со-

¹¹² Wada H. The Russian February Revolution of 1917.—«Annale of the Institute of Social Science University of Tokyo», 1974, № 15, p. 73.

¹¹³ См.: Минц И. И. История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967, и др.

¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 24.

¹¹⁵ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, с. 300—301.

бьет революционную волну и, таким образом, позволит, сохранив монархию, продолжать войну с Германией до победного конца. В Ставку одна за другой поступали телеграммы, которые сообщали о мощном размахе революции, о переходе все новых и новых войск в ее лагерь, об аресте министров и других царских чиновников.

Из информации становилось ясно, что для подавления революции сил отряда Иванова, пожалуй, не хватит. Вставал вопрос о подготовке новых крупных воинских соединений и отправке их на Петроград. По расчетам генерала А. С. Лукомского, на это требовалось не менее 10—12 дней, причем реально вырисовывалась перспектива войны как на фронте, так и в тылу ¹¹⁶.

В ночь на 1 марта Алексеев, осмелевший в отсутствие Николая II, решил пойти навстречу буржуазным лидерам Думы, предполагая, что большинство его помощников и командующих фронтов должны поддержать это намерение. В ночь на 1 марта, все еще не имея связи с царем, Алексеев направил в Царское Село телеграмму для вручения ее генералу Иванову. В ней он писал, что в ставшем ему известном воззвании Думского комитета речь идет «о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства... Если эти сведения верны,— писал далее Алексеев,— то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу... Воззвание нового министра путей Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите его величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию» ¹¹⁷.

Рассчитывая, что вскоре после Иванова в Царское Село прибудет и сам царь, Алексеев решил оказать давление и непосредственно на него. В телеграмме, отправленной в Царское Село, он умолял царя «ради спасения России и династии поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасение» ¹¹⁸.

Телеграмму в Царском Селе царь не получил. Как мы знаем, он не доехал туда и повернул на Псков. Когда об этом стало известно в Ставке, Алексеев приказал немедленно передать свою телеграмму в Псков. Вслед за ней Ставка весьма оперативно направляла туда все получаемые ею телеграммы представителей армейской верхушки, в которых в качестве

¹¹⁶ Лукомский А. Из воспоминаний, с. 213.

¹¹⁷ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 31.

¹¹⁸ Там же, с. 39—40.

единственного выхода признавалась необходимость пойти на встречу Думе (например, телеграммы адмирала Л. И. Непенина, генерала А. А. Брусилова, великого князя Николая Николаевича и др.). Находившийся в Ставке великий князь Сергей Михайлович просил передать Николаю II, что полностью поддерживает совет Алексеева как «единственный выход из положения» и считает, что во главе правительства, которому будет верить вся Россия, следует поставить Родзянко¹¹⁹.

Но события развивались с поразительной стремительностью. Поздно вечером 1 марта, когда царь уже находился в Пскове, Алексеев телеграфировал ему о необходимости даровать не министерство доверия, а министерство, ответственное перед Думой. «Поступающие сведения,— писал Алексеев,— дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти». Торопясь не упустить момент, Алексеев тут же передавал текст написанного в Ставке манифеста, в котором от имени царя провозглашалось создание «ответственного перед представителями народа министерства» во главе с Родзянко¹²⁰. Как нам известно, в Петрограде думские лидеры уже пришли к мысли об отречении Николая II, но Алексеев и другие генералы, ничего не зная об этом, явно отставали от событий, толкуя лишь об ответственном министерстве. Мысль об отречении им в голову еще не приходила.

Если верить белоэмигрантским мемуарам, создается впечатление, что Николай II прибыл в Псков уже с созревшим решением пойти на уступки и согласиться на ответственное министерство. Об этом, например, пишут Дубенский, Мордвинов, Воейков и др. Но подобные утверждения — либо намеренное искажение, либо результат бессознательного смещения калейдоскопически развертывавшихся событий.

Выше уже говорилось, что вплоть до прибытия в Псков царь не получал каких-либо официальных данных, рисовавших обстановку в более грозном свете, чем это представлялось в ночь на 28 февраля, когда литерные поезда ушли из Могилева. Возможно, после того как он не сумел пробиться в Царское Село, у него произошел определенный психологический надлом, порождающий настроение сомнений и колебаний. Но как сообщает генерал Рузский, принятый Николаем II вскоре после прибытия в Псков, на все его просьбы «даровать» ответственное министерство, «государь возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения»¹²¹. На горячие аргументы Рузского, на его указание, что и Алексеев и другие генералы

¹¹⁹ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 42.

¹²⁰ Там же, с. 53.

¹²¹ Рузский Н. В. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г.— В кн.: Отречение Николая II, с. 146.

Ставки высказываются за формулу «государь царствует, а правительство управляет», царь отвечал: «эта формула ему непонятна... надо было иначе быть воспитанным, переродиться...» Он, вспоминая далее Рузский, «высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди, совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей»¹²².

Позиция Николая II не являлась следствием тупого упрямства и абсолютного непонимания обстановки, как это еще иногда утверждается в литературе. Вся история его царствования была не чем иным, как вынужденным отступлением перед натиском революционных и демократических сил. И он шел на уступки до тех пор, пока считал возможным. Теперь от него требовали согласия на ответственное министерство, что практически означало утрату власти. Упорно отвергая это требование, Николай II проявлял «эгоизм власти», но он диктовался не только его личными качествами, а глубокими классовыми интересами, был социально обусловлен.

До глубокой ночи продолжался спор. Не имея никакой поддержки, оставшись один перед фронтом генеральской верхушки, буквально бомбардировавшей его настойчивыми требованиями уступить Думе, Николай в конце концов сдался. Поздно вечером 1 марта, принимая адъютанта Рузского, графа Д. А. Шереметьева, он, как бы между прочим, сказал: «Кажется, нужно позвать Кривошеина?»¹²³ (министра, который еще летом 1915 г. возглавлял «либеральное» крыло Совета министров и отстаивал линию сближения с «общественностью»). Согласие на ответственное министерство по существу означало отказ от карательной экспедиции генерала Иванова, и в 20 минут первого Николай II дал Иванову в Царское Село телеграмму: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать»¹²⁴.

А эшелоны Иванова все еще продолжали двигаться на Петроград. Полки, выделенные с Северного фронта, к исходу 1 марта миновали Псков, а полки Западного фронта частично подходили к Полоцку, а частично уже прошли его. На Юго-Западном фронте три полка выводились в резерв для подготовки отправки на Петроград. Сам Иванов с Георгиевским батальоном уже вечером 1 марта находился в Царском Селе. Здесь ему были доставлены телеграммы Алексеева и царя, приказывавшие воздержаться от карательных действий и занять выжидательную позицию. О том же просили Иванова прибывшие в

¹²² Там же, с. 147.

¹²³ *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин. Его значение в истории России начала XX в. Париж, 1973, с. 297.

¹²⁴ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 53.

Царское Село «думские» посланцы полковники В. Н. Доманевский и А. А. Тилли. Они убеждали Иванова, что попытка вооруженного подавления революции опасна, и высказывались за соглашение с Временным комитетом Думы, «верным монархическому принципу»¹²⁵.

Но, конечно, не телеграммы из Ставки и Пскова и не рекомендации «думских» полковников связали руки Иванову. Обстановка в гарнизоне Царского Села уже была такова, что любые контрреволюционные действия Иванова немедленно бы пресекли полки, перешедшие на сторону революции. Именно поэтому Иванов, встретившийся в Александровском дворце с императрицей, не внял ее настойчивым уверениям, что «энергичными действиями» можно легко восстановить «порядок» в Петрограде. Опасаясь вооруженного столкновения Георгиевского батальона с революционными частями гарнизона Царского Села, Иванов ушел из Царского Села на станцию Вырица. Дважды затем он пытался продвинуться отсюда к Петрограду, но революционные железнодорожники поваленным на рельсы поездом загородили ему путь.

Тем временем Ставка, основываясь на приказе Николая II Иванову воздержаться от принятия каких-либо мер, отдала распоряжение приостановить отправку к Петрограду воинских частей Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. В Ставке так же, как и в Пскове, стало известно, что передовые эшелоны Иванова, уже находившиеся в пути и подошедшие к Луге, задерживаются, и находящиеся в них солдаты переходят на сторону революционных войск. В связи с этим штаб Северного фронта поставил перед Ставкой вопрос о необходимости возвращения уже отправленных частей в районы их прежней дислокации. К утру 2 марта он был решен: карательная экспедиция генерала Иванова на революционный Петроград провалилась¹²⁶. А несколькими часами раньше, ранним утром 2 марта, в телеграмме на имя Алексеева царь сообщал, что «можно объявить представленный манифест (об ответственном министерстве.— Г. И.), пометив его Псковом»¹²⁷.

Последняя ночь русского царизма шла к концу. Но никто еще не знал, что она была последней. В Ставке и штабе Северного фронта генералы уже вздыхали с облегчением, считая, что дело сделано и все теперь быстро придет к миру. С такой надеждой, захватив все необходимые документы, поехал в свой штаб и генерал Рузский. Отсюда он должен был начать разговор по прямому проводу с Родзянко и сообщить ему, что столь долгожданное согласие царя на ответственное министерство, наконец, получено.

¹²⁵ *Перетц Г.* В цитадели русской революции. Пг., 1917, с. 320—321.

¹²⁶ Подробнее см.: *Миц И. И.* История Великого Октября, т. 1.

¹²⁷ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 62.

Разговор начался в 3 часа 30 минут утра 2 марта и продолжался почти четыре часа, причем его содержание почти одновременно передавалось в Ставку. То, что услышал Рузский от Родзянко, потрясло его до глубины души. В ответ на сообщение, что уже составлен манифест об ответственном министерстве, Родзянко заявил: теперь это уже никого не удовлетворит; «насталла одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко»; «династический вопрос поставлен ребром»¹²⁸.

Родзянко не лгал и не сгущал краски. Днем 2 марта, когда Милюков, выступая в Таврическом дворце (в это время царь еще не отрекся, но Милюков уже знал, что в Псков выехали Шульгин и Гучков, чтобы добиваться отречения Николая II), заявил, что престол перейдет к наследнику царя — Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича, в городе поднялась буря возмущения. Начались митинги протеста на заводах и в полках гарнизона. Орган Петроградского Совета газета «Известия» писала: «Династия Романовых ныне свержена... к ней возврата быть не должно»¹²⁹.

Но все это происходило днем 2 марта, а ранним утром Родзянко в разговоре с Рузским еще говорил, что решение «поставленного ребром» династического вопроса означает отречение в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича¹³⁰. Либеральная буржуазия сделала таким образом шаг вперед (она требовала уже не только ответственного перед Думой министерства, а и отречения Николая II), но цель этого шага, вопреки воле революционных масс, по-прежнему заключалась в спасении монархии. Новое правительство, писал В. И. Ленин, *«уже начало сделки... с династией, уже работает над реставрацией царской монархии, уже приглашает кандидата в новые царьки, Михаила Романова, уже заботится об укреплении его трона, о замене монархии легитимной (законной, держащейся по старому закону) монархией бонапартистской, плебисцитарной (держанной подтасованным народным голосованием)»*¹³¹.

Новая комбинация, выдвинутая «думцами», возникла отнюдь не внезапно. Из воспоминаний А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова следует, что идея ее зародилась в кругах наиболее решительно настроенной либеральной оппозиции еще в конце 1916 г.

По разработанному в самых общих чертах плану предполагалось арестовать Николая II в царском поезде на пути из Ставки в Царское Село и принудить его к отречению в поль-

¹²⁸ Там же, с. 56.

¹²⁹ «Известия» (Петроград), 1917, 2 марта.

¹³⁰ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 57.

¹³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 19—20.

зу сына — Алексея при регентстве Михаила Александровича¹³². «Мягкий характер великого князя и малолетство наследника, — писал Милюков, — казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю»¹³³.

Никакой реальной подготовки к осуществлению этого плана не велось, но идея жила, и теперь с явным запозданием буржуазные лидеры, по-видимому, пытались ее реализовать. Документальных данных, свидетельствующих, что в «заговор» Гучкова были посвящены высшие генералы во главе с Алексеевым, нет. Но та быстрота, с которой они восприняли ее, дает некоторое основание полагать, что и для них она не являлась абсолютной неожиданностью. Правда, генерал Рузский, который узнал о новой «комбинации» раньше других военачальников, в просительном тоне доказывал Родзянко, что царь пошел на все возможные уступки (отменил карательную экспедицию Иванова, согласился на ответственное министерство), и взывал, чтобы «почин государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар». Но Родзянко совершенно определенно дал понять, что только в случае отречения «переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда кончится в несколько дней...»¹³⁴

Разговор был закончен, и усталый, измученный бессонной ночью Рузский пошел спать, чтобы поутру 2 марта доложить царю о своем разговоре с Родзянко. Но Ставка в Могилеве не дремала. Всего лишь через полтора-два часа после окончания разговора Рузского с председателем Государственной думы генерал Лукомский вызвал к аппарату начальника штаба Северного фронта генерала Ю. Н. Данилова. По поручению генерала Алексеева он довольно бесцеремонно потребовал, чтобы Рузский немедленно разбудил царя и сообщил ему все, что говорил Родзянко. «Генерал Алексеев, — говорил Лукомский, — убедительно просит безотлагательно это сделать, так как важна каждая минута, и всякие этикеты должны быть отброшены»¹³⁵. От «себя» (но фактически от верхушки Ставки) Лукомский добавлял, что «выбора нет и отречение должно состояться»¹³⁶.

В ответ генерал Данилов выражал сомнение, что Рузскому удастся быстро получить согласие царя на отречение, так как «весь вечер до глубокой ночи прошел в убеждения поступить в пользу ответственного министерства». Опасаясь категорического отказа царя или его новых колебаний, Ставка решила помочь Рузскому. В то самое время (в 10 часов утра), когда

¹³² Из воспоминаний А. И. Гучкова. — «Последние новости», 1936, 13 сентября; Падение царского режима, т. 6. М. — Л., 1926, с. 350.

¹³³ Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, с. 284.

¹³⁴ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 59.

¹³⁵ Там же, с. 74—75.

¹³⁶ Там же, с. 75.

командующий Северным фронтом направился в царский поезд, Алексеев подписал циркулярную телеграмму главнокомандующим фронтами. В ней он кратко информировал о новой позиции Временного комитета Государственной думы, выдвинувшего требование об отречении Николая II в пользу сына при регентстве Михаила Александровича, и подчеркивал, что «обстановка, по-видимому, не допускает иного решения». Этот вывод Алексеев мотивировал необходимостью «продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии»¹³⁷. В заключение Алексеев просил главнокомандующих сообщить свое мнение в Псков, явно ориентируя их на поддержку высказанной им точки зрения.

К двум часам дня у Алексева уже были нужные ему ответы великого князя Николая Николаевича (Кавказский фронт), Брусилова (Юго-Западный фронт) и Эверта (Западный фронт). Почти тут же Алексеев передал их в Псков, от себя умоляя царя «безотлагательно принять решение», которое ему «внушит господь бог»¹³⁸. Но было совершенно ясно, что решением «господа бога» Алексеев считал то, о котором телеграфировали главнокомандующие.

После революции монархисты будут злобно обвинять командующих фронтами, высказавшихся за отречение Николая II, в предварительном сговоре, в измене «чести и долгу присяги» и в конечном счете в гибели монархии¹³⁹. В эмиграции вышла даже отдельная брошюра под названием «Генерал-адъютанты — изменники». Но, конечно, никакой измены монархии со стороны генеральской верхушки не было. Напротив, имелась отчаянная попытка сохранить монархию, правда, ценой смены монарха. При этом генералы, как видно из текста их телеграмм, не настаивали на отречении и даже не требовали его. Они как истинные верноподданные советовали, просили, умоляли, внушали. Монархическая версия, согласно которой генерал Рузский чуть ли ни кричал на царя, стучал рукой по столу и топал ногами, требуя отречения¹⁴⁰, есть всего лишь легенда с целью подкрепить «теорию» вынужденности отречения Николая II, т. е. его незаконности.

Между тем в 10 часов утра, еще не получив из Ставки телеграмм главнокомандующих фронтами и генерала Алексева, высказавшихся за отречение, генерал Рузский направился к царю. По воспоминаниям Рузского, он, «стиснув зубы», положил перед Николаем II ленту своего разговора с Родзянко. Царь молча читал ее. Затем начал говорить, что лично он готов отойти «в сторону для блага России», но у него имеются опа-

¹³⁷ Отречение Николая II, с. 202—203.

¹³⁸ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 73.

¹³⁹ Воейков В. Н. С царем и без царя, с. 219.

¹⁴⁰ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917, т. 3, с. 253.

сения, что «народ этого не поймет». «Мне,— говорил царь,— не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в деле священного коронования, меня обвинят казаки, что я бросил фронт»¹⁴¹. Николай II, как и предвидел генерал Данилов, явно не шел на новую уступку, он уклонялся, тянул, на ходу подыскивая первые попавшиеся аргументы о старообрядцах, казаках и т. п. По-видимому, понимая это и не решаясь брать на себя одного всю ответственность, Рузский предложил отложить разговор до получения ответов главнокомандующих. Когда он вернулся в штаб, телеграмма Алексева, содержащая ответы главнокомов, уже пришла.

Теперь Рузский мог говорить не только от своего имени, но и от имени всех командующих фронтами. Тем не менее, готовясь вновь встретиться с Николаем, он решил взять с собой двух своих помощников — генерала Данилова и начальника снабжения фронта генерала С. С. Савича.

Около 3 часов дня три генерала вошли в салон-вагон императорского поезда. Царь принял их стоя, затем сел и предложил сесть вошедшим. Рузский присел напротив Николая, а Данилов и Савич продолжали стоять навтыжку. Рузский показал царю телеграмму с ответами главнокомандующих и от себя добавил, что выход один: отречение в пользу Алексея. По воспоминаниям генерала Савича, Николай II возразил: «Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия»¹⁴². Тогда Рузский решил прибегнуть к помощи своих помощников. «Я,— говорил он царю,— прошу выслушать мнение моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом прямые люди». Первым заговорил Данилов, за ним Савич. Оба они прямо высказались за то, что необходимо принять новое предложение Государственной думы.

«Наступило,— вспоминал генерал Савич,— общее молчание, длившееся одну-две минуты. Государь сказал: «Я решился. Я отказываюсь от престола», и перекрестился...»¹⁴³

По другим воспоминаниям, Николай вел себя отнюдь не столь «величественно». С. Шидловский пишет, что Шульгин со слов Рузского передавал ему, что при принятии решения об отречении «был шум»¹⁴⁴.

В эмигрантской, как и вообще зарубежной литературе нередко утверждается, что решающую роль в отречении Николая II сыграл Временный комитет Государственной думы. Превеличивая размах революционного движения в столице, Родзянко якобы дезинформировал (сознательно или бессознатель-

¹⁴¹ Рузский Н. В. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г.— В кн.: Отречение Николая II, с. 154.

¹⁴² Савич С. С. Принятие Николаем II решения об отречении от престола.— В кн.: Отречение Николая II, с. 176.

¹⁴³ Там же, с. 177.

¹⁴⁴ Шидловский С. И. Воспоминания, ч. II, с. 86.

но) генералитет Ставки и толкнул его к поддержке своей позиции — требованию отречения царя¹⁴⁵.

Конечно, непосредственное давление на царя оказывали Алексеев и главнокомандующие фронтами, за которыми стоял Родзянко, но они действовали отнюдь не по своему желанию, а под мощным воздействием народной революции, которая страшила их и ради избавления от которой они готовы были даже пожертвовать непопулярным монархом. Своим действительно путаным разговором с Рузским Родзянко не дезинформировал Ставку и не вводил ее в заблуждение. К моменту этого разговора (ночь с 1 на 2 марта) Февральская революция в Петрограде отмечала уже второй день своей победы, и, как показал советский исследователь Э. Н. Бурджалов, за первой волной революции, сокрушившей царизм, уже поднималась вторая, грозившая опрокинуть власть буржуазии в лице Временного комитета Государственной думы¹⁴⁶. В таких условиях Думский комитет и генеральская верхушка попытались сбить эту волну, пожертвовав Николаем II.

Таким образом, отречение царя явилось результатом мощного удара народной революции, а отнюдь не закулисного политического сговора буржуазных лидеров и представителей царского генералитета. «Не Государственная дума — Дума помещиков и богачей, — а *восставшие рабочие и солдаты низвергли царя*», — писал В. И. Ленин¹⁴⁷. «Монархия была бы уже восстановлена в России, если бы Гучковым и Милюковым не помешали рабочие, которые устраивали шествия в Питере и писали на знаменах: «Земли и воли! Смерть тиранам!»»¹⁴⁸

Днем 2 марта по приказанию Николая были составлены две телеграммы (Родзянко и Алексееву), сообщавшие о принятом им решении. Казалось, все было кончено, оставалось только отправить телеграммы адресатам, как вдруг в четвертом часу дня последовало новое распоряжение уже отрекшегося царя: телеграммы об отречении в пользу наследника престола задержать.

Переотречение

Что же побудило Николая II пойти на такой шаг? Здесь в свидетельствах очевидцев событий имеются некоторые противоречия. Генерал Рузский утверждает, будто именно он предложил царю задержать отправку телеграмм, так как получил сообще-

¹⁴⁵ Hasegawa T. The Problem of Power in the February Revolution of 1917 in Russia.—«Canadian Slavonic Papers», 1972, vol. 14, № 4, p. 628—630.

¹⁴⁶ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде, с. 281—308.

¹⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 63.

¹⁴⁸ Там же, с. 70.

ние о предстоящем приезде в Псков думских депутатов А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. По мнению Рузского, они должны были прояснить обстановку и определить, «соответствует ли решение государя (об отречении в пользу сына.— *Г. И.*) действительно мнению Думы и Временного правительства»¹⁴⁹. Из воспоминаний же некоторых членов свиты царя следует, что инициатива задержки телеграмм исходила от них. Вообще свитские, сопровождавшие царя, не вмешивались в политические вопросы; круг их деятельности был строго ограничен непосредственными официальными функциями. Бывший начальник канцелярии Министерства двора генерал А. Мосолов писал, что «главной заботой этих лиц было удержаться среди разнообразных и порой противоречивых влияний». Их лозунгами были: «спокойно на своем месте», «не возлагать на себя ответственность, от которой можно уклониться»¹⁵⁰. Это вытекало из всей затхлой атмосферы самодержавного режима, насыщенной духом холуйства, лицемерия и равнодушия ко всему, что не касалось личных, шкурных интересов.

Но днем 2 марта, когда министр двора В. Б. Фредерикс сообщил свитским о решении Николая II, они поняли, что дело принимает плохой оборот и для них. Дворцовый комендант Воейков буквально ворвался в царский вагон.

«— Неужели верно то, что говорит граф (Фредерикс.— *Г. И.*),— что Ваше величество подписали отречение! — почти кричал он».

Николай ответил, что он оказался в безвыходном положении, поскольку все ему «изменили». Тогда Воейков решительно заявил, что «никакое окончательное решение принято быть не может, пока он (Николай II.— *Г. И.*) не выслушает находившихся в пути Гучкова и Шульгина»¹⁵¹. Таким образом, согласно Воейкову, к задержке телеграмм об отречении царя привел «бунт» свиты. По всей вероятности, именно эта версия соответствует действительности. Рузский говорил генералу Данилову, что не отправил телеграмм, так как «государь прислал ко мне Нарышкина взять назад отданные мне временно на хранение телеграммы. В этом я усмотрел наличие в царском поезде каких-то новых колебаний»¹⁵².

Вопрос об отречении, который после долгого и упорного сопротивления царя, казалось, был уже решен, снова повис в воздухе.

Между тем свита не прекращала своего нажима на Николая II, пытаясь закрепить достигнутый успех и склонить его к

¹⁴⁹ Из дневника А. В. Романова.— «Красный архив», 1928, т. 1 (26), с. 206.

¹⁵⁰ Мосолов А. При дворе императора. Рига, 1934, с. 97.

¹⁵¹ Воейков В. Н. С царем и без царя, с. 212—213.

¹⁵² Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче.— «Архив русской революции», т. 19. Берлин, 1928, с. 239.

окончательному аннулированию отречения. Скорее всего, именно с этой целью к Николаю был направлен пользовавшийся большим доверием царской четы лейб-хирург С. П. Федоров. Такой вывод позволяет сделать содержание разговора Федорова с Николаем, который состоялся около 4 часов дня. Вот как он излагается генералом А. И. Спиридовичем, которому, по его словам, рассказал о нем Федоров летом 1918 г. «Свита волновалась... Все хотели, чтобы государь взял назад отречение. Федоров пошел к государю и вот какой произошел у них разговор... На слова удивления по поводу отречения государь сказал: «Вы знаете, Сергей Петрович, что я человек «тэр а тэр»... Я, конечно, не смотрел на Распутина как на святого, но то, что он нам предсказывал, обычно сбывалось. Он предсказывал, что если наследник проживет до 17 лет, то он совершенно выздоровеет. Правда ли это?» Федоров ответил, что не может сказать ничего определенного. Тогда Николай стал говорить, как он будет жить с Алексеем после отречения. Федоров выразил сомнение, что новое правительство согласится на то, чтобы молодой царь оставался в семье отрекшегося императора. Скорее всего, предположил он, ему придется жить в семье регента — великого князя Михаила Александровича. Тогда, по словам Федорова, «государь выразил крайнее удивление, что это может случиться, и затем решительно заявил, что он никогда не отдаст своего сына в руки супруги великого князя, причем выразился о ней очень резко. На этом разговор и кончился...»¹⁵³

Отсюда, как нам представляется, можно сделать вывод: мысль, что в случае своего отречения царь будет вынужден расстаться с сыном, выдвигалась Федоровым в качестве сильного аргумента против отречения вообще. То, что Федоров направлялся к царю с целью отговорить его от отречения, находит подтверждение у других мемуаристов. Мордвинов пишет: «Мы вновь пошли к Фредериксу просить настоять перед его величеством о возвращении этих телеграмм, а профессор Федоров по собственной инициативе, как врач, направился к государю»¹⁵⁴. Дубенский совершенно определенно утверждает, что Федоров пошел к царю и «говорил с ним, указывая на опасность оставления трона для России»¹⁵⁵.

Итак, скорее всего именно Федоров, стремившийся отговорить царя от отречения, и заронил в голову Николая мысль, что ему следует искать иного выхода из создавшегося положения. Какого же? Теоретически их было два: либо отказаться от согласия на отречение и продолжать в открытую борьбу с ре-

¹⁵³ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917, т. 3, с. 297—298.

¹⁵⁴ Мордвинов А. А. Последние дни императора.— В кн.: Отречение Николая II, с. 103.

¹⁵⁵ Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России.— В кн.: Отречение Николая II, с. 61.

волюцией, либо найти какое-то временное, половинчатое решение, которое давало бы хоть какую-то возможность выйти из создавшегося положения в расчете на иную, более благоприятную ситуацию в будущем.

Решиться на первый «выход» Николай уже не мог. В Пскове он был накрепко «заячат» своими генерал-адъютантами, которые уже склонили его к отречению и в данный момент считали это единственным средством привести Петроград к «спокойствию» и продолжать борьбу с внешним врагом. Прямое противодействие им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных «изменников», Рузский, было практически невозможным.

В белоэмигрантской литературе можно встретить утверждения, что, если бы Николай, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части, верные царской власти¹⁵⁶. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что вся связь осуществлялась через штаб генерала Рузского. В соответствии с показаниями А. И. Гучкова Чрезвычайной следственной комиссии, Рузский прямо заявил Николаю II, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет¹⁵⁷. Императрице даже казалось, что царь попал в западню¹⁵⁸. Оставался поэтому второй выход: попытаться создать хотя бы неопределенное положение с расчетом на перемену в соотношении сил.

Такой путь в сложившейся обстановке мог быть связан с великим князем Михаилом, с попыткой передачи престола ему.

Здесь необходимо сказать несколько слов о Михаиле. Он являлся официальным наследником до рождения сына Николая II — Алексея, после чего утратил свои права. Однако на случай смерти царя до совершеннолетия наследника Михаил в 1904 г. особым манифестом был назначен «правителем государства»¹⁵⁹, а через 8 лет лишен этого звания за морганатический брак с некоей госпожой Вульферт (впоследствии графиня Брасова), дважды разведенной до вступления в брак с Михаилом. На его имущество наложили опеку¹⁶⁰.

В годы войны Михаил командовал Кавказской туземной дивизией («Дикая дивизия»), а затем получил назначение на пост генерал-инспектора кавалерии. Хотя за свои заслуги он был во многом «прощен», однако по-прежнему никакого отношения к государственным делам не имел. «Михаил Александрович, — пишет в своих воспоминаниях В. П. Зубов (хорошо знавший Михаила), — давно решил не вступать на престол ни при каких

¹⁵⁶ См., например: Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг., ч. I, кн. I. Таллин, 1937, с. 37.

¹⁵⁷ Падение царского режима, т. 6, с. 268.

¹⁵⁸ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 229.

¹⁵⁹ ЦГАОР, ф. 668 (Михаила Романова), оп. 1, д. 26, л. 2.

¹⁶⁰ Там же, л. 1.

условиях...»¹⁶¹ «Я ожидал катастрофы,— говорил Михаил полковнику Б. Никитину,— но я не имел права на престол»¹⁶².

Позднее управляющий делами Временного правительства, член ЦК кадетской партии юрист В. Д. Набоков писал по поводу отречения Николая II: «Отречься можно только за себя. Лишать престола то лицо, которое по закону имеет на него право,— будь то совершеннолетний или несовершеннолетний,— отрекающийся император не имеет права... Основываться на предполагаемом согласии тоже нет возможности, раз этому наследнику еще не было полных 13 лет. Но если бы оно и было, и тут оно подлежало бы оспариванию, но тут его не было»¹⁶³.

Таким образом, отречение за Алексея в пользу великого князя Михаила являлось актом незаконным. Понимал ли это Николай? Некоторые свидетели отречения (Гучков, Дубенский и др.) писали и говорили о поразившем их «безразличии», с которым Николай II совершил исторически важный акт. Но ценность такого рода наблюдений несколько падает от того, что о них «вспоминали» в первые послефевральские дни, когда всем так хотелось предстать борцами против «павшего режима» и «темных сил».

Николай II отнюдь не был столь примитивным человеком, каким его пытались изобразить¹⁶⁴. Если суммировать высказывания тех, кто хорошо знал его, характеристика личности последнего царя сведется к сочетанию качеств, присущих Павлу I (упрямство) и Александру I (лицемерие, хитрость, коварство)¹⁶⁵.

Задумав «переотречение», Николай мог, как нам представляется, исходить из следующего. Думская оппозиция и генералы Ставки уверяли, что с его уходом от власти «беспорядки», «анархия» сразу же прекратятся и жизнь быстро войдет в «нормальную» колею. Если бы это в действительности произошло, весь вопрос с псковским отречением мог быть пересмотрен: его тогда нетрудно было бы представить, во-первых, как вынужденное, совершенное под давлением и, во-вторых (самое главное), как незаконное с точки зрения государственно-юридических норм¹⁶⁶.

¹⁶¹ *Зубов В. П.* Страдные годы России. Мюнхен, 1968, с. 31.

¹⁶² *Никитин Б.* Роковые годы. Париж, 1917, с. 195—196.

¹⁶³ *Набоков В. Д.* Временное правительство.— «Архив русской революции», т. 1. Берлин, 1922, с. 18—19.

¹⁶⁴ См., например: *Василевский И.* (Не-буква). Николай II. Берлин, 1923, с. 18.

¹⁶⁵ *Витте С. Ю.* Воспоминания, т. 2. М., 1960, с. 6.

¹⁶⁶ На это впоследствии указывали П. Н. Милюков, А. А. Бубликов, В. М. Чернов и др. «Отказ в пользу брата недействителен,— писал, например, Милюков,— и это есть трюк, который задуман был и осуществлен в отсутствие царицы, но всецело ей одобряется. При условии передачи власти Михаилу легче было впоследствии истолковать весь акт как недействительный» («Последние новости» (Париж), 1924, 23 февраля). Как следует из переписки Романовых, Александра Федоровна именно так и истолковала

Многое, следовательно, зависело от того, насколько прозорливы были лидеры Государственной думы и поддержавшая их генеральская верхушка, утверждавшие, что после воцарения Михаила с революцией будет покончено, т. е. насколько правильно оценивали они события в Петрограде и их перспективу.

Могучее революционное движение масс, руководимое рабочими, легко опрокинуло жалкие расчеты буржуазной оппозиции, сорвав ее попытки сохранить монархию во главе с Михаилом¹⁸⁷. Но мог ли это предвидеть Николай II, находившийся в Пскове, да и Родзянко, хвастливо заявлявший Рузскому, что в Петрограде только его, Родзянко, слушают и только ему верят?

Приняв «секретное» решение, Николай II с некоторой надеждой, что к нему может быть и не придется прибегнуть, ждал встречи с Гучковым и Шульгиным. Она началась около 10 часов вечера 2 марта, и уже из слов Гучкова, который говорил первым, стало ясно, что посланцы Думы не привезли с собой ничего, кроме предложения об отречении в пользу Алексея при регентстве Михаила Александровича. Слабая надежда исчезла, и тогда Николай выложил на стол свой последний «козырь», заявив, что ввиду болезненности сына он решил отречься одновременно и за себя, и за него в пользу Михаила¹⁸⁸.

Эти слова явились полной неожиданностью для присутствующих. «Все так и были огорочены совершенно неожиданным решением государя,— записал в своем дневнике со слов Рузского великий князь Андрей Владимирович.— Гучков и Шульгин переглянулись удивленно между собой, и Гучков ответил, что такого решения они не ожидали, и просили разрешения обсудить вдвоем вопрос и перешли в соседнее столовое отделение»¹⁸⁹.

По другим данным, заявление царя после некоторого замешательства обсуждалось без перерыва¹⁹⁰. Генералы Рузский, Данилов и некоторые лица свиты вместе с Шульгиным и Гучковым взволнованно обсуждали неожиданно возникшую новую ситуацию. По воспоминаниям Гучкова, думские делегаты отреагировали на решение Николая II отрицательно. «Мы с Шульгиным,— писал он,— пробовали возражать, но у нас сложилось впечатление, что наши доводы (какие именно это были дово-

отречение, выражая уверенность, что Николай скоро опять будет на троне (Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 227, 229, 231 и др.). Сходные мысли высказывал в письме к уже отрекшемуся царю генерал В. И. Гурко и др. (ЦГАОР, ф. 601 (Николая II), оп. 1, д. 2104, л. 6).

¹⁸⁷ Подробнее см.: Минц И. И. История Великого Октября, т. 1, с. 611—616.

¹⁸⁸ Отречение Николая II, с. 187 (Протокол отречения Николая II).

¹⁸⁹ Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг.— «Красный архив», 1928, т. 1 (26), с. 207.

¹⁹⁰ Шульгин В. В. Подробности отречения.— В кн.: Отречение Николая II, с. 165.

ды, Гучков не говорит.— Г. И.) на него совершенно не действуют и что принятое им решение окончательно. Это решение мне не нравилось...»¹⁷¹

У свитских же появилась надежда, что из-за незаконности нового решения его исполнение будет по крайней мере отложено. Во всяком случае, речь сразу зашла об «Основных законах» Российской империи. Однако никто не мог сказать определенно, что говорится в этих законах о престолонаследии. В этот момент генералу К. А. Нарышкину, по-видимому, было кем-то поручено срочно разыскать том законов и выяснить вопрос.

Мордвинов в своих воспоминаниях рассказывает, что он вместе с Нарышкиным отправился на поиски необходимой книги и что оба они, найдя ее, не обнаружили в ней каких-либо упоминаний о возможности отречения вообще. «Нарышкин торопился,— пишет Мордвинов.— Идя за ним, я, помню, ему говорил: «Хотя в основных законах по этому поводу ничего ясного нет, все же надо непременно доложить государю, что по смыслу общих законов он не имеет права отречься за Алексея Николаевича... Пожалуйста, непременно доложи обо всем этом государю»»¹⁷².

Ни сам Мордвинов, ни другие мемуаристы, к сожалению, не сообщают, доложил ли Нарышкин Николаю II и думским посланцам результаты своего изучения «Основных законов». Эта важная деталь позволила бы точно определить, насколько Николай II был осведомлен о юридической стороне своего нового отречения.

Но пока Нарышкин с Мордвиновым лихорадочно листали страницы «Основных законов», Шульгин с Гучковым пришли к заключению, что юридические тонкости в сложившейся ситуации уже ни к чему. Для Гучкова, по его более позднему признанию, важнее было добиться добровольного отречения царя, поскольку он опасался, что в противном случае Николай II «будет низложен Советом рабочих и солдатских депутатов»¹⁷³.

Между тем проект манифеста об отречении Николая II был уже готов. Его заранее составил в Могилеве начальник дипломатической канцелярии Ставки Н. А. Базили, отредактировал генерал Алексеев, и в конце дня 2 марта он был передан в Псков¹⁷⁴. Но в нем еще говорилось об отречении «в соответствии с установленным основными законами порядком» в пользу Алексея при регентстве Михаила Александровича¹⁷⁵. Теперь это место из манифеста изъяли и заменили словами о передаче

¹⁷¹ «Последние новости» (Париж), 1936, 16 сентября.

¹⁷² Мордвинов А. А. Последние дни императора.— В кн.: Отречение Николая II, с. 113.

¹⁷³ «Последние новости» (Париж), 1936, 16 сентября.

¹⁷⁴ *Basily N. de. Diplomat of Imperial Russia. Memoirs.* Stanford, 1973, p. 132.

¹⁷⁵ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки..., с. 7.

престола Михаилу Александровичу¹⁷⁶. Шульгин предложил дополнить текст фразой об обязанности Михаила принести «всенародную присягу» в том, что он будет управлять «в единении» с представителями народа. Николай согласился, но заменил выражение «всенародную присягу» на «ненарушимую присягу»¹⁷⁷. Такая, на первый взгляд, незначительная поправка все же ослабляла «конституционное» содержание манифеста.

Поздно вечером 2 марта, уже перед отъездом в Могилев, Николай II в дневнике подвел итог всему происшедшему: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман»¹⁷⁸. Комментируя эту запись, С. П. Мельгунов, на наш взгляд, правильно отметил — ее «автор внутренне не примирился с тем, что произошло...»¹⁷⁹

Но где же был новый император Михаил, на которого Николай делал последнюю ставку? Вызванный Родзянко из своей резиденции в Гатчине, он приехал в Петроград еще в ночь на 28 февраля. Думские лидеры предложили ему до приезда Николая II из Ставки сформировать Временное правительство из общественных деятелей во главе с каким-либо «популярным генералом». Предлагалась, таким образом, диктатура, которая должна была покончить с революцией.

Михаил, однако, не решил действовать самостоятельно. Как уже говорилось, после совещания с министрами во главе с Голицыным, Михаил из Военного министерства связался со Ставкой и через генерала Алексеева просил царя распустить Совет министров и дать согласие на создание нового правительства, пользующегося доверием страны. Через того же Алексеева Николай II решительно отверг просьбу и советы брата.

В сопровождении близких ему лиц и некоторых думцев Михаил из Военного министерства перешел в Зимний дворец. Но вскоре, к утру 28 февраля, выяснилось, что оставаться в нем небезопасно. Охрана уже покинула дворец, двери его были открыты. Михаил решил вернуться в Гатчину, но и это оказалось невозможным: утром 28 февраля улицы Петрограда сплошь заполнились народом. Тогда, крадучись, через дворы Эрмитажа и дома великого князя Николая Михайловича кандидат в российские монархи перебрался на Миллионную улицу, 12, в квартиру княгини О. П. Путятиной. Здесь, как вспоминает его секретарь А. С. Матвеев, он и укрылся, с минуту на минуту ожидая обыска¹⁸⁰. Но никто, за исключением нескольких дум-

¹⁷⁶ Манифест отречения Николая II.— В кн.: Отречение Николая II, с. 189.

¹⁷⁷ Милуков П. Н. История второй русской революции, т. I, вып. I. София, 1921, с. 5.

¹⁷⁸ Дневник Николая Романова.— «Красный архив», 1927, т. I (20), с. 137.

¹⁷⁹ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года, с. 197—198.

¹⁸⁰ Из дневника секретаря великого князя Михаила Александровича А. С. Матвеева.— The Russian Provisional Government, 1917. Documents, vol. I. Stanford, 1961, p. 106.

ских лидеров, не знал его местопребывания, которое держалось в строгом секрете: письмо жене в Гатчину, отравленное с нарочным, Михаил написал измененным почерком. Из него следует, что революционные события встряхнули даже такого в общем-то весьма инертного человека, каким был брат царя. В письме он, в частности, пишет: «Мозги наши не дремлют, и на очереди стоит вопрос о том, как войти в сношение с представителями того края, где мы арендуем имение (речь, по-видимому, идет о сношениях с Думой.— Г. И.). Папаня (царь.— Г. И.) возвращается завтра утром»¹⁸¹.

Таким образом, Михаил, вероятно, на какой-то момент ощутил вкус политических махинаций. 1 марта из своего укрытия он сообщал жене, что его посетила «депутация, в состав которой входили военные», а представил ее «директор-распорядитель общественных металлических заводов»¹⁸². В тот же день на квартиру Путятиной был доставлен манифест, написанный в Царском Селе великим князем Павлом Александровичем. Манифест от имени Николая II объявлял о «даровании» ответственного министерства и конституционного строя. На нем уже стояли подписи Павла Александровича и великого князя Кирилла Владимировича. Александра Федоровна, как уже отмечалось, отказалась его подписать. Теперь он ждал подписи Михаила, после чего его предполагали отправить на окончательную визу Николаю II.

Михаил, отсиживавшийся в апартаментах Путятиных, немедленно подписал манифест, о чем тут же сообщил в Гатчину супруге, отметив, что с этого момента начинается «новое существование России»¹⁸³. Но попытка остановить или хотя бы затормозить могучую поступь революции каким-то жалким манифестом была, конечно, обречена. Это уже поняли Родзянко и другие члены Временного комитета Думы, решившие попытаться сбить революционное пламя более радикальным способом: жертвой Николая II. Здесь теперь обсуждался план его отречения в пользу наследника Алексея. Между тем «борец» за конституцию Михаил Александрович почему-то решил снять свою подпись с манифеста. Его секретарь А. С. Матвеев, находившийся с Михаилом на Миллионной, позднее писал: «Он, очевидно, подписался в спешке, т. к. в тот же день (1 марта.— Г. И.) сообщил Родзянко, которому передали манифест, о том, что снимает свою подпись»¹⁸⁴. Впрочем, вся эта затея с манифестом уже потеряла всякий смысл.

К исходу 1 марта Михаила в его укрытии (теперь уже дом на Миллионной охранялся юнкерами) посетил великий князь

¹⁸¹ ЦГАОР, ф. 622 (Н. С. Брасовой), оп. 1, д. 22, л. 84.

¹⁸² Там же, л. 87.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Из дневника секретаря великого князя Михаила Александровича А. С. Матвеева.— The Russian Provisional Government, 1917. Documents, vol. 1, p. 107.

Николай Михайлович и английский посол Дж. Бьюкенен. Помощью переписки поддерживалась связь и с находившимся в Таврическом дворце Родзянко. Именно из письма последнего вечером 2 марта Михаил узнал о задуманном плане отречения Николая II в пользу Алексея при регентстве его, Михаила (Гучков и Шульгин уже находились на пути в Псков).

Рано утром 3 марта в квартире Путиных раздался телефонный звонок — Керенский просил великого князя принять членов Временного комитета Думы и Временного правительства. Михаил решил, что они едут предлагать ему регентство, на которое он готов был согласиться. Но прибывшие посланцы Думы и Временного правительства сообщили ему другое — о манифесте Николая II, провозглашавшем отречение от престола в его пользу. После некоторого раздумья Михаил отказался возложить на себя шапку Мономаха до решения Учредительного собрания. Это был маневр, подсказанный кадетскими правоведами.

Решение Михаила впоследствии изображалось либеральными авторами неким великодушным и благородным актом, продиктованным чувством патриотизма, уважением воли народа и т. п. Монархисты, напротив, обвиняли думских деятелей в том, что они вынудили Михаила отказаться от престола¹⁸⁵. На самом деле причина заключалась в ином. Показательна запись, сделанная великим князем Андреем Владимировичем в своем дневнике: «Во время совещания (на квартире Путиных, где обсуждался вопрос о вступлении Михаила на престол.— Г. И.) все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всех прикончить, хотя поездка к Мише держалась в тайне»¹⁸⁶. Отказаться от власти Михаила вынудила революция.

Уклонение великого князя Михаила Александровича от престола переводило решение вопроса о сохранении монархии в совершенно иную плоскость: формально оно теперь зависело от Учредительного собрания, но фактически отдавалось на волю «анархии», какой Николаю II представлялась революция. Вечером 3 марта по прибытии в Ставку Николай записал в дневнике: «Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надумил его подписать такую гадость...»¹⁸⁷

¹⁸⁵ См., например: Яблоновский С. Встречи с великим князем Михаилом Александровичем.— «Голос минувшего на чужой стороне», 1926, № 1 (14), с. 143.

¹⁸⁶ Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг., с. 201.

¹⁸⁷ Дневник Николая Романова, с. 137.

КАДЕТСКО-МОНАРХИЧЕСКИЙ БЛОК

(между Февралем и Октябрем)

Царская монархия разбита, но еще не добита.

Л е н и н

Поколебленный пьедестал опрокинутого трона

В конце гражданской войны, когда масса белогвардейцев уже оказалась за российскими рубежами, на страницах эмигрантских газет возник спор. Суть его сводилась к вопросу о причинах монархического бессилия, неспособности русских монархистов организовать сколько-нибудь серьезную борьбу во имя спасения, а затем восстановления престола.

Кадет Б. Мирский в парижских «Последних новостях» в статье под названием «Белые лилии Маркова 2-го» (лидер черносотенцев.— Г. И.) клеймил вчерашних верноподданных царя, оказавшихся, в отличие от французских роялистов, «трусливыми наемниками». «Двор, бюрократия, дворянство,— писал он,— отказались от белых лилий без единой черточки героизма, без единого подвига»¹.

Это произошло потому, оправдывался черносотенный журнал «Двуглавый орел» (редактируемый Н. Е. Марковым 2-м), что, в отличие от Людовика XVI, Николай II «не решился начать междоусобную войну, не решился сам и не приказал того и нам» (монархистам.— Г. И.)² («Двуглавый орел» имел в виду прежде всего отречение Николая, совершенное якобы по высоким патриотическим мотивам войны с Германией). В дальнейшем же монархисты «ушли в себя» главным образом по тактическим соображениям: «выдвижение монархической идеи в момент белого движения знаменовало бы раскол в живой силе этих движений и прервало бы помощь союзных держав, которым нужна была Россия республиканско-демократическая...»³

Время шло, а бесплодный спор между монархистами и либералами, которых поддерживали некоторые их эсеровские

¹ «Последние новости» (Париж), 1920, 7 июня.

² «Двуглавый орел» (Берлин), 1921, 1 (14) марта, вып. 3, с. 13.

³ Там же, 1921, 1 (14) июля, вып. 11, с. 14—15.

вистские союзники, не только не затихал, но, пожалуй, вспыхивал с новой силой. В феврале 1936 г., выступая в Париже с докладом «Революция, царь и монархисты», Керенский уверял аудиторию, что «15 молодых людей в пиджаках» (Керенский имел в виду себя и своих друзей из либерально-соглашательского лагеря) никак не могли разрушить царизм. Бывший премьер «революционного» Временного правительства возлагал всю ответственность за революцию на... монархистов: это в сущности они провоцировали ее, а когда она началась, не шевельнули пальцем в защиту монархии⁴. В ответ неся свист и возмущенные крики бесповавшихся в зале белогвардейцев-монархистов.

Все эти споры свидетельствовали лишь о том, что как бывшие «верноподданные» царя, так и бывшая «оппозиция его величества» ничего не поняли и ничему не научились. Конечно, в какой-то мере монархисты были правы: отречение Николая II и отказ Михаила Александровича «воспринять престол» до решения Учредительного собрания оказали сдерживающее воздействие на «защитников престола», прежде всего в армии. Верно и то, что в ходе гражданской войны монархическая белогвардейщина предпочитала открыто не поднимать своих знамен до свержения Советской власти. Но в не меньшей мере правы были и те, кто клеймил монархистов как «трусливых наемников». Разлагавшееся российское самодержавие оказалось неспособным выдвигать сколько-нибудь достойных людей, искренне преданных своим убеждениям. Большинство из них двигала мелкая корысть, скрытая под маской преданности. Естественно, что они, как крысы, бросились с тонущего корабля.

Как только утром 9 марта поезд с уже арестованным Николаем пришел из Могилева в Царское Село, бывшие свитские генералы, по словам начальника Царскосельского гарнизона полковника Е. С. Кобылинского, посыпались в разные стороны, озираясь по сторонам, проникнутые страхом, что их узнают. «Сцена была весьма некрасивая», — говорил Кобылинский⁵.

Оправдываясь, монархисты впоследствии сами писали о некоем «помрачении умов», начавшемся после Февральской революции. «...Все жило в каком-то угаре, — писал «Двуглавый орел», — вчерашние консерваторы кричали о демократической

⁴ «Последние новости» (Париж), 1936, 28 февраля. Следует отметить, что это последнее утверждение Керенского не вполне соответствует действительности. Например, генералы Келлер и Хан-Нахичеванский выражали готовность силой восстановить Николая на престоле (*Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде*. М., 1967, с. 96). В некоторых частях распространялись листовки с призывом «грудью защищать веру, царя и отечество» (ЦГВИА, ф. 2003 (Ставки), оп. 2, д. 825, л. 188).

⁵ См.: *Talberg G., Wilton R. The Last Days of Romanovs*. New York, 1920, p. 65.

республике, люди порядка и закона восторгались Родзянкой, Гучковым, Милюковым, Терещенкой и прочими убийцами России. Боевые генералы восторженно «ели глазами» жалкого главноверха, истерика Керенского...»⁶

И все же ни монархисты, ни буржуазные либералы не видели и не могли видеть глубинных, коренных причин, объясняющих быструю капитуляцию русских монархистов. Как отмечалось, еще перед Февралем силы сторонников монархии оказались разьединенными под влиянием социально-экономических процессов, происходивших в России начала XX в. Крайне правый фланг монархического лагеря — черносотенный, самодержавный монархизм, хотя и твердо держался на позициях защиты царизма, не представлял достаточно серьезной политической силы. Центр и «левый» фланг монархического лагеря (масса «беспартийных» монархистов и октябристско-кадетский — конституционный монархизм) находились в оппозиции к царизму, шокированные его неспособностью вести войну, нежеланием идти на компромисс с буржуазной «общественностью». Такая позиция хотя и не означала отказа от монархической идеи, все же серьезно колебала и ослабляла ее: последние Романовы, компрометируя себя, невольно компрометировали и царизм. Все это не могло не сказаться в момент февральского переворота: могучей революционной волной черносотенный монархизм оказался отброшенным с политической арены, а октябристско-кадетский монархизм после тщетных попыток спасти монархию и подновить ее путем замены Николая на Михаила вынужден был объявить себя сторонником «нового режима».

Таким образом, решающим фактором, сковавшим и парализовавшим контрреволюционно-монархические силы, была революция, мощное движение народных масс, вызванное глубинными социально-экономическими процессами эпохи империализма.

Но это отнюдь не означает, что монархизм, монархический лагерь исчез, перестал существовать, как утверждалось в белоэмигрантской литературе⁷, в некоторых работах, вышедших в 20-х годах в нашей стране⁸, и как это утверждается в зарубежной буржуазной историографии⁹.

⁶ «Двуглавый орел» (Берлин), 1920, 14 (27) сентября, вып. 1, с. 3.

⁷ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг., ч. 1, кн. 1. Париж, 1937, с. 25; Мельгунов С. П. Гражданская война в описании Милюкова. Париж, 1929, с. 24—25.

⁸ Фирсов Н. Н. Николай II. Опыт личной характеристики преимущественно на основании дневника и переписки. Казань, 1929, с. 10; Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.—Л., 1929, с. 18.

⁹ Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. New York, 1939, p. 146; Liebman M. La Revolution Russe. Paris, 1967, p. 86; Lockett R. The White Generals. London, 1971, p. 166—167, etc.

Даже черносотенные элементы, представители так называемых «темных сил», группировавшихся вокруг придворной камарилы, не были погребены под обломками рухнувшего здания царизма. Позднее, в эмиграции, Марков 2-й признавал, что «за первые месяцы революции (Февральской.— Г. И.) даже и помыслить было нельзя о начинании гражданской войны». Но и в это время, по его словам, шло «восстановление порванных связей, отыскание уцелевших и не потерявших духа людей, уяснение дальнейших способов действия. Это было время тайного сбора на костях ужасного разгрома»¹⁰.

К лету 1917 г., особенно после июльских событий, шок, по видимому, постепенно стал проходить. Во всяком случае черносотенно-монархическая контрреволюция в этот период начала поднимать голову. В ходе некоторых контрреволюционных манифестаций, состоявшихся в июле в Петрограде, Москве и других городах, демонстранты несли портреты «наследника престола» Алексея Романова и лозунги с требованием воцарения великого князя Михаила Александровича¹¹. Печать была полна сведениями о погромной деятельности и агитации черносотенцев. Их газеты — «Маленькая газета», «Живое слово», «Гроза» и др. — публиковали статьи в защиту свергнутого царизма. Дошло до того, что на здание Сената ночью было совершено вооруженное нападение. Как писали газеты, грабители пытались «выкрасть документы об отречении Николая II».

В июле ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов создал специальный отдел по борьбе с контрреволюцией. 7 августа он обратился к местным Советам с письмом, в котором просил безотлагательно сообщать во ВЦИК все сведения о действиях черносотенцев как в тылу, так и на фронте¹².

И все же черносотенная, собственно царистская контрреволюция, помышлявшая о полной реставрации «павшего режима», не составляла, как отмечал В. И. Ленин, сколько-нибудь значительного фактора поднимавшейся монархической контрреволюции¹³. Ее потенциальные резервы крылись главным образом в тех буржуазно-помещичьих и частично мелкобуржуазных слоях, которые до революции шли за октябристами и главным образом кадетами.

Февральская революция не подорвала экономические и даже политические основы этих слоев (октябристы, правда, как партия фактически перестала существовать, но ее сторонники прочно обосновались в «частных совещаниях» Государственной думы, в различных союзах и объединениях буржуазии и зем-

¹⁰ Марков Н. Е. Попытки спасения царской семьи.— «Высший монархический совет», 1924, 28 апреля (11 мая), с. 14.

¹¹ War and Revolution. Excerpts from Letters and Diaries of the Countess O. Poutiatine. Tallahassee, 1971, p. 81.

¹² ЦГАОР, ф. 1235 (ВЦИКа), оп. 1, д. 332, л. 215—216 об.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 83.

левладельцев и т. п.). Пришедшее к власти Временное правительство не только не покушалось на эти основы, но, напротив, было преисполнено решимости укреплять их. Помещичье землевладение осталось нетронутым, и десятки тысяч дворян (по некоторым подсчетам, они составляли 0,2% населения царской России, т. е. приблизительно 700—800 тыс. человек)¹⁴ по-прежнему сидели в своих имениях или проживали в городах, переживая время «смуты».

Конечно, среди них было немало обуржуазившихся землевладельцев, которые (особенно на первых порах) поддерживали Временное правительство. Но значительная часть помещичьего класса (в том числе и крупные латифундисты) продолжала вести хозяйство феодального или полуфеодального типа¹⁵. В руках помещиков и после Февраля сохранились огромнейшие богатства: только горстка крупных помещиков владела 70 млн. десятин земли.

Весной и особенно летом 1917 г. оживил свою деятельность помещичье-кулацкий Всероссийский союз земельных собственников, в Главный совет которого входили такие октябристско-монархические деятели, как В. И. Гурко, А. В. Кривошеин, Н. Н. Львов и др. По подсчетам Т. В. Осиповой, в 1917 г. союз имел 337 местных отделений, из них 45 губернских и областных, 167 уездных; остальные являлись волостными¹⁶.

Официально провозглашая себя беспартийной организацией, Союз требовал неприкосновенности принципа частной собственности, сохранения крупных земельных владений и соглашался на отчуждение главным образом казенных и удельных земель только за выкуп¹⁷. Начиная примерно с июля 1917 г. голоса «земельных собственников» стали звучать требовательно, даже ультимативно. Они открыто критиковали Временное правительство за недостаточную решительность и твердость в борьбе с аграрной революцией и отстаивание интересов «землевладельческого класса»¹⁸.

К сожалению, политическая деятельность Союза земельных собственников выяснена недостаточно из-за ее полулегального и даже нелегального характера. Но то, о чем не могли говорить официальные руководители этого Союза, не скрывали его рядовые члены. В письме к Родзянко помещик Турчанинов пи-

¹⁴ Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975, с. 27.

¹⁵ Подробнее см.: Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.

¹⁶ Осипова Т. В. Всероссийский союз земельных собственников (1917). — «История СССР», 1976, № 3, с. 119—120.

¹⁷ Чаадаева О. Н. Помещики и их организации в 1917 г. М.—Л., 1928, с. 94—95.

¹⁸ Подробнее см.: Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974, с. 186—187.

сал: «Откровенно говоря, февральский переворот — величайшая политическая глупость, какую можно себе представить... Кого вы знаете в настоящее время в России, кому бы поголовно население страны, не говоря уже верило безусловно, но соглашалось повиноваться? Вы сами хорошо понимаете, что такого лица, кроме государя, нет и быть сейчас не может...»¹⁹

Летом 1917 г. Союз земельных собственников, несомненно, поддерживал корниловщину, а после Октября теснейшим образом был связан с монархическим Правым центром.

«Существование помещичьего землевладения в России,— писал В. И. Ленин,— есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии»²⁰.

Капиталистическая структура в промышленности и банковской системе (в том числе государственно-капиталистическое хозяйство, составлявшее экономическую опору царизма) также не подверглась каким-либо изменениям. Но крупная буржуазия и финансовая олигархия, рассчитывавшая, что с приходом ее представителей к политической власти кривая революционного движения пойдет вниз, а кривая прибылей и сверхприбылей — вверх, испытывали глубокое разочарование. Обуздать революционный пролетариат России не удалось. Напротив, рабочее движение, ведомое большевиками, неуклонно расширялось, приобретая социалистический характер. Лидеры многочисленных объединений промышленников и торговцев все настойчивее выступали с требованием консолидации «здоровых сил» страны, чтобы покончить с «анархией». На стачки и забастовки рабочих буржуазия отвечала свертыванием производства и локаутами в надежде, что «костлявая рука голода», наконец, схватит революцию за горло²¹.

По имеющимся данным, буржуазия составляла 3,6% общей численности населения страны, т. е. примерно 5—6 млн. человек. Только в городах капиталисты владели собственностью на сумму 7 млрд. рублей, а стоимость основных и оборотных фондов их предприятий превышала 10 млрд. рублей. Это была огромная материальная сила²².

Конечно, монархические чувства буржуазии не были столь определенны и столь последовательны, как чувства помещиков. Тем не менее нельзя не учитывать, что в буржуазной среде, несмотря на рост дельцов чисто капиталистической формации, все еще преобладал тип консервативно настроенного, старомодного хозяина «тит титыча»²³.

¹⁹ Цит. по: Чаадаева О. Н. Помещики и их организации в 1917 г., с. 46.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 425.

²¹ Подробнее см.: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Минц И. И. История Великого Октября, т. 2. М., 1968, с. 389—398, и др.

²² Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР, с. 39.

²³ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964, с. 54.

В. И. Ленин разъяснял, что «экономическое господство для буржуазии все, а форма политического господства — дело десятое». И все же она «стояла и будет стоять за монархию, потому что более грубая, военная охрана капитала монархическими учреждениями всем капиталистам и помещикам виднее и «ближе»»²⁴.

Помещичье-буржуазные элементы и после Февраля занимали господствующее положение в государственном аппарате. Хотя Временное правительство и предприняло чистку высшего командования, но осуществляло ее крайне непоследовательно и осторожно, удаляя из армии лишь наиболее одиозных, явно скомпрометировавших себя генералов. Но даже к середине мая, когда эта «чистка» была в основном завершена, из 40 генералов, занимавших высшие посты, только 15, по данным начальника штаба А. И. Деникина, являлись сторонниками демократизации армии на кадетско-соглашательский манер; остальные были ее непримиримыми противниками²⁵.

Сложнее обстояло дело с офицерством. За время войны его дворянский состав в значительной мере разбавился выходцами из демократических слоев. Но даже они, по свидетельству генерала А. А. Брусилова, «к перевороту (февральскому.— Г. И.) подготовлены не были» и лишь 15—20% офицеров пошло вместе с солдатами. Остальная масса предпочла спрятаться «в свою скорлупу», выжидая прояснения обстановки²⁶.

Однако по мере дальнейшего революционизирования армии наметился процесс поправки ее командных верхов: в их представлении царская армия являла собой образец порядка, резко контрастирующий с «разложившейся» армией Временного правительства. В этих кругах росла тоска по старым временам, а с нею росли и черносотенные настроения. Летом 1917 г. в некоторых фронтовых и тыловых частях распространялись листовки, в которых «новая власть» обвинялась в предательстве худшем, чем предательство «сухомлиновых, штурмеров и т. п.». Листовки призывали объединяться в «тайные русские общества», чтобы сбросить «немецко-еврейское иго» и «спасти» российскую державу²⁷. 18 июля 1917 г. «Известия Петроградского Совета» в статье «Борьба с контрреволюцией» писали: «...Пытаясь под предлогом подавления анархии или восстановления боеспособности армии разрушить рабочие, солдатские и крестьянские организации... контрреволюция ...собирает под своим знаменем рать темных проходимцев и тай-

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 258.

²⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 1, вып. 2. Париж, 1921, с. 5—10. Подробнее см.: Голуб П. Партия, армия и революция. М., 1967.

²⁶ Зайончковский А. М. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. VII. М., 1923. Приложение, с. 135.

²⁷ ЦГАОР. ф. 9 (Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о генерале Корнилове...), оп. 1, д. 75, л. 35, 36.

ных слуг старого режима». Монархически настроенные генералитет и офицерство представляли собой наиболее активный, боевой элемент контрреволюционного лагеря.

Еще меньшей чистке подвергся, пожалуй, правительственный аппарат. Правда, в первые дни Февральской революции Временное правительство под давлением масс вынуждено было арестовать наиболее одиозных царских министров и сместить целый ряд бывших губернаторов, но на среднем и низшем уровнях многочисленных «присутствий» продолжали скрипеть перьями люди, вымуштрованные долгими годами чиновничьей службы в царских канцеляриях. Р. Робинс, как представитель Американской миссии Красного Креста, летом и осенью 1917 г. побывавший в разных местах России, свидетельствует: «Эти чиновники, обученные при самодержавии и приученные к чиновничеству и раболепию, характерному для класса лакеев и прислужников, который формируется аристократическими и деспотическими режимами, смотрели с презрением на правительство, не верили в его прочность и везде ожидали возвращения царя, восстановления власти самодержавия»²⁸. Значение этих больших и маленьких бюрократов определялось не столько их численностью, сколько опытом и знаниями, благодаря которым они могли придать правительственной машине «старорежимный» ход.

Такая же обстановка царила в ведомствах Временного правительства за рубежом. В середине мая 1917 г. Временное правительство командировало в Европу своего эмиссара С. Г. Сватикова, который должен был обследовать там русскую заграничную агентуру. Сватиков выполнил поручение и представил в МИД совершенно секретный доклад. В нем содержались важные сведения (полученные, как писал Сватиков, из достоверных источников) о контрреволюционной деятельности русских «сторонников старого режима», живших в странах Западной Европы еще до Февральской революции. «Контрреволюционное движение за границей,— сообщал Сватиков,— несомненно, существует и выражается в формах гораздо более крупных, чем это можно было бы ожидать на первый взгляд... Контрреволюционные организации находятся в настоящее время в периоде своего создания и взаимного сближения. В них принимают участие лица, занимавшие видное положение в среде бюрократии старого режима, а также, несомненно, многие лица, состоящие в настоящее время на службе Временного правительства, но назначенные при старом режиме». Сватиков указывал на несколько таких контрреволюционных монархических гнезд в Европе: в Лондоне, Париже, Лозанне, Риме, Стокгольме²⁹.

²⁸ Документы Раймонда Робинса.— «Вопросы истории», 1970, № 8, с. 116.

²⁹ «Красный архив», 1927, № 1 (20), с. 25—37. Монархисты не простили Сватикова. Позднее, в 1919 г., когда он оказался на службе в денкинском Осваге, его изгнали оттуда по требованию белогвардейских офицеров.

Реакционные клерикалы, которые в самый канун Февральской революции (19 февраля) призывали народ «встать непроборимой стеною вокруг царского престола» и решительно осуждали революционное движение³⁰, за малым исключением остались на своих местах. Официально церковь признала Временное правительство, но во многих местах страны духовенство исподволь вело монархическую пропаганду. Отдел сношений с провинцией, учрежденный Временным комитетом Государственной думы сообщал, что «наибольшие симпатии к старой власти и наименьшую активность в возведении начал нового строя проявило, между прочим, повсеместно духовенство»³¹. А газета «Церковность» еще 26 марта 1917 г. призывала верующих к «преданности святым заветам... русской государственности, основанной на вере в бога, на любви и почтении его помазанника — царя боговенчанного...»³²

Резервом контрреволюционно-монархических сил (дворянства, определенных кругов крупной буржуазии, реакционной военищины, старого чиновничества в России и за границей, духовенства) являлись: в деревне — некоторые зажиточные слои крестьян (в 1913 г. в России вместе с семьями насчитывалось 17 млн. кулаков³³), чья монархическая психология десятилетиями формировалась церковью и «начальством»; в городе — мелкобуржуазные, мещанско-обывательские слои и даже часть рабочих, еще не «выварившихся» в пролетарском котле и политически совершенно темных. Они и раньше, до Февральской революции, в определенной мере питали черносотенство. Февраль, естественно, не мог сразу вытравить их, по словам В. И. Ленина, самый темный и самый грубый «мужицкий демократизм»³⁴.

На первых порах после свержения царизма мелкобуржуазное, обывательское болото поддавалось «революционному» шовинизму, но затем в его среде, потревоженной дальнейшим развитием революции, начал усиливаться процесс недовольства. Канцелярии Временного правительства и даже Петроградского Совета оказались буквально заваленными письмами. Во многих из них изливалась душа тех, от имени которых некий корреспондент называл себя представителем «неполитиканствующих», представителем «безмолвствующего большинства»³⁵. «Я всегда был далек от политики,— писал один из них,— но скажу откровенно, что при Николае II жилось спокойнее, справед-

³⁰ Кандидов Б. Церковь и Февральская революция. М., 1934, с. 16.

³¹ Цит. по: Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917—1923. М., 1968, с. 13.

³² Там же. См. также: Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969, с. 164—173.

³³ Трифионов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР, с. 52.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 18.

³⁵ ЦГАОР, ф. 3 (Канцелярии министра-председателя Временного правительства), оп. 1, д. 373, ч. 3, л. 155.

ливее, устойчивее». «Берите назад свободу с революцией,— взывал другой,— нам лучше жилось прежде, без свободы, без товарищей...»³⁶

В своих письмах некоторые из «неполитиканствующих» намечали вполне определенную политическую программу. Так, например, утверждалось, что отречение Николая II «не было народным чаянием». Но «великое смущение» от этого акта было рассеяно «указанием на переход престола к великому князю Михаилу Александровичу». Далее автор писал: «Выстраданная мысль, душа видит: тяжкий грех, преступление совершили перед землей русской, славянством те, кто настоял и понудил великого князя Михаила Александровича отказаться от престола и от регентства». И в заключение выдвигались требования привлечь «к государственному домостроительству в Петрограде или на поле брани великого князя Михаила Александровича и освободить из заключения Николая II»³⁷.

Таким образом, послефевральский контрреволюционный лагерь, в котором октябристско-кадетский монархизм перемежался с монархизмом черносотенным, потенциально представлял собой большую угрозу. Сила этого лагеря заключалась как в его численности, так и в материальных средствах, военном и государственном опыте, которыми он располагал.

«Левение» монархистов и правление либералов

Лишившись после Февраля своего старого центра притяжения — царизма, разношерстный монархический лагерь, за исключением большинства черносотенцев, повернул к новому — буржуазному Временному правительству. Начался, по образному выражению кадеты И. Гессена, процесс превращения «савлов в павлов», т. е. обращение вчерашних монархистов в сторонников «нового режима», главным образом в кадетов и кадетствующих.

В. И. Ленин дал глубокое объяснение причин этого явления. «Гг. представители помещиков и капиталистов, заседающие во Временном правительстве,— писал он,— непременно хотят *сохранить* старый, царистский *аппарат* управления... Так делали все буржуазно-парламентарные республики в мире почти всегда... Так делали,— облегчая и подготавливая этим возврат от республики к монархии, к Наполеонам, к военным диктаторам. Так делали — и господа кадеты непременно хотят повторить эти печальные примеры.

Вопрос чрезвычайно серьезен. Обманывать себя нечего. Такими шагами, именно ими Временное правительство *подготов-*

³⁶ *Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Л., 1973, с. 240.

³⁷ ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 373, ч. 3, л. 155, 163, 164 об., 165.

ляет — все равно, сознательно или несознательно — восстановление монархии в России»³⁸.

Несколько позднее В. И. Ленин вновь подчеркнул: «Капиталисты направили теперь все усилия на то, чтобы республика в России как можно больше походила на монархию и могла быть как можно легче снова превращена в монархию (примеры тому бывали во многих странах неоднократно)»³⁹.

И Керенский, в сущности говоря, был прав, когда в эмиграции, отбиваясь от обвинений монархистов, категорически заявлял: «Никаких оснований предъявлять претензии к революционной власти (Временному правительству.— Г. И.) у представителей старого режима нет!»⁴⁰

Конечно, конституционно-монархические и тем более республиканские намерения части кадет далеко не полностью соответствовали помыслам тех монархистов, которые мечтали о возврате к дофевральским порядкам или даже к положению, существовавшему до первой русской революции. Но общий страх перед движением революционных масс, все решительнее выступавших под руководством большевиков за социализм, толкал их в кадетское лоно. «Факт налицо,— писал В. И. Ленин,— все помещики и капиталисты, все черные силы, все старающиеся восстановить царя — за кадетов»⁴¹.

За время Февральской революции, заявлял помещик-октябрист Н. Савич, он во многом примирился с кадетами, «ибо увидел, что в основных, главных чертах государственной политики они все-таки берут верную ноту»⁴². «Пути ЦК (кадетской партии.— Г. И.),— говорил он,— совпали с нашими путями»⁴³. «Партия народной свободы получит и свои голоса, и всех тех, кто идет правее: ведь я человек правых убеждений, монархист, как вы знаете, подаю свои голоса за членов партии народной свободы, и так делают все, кто понимает, что разбиваться на мелкие партии невозможно»⁴⁴. Так говорил октябрист и националист.

Но не отставал от него и «оппозиционный» черносотенец Пуришкевич. Сразу же после февральского переворота, разъезжая по фронту, он призывал поддержать Временное правительство как единственную власть, существующую до созыва Учредительного собрания⁴⁵. Позднее он констатировал, что за кадетскую партию «подали голоса все, правее стоящие»⁴⁶. «Ве-

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 463.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 46.

⁴⁰ «Последние новости» (Париж), 1936, 28 февраля.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 211.

⁴² Буржуазия и помещики в 1917 г. М.—Л., 1932, с. 179.

⁴³ Там же, с. 189.

⁴⁴ Там же, с. 284.

⁴⁵ «Солдатское слово» (Петроград), 1917, 4 марта.

⁴⁶ Буржуазия и помещики в 1917 г., с. 127.

стник партии народной свободы» даже выражал опасение в связи с возможным изменением политического лица партии из-за наплыва в нее правых элементов — «мартовских кадетов»⁴⁷.

Позиция монархистов была проста, но логична: совместными силами сокрушить революционное движение рабочих и крестьян, что означало разгон и ликвидацию массовых, революционно-демократических организаций и прежде всего большевистской партии, борющейся за перерастание революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Это создало бы такую ситуацию, в которой монархические силы могли бы беспрепятственно реализовывать свои политические вожелания с развязанными руками, без давления «снизу». И отнюдь не было исключено, что крайне правые сумеют решительно предъявить свои контрреволюционные требования любому буржуазному правительству.

В начале июня 1917 г. В. И. Ленин писал: «...наша революция *до сих пор* дала только власть *буржуазии*... с «безвредным меньшинством» «прирученных буржуазией социалистов»... Что даст завтра наша революция: — возврат к монархии, укрепление буржуазии, переход власти к более передовым классам — мы не знаем, и никто не знает»⁴⁸.

Но если после Февральской революции наметился процесс кадетизации, «полевления» монархистов, то навстречу ему постепенно начал развиваться процесс поправления кадетской буржуазии и интеллигенции, росло число так называемых кающихся либералов. Правда, 7-й съезд кадетской партии, состоявшийся в конце марта 1917 г., принял решение об изменении партийной программы: вместо конституционной монархии признавалось необходимым установление республики. Но, как впоследствии признали сами кадеты, такой шаг был сделан главным образом по тактическим соображениям: в послефевральской политической атмосфере партии необходимо было продемонстрировать свою «левизну»⁴⁹.

Однако независимо от этого в либерально-буржуазной среде исподволь уже началась переоценка ценностей. До Февральской революции либералы либо находились в оппозиции царизму, либо занимали выжидательную позицию. Теперь, после крушения самодержавия, они готовы были признать буржуазно-конституционные завоевания Февраля и власть Временного правительства, но со страхом наблюдали, как могучая волна пролетарской революции, возглавляемая большевистской пар-

⁴⁷ «Вестник партии народной свободы», 1917, № 6—7, с. 5. Подробнее см.: Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники. Л., 1975, с. 188—190.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 252.

⁴⁹ Дулова Н. Г. Из истории кадетской партии в 1917 г. — «Исторические записки», 1972, № 90, с. 121—122.

тием, движется дальше, угрожая смести Временное правительство.

В либерально-буржуазных кругах все более ходячим становилось слово «Ахерон», которым они именовали народную революцию, представлявшуюся им разбушевавшейся стихией, всесокрушающей анархией. «Ахерон» вызывал у них панический ужас и острое сознание, что именно сметенный в Феврале царизм был надежной плотиной, худо ли, хорошо ли, но сдерживавшей его в извечно предназначенном ему русле. На этой почве росло тоскливое осознание своего «греха», заключавшегося в «бездумной» критике «традиционной власти», в оппозиции царизму и пусть косвенном, но содействии «Ахерону». В результате в октябристской и правокадетской среде категория «кающихся либералов» увеличивалась. Правда, полное раскаяние в «содеянном» пришло к вчерашним «борцам» против самодержавия позднее, главным образом после Великой Октябрьской революции, но первые нарастающие его симптомы стали проявляться уже в послефевральский период. Именно в это время печальной памяти веховцы (Н. А. Бердяев, М. О. Гершензон, П. Б. Струве и др.), оплевывавшие еще первую русскую революцию, вынашивали мысли, изложенные ими вскоре после Октября в сборнике «Из глубины».

Смердяков из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского в этом сборнике символизировал русский народ, Иван Карамазов — русскую интеллигенцию, а отец Карамазова — традиционную для русского народа и его «духа» царскую власть. И главный грех за убийство «отца» возлагался на Ивана Карамазова — либеральную интеллигенцию, подстрекнувшую Смердякова. Авторы сборника доказывали, что государственно-правовые и культурные формы создаются неким «народным духом» и потому они остаются в основе неизменными, несмотря на попытки их изменения. Отсюда следовал вывод: революция против царизма бессмысленна и вредна⁵⁰.

Наиболее быстро к этому выводу пришли, естественно, октябристы и правые кадеты. Наглядным примером может стать позиция П. Б. Струве. Как пишет его биограф Л. Франк, «после первых дней оптимизма (вызванного Февралем.— Г. И.) он (Струве.— Г. И.) сразу же остро ощутил смертельную опасность революции и ринулся в борьбу против нее»⁵¹. По свидетельству Франка, в ответ на высказываемые опасения, что революция может привести к активизации реакционных сил, Струве говорил: «Что там реакция! Иоанн Грозный — молния с неба — вот что было бы адекватно творящейся мерзости!»⁵² И когда уже в эмиграции Струве напоминали о его оптимизме

⁵⁰ Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967, с. 241 и др.

⁵¹ Франк Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956, с. 113.

⁵² Там же, с. 119.

в первые послефевральские дни, он отвечал злой репликой: «Дурак был!»⁵³

Недалеко от Струве ушла и член ЦК кадетской партии, представитель ее правого крыла, А. Тыркова-Вильямс, уже вскоре после Февраля осознавшая, что «жандармы и полиция, которых мы (кадеты.— Г. И.) считали дураками, оказались прозорливее нас»⁵⁴.

Другой правый кадет, В. Маклаков, летом 1917 г. убеждал генерала Алексеева в необходимости вернуться «к последнему легальному акту русской истории — отречению Николая II и возвести на престол Михаила», т. е. восстановить монархию «в правовой форме»⁵⁵. Великий князь Михаил котировался в буржуазных кругах как «либеральный и конституционный» монарх, но этот «либерал» говорил: «Во мне все кипит. Как мы будем вешать их (революционеров.— Г. И.), когда одержим верх!»⁵⁶

«Левение» монархистов и постепенное правление либералов — два встречных процесса, начавшиеся вскоре после свержения царизма и стимулировавшиеся нараставшей социалистической революцией, — вели их к объединению, которого они так и не могли достигнуть перед Февралем. В. И. Ленин писал, что блок монархистов с кадетами «подтвержден, как политический факт, перед всей Россией...»⁵⁷

Идея военной диктатуры

В блестящей по глубине анализа статье «Политические партии в России и задачи пролетариата» (начало апреля 1917 г.) Ленин писал, что партии правее кадетов (монархисты черносотенного толка) и кадеты относятся к социализму «безусловно враждебно, ибо он грозит прибылям капиталистов и помещиков». Это главное, что их объединяло. Но вместе с тем кадетско-монархический блок не был и не мог быть монолитным. В той же статье В. И. Ленин, вскрывая причину этого, указывал: партии правее кадетов хотят «конституционной монархии, всевластия чиновников и полиции», стоят за восстановление Романовых. Кадеты же, по крайней мере официально, хотят «буржуазной парламентарной республики, т. е. упрочения господства капиталистов при сохранении старого чиновничества и полиции», и если не выступают за восстановление Романовых, то только потому, что «народ стал казаться силой».

⁵³ Франк Л. Биография П. Б. Струве, с. 112.

⁵⁴ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952, с. 122.

⁵⁵ Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959, с. 204.

⁵⁶ Зубов В. П. Страдные годы России. Мюнхен, 1968, с. 195—196.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 403.

Против какого-то ни было восстановления монархии, отмечал Ленин, только большевики, а также меньшевики и эсеры⁵⁸.

Политическая позиция партий правее кадетов, т. е. черносотенцев и близкой им части октябристов-националистов, была такова, что в условиях послефевральской революционной ситуации они вынуждены были скрывать свои намерения, действовать «тайком и осторожно, боясь народа»⁵⁹. Это неизбежно вело к тому, что доминирующее положение в блоке занимали кадеты, монархисты предпочитали идти за ними. «Кадетская партия,— писал Ленин,— есть главная политическая сила буржуазной контрреволюции в России. Эта сила великоленино сплотила вокруг себя всех черносотенцев как на выборах, так (что еще важнее) в аппарате военного и гражданского управления и в кампании газетной лжи, клевет, травли, направляемых сначала против большевиков, т. е. партии революционного пролетариата, потом против Советов»⁶⁰.

Политической равнодействующей в переплетении сил, составлявших кадетско-монархический контрреволюционный лагерь, с ранней весны 1917 г. стала идея создания сильной «национальной» власти, власти «твердой руки».

Выступая на частном совещании членов Государственной думы 4 мая 1917 г., А. И. Гучков заявил, что «только сильная власть — я скажу вопрос второстепенный, в чьих руках,— только сильная власть может спасти страну от этой анархии, которая в дальнейшем своем развитии, несомненно, приведет нашу родину к гибели»⁶¹. Эта мысль, высказанная октябристом, т. е. политиком, стоявшим как бы в центре, между черносотенцами-монархистами и кадетами, была подхвачена на обоих флангах. Конкретный путь для реализации идеи «твердой власти» как кадеты, так и большинство монархистов видели в ликвидации двоевластия и всемерном усилении власти Временного правительства, хотя часть крайне правых, черносотенных элементов не отказывалась и от мысли при благоприятных для них обстоятельствах избавиться и от него.

«Правые,— писал В. И. Ленин,— хотят свержения Временного правительства и возврата к монархии»⁶². В. Пуришкевич, используя черносотенную терминологию, вновь призывал «спасать Россию»⁶³. На его языке это значило «усмирить»

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 195, 196. Крайне важно подчеркнуть, что в предисловии ко второму изданию брошюры «Политические партии в России и задачи пролетариата», написанном в октябре 1918 г., Ленин специально отметил, что «основные особенности главных политических партий сказались, подтвердились в течение всех последующих этапов революции» и «во время Октябрьской революции 1917 г. и после нее» (там же, с. 193).

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 196.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 83.

⁶¹ Буржуазия и помещики в 1917 г., с. 8.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 279.

⁶³ Буржуазия и помещики в 1917 г., с. 199.

«взбунтовавшуюся армию», «оздоровить» Петроград, т. е. разогнать Советы рабочих и солдатских депутатов, уничтожить большевистскую партию. Но для этого, кричал Пуришкевич в Думе, Временное правительство должно «идти не теми путями Герострата», которыми оно идет⁶⁴. Он доказывал, что «единственным очагом порядка» в России должна стать IV Государственная дума с ее Временным комитетом и требовал перенести Думу в Новочеркасск, под охрану монархически настроенной казачьей верхушки⁶⁵.

Такого рода высказывания отражали настроения определенных кругов, стоявших за спинами Пуришкевича, Родзянко и им подобных. В письме к Родзянко один из представителей этих кругов летом 1917 г. писал: «Именно теперь, как никогда, нужно беречь Государственную думу. На ней лежит грех, хотя, быть может, невольный и оправдываемый течением неотвратимых обстоятельств, но большой грех участия в свержении исторически сложившейся государственной власти в критический момент войны... Да благословит бог тот день, когда, придя на спасение отечества, Государственная дума искупит свой грех...»⁶⁶

Характерна демагогия, к которой при этом прибегали монархисты. В многочисленных брошюрах и прокламациях, которые распространял Пуришкевич и его подручные весной и летом 1917 г. (брошюры «Вперед!», «Без забрала» и др.), монархисты объявляли себя борцами против «старого режима», утверждали, что и теперь они не являются его защитниками, что таких защитников вообще не существует. Более того, они пугали... контрреволюцией⁶⁷. На частном совещании членов Государственной думы Пуришкевич заявлял, что, если не будет покончено с Советами и большевиками, если власть не проявит силу, именно тогда «грядет» контрреволюция, и «она приведет к тому режиму, перед которым покажется сладким режим Штюрмера, Распутина и Протопопова»⁶⁸. Но сквозь все демагогические прикрытия прорывалось то, чем болела монархическая, помещичья душа пуришкевичей. В брошюре «Вперед!» Пуришкевич, прославляя «солъ нации» — русское дворянство, угрожающе писал: «Нас рано хоронят, и не вам (речь идет о революционной демократии.— Г. И.), пигмеям ума и духа, петь отходную русскому дворянству»⁶⁹.

Большевистская газета «Пролетарий», разоблачая контрреволюционную демагогию монархистов, писала, что требования, которые выдвигает Пуришкевич в Государственной думе — это

⁶⁴ Буржуазия и помещики в 1917 г., с. 200.

⁶⁵ Там же, с. 128.

⁶⁶ Цит. по: Чаадаева О. Н. Помещики и их организации в 1917 г., с. 162.

⁶⁷ ЦГАОР, ф. 9, оп. 1, д. 79, л. 74; ф. 336, оп. 1, д. 227, л. 21.

⁶⁸ Буржуазия и помещики в 1917 году, с. 204.

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 9, оп. 1, д. 79, л. 74.

лишь программа-минимум. Когда она будет выполнена, наступит очередь программы-максимум. «Какова она будет, предвидеть легко: крестьян согнуть в бараний рог, рабочих обуздать, солдат превратить в «серую скотину», в стране установить тишину кладбища, на престол российский посадить помазанника божия»⁷⁰.

Но Государственная дума могла претендовать лишь на то, чтобы стать политическим центром контрреволюции. Идея сильной власти, «твердой руки», которой грезил кадетско-монархический лагерь, могла быть осуществлена только теми, кто располагал реальной, вооруженной силой, т. е. армией.

После свержения царизма в армии произошли глубокие изменения. Как и во всей стране, здесь фактически образовалось двоевластие: с одной стороны, большевизирующиеся комитеты, опиравшиеся на революционные солдатские массы и демократическое офицерство, главным образом младших рангов, с другой — сохранившееся на своих постах реакционное командование⁷¹. До Февральской революции многие его представители находились в оппозиции царскому правительству, выражая недовольство, главным образом его «распутинским» характером, что в конечном счете и толкнуло их на блок с думскими политиками в дни Февраля. Но идти дальше отречения Николая II генеральская верхушка не намеревалась.

Однако реальный ход событий после Февраля, размах революционного движения зашли столь далеко, что монархические генералитет и офицерство начали сознавать свой «грех» еще острее и мучительнее «кающихся либералов». Их настроения находили выражение в формировании весной 1917 г. ряда контрреволюционных военных и полувоенных организаций — Союз офицеров армии и флота, возникший при Ставке, Военная лига, Союз воинского долга, Союз чести Родины, Союз добровольцев народной свободы, Союз спасения Родины, Добровольческая дивизия, Батальон свободы, Союз бежавших из плена. Официально все они объявляли себя патриотическими организациями, борющимися главным образом за повышение боееспособности русской армии, за укрепление в ней дисциплины в целях доведения войны до победного конца и т. п. Так, например, в прокламации «Граждане офицеры!» главный комитет Союза офицеров армии и флота декларировал, что союз «не имеет никакой политической платформы и не преследует никаких политических целей, что его главная цель — воссоздание боевой мощи русской армии»⁷². В уставе Военной лиги указывалось, что в основу своей деятельности она кладет «всемерное содействие и самую широкую поддерж-

⁷⁰ «Пролетарий» (Петроград), 1917, 24 августа.

⁷¹ Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974, с. 285, 310.

⁷² ЦГАОР, ф. 9, оп. 1, д. 75, л. 39.

ку к охранению, закреплению и усилению боеспособности российской армии и флота»⁷³.

Но «спасение» армии от «анархии», восстановление «поруганной чести» офицеров и т. п. «неполитические» цели упирались в необходимость устранения Советов и солдатских комитетов, т. е. в конечном счете в реализацию той же идеи создания «твердой власти». Требование ее решительно прозвучало уже в начале мая 1917 г. на учредительном съезде Союза офицеров армии и флота в Могилеве. Выступая на нем, верховный главнокомандующий генерал Алексеев взывал: «Где та сильная власть, о которой горюет все государство?» В таком же духе говорил генерал А. И. Деникин и др.⁷⁴

Так постепенно несколько аморфная мысль о «твердой власти», вынашиваемая в кадетско-монархических кругах, трансформировалась в идею установления военной диктатуры, которую сразу же подхватила генеральско-офицерская контрреволюция, концентрировавшаяся главным образом в названных союзах, обществах и лигах. В начале лета 1917 г. они начали объединяться вокруг так называемого Республиканского центра, возникшего по инициативе представителей торгово-промышленных и банковских кругов, а также реакционной военщины. Политическое руководство центром осуществлял К. В. Николаевский, военными силами командовал полковник Десимьер. Финансировался центр банковскими воротилами, в том числе входившими в так называемое Общество экономического возрождения России (А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский, Н. Н. Кутлер, Б. А. Каминка и др.). Республиканский центр, по свидетельству его члена П. Н. Финисова, был весьма крупной и разветвленной по всей стране организацией⁷⁵. По некоторым данным, с центром была негласно связана руководящая кадетская верхушка, в том числе П. Н. Милюков и Ф. И. Родичев⁷⁶.

В одном из своих воззваний Республиканский центр объявлял, что его программой являются «поддержка сильной власти и водворение порядка», после чего все государственные вопросы должны быть решены через Учредительное собрание⁷⁷. Он декларировал, что «отвергает для России необходимость быть под царями»⁷⁸.

Отсутствие монархически-реставрационистских тенденций в планах контрреволюционных образований всячески подчеркивали и белоэмигрантские историки. Так, например, Н. Н. Го-

⁷³ ЦГАОР, ф. 9, оп. 1, д. 78, л. 3.

⁷⁴ Голуб П. Партия, армия и революция, с. 46—47.

⁷⁵ «Последние новости» (Париж), 1937, 27 марта.

⁷⁶ ЦГАОР, ф. 336 (Следственной комиссии Петроградского Совета), он. 1, д. 277, л. 74.

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 9, оп. 1, д. 79, л. 54.

⁷⁸ Там же.

ловин писал, что в нарождавшейся весной 1917 г. военной контрреволюции не было «даже и тени каких бы то ни было реставрационных вожделений»⁷⁹. Сходные утверждения можно найти у Милюкова, Деникина и др. Однако не кто иной, как Деникин, признавал, что в состав многочисленных военных организаций, выступавших за установление «твердой власти», входило, «несомненно, немало лиц и с ярко выраженными реставрационными тенденциями»⁸⁰.

Еще полнее о скрытых намерениях и помыслах определенной части различных офицерских организаций рассказывает один из руководителей Союза воинского долга, полковник Ф. Винберг. Для характеристики его политического лица достаточно указать, что до революции этот бывший шталмейстер царского двора состоял в таких черносотенных организациях, как Русское собрание, Палата Михаила Архангела, Филаретовское общество.

Союз воинского долга был создан в мае 1917 г., официально, конечно, с целью «восстановления благородного духа русской армии». Количественно союз был небольшой организацией и потому, как и многие другие подобные ему союзы и общества, должен был принять помощь от Республиканского центра. Меня, пишет Винберг, «беспокоило название «республиканский», которое абсолютно не соответствовало моим политическим идеалам, взглядам и надеждам». Глава Республиканского центра Николаевский успокоил Винберга, объяснив, что название не имеет особого значения, так как главное состоит в сплочении людей «с патриотическим духом» под знаменем сильной, диктаторской власти. «После такого объяснения,— пишет Винберг,— мы, президиум союза, сочли возможным действовать и работать совместно с центром и принять от него финансовую помощь». Винберг далее прямо указывал, что официальная программа и официальные лозунги центра отражали лишь то, что лежало на «поверхности», а под ними развивалось скрытое, «подводное», движение, включавшее в себя многочисленные «группы офицеров, связанные общими убеждениями и чувствами, которые они пережили в эти страшные дни страданий нашей тяжелобольной страны...»⁸¹

Монархисты и корниловщина

Свое конкретное воплощение кадетско-монархическая идея контрреволюционной военной диктатуры получила в корниловщине. Она начала зарождаться еще до того, как кандидат в

⁷⁹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг., ч. 1, кн. 1, с. 91, 125.

⁸⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 1, вып. 1, с. 123.

⁸¹ Винберг Ф. В плену у обезьян. Киев, 1918, с. 15—16, 98—107.

диктаторы, верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов, окрестил это явление своим именем. Первые признаки корниловщины обнаруживаются уже весной (март-апрель) 1917 г., когда в ходе ряда секретных совещаний с участием контрреволюционных офицеров, крупных промышленников, представителей правой прессы и т. п. обсуждались предварительные планы установления военной диктатуры и подыскивался «подходящий кандидат» в диктаторы. Наряду с именем Корнилова произносились также имена генерала Алексеева, адмирала А. В. Колчака и др.⁸² Остановись участники этих конспиративных сборищ на ком-нибудь из них, и то, что впоследствии стало известно как «корниловщина», могло называться «алексеевщиной», «колчаковщиной» и т. д. Но весной 1917 г., по свидетельству одного из руководителей кадетской партии, В. Д. Набокова, еще не было реальных сил, на которые «можно было безоглядно рассчитывать и безусловно опереться»⁸³. Они, по расчетам буржуазно-помещичьей контрреволюции, появились в середине лета, после удара, нанесенного рабочему классу и большевистской партии в июле 1917 г. В это время Корнилов находился на посту верховного главнокомандующего и его имя, естественно, вышло на первый план.

Репутация «революционного генерала», созданная ему Временным правительством, была насквозь фальшивой. Как писал хорошо знавший его генерал Е. И. Мартынов, перед Февральской революцией Корнилов по своим убеждениям был черносотенцем и «неоднократно говорил, что он с удовольствием перевешал бы всех этих гучковых и мялюковых»⁸⁴. Это свидетельство подтверждается и рассказом свитского генерала И. Татищева, который вспоминал, что присутствие на царском завтраке (в Ставке) произвело на Корнилова сильнейшее впечатление, и он подобострастно просил Воейкова позволить еще и «отобедать у высочайшего стола»⁸⁵. Но после революции Корнилов стал одним из тех «савлов», которые вынуждены были стать «павлами».

Официальные цели корниловщины известны достаточно хорошо: разгон революционно-демократических организаций (прежде всего Советов), установление военно-диктаторской власти с последующим созывом Учредительного собрания, которое и должно будет окончательно решить вопрос о форме государственного строя России. Но весьма примечательно, что по поводу политических намерений корниловцев уже в дни мятежа, после него, а затем и в эмиграции высказывались различные мне-

⁸² Мичц И. И. История Великого Октября, т. 2, с. 303—319.

⁸³ Набоков В. Временное правительство.— «Архив русской революции», т. 1. Берлин, 1922, с. 19.

⁸⁴ Мартынов Е. И. Корнилов. Попытка военного переворота. М., 1927, с. 16.

⁸⁵ Брешко-Брешковский П. Поход Корнилова на Петроград.— «Для вас» (Рига), 1937, № 31, с. 4.

ния. Так, например, бывший товарищ министра внутренних дел Временного правительства В. Я. Гуревич в ходе обсуждения доклада П. П. Юренева «Временное правительство в августе 1917 г.» (состоялся в Праге в 1924 г.) говорил, что ему, Гуревичу, «по должности было известно о существовании заговора (корниловского.— Г. И.) и о наличии низовых спонтанных военных организаций, вербовавших силы для свержения Временного правительства. Наряду с этим существовали и общественные организации, ставившие себе те же цели»⁸⁶.

Итак, согласно этой точке зрения корниловщина «брала» правее кадетско-соглашательского Временного правительства, ставила своей задачей его устранение. Отсюда следовало, что корниловщина имела целью реставрацию по крайней мере ряда элементов дофевральского, монархического режима.

Однако многие из тех, кто так же, как и Гуревич, был хорошо осведомлен о корниловском заговоре, выражали недоумение по поводу подобного рода утверждений. «Мы,— писал, например, промышленник и банкир А. И. Путилов,— не сомневались до самого конца в согласии Керенского с Корниловым. Корнилов шел против Смольного, только против Смольного... Я и сейчас не даю себе отчета в том, что заставило Керенского объявить Корнилова изменником и этим окончательно все погубить»⁸⁷.

По этой версии корниловщина «шла» в блоке с Временным правительством, стремясь лишь к установлению его полновластия путем «отсечения» Смольного, т. е. большевистской партии и (в случае сопротивления) эсеров и меньшевиков⁸⁸. Таким образом, в данном варианте корниловщина не выходила за пределы буржуазных завоеваний Февраля, как бы оставалась на их «платформе». Где же была истина? По-видимому, она лежала где-то посередине.

Тот же Путилов, который видел в корниловщине оружие только против Смольного, вспоминал, что вскоре после московского Государственного совещания (август 1917 г.) Корнилов говорил ему, Путилову, и Вышнеградскому: «Я своих взглядов не навязываю. Как только представится возможность, мы (?) созовем Учредительное собрание. Что оно решит, тому беспрекословно подчинюсь. Монархия или республика — мне все

⁸⁶ «Последние новости» (Париж), 1924, 3 апреля.

⁸⁷ Путилов А. И. Заговор Корнилова (воспоминания). — «Последние новости» (Париж), 1937, 24 января.

⁸⁸ Интересно свидетельство меньшевика М. И. Либера, беседовавшего с Корниловым уже после подавления мятежа, в Быхове. Либер спросил генерала о его отношении к меньшевикам и эсерам, на что получил ответ, который сводился к следующему: если бы мелкобуржуазные партии выступили против корниловских «мероприятий» по разгрому революции, они были бы подавлены так же, как большевики. Корнилов прямо сказал Либери, что принадлежит к тем людям, которые «шутить не любят» («Известия ВЦИК» (Петроград), 1917, 14 октября).

равно»⁸⁹. Деникин, утверждавший, что Корнилов «не хотел идти ни на какие авантюры с Романовыми», тем не менее пишет, что на заданный вопрос — что будет, если Учредительное собрание выскажется за монархию и восстановит павшую династию, — Корнилов ответил без колебаний: «подчинюсь и уйду»⁹⁰.

Эти заявления Корнилова, на наш взгляд, отражали политическую неоднородность корниловщины, ее кадетско-черносотенный состав. В предоктябрьской революционной ситуации корниловцы своего главного врага действительно видели в Смольном. Но большевистский Смольный одновременно был и врагом Временного правительства, врагом того, что получило название керенщины, представлявшей собой блок кадетов с мелкобуржуазными, соглашательскими партиями. В силу этого кардинального фактора корниловщина вынуждена была блокироваться с керенщиной.

О существовании соглашения между Керенским и Корниловым свидетельствуют многочисленные данные, в частности воспоминания Н. Украинцева, члена Чрезвычайной комиссии по расследованию дела Корнилова (создана Временным правительством в сентябре 1917 г.). Он пишет, что по приезде комиссии в Ставку (в Могилев) Корнилов предъявил ей телеграфную ленту своего разговора с Керенским, из которого следовало, что председатель Совета министров полностью разделял намерение Корнилова перебросить в Петроград 3-й конный корпус генерала Крымова с целью разгона Советов, разгрома большевистской партии и подавления революционного движения⁹¹. В. И. Ленин, таким образом, точно определил Керенского как корниловца, как человека, состоявшего «в интимнейшем союзе с другими корниловцами»⁹².

Однако, стремясь использовать корниловщину в борьбе с революционными массами и потому фактически взращивая ее, политические деятели кадетско-соглашательского блока — керенщины — в то же время не могли не опасаться, что наиболее правые, монархические силы корниловщины, получив импульс, «перехлестнут» рамки защиты буржуазных завоеваний Февраля и попытаются реставрировать царский режим.

В. И. Ленин прямо указывал на вероятность такого поворота событий: «Относительно целей корниловщины мы все знаем, и никто из демократии не оспаривает, что эти цели состояли в диктатуре помещиков и буржуазии, в разгоне Советов, в подготовке восстановления монархии»⁹³.

⁸⁹ Путилов А. И. Заговор Корнилова (воспоминания). — «Последние новости» (Париж), 1937, 20 января.

⁹⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2. Париж, 1922, с. 16.

⁹¹ «Новое русское слово» (Нью-Йорк), 1956, 26 августа.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 250.

⁹³ Там же, с. 217.

Конечно, корниловщина не была исключительно монархическим заговором⁹⁴. Но монархический, в том числе черносотенно-монархический, элемент был в ней достаточно силен. Подлинные убеждения и чувства многих корниловцев отражены в материалах контрреволюционных военных организаций, часть которых уже после Октябрьской революции попала в руки Советской власти. Так, например, в фонде Следственной комиссии Петроградского Совета сохранились конфискованные при аресте офицеров братьев Касаткиных-Ростовских гранки статьи «Борцам за свободу». Ее анонимный автор клеймил как «гнусных изменников» и «сознательных предателей» не только большевиков. Он проклинал всю «подлую работу, начатую декабристами, продолженную Виссарионом (В. Г. Белинским.— Г. И.), Герценом» и «всякими Михайловскими, Успенскими, Щедриными, Ключевскими...» А всем живым, которые, по словам автора, подготовляли и учиняли февральский бунт, он грозил «неминуемой веревочной петлей»⁹⁵.

Еще больший свет на монархический элемент в корниловщине проливает так называемое дело Б. Доблера.

Борис Доблер, после Февральской революции прикомандированный к службе связи Государственной думы, состоял членом Военной лиги. Когда он был арестован (в ноябре 1917 г.), у него среди других документов были обнаружены «донесения-рапорты», содержавшие сведения о подготовке монархического заговора. В соответствии с ними заговор, во главе которого стояли «члены Государственной думы, некоторые великие князья и большое количество генералов», имел целью низвержение Временного правительства, созыв Учредительного собрания и провозглашение конституционной монархии. Было выбрано и лицо, «которое, по всем вероятностям, займет место конституционного монарха». Это лицо являлось человеком «с большим характером и с большой популярностью при старом режиме».

Силы, которые должны были осуществить переворот, составляли 8 тыс. офицеров, находившихся в Петрограде и готовых «выступить в любой момент». Кроме того, расчет делался на дислоцировавшиеся в Вологде, Ярославле и Архангельске сербские части (из военнопленных), назначенные к отправке в Месопотамию. Их предполагалось задержать и под руководством «опытных офицеров» направить на Петроград. Обо всем этом были информированы английское и французское посольства.

Выступление должно было быть скоординировано с «движением Корнилова», но провал корниловского мятежа заставил отложить его. Однако и в дальнейшем эта подпольная контрреволюционная организация продолжала готовить переворот,

⁹⁴ *Иванов Н. Я.* Корниловщина и ее разгром. Л., 1965, с. 52; *Капустин М. И.* Заговор генералов. М., 1968, с. 153.

⁹⁵ ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 178, л. 15.

получая финансовую поддержку от промышленно-банковских кругов, представителей царской аристократии и Пуришкевича⁹⁸.

Активизировалась в дни корниловщины и организация самого Пуришкевича, возникшая еще в самом начале войны, когда он с помощью другого черносотенца, Б. Б. Глинского, основал в Петрограде Общество русской государственной карты с рядом филиалов. После Февраля общество превратилось в конспиративный центр, занимающийся вербовкой офицеров и юнкеров и ведущий довольно активную монархическую пропаганду.

В августе-сентябре 1917 г. Временное правительство приняло аресты некоторых наиболее одиозных фигур «старого режима», проводило обыски у «подозрительных лиц» и т. п. Такой обыск после корниловского мятежа был проведен, в частности, у Гучкова. По сообщениям петроградских газет, у него было обнаружено письмо, в котором некто В. Покровский доверительно сообщал Гучкову о деятельности Пуришкевича. По его сведениям, Пуришкевич, располагая большими средствами, вел деятельную агитацию в армии, главным образом среди офицеров. Смысл агитации сводился к тому, чтобы установить в стране «исключительную диктатуру, допускающую возможность, чуть ли не даже возврат к старому, но в улучшенном варианте». Добиться этого Пуришкевич считал возможным путем ликвидации лидеров Советов и некоторых крупных политических деятелей дофевральского оппозиционного лагеря. К ним были отнесены такие деятели, как Гучков, Милуков, Шульгин, Родзянко и др. Время выступлений намечалось между 10—20 августа. Для его осуществления формировались небольшие боевые дружины из офицеров и гражданских лиц...⁹⁷

В дни московского Государственного совещания Корнилов среди многих контрреволюционных «общественных деятелей» принял и Пуришкевича. Сведения об этом попали в печать, и корниловскому окружению по тактическим соображениям пришлось разъяснить, что встреча эта была якобы чисто официальной и продолжалась несколько минут⁹⁸. Но связь корниловцев с черносотенно-монархическими элементами никакими разъяснениями и опровержениями скрыть было невозможно. В дни корниловщины широкую известность получила телеграмма другого черносотенного лидера, А. А. Римского-Корсакова,

⁹⁸ ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 100, л. 29, 31, 31 об., 186. Б. Доблер, объясняя происхождение всей этой информации, показал, что, действуя в Военной лиге в качестве добровольного агента республиканской власти, фиксировал все им услышанное в своих «рапортах», предназначенных для разоблачения монархистов (там же, л. 184, 184 об., 189 об., 190).

⁹⁷ «День» (Петроград), 1917, 10 октября; «Рабочий путь» (Петроград), 1917, 5 (18) октября.

⁹⁸ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг., ч. 1, кн. 1, с. 142.

которую он направил Корнилову из Пскова, предлагая свое полное содействие⁹⁹. Вслед за телеграммой Римский-Корсаков лично направился в Ставку и после провала мятежа оказался в Быховской тюрьме вместе со всей корниловской головкой¹⁰⁰.

В связи со сказанным представляет интерес беседа сотрудника «Известий ВЦИК» с последним министром внутренних дел Временного правительства А. М. Никитиным, происходившая накануне Октября. На вопрос, каковы были причины отправки Романовых из Царского Села в Тобольск в августе 1917 г., Никитин ответил: «Временное правительство сочло необходимым удалить их из Петрограда для того, чтобы ослабить или, вернее, в корне пресечь мысль о попытке восстановления их власти. Дальнейшие события показали, что Временное правительство было совершенно право. Представьте себе, что в корниловские дни семья Романовых находилась бы в Царском Селе. Как известно, около Петрограда группировалось немало частей, сочувствовавших Корнилову. Пребывание Николая Романова под самым Петроградом могло бы послужить для некоторых военных кругов, вернее для маленьких групп, сугубым соблазном...»¹⁰¹

Показательно также отношение самого Николая к корниловщине. Воспитатель наследника П. Жильяр, находившийся вместе с Романовыми в Тобольске, вспоминал, что «государь лихорадочно следил за событиями, разыгравшимися в России. Он понимал, что страна гибла. Луч надежды вновь родился, когда генерал Корнилов предложил Керенскому двинуться на Петроград. Его грусть была неопишуема, когда он узнал, что Временное правительство отклонило это последнее средство спасения... Я тогда в первый раз услышал, как он пожалел о своем отречении»¹⁰².

Но если керенщина, выпуская корниловского джина из бутылки, правомерно опасалась его черносотенного монархизма, корниловцы, ненавидя керенщину (и прежде всего самого Керенского¹⁰³), еще не решались порвать с ней, действовать по-

⁹⁹ «Рабочий» (Петроград), 1917, 31 августа.

¹⁰⁰ «Высший монархический совет», 1922, 18 сентября (№ 57). По сведениям этого же журнала, Римский-Корсаков был связан с монархическими организациями, занимавшимися «изысканием способов спасения царской семьи» (там же).

¹⁰¹ «Известия ВЦИК» (Петроград), 1917, 20 октября.

¹⁰² Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской семьи.— Русская летопись, кн. I. Париж, 1921, с. 121.

¹⁰³ Примечательный эпизод рассказывает один из руководителей Союза офицеров армии и флота, полковник Новосильцев. Присутствовавшие на Государственном совещании корниловские офицеры были возмущены тем, что на сцене Большого театра за креслом Керенского навтыжку стояли два его адъютанта (офицеры). К ним направили некоего полковника Достовалова, который сказал им: «Если вы парные часовые, то ведь это было бы уместно только у трупа военного министра» (Керенского.— Г. И.) (Новосильцев Л. За кулисами Государственного совещания. Листки воспоминаний.— «Донская волна», 1918, 2 сентября, с. 4).

мимо нее, с открыто-реставрационистскими лозунгами. Характерно, что Николай II, в дни корниловщины связывавший с ней все свои надежды, несколько раньше, в июле 1917 г., записал в дневнике: «Этот человек (Керенский.— Г. И.) положительно на своем месте в нынешнюю минуту, чем больше у него будет власти, тем лучше»¹⁰⁴.

Отход керенщины от корниловщины, происшедший в дни открытого выступления генерала Корнилова, в белоэмигрантской и иностранной литературе нередко трактуется как результат чисто личных недоразумений главы правительства и верховного главнокомандующего¹⁰⁵. Но эти «недоразумения» имели социально-политические корни. «Измена» Керенского Корнилову отражала, на наш взгляд, колебания кадетско-соглашательского блока, колебания керенщины. Неверно, конечно, утверждать, как это, например, делает американский исследователь партии кадетов У. Розенберг, что кадеты просто не в состоянии были представить себя «активными контрреволюционерами, выступающими против массы русского народа»¹⁰⁶.

На самом деле политические настроения кадетов (не говоря уже о соглашателях) в момент корниловского мятежа определялись более прозаическими соображениями. Успех заговора, по мнению искушенных в политике кадетских деятелей, был по меньшей мере проблематичен. Поэтому открыто примкнуть к Корнилову означало полностью разоблачить себя как врагов народа. Но в случае установления корниловской диктатуры не могло быть сколько-нибудь серьезных гарантий, что эсеров-меньшевистские, а заодно с ними и некоторые кадетские «вожди» Февральской революции не будут устранены с политической арены. Более того, никто не мог поручиться, что на виселицах, установленных торжествующей реакцией, не закачаются тела и тех «проклятых либералов», которые, по убеждению многих корниловцев, «подрывали» царскую власть не меньше революционеров. Вряд ли отзывы Корнилова о Временном правительстве, о которых впоследствии поведал его соратник, генерал Лукомский, могли сохраняться в тайне. А Корнилов ни много, ни мало говорил, что «слизняки, сидящие во Временном правительстве», — «заведомые предатели»¹⁰⁷.

Член Государственной думы полковник Б. А. Энгельгардт, тесно связанный с октябристско-кадетскими кругами, пишет, что в Петрограде «многих пугало приближение какой-то «дикой ди-

¹⁰⁴ Дневник Николая Романова.— «Красный архив», 1927, т. 2 (21), с. 91.

¹⁰⁵ См. об этом: *Иоффе Г. З.* «Переинтерпретация» корниловщины.— «Вопросы истории», 1971, № 10, с. 197—198; *Косых Г. Т.* Корниловский мятеж в освещении английской буржуазной историографии.— «Вопросы истории КПСС», 1974, № 7, с. 54—65.

¹⁰⁶ *Rosenberg W.* Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. New York, 1974, p. 199.

¹⁰⁷ *Лукомский А.* Воспоминания, т. 2. Берлин, 1922, с. 227, 228.

визии» под командованием генерала Крымова, якобы отличавшейся исключительной свирепостью»¹⁰⁸. Он же рассказывает о своем разговоре с членом ЦК кадетской партии А. И. Шингаревым. «Мне казалось,— пишет Энгельгардт,— что в душе он сочувствует Корнилову, но до полного выяснения, на чьей стороне силы, предпочитает не вмешиваться в конфликт. Я понял, что вожаки наиболее сильной буржуазной партии не желают принимать непосредственного участия в деле, которое пахнет кровью»¹⁰⁹.

Таким образом, политическая неоднородность корниловщины и ее вынужденная связь с керенщиной в борьбе против общего врага — большевиков — не позволяла корниловским элементам поднять монархический флаг. Перед лицом назревавшей социалистической революции вопрос о будущем государственном строе отодвигался для всей контрреволюции на второй план.

Корниловцы второго призыва

Корниловщина была разгромлена революционными массами, возглавленными большевистской партией. Но временный, можно сказать, одномоментный отход керенщины от корниловщины в разгар мятежа, безусловно, содействовал этому разгрому. А вслед за тем ход событий неотвратимо пошел по тому же кругу. Новый революционный подъем и резкое усиление революционно-демократических организаций, прежде всего быстро большевизировавшихся Советов, вновь вынудил керенщину тянуться, как к магниту, к прокорниловским элементам. Теперь они становились для нее еще более необходимым резервом, чем раньше: социалистическая революция приближалась.

При явном попустительстве правительства Керенского разгромленная корниловщина в сентябре-октябре вновь начала набирать силу. Как указывал В. И. Ленин, шла скрытая мобилизация корниловцев второго призыва, зарождалась вторая корниловщина¹¹⁰. Ее питали в основном те же классовые источники, что и первую корниловщину, но она имела и определенную специфику. Многие корниловские генералы и офицеры, не поняв истинных причин провала мятежа, пришли к выводу, что вина за него лежит главным образом на кадетско-соглашательских политиках, которые в решающую минуту «предали» их. В результате, на наш взгляд, начался процесс дальнейше-

¹⁰⁸ Энгельгардт Б. Потонувший мир.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 5, с. 78.

¹⁰⁹ Там же. Подробнее о позиции кадетов в период корниловщины см.: Колин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965, с. 359.

¹¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 389, 406 и др.

го поправления как участников разгромленной корниловщины, так и ее новых рекрутов.

Если в политической комбинации, которую Корнилов намеревался осуществить в августе, Керенскому и некоторым другим представителям «керенщины» хотя бы на словах отводилось какое-то место, то уже в сентябре-октябре об этом не могло быть и речи. Не будет, вероятно, ошибкой сказать, что вторая корниловщина несла в себе еще больше ненависти не только к революционным массам, возглавляемым большевиками, но и к режиму керенщины, которую, в глазах корниловцев, олицетворяли «слюнявые либералы и интеллигенты», предавшие их вождя, когда он, наконец, решился покончить с «анархией».

«В корниловские дни,— писал Деникин,— офицерство увидело, что либеральная демократия, в частности кадеты, за немногим исключением находится «в нетях» или в стане врагов. Это обстоятельство они учли и запомнили. Оно сыграло впоследствии немаловажную роль в создании известных политических настроений в стане антибольшевистских армий»¹¹¹. Деникин дипломатично не раскрывает, что он имеет в виду под «известными политическими настроениями». Но совершенно ясно: если то офицерство, о котором говорит Деникин, «запомнило» и «учло» поведение «либеральной демократии»,— это значит, что оно все решительнее поворачивало к монархизму, к идее реставрации устоев «старого режима». Конечно, было бы неверным считать, что таковыми были взгляды всего офицерства. И в дни первой корниловщины многие демократически настроенные офицеры не поддерживали ее реакционных устремлений. Раскол среди военного элемента продолжался и после провала мятежа.

Однако реакция прилагала немалые силы, чтобы посеять сомнение у колеблющихся, внушить им мысль о враждебности революционного народа к офицерам вообще и тем бросить их в объятия контрреволюции. Буржуазная печать, раздувая факты преследования реакционеров-корниловцев — старорежимных держиморд, изображала отверженными и гонимыми париями революционной России чуть ли не все офицерство. Один из черносотенных журналов печатал, например, такие слезливые вирши, посвященные русским офицерам:

На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же восстал.
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью всех нас закидал¹¹².

¹¹¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 84. После ареста Корнилову отвели в Быховской тюрьме две комнаты. Он занял лишь одну и на вопрос, почему не занимает вторую, отвечал: «Берегу для товарища Керенского» (Туземец Н. Генерал Л. Г. Корнилов. Ростов-на-Дону, 1919, с. 14).

¹¹² Яхонтов В. Русское офицерство. Нью-Йорк, 1918, с. 20.

Это был поклев на революцию, но он все же лил воду на почву, которая выращивала вторую корниловщину, вербуя в ее ряды новых сторонников.

Вторая корниловщина готовилась в сентябре-октябре 1917 г. исподволь, осторожно. Планировалось сосредоточение контрреволюционно настроенных воинских частей (ударные батальоны и др.) в определенных пунктах страны, на ответственные посты в армии и в тылу выдвигались скрытые корниловцы, вновь поднимали голову офицерские и полувоенные организации, поддерживавшие Корнилова¹¹³. Все это происходило при преступном попустительстве Временного правительства, уже чувствовавшего приближающуюся агонию.

«...Кто не хочет нарочно закрывать глаз,— писал В. И. Ленин,— тот не может не видеть, что *после* корниловщины правительство Керенского все *оставляет по-старому*, что оно *на деле восстанавливает корниловщину*. Назначение Алексеева¹¹⁴, «мир» с Клембовскими, Гагаринными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым — все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле *восстанавливает корниловщину*»¹¹⁵.

Такова была неумолимая логика классовой борьбы: либо победа подлинно революционных, социалистических сил, ведомых большевиками, либо торжество реакции, в условиях России 1917 г. реакции буржуазно-помещичьей, кадетско-монархической. «...Выхода *нет*,— писал В. И. Ленин,— объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата...»¹¹⁶

Известно, что центром корниловского заговора в августе 1917 г. была Ставка, находившаяся в Могилеве. Однако сразу после провала мятежа эта ее роль, естественно, снизилась. Корнилов, главные чины его штаба, а также некоторые другие высшие генералы, замешанные в заговоре, были смещены со своих постов и арестованы. В конце сентября все они (Корнилов, Лукомский, Романовский, Деникин, Марков, Эрдели и др.) находились в уездном городе Могилевской губернии — Быхове, где содержались под охраной¹¹⁷. Специальная комиссия под

¹¹³ См. подробнее: Минц И. И. История Великого Октября, т. 2, с. 785—796; Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 76—92; Иванов Н. Я. Из истории борьбы против «второй корниловщины». — «Вопросы истории», 1960, № 11; Журавлев Г. И. К вопросу о втором корниловском военном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — «Исторические записки», т. 56. М., 1956.

¹¹⁴ В дни корниловщины он был назначен в Ставку на место смещенного начальника штаба генерала Лукомского.

¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 205.

¹¹⁶ Там же, с. 406.

¹¹⁷ Арестованные генералы Деникин, Эрдели, Марков и другие, находившиеся на Юго-Западном фронте, вначале содержались в тюрьме г. Бердичева, но в конце сентября стараниями Алексеева, Духонина и других корниловцев

председательством главного военно-морского прокурора Шабловского вела над ними исторопливное следствие, поскольку Временное правительство явно не хотело его «углублять».

В Ставке же (после непродолжительного пребывания там в качестве начальника штаба генерала Алексеева) делами вершил генерал Н. Н. Духонин — новый начальник штаба при новом верховном главнокомандующем Керенском. И Алексеев, и Духонин непосредственно не участвовали в мятеже, но, безусловно, являлись корниловцами. В день мятежа Алексеев, находившийся в Петрограде, напряженно ожидал его благополучного исхода. Видя, что «предприятие» рушится, он в отчаянии писал своему адъютанту ротмистру Шапрону: «Неужели нельзя связаться с Крымовым и вызвать сюда хоть один полк? Ведь у вас тут есть организация... Отчего она бездействует? Найдите во что бы то ни стало С. (полковника Сидорина? — Г. И.) и заставьте его приступить к действиям»¹¹⁸.

Устранив Корнилова и его штаб, Керенский назначил Алексеева начальником штаба верховного главнокомандующего. Алексеев писал, что ему «противна предстоящая роль до глубины души», и он согласился на предложенный ему пост только ради спасения поверженных корниловцев¹¹⁹. Действительно, за несколько дней своего пребывания в Могилеве он всеми силами старался убедить Временное правительство и лично Керенского амнистировать мятежных генералов. Так и не преуспев в своей миссии, Алексеев ушел в отставку и в начале октября возвратился в Петроград.

Уже в это время, легально действуя как член Советов Республики, Алексеев тайно приступил к собиранию и организации офицерских и юнкерских кадров для новой борьбы во имя «спасения России». Примечательно, что основная работа, по признанию самих алексеевцев, велась через Общество русской государственной карты, возглавляемое В. Пуришкевичем¹²⁰, чье имя говорит само за себя и не требует комментариев.

Настроения «алексеевских» офицеров и юнкеров тоже ни для кого не были секретом. 12 октября 1917 г. «Рабочая газета» писала: «Попытки монархических демонстраций становятся все чаще и чаще. Их пытаются устраивать группы офицеров в театрах, ученики некоторых военных училищ, несмотря на наказания, поют царский гимн и т. д... Наглость наших монархистов доходит до того, что они начинают уже мечтать о самом Нико-

их перевели в Быхов. Хорошо информированный Б. Суворин пишет, что в этом «некоторую благоприятную роль сыграли союзные миссии» (*Суворин Б. За родину. Историческая эпоха Добровольческой армии. Париж, 1922, с. 14.*) По-видимому, концентрация всех главарей корниловщины в одном месте входила в планы организации «второй корниловщины».

¹¹⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 65.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Суворин Б. За родину, с. 15; Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг., кн. 1. Париж, 1962, с. 22.

лас». Другие газеты также сообщали об активизации монархистов, о распространении черносотенных прокламаций и т. п.

Стремясь расширить свою базу, Алексеев не отказывался и от помощи октябристско-кадетских элементов. Его организация была тесно связана с контрреволюционным Советом общественных деятелей, образовавшимся еще в канун московского Государственного совещания и уже тогда высказавшимся за установление военной диктатуры с последующим переходом к монархии «конституционного типа»¹²¹.

Используя связи в промышленных и финансовых кругах Петрограда и Москвы и получая от них немалые средства, Алексеев и его помощники добивались объединения офицеров, служивших в запасных частях, училищах и просто оказавшихся в Петрограде, главным образом вчерашних корниловцев. Тех, кто не имел средств к существованию, устранивали на заводы и фабрики или, снабдив фальшивыми документами, переправляли на Дон.

Так возникла «алексеевская организация» — зародыш будущей Добровольческой армии. Цель этой организации, по свидетельству ее участников, состояла в следующем: «При неизбежном новом восстании большевиков, когда Временное правительство, безусловно, окажется неспособным его подавить, выступить силами организации, добиться успеха и предъявить Временному правительству категорические требования к изменению своей политики. Но генерал Алексеев учитывал и возможность победы большевиков, тем более потому, что его организация едва начала свое дело и была еще очень слаба. На этот случай он договорился с атаманом Дона генералом Калединым о переброске своей организации на Дон, чтобы оттуда продолжать борьбу»¹²².

В этом свидетельстве уже явно просвечивают очертания идеи действовать помимо Временного правительства, а после разгрома большевиков продиктовать собственную волю.

Тем временем новый начальник штаба генерал Н. Н. Духонин, как и его предшественник Алексеев, направлял все усилия, чтобы уберечь Корнилова и его сподвижников, находившихся в Быхове, от справедливого народного суда. Он и его генерал-квартирмейстер М. К. Дитерихс добились, чтобы внутреннюю охрану арестованных нес личный конвой Корнилова — Текинский конный полк. Во многом благодаря этому быховская тюрьма представляла собой своего рода «клуб», «военное собрание», а ее обитатели имели постоянную связь с внешним миром. Генерал Лукомский, сидевший в быховской «тюрьме», впоследствии писал: «Очень скоро наладилась прочная связь с Петроградом, Москвой и Могилевым, и мы были в курсе всего,

¹²¹ Допрос генерала Алексеева. — «Донская летопись» (Вена), 1923, № 2, с. 301.

¹²² Марковцы в боях и походах..., кн. 1, с. 21—22.

что происходит, и вели переписку с нужными нам лицами»¹²³. Одним из таких «нужных лиц» был донской атаман А. М. Каледин. В воспоминаниях добровольческих белогвардейцев имеется прямое свидетельство, что «генерал Корнилов, так же как и генерал Алексеев, условился с атаманом Дона для крайнего случая о сборе сил для борьбы на Дону...»¹²⁴

Одним из наиболее активных связанных «быховцев» с внешним миром был адъютант Корнилова Р. Хаджиев¹²⁵. Дело дошло до того, что Корнилов, смещенный с поста верховного главнокомандующего, давал Духонину рекомендации и советы из тюрьмы. «Арестанты» позволяли себе шутить, говоря, что если в Могилеве находится Ставка, то у них, в Быхове, «подставка»¹²⁶. В этой шутке было немало правды.

Советский исследователь истории деникинщины Д. Кин, на наш взгляд, справедливо отметил, что после провала корниловщины «аппарат корниловских организаций не был разрушен», а его верхушка, «главный штаб» был укрыт в Быхове¹²⁷. Вопрос заключался в выборе момента, когда этот «укрытый», резервный штаб новой корниловщины должен был начать действовать. Пока же «быховцы» обсуждали свои дальнейшие планы. В Быхове, писал корниловец Л. В. Половцев, «обдумывались планы создания новой России, просматривались прежние ошибки и создавались новые комбинации»¹²⁸. Прежде всего решался вопрос, продолжать ли им дело, начатое Корниловым, или считать его оконченным. И все, по свидетельству Деникина, «единогласно признали необходимым «продолжать»»¹²⁹. С этой целью создали даже особую «комиссию», которая сформулировала и уточнила основные пункты «корниловской программы», сводившейся к «установлению правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных (революционных.— Г. И.) организаций — впредь до Учредительного собрания». Предполагалось «создание боеспособной армии и организованного тыла — без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной»¹³⁰.

По мнению английского историка белогвардейщины Р. Лакетта, эта программа свидетельствует, что «никто из генералов не желал восстановления царизма; все они были за созыв Учредительного собрания»¹³¹. Действительно, в «быховской программе» не содержалось открытого требования реставрации мо-

¹²³ Лукомский А. Воспоминания, т. 1. Берлин, 1922, с. 261.

¹²⁴ Марковцы в боях и походах..., кн. 1, с. 23.

¹²⁵ Хаджиев Р. Великий бояр. Белград, 1929, с. 146—147. См. также: Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны. М., 1976, с. 111—113.

¹²⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 97.

¹²⁷ Кин Д. Деникинщина. Л., 1926, с. 5.

¹²⁸ Половцев Л. В. Рыцари тернового венца. Прага, б. г., с. 31.

¹²⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 98.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Luckett R. The White Generalas, p. 89.

нархии. Но она была прямым провозглашением гражданской войны не только тем классам, которые составляли движущие силы назревшей социалистической революции, но и тем, кто участвовал в февральском буржуазно-демократическом перевороте. Ибо «комитеты и комиссары» и презрительно называемые корниловскими генералами «безответственные организации», подležавшие, по их планам, уничтожению, были порождением Февральской революции.

В сентябре 1917 г. в статье «Русская революция и гражданская война» В. И. Ленин писал, что пролетарская гражданская война «может выступать с открытым изложением народу своих конечных целей, привлекая этим симпатии трудящихся, а буржуазная гражданская война только сокрытием своих целей...»¹³² Эта ленинская мысль в полной мере может быть отнесена и к «быховской программе», в сущности говоря, программе второй корниловщины, подлинные цели которой сводились к тому, чтобы «залить Россию „потоками крови“, в целях восстановления диктатуры буржуазии, помещичьей власти и монархии»¹³³.

Небезынтересно, как Деникин не без некоторого фразерства рассказал о разглагольствовании «быховцев» «в своем кругу». Тут уже незачем было таиться. Идеологи корниловщины Аладьин, Никаноров и другие с гневом «бичевали кадетскую политику», генерал Ванновский угрюмо бурчал, что «всею виною отмена крепостного права», генерал Марков испуганно размышлял вслух о том, почему в России следует установить монархию и т. п., а все вместе «ругали правительство, поносили Совет»¹³⁴. Корнилов и некоторые другие «высшие чины» многозначительно или дипломатично отмалчивались, но их политические взгляды не многим расходились с «концепцией» Ванновского. Сам Деникин вспоминал (правда, сидя еще в Бердичевской тюрьме), как в дни своей молодости, командуя ротой, он отдал дань либеральным веяниям и пытался доказать, что «можно служить без палки». И что же вышло? «Рота училась плохо и лениво». Все снова переменялось и порядок наладился, когда после ухода Деникина «сверхсрочный фельдфебель Сцепура собрал роту, поднял многозначительно кулаки в воздух и произнес внятно и раздельно:

— Теперь вам — не капитан Деникин. Понятно?»¹³⁵.

Не было ли в этом воспоминании затаенной тоски по старорежимному всероссийскому фельдфебелю Сцепуре?

Но как можно было осуществить планы контрреволюционного реванша, вынашивавшегося в Быхове и в Ставке?

В Могилеве широко циркулировали слухи, что Корнилов го-

¹³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 217.

¹³³ Там же, с. 224—225.

¹³⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 88—89.

¹³⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 1, вып. 1, с. 220.

товится повести преданный ему Текинский полк в Ставку, захватить ее, а затем вновь двинуться на Петроград. Духонин даже писал Корнилову в Быхов, умоляя его воздержаться от новой авантюры. Но эти слухи были неверными. По словам Б. Энгельгардта, хорошо осведомленного о настроениях в прокорниловских кругах, главари корниловщины извлекли из своего провала важные для себя уроки¹³⁶. Один из них (о нем уже говорилось) вытекал из факта «предательства» Керенского и вообще правосоциалистических и некоторых кадетских «политиканов».

Конечно, это являлось не чем иным, как политическим абсурдом¹³⁷, но, уверовав в «предательство» Временного правительства и его «антикорниловский блок» с большевиками, главари второй корниловщины считали, что их задача должна состоять в том, чтобы не допустить повторения событий.

В связи со сказанным обращает на себя внимание следующее утверждение Керенского, которое он настойчиво повторял в своих многочисленных мемуарах. «После безуспешной для заговорщиков и столь несчастной для государства попытки свергнуть Временное правительство вооруженной рукой генерала Корнилова,— писал он,— общественные группы, поддерживавшие «диктатора» и связанные с ним, постановили: не оказывать правительству в случае столкновения его с большевиками никакой помощи. Их стратегический план состоял в том, чтобы сначала не препятствовать успеху вооруженного восстания большевиков, а затем, после падения Временного правительства, быстро подавить большевистский «бунт». Таким образом, должны были быть достигнуты, наконец, цели, поставленные корниловскому восстанию. Военные и штатские стратеги, авторы этого замечательного плана, были твердо убеждены в том, что большевистский триумф не представляет собой никакой серьезной опасности и что в 3—4 недели «здоровые элементы» русского народа справятся с бунтующей массой и установят в России «сильную власть»¹³⁸.

¹³⁶ Энгельгардт Б. Потопувший мир.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 5, с. 80.

¹³⁷ Как известно, В. И. Ленин определил большевистскую тактику в корниловские дни следующей формулой: «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 120).

¹³⁸ Керенский А. Ф. Гатчина.— В кн.: Февральская революция. М.— Л., 1925, с. 169. Сходные утверждения часто встречаются и в других соглашательских и кадетских источниках. П. Н. Милюков писал: «Офицерство, оскорбленное Керенским, не проявило большого желания поддержать его против большевиков» (Милюков П. Н. Россия на переломе, т. 2. Париж, 1926, с. 9). Примечательно, что и некоторые союзные представители разделяли эту позицию. Например, глава английской военной миссии А. Нокс говорил: «Я не заинтересован в укреплении Керенского и Временного правительства. Единственно стоящая вещь в России — это установление... казачьей воен-

Конечно, в этом утверждении Керенского прежде всего сквозит стремление объяснить и оправдать крушение своей власти ударами, якобы нанесенными ему в равной мере и слева, и справа, а себя изобразить трагической жертвой борьбы на два фронта: против Ленина и против Корнилова. Нельзя, вероятно, также считать, что то, о чем пишет Керенский, представляло собой четко продуманный и оформленный «стратегический план» второй корниловщины. Вместе с тем было бы неверным игнорировать возможность существования в реакционных, прокорниловских кругах политических замыслов и настроений, характеризующихся известной формулой: «чем хуже, тем лучше». В соответствии с ней углубление экономической разрухи, продовольственного кризиса, новые поражения на фронте, окончательная потеря влияния Временным правительством и т. д. создадут благоприятные условия для успешного переворота. А если разросшаяся «анархия» приведет к власти большевиков, они, по убеждению многих реакционеров, усугубят дальнейший развал, что лишь ускорит торжество правых сил¹³⁹. Буржуазно-помещичья реакция, писал В. И. Ленин, «всегда будет злобно кричать: «лучше бы всего сразу и на «долгие годы» избавиться от большевиков, если бы подпустить их к власти и затем разбить наголову». Такие крики тоже «провокация», если хотите, только с противоположной стороны»¹⁴⁰.

Ленинский политический гений улавливал тончайшие нюансы в настроениях и расчетах контрреволюции. В «Письме к товарищам», написанном в канун Октября, анализируя и опровергая доводы противников восстания и колеблющихся, Ленин остановился, в частности, на таком доводе: ««...Вот если бы корниловцы опять начали, тогда мы бы показали! А начинать самим, к чему рисковать?...» А если корниловцы второго призыва научились кое-чему? — спрашивал В. И. Ленин. — Если они *дождутся* голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, *не начиная* до тех пор? Что тогда?

Тактику пролетарской партии нам предлагают построить на возможном повторении корниловцами одной из своих старых ошибок!»¹⁴¹

Октябрьские и первые послеоктябрьские события показали, что корниловцы второго призыва не проявили жертвенной го-

ной диктатуры... Этим людям нужна нагайка» (Документы Р. Робинса. — «Вопросы истории», 1970, № 8, с. 121). Подробнее см.: *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966, с. 377—379.

¹³⁹ Примерно в таком духе высказывался, например, генерал-квартирмейстер Ставки монархист М. К. Дитерихс (*Манакин В.* Последняя русская Ставка. — «Донская волна», 1918, 25 ноября, № 24, с. 11).

¹⁴⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 295. Подробнее см.: *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 281—284.

¹⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 406.

товности спасти Временное правительство: ведь факт, что в дни, когда бежавший из столицы Керенский пытался повести фронтные части на революционный Петроград, корниловские генералы и офицеры не спешили встать под знамена верховного главнокомандующего.

Если же говорить о более конкретных (хотя также косвенных) свидетельствах, следует возвратиться к «алексеевской организации». В дни Октября петроградский генерал-губернатор Б. В. Савинков, по-видимому осведомленный о ней, бросился к Алексееву, призывая его «поднять» казачьи части, расквартированные в Петрограде, и подавить восстание. Но осторожный Алексеев уклонился от этого предложения и через несколько дней нелегально покинул Петроград.

Другой урок, который контрреволюционная военщина извлекла из своего августовского провала, состоял, на наш взгляд, в том, что многие ее представители стали понимать бесперспективность борьбы с революцией в центре страны, где большевистская партия и Советская власть имели наиболее твердую опору в широчайших трудящихся и солдатских массах. Корниловским генералам и политикам казалось, что с теми относительно небольшими силами, на которые опиралась первая корниловщина, сокрушить революционное движение здесь вряд ли возможно. Нужна была другая, более широкая база, к тому же там, где, по мнению некоторых контрреволюционных вождей, население не было столь «заражено» революционным духом. Такую базу они не без определенного основания видели прежде всего в казачьих районах. В. И. Ленин писал, что здесь, в этих районах, сохранивших черты областной и сословной обособленности, «сосредоточено было больше всего известного количества населения, сравнительно отсталого и прочнее всего держащегося за традиции монархии и средневековья...»¹⁴² Лишь дальнейшие события показали близорукость расчетов контрреволюции.

Сильнейшим магнитом, который стягивал корниловцев второго призыва, был калединский Дон — самое крупное из казачьих войск. Как глава Донского войскового правительства, образованного еще в мае 1917 г., атаман Каледин оказался замешанным в корниловском заговоре и объявлен Временным правительством мятежником, подлежащим суду. Но Дон «не выдал» атамана, и благодаря этому он избежал Быхова.

В глазах некоторых белоэмигрантских и современных буржуазных авторов Каледин — «искренний демократ»¹⁴³, к тому же сепаратист, мало интересовавшийся общероссийскими проблемами. Американский историк Дж. Бредли уверяет даже, что атаман вообще не намеревался сражаться с большевиками, за-

¹⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 128.

¹⁴³ Миллюков П. Н. Россия на переломе, т. 2, с. 59.

ботаясь лишь о донской самостоятельности¹⁴⁴. Но факты говорят, что «демократ» и «сепаратист» после победы Октября действовал заодно с монархической организацией черносотенца В. Пуришкевича, готовившей антисоветское выступление уже в ноябре 1917 г. Тогда Пуришкевич писал Каледину: «Мы ждем вас сюда (в Петроград.— Г. И.), генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами...»¹⁴⁵ Деникин характеризовал Каледина как человека, который «органически не в состоянии был не только принять «демократизацию», но даже подойти к ней»¹⁴⁶.

Порывая с обанкротившейся керенщиной, вторая корниловщина устремилась на Дон, на соединение с калединщиной, намереваясь найти здесь «социально-экономическую основу для русской Вандеи»¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Bradley J. The Civil War in Russia. New York, 1975, p. 40.

¹⁴⁵ «Красный архив», 1928, т. 1 (26), с. 170—171.

¹⁴⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 165.

¹⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 219. Подробнее см.: Кириенко Ю. К. Крах калединщины. М., 1976, с. 8—29.

МОНАРХИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ОКТЯБРЯ

(конец 1917 г.— середина 1918 г.)

**Мы выкинули вон всю монархическую нечисть,
как никто, как никогда.**

Л е н и н

Как уже отмечалось, в канун Октября эсеро-меньшевистская печать приводила многочисленные данные об активизации контрреволюционных, в том числе черносотенно-монархических, сил. Такие же данные публиковала и большевистская пресса. Например, «Рабочий путь» сообщал о разнузданной контрреволюционной агитации, которую вели черносотенные и крайне правые буржуазные газеты, о пьяных погромах, учиняемых как в Петрограде, так и в других городах контрреволюционными, прокорниловскими элементами, о провокационных слухах, рассчитанных на возбуждение темной толпы, и т. п.¹ «Контрреволюция действительно перестает стесняться,— писал «Рабочий путь»,— перестает робеть и конфузиться самой себя. Контрреволюция открыто выходит на улицу»².

Но из констатации одних и тех же фактов соглашатели и большевики делали диаметрально противоположные выводы. Меньшевики и эсеры утверждали: чтобы сбить растущую волну реакции, необходимо покончить с... дальнейшим углублением революции, с ее перерастанием в революцию социалистическую. По их «логике» выходило, что именно это перерастание, выражавшееся в неуклонной большевизации масс, и стимулирует рост правых сил. Из страха перед реакцией они таким образом хотели бить по революции. Между тем как раз господство буржуазии в лице Временного правительства и создавало ту благоприятную почву, которая взращивала контрреволюцию, в том числе крайне правые, реставрационистские элементы. Чтобы предотвратить, не допустить контрреволюционный переворот, нужно было совершить то, к чему призывали большевики: до-

¹ «Рабочий путь» (Петроград), 1917, 4 (17) октября, 6 (19) октября, 13 (26) октября и др.

² «Рабочий путь» (Петроград), 1917, 22 октября (4 ноября).

вести революцию до полной победы пролетариата и беднейшего крестьянства, до перехода всей власти в руки Советов.

Гарантией от реставрации, писал В. И. Ленин, «является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца...»³

В свете сказанного еще яснее становится политическая мудрость В. И. Ленина, сумевшего точно определить момент «созревания плода», начало вооруженного восстания. «История,— писал он,— не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все... безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит спасение революции...»⁴

И не успели еще тучи второй корниловщины полностью затянуть политический горизонт, как грянула очистительная гроза Великого Октября. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» В. И. Ленин, оглядываясь на прошлое, писал, что, выполнив свою «главную и настоящую, пролетарски-революционную, социалистическую работу», Октябрь закрепил «за народами России завоевания буржуазно-демократической революции»⁵. При этом, подчеркивал В. И. Ленин, Октябрьская социалистическая революция в кратчайший срок «похода, мимоходом» решила вопросы, так и не завершенные Февралем.

С ноября 1917 по январь 1918 г. в центральных губерниях страны было конфисковано более $\frac{3}{4}$ помещичьих имений⁶. Наиболее крупные помещики бежали еще до установления Советской власти в их уездах; большинство средних и мелких помещиков подверглись принудительному выселению (оно завершилось осенью 1918 г.), а некоторые остались в своих бывших имениях, перейдя на положение трудящихся⁷. В комбедовский период Советская власть провела частичную экспроприацию кулачества, конфисковав у него излишки земли, инвентаря и хлеба.

Приблизительно в то же время Советская власть предприняла, по выражению В. И. Ленина, «красногвардейскую атаку на капитал». Были национализированы частные банки⁸, внеш-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 363.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 436.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 147.

⁶ Першин П. Н. Аграрная революция в России, кн. 2. М., 1966, с. 199.

⁷ Минц И. И. История Великого Октября, т. 3. М., 1973, с. 890—895, 908—911; Трифонова И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975, с. 80—91.

⁸ Подробнее см.: Гиндин А. Как большевики национализировали частные банки. М., 1962.

няя торговля и целый ряд промышленных предприятий и акционерных обществ⁹. Экспроприация капиталистов завершилась в 1920 г., однако их экономическая мощь оказалась существенно подорванной уже к осени 1918 г. Основная часть бывших владельцев предприятий бежала в районы, захваченные белогвардейцами.

Великая Октябрьская революция разбила угнетательский государственный аппарат, сохранявший при Временном правительстве важные элементы царского режима¹⁰, осуществила слом старой армии путем ее демократизации в сочетании с постепенной демобилизацией¹¹. Лучшие, демократические элементы старой армии перешли в Красную Армию, однако большая часть генералитета и офицерства, воспитанная в традициях царской военщины, влилась в ряды белогвардейщины.

В январе 1918 г. особый декрет Совета народных комиссаров РСФСР отделил церковь от государства и школу от церкви. Это в значительной степени поколебало религиозно-моральную основу монархии¹². Опубликованная 2 ноября 1917 г. «Декларация прав народов России», провозгласившая отмену всех национально-религиозных привилегий и ограничений, нанесла удар великодержавному шовинизму, одному из важнейших проявлений царистской, монархической идеологии.

Указывая на все эти и некоторые другие достижения Великого Октября, В. И. Ленин с полным правом писал: «Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда»¹³. «...Буржуазно-демократические преобразования — говорили мы и доказали делами мы — есть побочный продукт пролетарской, то есть социалистической революции»¹⁴.

За три-четыре месяца (со времени победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде) Советская власть триумфальным шествием прошла почти по всей огромной стране, сравнительно легко ломая сопротивление контрреволюционных сил, вместе с которыми активно действовали и монархисты.

Члены монархической организации В. Пуришкевича принимали участие в контрреволюционном юнкерском мятеже, поднятом эсеровским Комитетом спасения родины и революции сразу же после победы Октября в Петрограде¹⁵. Монархист генерал П. Н. Краснов предоставил свои отряды Керенскому, бежавшему из Зимнего дворца на фронт, чтобы привести оттуда

⁹ Гладков И. А. Очерки советской экономики, 1917—1920. М., 1956; Минц И. И. История Великого Октября, т. 3, с. 847—857.

¹⁰ Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965.

¹¹ Кляцкин С. М. На защите Октября. М., 1965, с. 51—79.

¹² Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917—1923. М., 1968, с. 53—56.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 145.

¹⁴ Там же, с. 147.

¹⁵ Минц И. И. История Великого Октября, т. 3, с. 111.

войска для разгрома революционной столицы¹⁶. Чиновники царского режима, оставшиеся в своих ведомствах и при Временном правительстве, активно участвовали в контрреволюционном саботаже Советской власти. Монархические офицеры, связанные с различными контрреволюционными организациями, помогали мятежникам сражаться с Советской властью в Ставке, в Москве, на калединском Дону, на дутовском Южном Урале и в других местах¹⁷.

Монархисты-черносотенцы, возглавляемые В. Пуришкевичем, готовили и собственное вооруженное выступление, по-прежнему, правда, не раскрывая своих истинных целей¹⁸.

Но все это были первые, притом спорадические вспышки контрреволюции, еще не успевшей достаточно организовать и ошеломленной могучим ударом Октября.

Однако уже зимой 1917/18 и особенно весной 1918 г. молодая Советская Республика столкнулась с силой, которая придала внутренней контрреволюции вообще, а монархической, пожалуй, в особенности новый импульс,— с кайзеровской Германией.

Сразу же после прихода к власти Советское правительство, руководимое В. И. Лениным, обратилось ко всем воюющим державам с предложением заключить справедливый, демократический мир. Правительства Антанты отвергли его, рассчитывая в ближайшее время завершить войну разгромом Германии и ее союзников. Четверной союз, во главе с Германией вынужденный вести изнурительную войну на двух фронтах, принял это предложение. Но идя на мир, кайзеровское правительство Германии думало не о прекращении кровавой бойни, а о захвате максимально большей территории бывшей Российской империи, об экономическом ограблении ее в целях обеспечения своей боевой мощи и продолжения войны с Антантой до победного конца.

Могло ли Советское правительство пойти на такой грабительский, «похабный», как его называл В. И. Ленин, мир? Левые эсеры, наряду с большевиками входившие в Советское правительство, и так называемые «левые коммунисты», образовавшие свою фракцию в большевистской партии, прикрываясь ультрареволюционными фразами, решительно выступили против мира. Они требовали ведения революционной войны против империалистической Германии, крикливо заявляя, что лучше пойти на утрату Советской власти в явно неравной борьбе,

¹⁶ *Краснов П.* На внутреннем фронте.— В кн.: Октябрьская революция. Мемуары. Сост. С. А. Алексеев. М.—Л., 1925, с. 52—80.

¹⁷ Подробнее см.: *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 3, гл. 6; *Хесин С. С.* Становление пролетарской диктатуры в России. М., 1975, с. 358—403; *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России. М., 1976.

¹⁸ *Голицков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975, с. 107—108.

чем подписать мир с империалистами. Объективно это играло на руку ушедшей в подполье контрреволюции, ибо было очевидно, что разоренная и измученная четырехлетней войной, не имеющая еще своей регулярной армии Советская Россия не выдержит столкновения с германскими дивизиями.

И контрреволюционеры напряженно следили за исходом борьбы за мир, которую последовательно вела большевистская партия во главе с В. И. Лениным. Они страстно желали, чтобы в этой борьбе победили «левые». Черносотенный лидер Пуришкевич призывал своих сторонников принять активное участие в «революционной войне». «Заявим, — писал он, — что... мы готовы *идти делать* что угодно. Пошлют на передовые позиции... пойдём. Заставят быть братьями милосердия, сделают пушечным мясом — на все готовы»¹⁹. Так неизбежно смыкался круг между крайне левыми и крайне правыми, которые хорошо понимали, что «революционная» война приведет к гибели Советской власти и откроет путь для торжества реакции.

Но когда большевистская партия и Советы пошли за Лениным, когда IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов большинством голосов ратифицировал Брестский мир, монархисты круто изменили свою позицию. Из «заклятых врагов» Германии они превратились в ее верных друзей, рассчитывая, что раньше или позже германские правящие круги разорвут Брестский договор, сокрушат Советскую власть и восстановят монархию. И как только первые германские миссии в конце 1917 г. появились в Петрограде, представители различных монархических кругов сразу же потянулись к ним.

Правый центр

Немецкие представители охотно вступили в конспиративные контакты со всеми, в том числе и с черносотенными, элементами, группировавшимися, в частности, в «организации», созданной Марковым 2-м и занимавшейся главным образом освобождением арестованной царской семьи. Эти люди действовали в свойственном им напористом духе и доказывали, что именно они являются теми, на кого немцы должны опираться²⁰. Но не отказываясь от связей даже с такой фигурой, как Марков 2-й, немцы все же предпочитали иметь более тесные контакты с другой монархической организацией, свободной от одиозного, скомпрометированного черносотенства. Это был так называемый Правый центр, возникший весной 1918 г. в Москве. С его появле-

¹⁹ Цит. по: Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974, с. 296.

²⁰ Williams R. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany. 1881—1941. Ithaca, 1972, p. 71.

нием монархическая контрреволюция, казалось, стала приобретать более или менее определенные политические очертания. Да и по масштабам и характеру своей деятельности она существенно превосходила «кустарную» группу Маркова 2-го и другие монархические кружки, состоявшие преимущественно из вчерашних черносотенцев, гвардейских офицеров и представителей дворцовой камарильи.

Истоки Правого центра идут от контрреволюционного Совещания общественных деятелей, объединявшего представителей торгово-промышленных кругов, правых политических партий и группировок (главным образом октябристов и кадетов), офицерских организаций, духовенства и т. д. Первое собрание этого Совещания состоялось еще в августе 1917 г., накануне открытия Государственного совещания. Лейтмотивом всех выступавших был призыв к «оздоровлению народной души», что на практике означало разгон Советов и комитетов и создание «твердого», т. е. реакционного правительства, способного удушить революцию²¹. До Октябрьской революции Совет Совещания общественных деятелей собирался довольно регулярно. На этих собраниях разрабатывалась и уточнялась программа контрреволюции, сводившаяся к ликвидации Советов, насаждению твердых порядков в армии, вообще «восстановлению сильной и единой власти». Анализируя резолюции второго Совещания общественных деятелей, состоявшегося 12 октября 1917 г., И. И. Минц приходит к выводу, что это была «программа реставрации старых, дореволюционных (дофевральских.— Г. И.) порядков»²².

Но если в дооктябрьский период «общественные деятели» еще не решались прямо и открыто выдвинуть требование «монархической реставрации», надеясь, что Временное правительство будет эволюционировать вправо, после Октября маски уже стали ненужны. Перейдя на нелегальное положение, Совещание общественных деятелей, а вернее сказать, его осколки начали тайно собираться в Москве в январе-феврале 1918 г. Здесь на частных квартирах сходились монархисты столыпинско-октябристского толка В. И. Гурко, В. В. Меллер-Закомельский, А. В. Кривошеин, Д. М. Щепкин, правые кадеты Н. И. Астров, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве и др. Один из участников этих сборищ, П. Н. Виноградский, позднее писал: «Совет приступил к анализу прошедших с 1 марта 1917 г. событий... Обсуждение выявило действительную политическую физиономию его участников, единодушно признавших, что единственно приемлемою формою правления в России может быть наследственная конституционная монархия...» Это, пишет Виноградский,

²¹ Минц И. И. История Великого Октября, т. 2. М., 1968, с. 714.

²² Минц И. И. История Великого Октября, т. 3, с. 18.

было «нечто среднее между старыми программами октябристов и кадетов»²³.

Входивший в состав Совещания общественных деятелей Н. А. Бердяев, считавшийся его идеологом, «давал философски-религиозное обоснование монархических принципов и соответствующего государственного строя»²⁴. В упоминавшемся нами сборнике «Из глубины», который был подготовлен, по-видимому, в это время, он (и другие «веховцы») признавал грехи русского либерализма перед царизмом, оплеывал русский народ. «Формы старого строя,— писал Бердяев,— сдерживали проявления многих русских свойств, вводили их в принудительные границы. Падение этих обветшалых форм привело к тому, что русский человек окончательно разнуздан и появился нагишом. Злые духи, которых видел Гоголь в их статике, вырвались на свободу и учиняют оргию...»²⁵ «Кающиеся либералы» проклинали теперь не только Октябрь, но и Февраль.

По мере того как Советская власть укреплялась и надежды на ее быстрое свержение таяли, октябристские и правокадетские «общественные деятели» правили еще больше. После Брестского мира многие из них пришли к заключению, что в случае победы контрреволюции необходим только один путь — «возврат к положению до 1 марта 1917 г.», т. е. до свержения царизма в ходе Февральской революции²⁶.

В марте 1918 г. участники Совещания общественных деятелей произвели перегруппировку сил. Их представители теснее блокируются с членами Торгово-промышленного комитета²⁷ и правым крылом кадетской партии. Поскольку в головку нового контрреволюционного объединения вошли по три представителя от каждой из трех названных организаций, она получила название «девятки».

Вскоре в «девятку» вошли представители помещичье-кулацкого Союза земельных собственников, и она разрослась в нелегальную общественную организацию, в которой полностью доминировали политические деятели правого, монархического толка. Организация эта и получила название Правый центр. Во главе его стояли бывший царский министр земледелия и кандидат в премьеры А. В. Кривошеин, бывший член Государственного совета В. И. Гурко, кадеты Н. И. Астров, В. А. Степанов, С. М. Леонтьев и др. Правый центр отвергал идею Уч-

²³ *Виноградский П. Н.* Совет общественных деятелей в Москве, 1917—1919.— «На чужой стороне», 1925, № 9, с. 94.

²⁴ *Агранов Я.* Обзор деятельности контрреволюционных организаций в период 1918—1919 гг.— В кн.: Красная книга ВЧК, т. 2. М., 1922, с. 21.

²⁵ *Бердяев Н.* Духи русской революции.— В кн.: Из глубины. Париж, 1967, с. 78—79.

²⁶ *Виноградский П. Н.* Совет общественных деятелей в Москве, 1917—1919, с. 95—96.

²⁷ Был создан буржуазией летом 1917 г. с целью борьбы против растущего пролетарского движения.

редительного собрания и высказывался за восстановление монархии. Генерал А. И. Деникин, находившийся с Добровольческой армией на Дону и поддерживавший тесные связи с подпольными контрреволюционными организациями в Москве, писал, что у Правого центра «существовала, между прочим, идея обращения к патриарху»²⁸, который при помощи созданного на персональных началах Земского собора должен был провозгласить царем великого князя Михаила Александровича»²⁹.

Существовала, однако, и другая точка зрения. «Крайние правые и Правый центр,— писал Деникин,— считали необходимым восстановить на престоле императора Николая II...»³⁰ Акт отречения 2 марта 1917 г. они считали недействительным, поскольку, по их мнению, Николай II подписал его под сильным давлением генералов-«изменников» и самозванного Думского комитета.

Такая позиция определяла тяготение части членов Правого центра к откровенно черносотенным элементам. «В Правом центре,— писал впоследствии В. И. Гурко,— возник вопрос о включении в его состав нескольких лиц из состава крайней правой группы, где наиболее влиятельное положение занимали протоиереи Восторгов, Н. А. Римский-Корсаков и А. Д. Самарин»³¹. Кадет Н. Н. Щепкин высказался определеннее. По его словам, в Правый центр «входили... представители течений правых и самых крайних правых». От них, по признанию Щепкина, тянулась нить к упоминавшейся нами организации Маркова 2-го³². Правда, некоторые лидеры Правого центра по тактическим соображениям считали такой блок нежелательным. Им казалось, что он может сузить «национальную базу» контрреволюции и произвести отрицательное впечатление на иностранные правящие круги. Так или иначе Правый центр последовательно проводил «монархический принцип».

Вместе с тем Правый центр стремился и к блоку «налево», с кадетами. Из воспоминаний члена ЦК кадетской партии Л. А. Кроля следует, что правые (националисты и октябристы) неоднократно предлагали ЦК кадетов восстановить монархию, причем подчеркивали, что в случае совместных действий возможна монархия «хорошая, конституционная», в случае же

²⁸ Речь идет о патриархе Тихоне.

²⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3. Берлин, 1924, с. 77.

³⁰ Там же, с. 86. В кругах, близких к А. Ф. Трепову, котиrowался и великий князь Дмитрий Павлович — один из убийц Распутина (*Тхоржевский И.* Бурбоны и Орлеаны. Из заметок русского монархиста. — «Возрождение» (Париж), 1936, 14 января).

³¹ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. — «Архив русской революции», т. 15. Берлин, 1924, с. 12. Между прочим, в монархических кругах Москвы Самарин рассматривался даже как один из возможных кандидатов на будущий российский престол.

³² Красная книга ВЧК, т. 2, с. 311.

отказа кадетов от блока самодержавие будет возрождено «в полной мере»³³.

Весной 1918 г. Правый центр развил весьма активную деятельность. По свидетельству П. Н. Виноградского, через Союз земельных собственников, имевший свои отделения в разных губерниях, центр установил связь с провинцией³⁴. Одновременно лидеры центра от политического прожектерства, выразившегося в составлении разного рода «записок» о будущем строе России, начинают переходить к практической подрывной деятельности. Сколачивается офицерская организация. Б. В. Савинков, нелегально приехавший с белогвардейского Дона в Москву весной 1918 г., писал: «В Москве я разыскал частную монархическую организацию, объединявшую человек 800 офицеров, главным образом гвардейских и гренадерских полков. Она возглавлялась несколькими видными общественными деятелями и ставила себе целью подготовить вооруженное восстание в столице»³⁵. Командовал этим офицерским отрядом генерал Довгерст³⁶.

Взросшая активность Правого центра требовала денег. Центр находил их в двух источниках: во-первых, это Торгово-промышленный комитет, имевший в своем распоряжении немалые средства³⁷, и, во-вторых, кайзеровская Германия. В дневниках С. П. Мельгунова имеются следующие записи, относящиеся к началу марта 1917 г.: «Кривошеин субсидирует «девятку» (Леонтьев и др.) из немецких денег, ибо Кривошеин связан с немецким банком. Через Кривошеина они (немцы) связаны с к.-д., а через старую охранку с монархистами... Немцы хотят захватить власть через монархистов»³⁸.

П. Н. Милюков, который в эмиграции, по его словам, получал сведения непосредственно от членов бывшего Правого центра, писал: «...По крайней мере германская военная партия намеревалась свергнуть большевистское правительство в Москве, по возможности русскими руками, и при этом восстановить в России монархию. С такими предложениями германские представители не раз обращались к правой части русского политического фронта так же, как союзники обращались к левой (имеются в виду «левые» кадеты, эсеры и меньшевики.— Г. И.). По сообщению В. И. Гурко, за сговор с немцами решительно

³³ Кроль Л. А. За три года. Владивосток, 1922, с. 11.

³⁴ Виноградский П. Н. Совет общественных деятелей в Москве, 1917—1919, с. 97.

³⁵ Савинков Б. В борьбе с большевиками. Варшава, 1920, с. 24.

³⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 75; Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники, вып. 2. Париж, 1964, с. 13, 15.

³⁷ Владимирова В. Год службы «социалистам» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М.—Л., 1927, с. 234; Агранов Я. Обзор деятельности контрреволюционных организаций в период 1918—1919 гг., с. 27.

³⁸ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники, вып. 2, с. 12. В этот период Кривошеин являлся одним из директоров предприятий «Савва Морозов-сын и К^о».

высказывался Кривошеин. В Петербурге сношения велись с А. Ф. Треповым и Б. Э. Нольде. Переговоры германцев, впрочем, велись и непосредственно с русскими офицерами через организации обмена пленных»³⁹.

Милюков утверждает далее, что на июнь 1918 г. был наметчен переворот, по плану которого предполагалось с помощью германских военнопленных, одетых в русские шинели, и под командой русских белогвардейских офицеров захватить важнейшие пункты в Москве и продержаться там до подхода германских войск из Орши⁴⁰. Милюков пишет, что ему неизвестно, почему этот план не осуществился, но он определенно знает, что и в дальнейшем (вплоть до сентября 1918 г.) члены Правого центра вели с немцами переговоры «о создании при помощи германцев монархического правительства в Москве»⁴¹.

В рамках этих переговоров (на их ранней стадии) Правый центр, который нелегально поддерживал связи с находившимися с августа 1917 г. в Тобольске Романовыми⁴², пытался добиться от германского посольства содействия в деле их освобождения. Так, например, когда в конце апреля 1918 г. из Тобольска в Москву поступила зашифрованная телеграмма об уходе Романовых на Урал (см. об этом в главе четвертой), лидеры Правого центра решили обратиться к послу В. Мирбаху.

По поручению московских монархистов в Петроград срочно выехал сенатор Д. Б. Нейдгардт, где он встретился с бывшим председателем Совета министров А. Ф. Треповым. Решено было просить гофмаршала Николая П. Бенкендорфа обратиться к Мирбаху со специальным посланием, содержащим призыв о помощи в освобождении царской семьи. Такое послание было написано, и Нейдгардт, возвратившийся в Москву в конце апреля (по другим данным, в первой декаде мая), вручил его германскому послу⁴³.

Германские буржуазные историки обычно отрицают причастность кайзеровской Германии к контрреволюционным заговорам вокруг Николая II и его семьи. Так, например, некий К. Ягов в статье, опубликованной еще в 1935 г., писал, что немецкая дипломатия устранилась от вопроса о судьбе бывшего

³⁹ Милюков П. Н. Россия на переломе, т. 2. Париж, 1926, с. 20.

⁴⁰ Там же, с. 21.

⁴¹ Там же. Факт предполагавшегося участия германских и австрийских военнопленных в контрреволюционных выступлениях с целью свержения Советской власти подтверждается и материалами ВЧК («Известия» (Москва), 1918, 7 марта).

⁴² У членов Правого центра существовала связь и с великим князем Михаилом Александровичем, проживавшим в Гатчине, а затем в Перми (Тхоржевский И. Бурбоны и Орлеаны. Из записок русского монархиста.— «Возрождение» (Париж), 1936, 14 января).

⁴³ Боткин П. Что было сделано для спасения царской семьи.— Русская летопись, кн. 7. Париж, 1925, с. 211. См. также: Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин. Его значение в истории России начала XX в. Париж, 1973, с. 277—278.

царя и все ее усилия ограничились лишь несколькими строго официальными представлениями относительно «приищесс немецкой крови»⁴⁴. Эта версия повторяется и в современной буржуазной историографии. Западногерманский историк Н. Реш пишет, что Мирбах и его люди отвергали переговоры с контрреволюционным подпольем в России относительно Романовых⁴⁵. Французский журналист В. Александров также считает, что нет никаких данных, подтверждающих заинтересованность германских представителей в Москве в освобождении царской семьи⁴⁶. Подобного рода утверждения встречаются и в белоэмигрантской, главным образом монархической литературе, но здесь они носят явный характер обвинений германской стороны в целях собственной реабилитации. Монархисты упрекали немцев в том, что на все просьбы помочь Романовым они отвечали: «Невозможно! Исключается!»⁴⁷

Советский публицист М. К. Касвинов утверждает, что Берлин разработал специальные меры «по эвентуальному оказанию помощи и освобождению Романовых», составлявшие план операции под кодовым названием «русский кузен»⁴⁸. К сожалению, Касвинов не раскрывает источников, подтверждающих этот тезис.

Из имеющихся же данных следует, что реакционные круги Германии, поддерживая тесную связь с монархическим подпольем, действительно проявляли довольно активный интерес к семье Романовых, но не были склонны форсировать решение этого вопроса. Один из руководителей Правого центра, Гурко, впоследствии писал, что немецкие дипломаты выражали готовность проявить заботу только о судьбе «великих княгинь немецкого происхождения». Тем не менее у Гурко, по его словам, «создалось определенное убеждение, что немцы заинтересованы охранением жизни тех членов царской семьи, которые могли занять русский престол»⁴⁹. Да и сами немцы говорили монархистам из Правого центра, что «царь находится в безопасности» и что они имеют при Романовых своих людей, «которые их охраняют»⁵⁰. Такая позиция, по-видимому, соответствовала той политической линии, которой придерживалась кайзеровская Германия по отношению к Советской России после Бреста.

⁴⁴ Jagow K. Die Schuld am Zarenmord. Eine Antwort an Paleologue.— «Berliner Monatshefte», 1935, Mai, 13. Jg., № 5, S. 391—392; см. также: *Blücher W. von. Deutschlands Weg nach Rappalo*. Wiesbaden, 1951, p. 19.

⁴⁵ Цит. по: Касвинов М. Двадцать три ступени вниз.— «Звезда», 1972, № 8, с. 145.

⁴⁶ Alexandrov V. The End of the Romanovs. New York, 1966, p. 210.

⁴⁷ «Двуглавый орел», 1920, 14 (27) сентября, с. 7; см. также: Генерал Лентьев. Открытое письмо Вильгельму. Париж, 1918, с. 7—8; Боткин П. Что было сделано для спасения царской семьи, с. 211.

⁴⁸ Касвинов М. Двадцать три ступени вниз.— «Звезда», 1972, № 8, с. 144, 148.

⁴⁹ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу, с. 16.

⁵⁰ Там же.

«Большинство буржуазных партий Германии,— писал В. И. Ленин,— в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, но которое, конечно, очень радо «улучшить» его и получить еще несколько аннексий за счет России... С другой стороны, мы имеем военную партию, которая не раз проявляла себя в Брестском договоре и которая, естественно, существует во всех империалистических державах,— военную партию, которая говорит себе: силой надо пользоваться немедленно, не считаясь с дальнейшими последствиями»⁵¹.

Внутри военной партии, правда, не было полного единодушия. Э. Людендорф считал, что главный удар нужно нанести на Западе, а потому на Востоке следует, используя Брестский мир, оказывать нарастающее давление на Россию, имея в виду свержение Советской власти в близкой перспективе⁵². Более воинственную точку зрения защищал генерал М. Гофман. Он доказывал, что необходимо немедленно нанести решительный удар на Востоке, превратить Россию в марионеточное государство типа Украины и Финляндии, а затем уже всеми силами обрушиться на Запад⁵³.

Непрекращающаяся борьба партий, группировок германского империализма политически и дипломатически выливалась в некую равнодействующую, которую один из германских дипломатов, В. фон Блюхер, довольно точно и образно назвал «двухколейной»⁵⁴. Одна «колея» — это официальные отношения германских правящих кругов с правительством Советской России, основанные на опасении, что «любой другой режим (кроме Советского) независимо от того, будет ли он монархическим или буржуазно-республиканским, денонсирует Брестский мир и повернет к Антанте»⁵⁵. Вторая «колея» — это конспиративная связь с различными антисоветскими подпольными группировками, главным образом монархической окраски, в Москве и других городах. Еще в начале 1918 г. Людендорф писал в Берлин: «Хотя мы теперь официально ведем переговоры только с Советским правительством, мы в то же время должны поддерживать отношения с другими движениями в России для того, чтобы вдруг не обнаружить себя опоздавшими. Мы не можем полагаться на сторонников Керенского, так как ими руководит Ан-

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 333.

⁵² Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Сборник документов, т. 1. М., 1968, с. 517.

⁵³ Гофман М. Записки и дневники. 1914—1919. Л., 1929, с. 141—142. См. также: Блинов С. И. Внешняя политика Советской России. Первый год пролетарской диктатуры. М., 1973, с. 157—158.

⁵⁴ Blücher W. von Deutschlands Weg nach Rappalo, p. 19.

⁵⁵ Freund G. Unholy Alliance Russian-Germany Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. London, 1957, p. 14.

танта. Мы должны установить контакты с правыми монархическими группами и влиять на них так, чтобы монархическое движение соответствовало нашим желаниям и намерениям...»⁵⁶

Эта точка зрения в основном разделялась германским МИД. В. фон Блюхер писал: «Наше посольство в Москве не ограничивалось официальным общением с Советским правительством, оно не избегало контакта с оппозицией. Эти встречи происходили, естественно, втайне, и, насколько мне известно, проявлялась столь большая осторожность, что не упоминалось имен собеседников даже в шифрованных телеграммах Министерству иностранных дел. Там говорилось только: «представитель правой группировки сообщил мне следующее...» Как я узнал позже, речь шла при этом о столь значительных лицах, как бывший министр сельского хозяйства Кривошеин и бывший обер-прокурор святейшего синода князь Оболенский...»⁵⁷

Представитель германского командования при посольстве в Москве майор В. Ботмер писал в своем дневнике, что монархисты буквально не давали прохода немецким дипломатам и военным, стремясь «излить сердце» и уговорить Германию «ввести в игру немецкие штыки» так же, как это было сделано ею на Украине⁵⁸. Несмотря на строгую секретность этих переговоров, они все же не ускользнули от бдительного внимания дипломатических представителей и агентов Антанты и США. О них, в частности, сообщал в мае 1918 г. в Военное министерство США американский атташе Рэглес⁵⁹, а в госдепартамент — консул Д. Пуль⁶⁰ и посол Д. Фрэнсис. В мае Фрэнсис сообщал: «Мирбах в контакте с умеренными или реакционными политическими группами в России, имея в виду создание правительства, которое с германской помощью заменит большевиков и будет содействовать германским интересам. Его предложения, по всей видимости, находят отклик у октябристов, правых кадетов и членов союза промышленников»⁶¹.

Переговоры эти в целом велись по одному вопросу: необходимости с помощью германских штыков свергнуть Советскую власть и заменить ее реакционным, буржуазно-помещичьим правительством. В одном из донесений в Берлин Мирбах сообщал: «Во время последней беседы с представителями группы Правый центр ...князь Урусов и бывший помощник министра Леонтьев сообщили, как они представляют себе выступление этой группы против большевиков... Если путч (антибольшеви-

⁵⁶ Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918. Ed. by Z. Zeman. London, 1968, p. 136.

⁵⁷ *Blücher W. von. Deutschlands Weg nach Rappalo*, S. 28.

⁵⁸ *Bothmer F. Mit Graf Mirbach in Moskau*. Tübingen, 1922. S. 35—36.

⁵⁹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia, vol. 1. Washington, 1931, p. 517.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 540.

⁶¹ *Ibid.*, p. 545.

ский.— Г. И.) удастся, то группа будет вынуждена, чтобы заставить многочисленные другие группы, особенно в Сибири, присоединиться и подчиниться ей, заключить с ними договор, в котором будет оформлено их право выступать от имени монарха...»⁶² Речь, таким образом, шла о монархической реставрации. Но немцы еще не решались на окончательную и открытую переориентировку своих сил. В их правящих кругах происходили колебания в вопросе о том, наступил ли уже момент для разрыва с Советской Россией и открытого блокирования с внутренними контрреволюционными силами. От активных действий в этом направлении Германию пока удерживали главным образом стремление извлечь новые выгоды из Брестского мира и, кроме того, сомнения в реальной силе контрреволюции⁶³.

20 июня 1918 г. в донесении рейхсканцлеру Г. Гартлингу Мирбах в следующих словах характеризовал представителей тех группировок, на которые немцы намеревались сделать ставку: «Многочисленные праздношатающиеся личности, носители древних фамилий и бывших титулов, владельцы крупных фирм или латифундий ежедневно появляются здесь. Они клянутся в своих германофильских чувствах и вымаливают помощь против большевиков, стараясь при этом добиться для себя обещания о занятии поста в правительстве великорусского Скоропадского, которое мы будем здесь устанавливать. Сами по себе они едва ли заслуживают серьезного внимания; неспособные к действию, к организации, к дерзанию, они отнюдь не производят впечатления людей, способных вырвать власть из рук Ленина...»⁶⁴ Мирбах предлагал поэтому «взять» несколько левее, ориентируясь главным образом на октябристско-кадетский элемент. По его мнению, такая комбинация должна была обеспечить Германии поддержку «влиятельных людей промышленности и банковского мира в направлении наших важнейших экономических интересов»⁶⁵. Но в правящих германских кругах не могли полностью избавиться от опасения, что «центр и умеренно правое крыло политического фронта России» могут оказаться перекупленными Антантой.

Мирбах, выражавший сомнения в «организационном таланте» и «боеиспособности» правых групп, рекомендовал: «Связь с политическими партиями, которые намереваются перетянуть Россию в лагерь наших противников, разумеется, уже а priori исключается: это в первую очередь с головой продавшиеся Ан-

⁶² Документы германского посла в Москве Мирбаха.— «Вопросы истории», 1971, № 9, с. 120—123.

⁶³ Ахтамзян А. От Бреста до Киля. М., 1963, с. 378; Спирин Л. М. Крах одной авантюры. М., 1971, с. 5—6.

⁶⁴ Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 126. Примерно такую же оценку правым дал советник германского посольства в Москве Ритцлер члену Совещания общественных деятелей С. А. Котляревскому — «На чужой стороне», 1924, № 8, с. 130.

⁶⁵ Germany and the Revolution in Russia, p. 138.

танте эсеры, а также кадеты более старого и строгого направления. В то же время другая группа кадетов, известная сейчас под названием «монархистов», могла бы быть присоединена к тем элементам, которые, возможно, составят ядро будущего нового порядка... Если мы уже сейчас постепенно, с должными мерами предосторожности и соответственно замаскированно начали бы с предоставления этим кругам желательных им денежных средств — вопрос о поставках оружия, которого они ждут, по ряду причин отпадает, — то тем самым был бы уже установлен какой-то контакт с ними на случай, если они в один прекрасный день заменят нынешний режим»⁶⁶.

Но колебания германских империалистов в выборе контрреволюционной группировки, на которую можно было бы полностью опереться в борьбе против Советской власти, не могли продолжаться долго. Один из наиболее последовательных сторонников ориентации на монархистов, генерал Людендорф, предупреждал, что по имеющимся у него данным, которые заслуживают доверия, Антанта «также признает важность этого (монархического.— Г. И.) движения». Людендорф сообщал, что представители Антанты через французского посла Ж. Нуланса предложили русским «консервативным элементам» свою поддержку и согласились на «введение конституционной монархии»⁶⁷. Такого же рода донесения шли от Мирбаха. В июне 1918 г. он писал Гартлингу: «Чехословаков (речь идет о мятежном чехословацком корпусе.— Г. И.) подстрекают объединившиеся с ними Временные правительства в Омске, Харбине и Владивостоке. Всех их пригрела под своим крылышком Антанта, которая на сегодняшний день является чуть ли не владычицей Сибири. Но державы Антанты ориентируются не на сибиряков, а на Россию. Они опираются на казачьи войска в количестве от 70 до 80 тыс. человек, имеющих в наличии около 2 млн. т зерна, и собираются поднять на щит самого царя либо кого-нибудь из членов царской фамилии независимо от того, произойдет ли это при участии Учредительного собрания, которое предполагается собрать в Омске или без такового»⁶⁸.

Неделю спустя Мирбах вновь сообщал Гартлингу, что монархисты из германофильского Правого центра обеспокоены «возможностью, что царь или другой член царской фамилии попадет в руки Антанты и будет использован ею для своих комби-

⁶⁶ Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 125.

⁶⁷ Germany and the Revolution in Russia, p. 136.

⁶⁸ Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 126. Сведения, передававшиеся Мирбахом, находят подтверждение в других источниках. Кадет В. Н. Пелеляев, направленный своим ЦК в Сибирь (позднее министр внутренних дел, а затем премьер в правительстве Колчака) писал в своем дневнике: «Из союзников англичане, французы и японцы высказываются уже за монархию у нас» (цит. по: *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926, с. 20). См. об этом также: *Колосов Е.* Сибирь при Колчаке. Пг., 1923, с. 63—67.

паций»⁶⁹. Но были ли какие-либо реальные основания для такого рода предположений?

Часть членов Правого центра, большинство которого твердо держалось германской ориентации, искала поддержки у Мирбаха, не отказываясь и от связей с агентами Антанты⁷⁰, ибо, по свидетельству одного из участников антисоветского подполья весны—лета 1918 г., в контрреволюционных кругах в то время имела широкое хождение фраза Кавура, согласно которой для достижения своей цели (в данном случае свержения Советской власти) можно было «хоть с чертом связаться»⁷¹. Французский консул в Москве Гренар установил контакт с членом Правого центра Е. Н. Трубецким, и на его квартире велись переговоры между французскими представителями, с одной стороны, и членами Правого центра (А. В. Кривошеинным, В. И. Гурко, П. Б. Струве и др.) с другой, о создании «противогерманского» и «противобольшевистского» фронта на Востоке страны. План этот должен был осуществляться после вторжения в Россию союзнических войск и при их активной помощи. При этом до сведения антисоветского подполья через французского посла Ж. Нуланса было доведено, что союзники якобы гарантируют невмешательство во внутренние дела России и окажут поддержку «временному, а потом и постоянному правительству вне зависимости от каких бы то ни было соображений о форме правления»⁷². Но как следует из писем Н. В. Чайковского, которые цитирует в своей книге о Колчаке С. П. Мельгунов, многие представители империалистических кругов в Париже и в Лондоне считали «необходимым опереться на монархистов, так как почти вся кадетская партия, в которой произошел сдвиг направо, состоит из монархистов»⁷³. Таким образом, и в империалистических кругах Антанты принципиально не исключалась возможность восстановления в России монархии, хотя, по-видимому, определенно речь об этом в данном случае не шла.

Постепенно среди некоторых членов Правого центра усиливалась проантантовская ориентация. Это привело к тому, что в мае 1918 г. (после конференции кадетской партии) часть состоявших в Правом центре кадетов (Н. Н. Щепкин, Н. И. Астров, В. А. Степанов, П. Б. Струве, М. М. Федоров, А. В. Карташев и др.) вышла из его состава и образовала несколько более «левую» контрреволюционную организацию — Национальный центр, который взял ориентацию на Антанту⁷⁴.

⁶⁹ Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 129.

⁷⁰ См., например: *Локкарт Б. Р.* Буря над Россией. Рига, 1933, с. 282.

⁷¹ *Виноградский П. Н.* Совет общественных деятелей в Москве, 1917—1919, с. 95.

⁷² *Милуков П. Н.* Россия на переломе, т. 2, с. 19—20.

⁷³ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, ч. 1. Белград, 1930, с. 85.

⁷⁴ Национальный центр в Москве в 1918 г. Записка С. А. Котляревского. — «На чужой стороне», 1924, № 8, с. 133—134; *Милуков П. Н.* Россия на переломе, т. 2, с. 21.

Политическая программа кадетского Национального центра предусматривала установление временной военной диктатуры. Окончательная же форма государственного строя России официально должна была определяться после победы над большевиками. Но фактически и в среде кадетов крепло «сознание жизненного значения для России исторической, царской власти»⁷⁵. Это, в частности, подтверждается письмом членов Национального центра, направленным летом 1918 г. генералу М. В. Алексею на Дон (оно было подписано М. М. Федоровым, Н. И. Астровым, П. Б. Струве и др.). В нем между прочим говорилось: «Когда мы говорим об образовании власти, мы ставим себе форму раньше содержания. Мы думаем, что историческая Россия должна для своего возрождения и воссоединения иметь монарха. Но из этого мы не строим себе кумира. Мы полагаем, что для переходного времени нужна сильная власть диктатора, но чтобы эта диктатура была приемлема для беспокойного и подозрительного настроя масс, мы готовы принять предлагаемую Союзом возрождения⁷⁶ форму директории с военным авторитетным лицом во главе... Эта директория должна очистить территорию, установить порядок, подготовить население и дать ему новое основание для выборов в народное собрание, которое и должно установить окончательную форму правления...»⁷⁷

Таким образом, диктатура (или директория), которая должна была восстановить в стране буржуазно-помещичий порядок, рассматривалась многими руководящими членами Национального центра как переход к восстановлению монархии предпочтительно конституционного образца. Член Национального центра кадет В. А. Степанов в письме к Н. Н. Щепкину писал из Добровольческой армии: «Вопрос о природе временной переходной власти не есть, конечно, вопрос о форме правления, но и по этому вопросу могу сообщить для справки, что здесь на юге партия в целом (кадеты. — Г. И.) так же, как и Национальный центр... всецело поддерживает идею единоличной военной диктатуры». Но говоря об «окончательном» государственном строе России, Степанов признавал свой «монархический грех» и «с чувством большого удовлетворения» констатировал, что «подавляющее большинство наших партийных друзей считает, что монархия грядет, что монархия неизбежна и что дай бог, чтобы грядущая монархия оказалась монархией достаточно либеральной, достаточно приличной и не попала в русло идей Маркова 2-го»⁷⁸.

⁷⁵ См.: *Тхоржевский И.* Бурбоны и Орлеаны. Из записок русского монархиста. — «Возрождение» (Париж), 1936, 14 января.

⁷⁶ Объединение левых кадетов, народных социалистов и правых эсеров, возникшее весной — летом 1918 г. Так же, как и Национальный центр, держался проантантовской ориентации. Решение кардинальных социальных и политических проблем связывал с Учредительным собранием.

⁷⁷ *Лукомский А.* Воспоминания, т. 2. Берлин, 1922, с. 16.

⁷⁸ Красная книга ВЧК, т. 2, с. 203, 204.

У Национального центра имелась довольно крупная военная организация в Москве. Во главе так называемой Добровольческой армии Московского района стояли генерал Стогов и полковник Ступин. По свидетельству одного из офицеров этой организации, в ней преобладали «убежденные противники принципов Советской власти, большей частью правых, монархических партий и убеждений, но были и люди левых, республиканских направлений. Пункт соглашения: «долгой большевиков», а там после разберемся»⁷⁹.

Некоторые современные советологи, стремясь преуменьшить масштабы и силу внутренней контрреволюции (впрочем, как и интервенции), утверждают, что антисоветские организации (Правый центр, Национальный центр, Союз возрождения) «откалывались кооперировать друг с другом», «существовали рядом совершенно изолированно»⁸⁰. Факты, однако, говорят о другом.

Несмотря на различие в политической ориентации (на союзников или Германию) и известные расхождения в вопросе о будущем государственном устройстве, все антисоветские, контрреволюционные организации — от Правого центра до Союза возрождения имели между собой тесную связь⁸¹. Так, например, члены Национального центра кадеты Астров и Степанов входили в Правый центр. Между кадетским Национальным центром и кадетско-эсеровским Союзом возрождения вообще поддерживались теснейшие контакты. А глава Союза защиты родины и свободы эсеров Б. Савинков входил в кадетский Национальный центр⁸².

Таким образом, звеном, объединявшим все антисоветские группировки от монархистов до правых эсеров, являлись кадеты. Их левое крыло больше склонялось к блоку с мелкобуржуазными партиями, выступавшими в поддержку Учредительного собрания; напротив, правое крыло блокировалось с монар-

⁷⁹ Там же, с. 293.

⁸⁰ *Bradley J. The Civil in Russia*. New York, 1975, p. 47.

⁸¹ С ними был связан и проантантовский Союз защиты родины и свободы, созданный Б. Савинковым. В этом эсеровском союзе было немало монархических офицеров и генералов. Как видим, некоторые эсеры и монархисты чувствовали себя союзниками в борьбе с Советской властью. Еще перед Октябрем черносотенец В. Пуришкевич рекомендовал привлекать в создаваемую им монархическую организацию кадетов и савинковских эсеров (ЦГАОР, ф. 336 (Следственной комиссии Петроградского Совета), оп. 1, д. 277, л. 1 об.). Со своей стороны эсеры также старались использовать монархические кадры в своей антисоветской «боевой работе» (Семенов Г. Военная и боевая работа партии эсеров. М., 1922, с. 18—19, 23).

⁸² Позднее, весной 1919 г., эти связи привели к образованию так называемого Тактического центра, в который вошли представители Национального центра, Союза возрождения и осколка Правого центра — Совета общественных деятелей. Это была своего рода «контактная комиссия», стремившаяся координировать деятельность всего антисоветского подполья от «социалистов» до монархистов (подробнее см.: Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975, с. 348—354; Крыленко Н. За пять лет. 1918—1922. М.—Пг., 1922, с. 38—46).

хистами, которые, по свидетельству Кроля, располагали вооруженной силой и готовили военный переворот. В конце концов кадеты нашли «среднюю» линию, определенную членом ЦК кадетов А. А. Корниловым следующим образом: «Мы партия реальной политики, признающая необходимость своего участия в органической государственной работе. Если правые создадут «приличную» монархию, то мы будем иметь возможность работать, оставаясь республиканцами. Если же они создадут монархию «неприличную», то она безнадежна, вредна, а потому мы тем более, в противовес ей, должны оставаться республиканцами. Предоставим поэтому все это дело решать правым»⁸³. Из этих слов видно, что «средняя» линия кадетов, линия так называемого «политического единства», на деле являлась линией прямой капитуляции перед откровенными монархистами.

После состоявшейся в мае 1918 г. (в Москве) кадетской конференции начался «исход» кадетских лидеров из центра на окраины, где поднимались антисоветские, контрреволюционные движения. В. Н. Пепеляев направился в Сибирь, Л. А. Кроль — на Урал, М. М. Винавер — на Украину и т. д.⁸⁴ «Кадетский центральный комитет, — говорил В. И. Ленин еще в декабре 1917 г., — это — политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы; с ними слились элементы, стоявшие правее кадетов»⁸⁵.

В свете всех этих данных становятся понятными опасения германского посла Мирбаха. Проантантовская контрреволюция монархистско-кадетского толка отнюдь не исключала возможности восстановления в России монархии с кем-либо из Романовых. Особая ставка в этих кругах делалась на великого князя Михаила Александровича. Американский посол в Швеции сообщал, что, по полученным им сведениям из России, там растет движение «в пользу Михаила Александровича как нового монарха»⁸⁶. В донесениях австро-венгерской агентуры содержались сообщения, что Михаил Александрович в связи «с видными английскими кругами», поддерживавшими его кандидатуру на трон⁸⁷. Эти сообщения в определенной мере подтверждаются более поздними белоэмигрантскими мемуарами. Так, например, в газете «Дни» были опубликованы воспоминания О. Путятиной «Судьба Михаила Романова». Путятинна пишет, что до конца февраля 1918 г. Михаил фактически свободно проживал в Гатчине. В это время его друзья «вели переговоры с Англией о содействии его побегу». Из посольства уже были доставлены паспорта, но Михаил якобы отказался. В марте 1918 г. он был пе-

⁸³ Кроль Л. За три года, с. 15.

⁸⁴ Там же, с. 48.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 135.

⁸⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia, vol. 2. Washington, 1932, p. 235, 247.

⁸⁷ Институт истории СССР АН СССР. Отдел рукописей, ф. 18, д. 118, л. 40.

резевен в Пермь, но и там находился всего лишь под домашним арестом⁸⁸.

Промонархические интриги октябристов и кадетов, ориентировавшихся на Антанту, с точки зрения немецкой дипломатии грозили в случае их успеха привести к тому, что Германия вновь могла оказаться в состоянии войны на два фронта и утратить свои позиции на Востоке.

С учетом этого в начале июля 1918 г. на совещании представителей германского правительства и Верховного командования в Спа (Бельгия) был выработан следующий политический курс: «Имеется договоренность, что сейчас не следует добиваться свержения большевистского правительства, а необходимо установить тесные связи с монархистами, чтобы быть подготовленными на будущее. При условии, что последние станут на платформу Брестского мирного договора, им можно оставить надежду на будущее восстановление великой России. Его величество рекомендует объединить в Киеве сторонников порядка»⁸⁹.

Гетманский Киев — монархическая «мекка»

Киев стал превращаться в настоящую монархическую «мекку» сразу же после его оккупации немцами (март 1918 г.). Приток монархистов сюда усилился еще больше после того, когда в апреле немцы разогнали Центральную раду и поставили у власти свою марионетку — гетмана П. Скоропадского⁹⁰. Этот бывший царский генерал (он командовал одним из корпусов Особой армии) вынашивал планы, выходившие далеко за пределы Украины. Близкий к нему и к германскому командованию герцог Г. Лейхтенбергский позднее писал, что сокровенной мечтой Скоропадского было собрать на Украине «творческие силы всех частей России», чтобы «сломить отсюда большевизм и создать новую Россию». «Новая Россия» мыслилась как монархия, «в которой и украинцы окажутся под скипетром царей»⁹¹.

Сходные замыслы были и у германских оккупантов. В записке Министерству иностранных дел от 6 мая 1918 г. начальник австрийского генштаба сообщал: «Федеративная Россия под

⁸⁸ «Дни» (Берлин), 1923, 25 ноября. В. Вонлярлярский, который, как он сам пишет, принимал «горячее участие» в организации побега Михаила, дает несколько иную версию. По его словам, с помощью сотрудника английского посольства некоего Ф. Лича все было подготовлено к отъезду Михаила в Финляндию. Но когда великий князь уже выехал из Гатчины, он был остановлен патрулем и арестован (*Вонлярлярский В. Мои воспоминания*. Берлин, 6 г., с. 231).

⁸⁹ Советско-германские отношения, т. 1, с. 576.

⁹⁰ *Супруненко Н. И.* Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966, с. 44—45.

⁹¹ *Лейхтенбергский Г. Н.* Воспоминания об Украине, 1917—1918. Берлин, 1921, с. 31—32.

германским влиянием, по-моему, является той целью, которой стремятся достигнуть германцы до того, как могущественные державы Антанты добьются объединения России под своим влиянием. Предполагается, что Украина будет присоединена к трону московского царя как федеративное союзное государство на монархической основе. Гетманство является только переходной стадией. В этой перспективе личность гетмана выступает в более ярком свете — бывший флигель-адъютант, все еще преданный своему царю, который надеется таким путем принять участие в восстановлении царской России»⁹².

Сходные сведения поступали в Вену и по дипломатическим каналам. Так, советник австро-венгерского посольства в Киеве 1 мая сообщал в Министерство иностранных дел: «...Большая таинственность в поведении немцев вызывает у меня подозрение, что их планы, поскольку речь идет о военном командовании, не ограничиваются одной лишь смелой правительством на Украине и в ближайшее время можно ожидать переворота с целью восстановления монархии по всей России»⁹³.

В. И. Ленин вскрыл подлинное, всероссийское значение «гетманского переворота» в «Тезисах о современном политическом положении» (середина мая 1918 г.). Он писал: «...реставрация буржуазно-помещичьего монархизма в Украине при поддержке кадетско-октябристских элементов всероссийской буржуазии и при помощи германских войск не могла не обострить борьбы контрреволюции у нас, не могла не окрылить планов, не поднять духа у нашей контрреволюции»⁹⁴. Действительно, весной и летом 1918 г. Киев был буквально наводнен массой бежавших из Советской России белогвардейских офицеров, помещиков и предпринимателей. Сюда потянулись и генералы, лишившиеся армий, контрреволюционные политики, начиная с черносотенных зубров типа Пуришкевича и кончая кадетами во главе с Милюковым.

Нашли здесь прибежище и представители царской бюрократической верхушки; часто навевывались сюда члены романовской династии. Так, например, в Киев приезжали великий князь Дмитрий Павлович (один из участников убийства Распутина), мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Здесь жил герцог Г. Лейхтенбергский, бывший начальник канцелярии Министерства двора генерал А. И. Мосолов и многие другие⁹⁵. По свидетельству Мосолова, немцы были весьма «предупредительны» к бывшим царедворцам, открыли им кредит, снабжали и автомобилями и даже оружием⁹⁶. Эти люди (они

⁹² Крах германской оккупации на Украине. По документам оккупантов. М., 1936, с. 153.

⁹³ Там же, с. 150.

⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 322—323.

⁹⁵ Крах германской оккупации на Украине, с. 150; Мосолов А. При дворе императора. Рига, б. г., с. 222.

⁹⁶ Там же.

сами называли себя «зубрами») группировались в салоне княгини Барятинской и через созданное ими Политическое бюро старались оказывать влияние на гетмана Скоропадского. Они требовали «немедленной ликвидации Советской власти и восстановления государя в его священных правах»⁹⁷.

Особенно вольготно чувствовали себя монархические элементы черносотенного толка, группируясь в различного рода союзы и объединения. К их числу принадлежал, например, монархический союз «Наша родина», созданный герцогом Г. Лейхтенбергским, генералом В. Бискупским, бывшим членом Союза русского народа, корниловцем М. Е. Акацатовым и др. Союз «Наша родина», имевший свои филиалы и в других городах, существовал на немецкие деньги и находился под контролем немецкого оккупационного командования⁹⁸. Он вел оголтелую контрреволюционно-шовинистическую агитацию, клеймя не только большевиков, но и всех, стоявших левее черносотенцев⁹⁹. Даже монархист А. Бобринский говорил, что члены «Нашей родины» «проявляют столько злобы и нетерпимости, что становится страшно». В составе «Нашей родины» имелась террористическая группа.

В программе союза «Наша родина» указывалось: «Ориентация — сперва выгнать большевиков, восстановить монархию, а потом уже разбирать наши внутренние дела... Образ правления — монархия с народным представительством при двухпалатной системе, министерство ответственное, но не парламентарное»; частное землевладение сохраняется; отчуждение земли может производиться лишь в крайних случаях путем выкупа. В национальном вопросе программа предусматривала «первенствующее положение русского народа и русского языка»¹⁰⁰.

Тех же позиций, что и «Наша родина», держался так называемый Совет монархического блока, руководимый бывшим националистом IV Государственной думы П. Н. Балашовым и черносотенцем А. А. Бобринским¹⁰¹.

Несколько особняком от них стояла монархическая группа В. В. Шульгина. Он также призывал отказаться от идеи Учредительного собрания, восстановить монархию и императорский дом, но отвергал германскую ориентацию и высказывался за союз с Антантой против Германии. Ввиду этого он порвал с германофильским Правым центром и установил связь с проантантовским Национальным центром. Возглавляемая им секретная организация «Азбука» (она возникла еще в ноябре 1917 г.) по

⁹⁷ Марков С. Покинутая царская семья. Вена, 1928, с. 306. См. также: «Известия», 1918, 4 июня.

⁹⁸ Залесский П. Южная армия. — «Донская летопись», 1924, № 3, с. 232—260.

⁹⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 120.

¹⁰⁰ «Еженедельник ВЧК», 1918, 20 октября, № 5, с. 6—8. См. также: Голицынов Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР, с. 180—182.

¹⁰¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 119.

существо являлась филиалом Национального центра, шпионским органом, обслуживавшим как этот центр, так и (особенно) Особое совещание Добровольческой армии. По регулярным агентурным сведениям сотрудников «Азбуки», добровольческое командование корректировало свой политический курс. Деникин писал, что в киевский период цели «Азбуки» состояли в политической разведке, вербовке в белые армии, организации антисоветских вооруженных выступлений, информации лиц династии Романовых и т. п.¹⁰²

Но в Киеве пытались сорганизоваться не только монархисты черносотенного или получерносотенного толка. Бывший царский министр Г. Е. Рейн впоследствии писал в своих мемуарах, что после гетманского переворота в Киеве «образовались совместные совещания членов Государственного совета и Государственной всех созывов думы. Сначала нас сходилось человек 20, но это число быстро перешло за 100. Горячо обсуждались вопросы о форме будущего устройства власти в России. По баллотировке записками была принята монархия, но с поправкой П. Н. Милюкова — конституционная... Интересно вспомнить, что П. Н. Милюков, во время войны твердо державшийся союзников, по переезде в Киев стал почему-то приверженцем ориентации немецкой»¹⁰³.

Действительно, либерал и «германоборец», еще совсем недавно гневно обличавший царизм «в измене» и «глупости» за стремление сменить проантантовскую ориентацию на прогерманскую, теперь резко переменял фронт и установил тесные контакты с германским командованием в Киеве, в частности фельдмаршалом Эйхгорном и генералом Гренером. Несколько позднее, в начале июля 1918 г., американский консул в Москве Пуль сообщал в госдепартамент, что он располагает данными о том, что «переговоры в Киеве между Милюковым и представителями германской военной партии ведутся в направлении установления конституционной монархии в Москве или Петрограде с включением как Украины, так и Великороссии»¹⁰⁴. Милюков объяснял неудачу переговоров разногласиями по территориальному вопросу. Кадеты, по его словам, требовали возврата к границам 1914 г., немцы же намеревались превратить Украину во «вторую Баварию»¹⁰⁵. Но по вопросам политическим расхождений не было: и те, и другие стремились к свержению Советской власти и восстановлению монархической формы правления. Такая «смена вех» была характерна не только для одного

¹⁰² Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 86—87.

¹⁰³ Рейн Г. Е. Из пережитого. 1908—1918, т. 2. Берлин, б. г., с. 285. О переориентации части кадетов на Германию см.: Спиринов Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, с. 139—140.

¹⁰⁴ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia, vol. I, p. 574.

¹⁰⁵ Дневник П. Милюкова. — «Новый журнал», 1961, № 66, с. 173—203.

Милюкова. Летом 1918 г. «Правда» писала, что «либеральная буржуазия давно раскаялась в республиканских своих преступлениях и теперь открыто держит курс на монархию»¹⁰⁶.

О своих переговорах с немцами Милюков информировал членов Правого центра, с которыми имел тесную связь. Так, в одной из записок, направленной членам центра летом 1918 г., Милюков писал: «Правительство должно быть национальным и объединительным с самого начала, с первых шагов. Для этого необходимо, чтобы оно явилось на свет сразу как монархическое... А для этого нужно: теперь же остановиться на определенной личности кандидата на престол и вступить с этим кандидатом в непосредственные отношения, получив его санкцию действовать его именем. Я лично предлагал бы отыскать великого князя Михаила Александровича, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве»¹⁰⁷.

В 1921 г. И. И. Петрункевич писал Винаверу, что весной 1918 г. Милюков «возвратился к мысли посадить на опрокинутый революцией трон в. к. Михаила Александровича и давал соответствующие поручения князю Г. Трубецкому, отправлявшемуся в Екатеринодар»¹⁰⁸. Более «левая» часть Правого центра, та, которая в мае-июне 1918 г. выделилась в Национальный центр, разделяла эту мысль Милюкова.

Под прикрытием кайзеровской Германии (на западе)

На карте монархической контрреволюции весной и летом 1918 г. Киев являлся как бы центральной точкой той части европейской России, которая оказалась под германской оккупацией. От этого центра нити тянулись на юго-запад и северо-запад, где при прямой поддержке оккупантов шло сколачивание монархических сил.

На юго-западе опорой оккупантов, помимо гетмана Скоропадского, стал монархист генерал П. Краснов, избранный донским атаманом 28 апреля (11 мая) 1918 г. после контрреволюционного, белоказачьего мятежа на Дону. На «нейтральной территории» Богучарского и Новохоперского уездов Воронежской губернии («самовольно» захваченных донскими казаками) с согласия Краснова и по инициативе монархического союза «Наша родина» стала формироваться так называемая Южная армия. Краснов рассматривал ее как «прикрытие» с севера, а со стороны Германии это был своего рода «пробный шар» в создании противовеса официально проантантовской Добровольческой ар-

¹⁰⁶ «Правда» (Москва), 1918, 2 июля.

¹⁰⁷ Дулова Н. Г. Из истории кадетской партии в 1917 г.— «Исторические записки», № 90, 1972, с. 120.

¹⁰⁸ Там же.

мии, находившейся на Дону. Именно поэтому германское командование на Украине охотно снабжало Южную армию деньгами и оружием («офицеров, желающих поступить в ряды армии, было достаточно», — писал впоследствии герцог Лейхтенбергский)¹⁰⁹. Действительно, по некоторым имеющимся в литературе данным, в различных украинских городах после корниловщины «осела» масса монархически настроенных офицеров. В Киеве, например, их было до 40 тыс., в Екатеринославе — 8 тыс., в Житомире — 5 тыс., в Симферополе — 10 тыс., в Херсоне — 15 тыс.¹¹⁰

Конечно, далеко не все они стремились в район расположения Южной армии. Большая часть двигалась дальше, на Дон и Кубань, в Добровольческую армию, но немалое число записывалось и в Южную армию. «Монархические лозунги и хорошее содержание, — писал генерал А. Лукомский, — первоначально привлекали многих, и запись началась очень успешно»¹¹¹. По признанию донского атамана Краснова, в составе Южной армии преобладали офицеры, священники, бывшие городовые, сотрудники царской охраны и т. п. Они, писал Краснов, «понадевали на себя погоны, нашивали на рукава полосы бело-желтого цвета — «романовских цветов» — и двуглавого орла, распевали по кафе «Боже, царя храни!»»¹¹². Пьяные оргии, буйства и грабежи «южноармейцев» на станциях Кантемировка и Чертково приняли такой характер, что даже Краснов вынужден был принимать какие-то меры.

Формирование Южной армии тормозилось из-за поисков «популярного генерала», который мог бы ее возглавить. Отказался генерал Ф. Келлер, кн. Долгоруков и др. Наконец согласился небезызвестный генерал Н. И. Иванов, тот самый, который в дни Февральской революции по приказу Николая II двинулся из Ставки подавлять восстание рабочих и солдат Петрограда. Карательная экспедиция Иванова провалилась, но сам он был отпущен Керенским и весной — летом 1918 г., по словам Краснова, «проживал в бедности в Новочеркасске без всякого дела». Пережитые им невзгоды «расстроили его умственные способности»¹¹³, но для монархистов из союза «Наша родина» и Южной армии важно было «знамя», и как знамя Иванов для них вполне подходил, поскольку его слава как карателя (в этой роли он особенно успешно действовал в 1905 г.) была почти безупречной.

¹⁰⁹ Лейхтенбергский Г. Как начиналась Южная армия. — «Архив русской революции», т. 8. Берлин, 1923, с. 72.

¹¹⁰ Суворин А. Поход Корнилова. Ростов, 1918, с. 3.

¹¹¹ К осени 1918 г. в Южной армии насчитывалось более 9 тыс. штыков (Залесский П. Южная армия. — «Донская летопись», 1924, № 3, с. 239; Воспоминания генерала А. Лукомского, т. 2. Берлин, 1922, с. 60—61).

¹¹² Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское. — «Архив русской революции», т. 5. Берлин, 1922, с. 242—243.

¹¹³ Там же, с. 242.

Южной армии удалось несколько продвинуться по территории Воронежской губернии, и белогвардейские газеты уже прославляли Краснова и Иванова, «прорубившего окно в Совдепию штыками и пиками допцов»¹¹⁴.

Помимо Южной армии на территории Дона при полном содействии германского военного командования были созданы еще два воинских формирования: так называемые Астраханский и Саратовский корпуса.

Астраханский корпус создавался при прямом содействии кайзера Вильгельма II. Во главе его стоял «астраханский атаман», бывший царский флигель-адъютант князь Тундутов, несколько раз ездивший в Берлин. Корпус вел бои с красновардейцами за Манычем. Районом боевых действий Саратовского корпуса, которым командовали полковник Манакин и есаул Греков, было царичыньское направление¹¹⁵.

Германские марионетки Скоропадский и Краснов вынашивали план слияния всех трех формирований — Южной армии, Астраханского и Саратовского корпусов — в одну Южную армию¹¹⁶. Она должна была стать частью армии гетманской Украины, командование над которой согласился принять граф Ф. Келлер. Германские власти поддерживали этот план, исходя из того, что может наступить момент, когда эти войска понадобятся им для борьбы с Советской властью и восстановления в России монархии прогерманской ориентации.

Формируя про запас монархические части, немецкие оккупанты делали ставку на атамана Краснова, который в мае 1918 г. ввел в действие так называемые Основные законы Всевеликого войска Донского, согласно которым отменялись все законы и постановления, принятые после отречения Николая II.

Лозунгом красновщины стала старая казачья поговорка: «Здравствуй, царь, в кремленной Москве, а мы, казаки, на тихом Дону»¹¹⁷. Краснов установил непосредственные отношения с германскими правящими кругами, в том числе с кайзером Вильгельмом II, у которого просил материальной и военной помощи для борьбы с Советской властью в обмен на богатства Дона¹¹⁸. Немцы с готовностью пошли на эти предложения, рассматривая красновский Дон не только как союзника, но и как одну из баз для реализации своих планов восстановления монархической России.

Милуков, который в мае 1918 г. находился в Киеве, сообщал одному из руководителей Добровольческой армии, генералу Алексею, что немцы разрабатывают планы «похода на Москву, переворота в Москве, восстановления монархии и нацио-

¹¹⁴ Калинин И. Русская Вандея. М.— Л., 1926, с. 57.

¹¹⁵ Там же, с. 55—56.

¹¹⁶ Краснов П. II. Всевеликое войско Донское, с. 212.

¹¹⁷ Там же, с. 197.

¹¹⁸ Там же, с. 210.

нального русского правительства»¹¹⁹. «Задача эта,— писал Миллюков,— по некоторым слухам представляется германцам неотложной и ближайшей», и переворот они «мыслят» как «аналогичный киевскому»¹²⁰. О том, какая роль в этих планах отводилась красновскому Дону, доносил в Новочеркасск представитель донского правительства при немецком командовании в Ростове. Немцы, писал он, верят, что здесь, на Дону, «возникнет то ядро, вокруг которого завяжется и вырастет будущее ветвистое и достаточно сильное духовно и материально русское царство, будущий добрый сосед и союзник германской монархии и ярый противник демократических стран всего мира»¹²¹.

Из показаний члена Национального центра Н. Виноградского следует, что, по сведениям контрреволюционных кругов Москвы, немцы намеревались в конце лета 1918 г. оккупировать Москву во взаимодействии с предполагавшимся наступлением Краснова¹²².

Таков был в общих чертах юго-западный монархический узел, возникший уже весной и летом 1918 г.

Примерно в то же время постепенно начал завязываться монархический узел и на северо-западе. Территориально он был связан с Прибалтикой, Финляндией, а также русской территорией, оккупированной немцами. В «Воспоминаниях и дневниках» С. П. Мельгунов приводит следующую запись своей жены П. Мельгуновой: «22 февраля 1918 г. Говорят, что в Псков к немцам ездили монархисты...»¹²³ Вероятно, здесь зафиксирован начальный этап в переговорах русских монархистов с германскими оккупантами. В дальнейшем они расширились. В дневнике генерала М. Гофмана имеется ряд сведений о его контактах с русскими монархистами. Так, например, 14 марта 1918 г. он записал: «Сегодня опять русский визит. В Вильно прибыл представитель монархических партий в России, чтобы просить нашей помощи для восстановления монархии в России»¹²⁴.

По имеющимся в литературе данным, это, по всей вероятности, были посланцы А. Ф. Трепова, Маркова 2-го, а также великого князя Павла Александровича. Все они выпрашивали у германского военного командования финансовой и военной помощи для реставрации Романовых¹²⁵.

¹¹⁹ Миллюков П. Н. Мои сношения с генералом Алексеевым.— «Последние новости» (Париж), 1924, 6 апреля.

¹²⁰ Там же, 1924, 3 апреля.

¹²¹ Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г.— «Красный архив», 1934, № 6 (67), с. 127—128.

¹²² Красная книга ВЧК, кн. 2, с. 246.

¹²³ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники, вып. 2, с. 197.

¹²⁴ Гофман М. Записки и дневники, с. 242—243.

¹²⁵ Williams R. Culture in Exile, p. 73.

М. Гофман отнюдь не игнорировал эти просьбы. По его собственному признанию, у него возник план занять из Пскова «линию Смоленск—Петербург, образовать в Петербурге новое правительство, которое должно было пустить слух, что наследник цесаревич жив, назначить последнему регента и привезти временное правительство в Москву». «В качестве регента,— пишет далее Гофман,— я наметил великого князя Павла, с которым главнокомандующий Восточным фронтом вступил в сношения через зятя великого князя Павла — полковника Дурново»¹²⁶. В том, что этот план не был осуществлен, Гофман обвиняет Людендорфа, который считал, что прежде всего необходимо покончить с противником на западе. Между тем, по мнению Гофмана, план не поздно было реализовать еще летом 1918 г.¹²⁷

В переговоры с немцами оказались втянутыми петроградские подпольные организации, в том числе Маркова 2-го, которые готовились захватить Петроград¹²⁸ и, как пишет в своих воспоминаниях один из главарей прибалтийской белогвардейщины, генерал П. Авалов, восстановить «законную монархическую власть», заключив с Германией мир «на условии *status quo aute bellum*». План был одобрен великим князем Павлом Александровичем, выразившим готовность лично участвовать в перевороте¹²⁹.

Летом 1918 г. командующий германскими войсками в Финляндии генерал фон дер Гольц вел переговоры с бывшим премьер-министром А. Ф. Треповым и великим князем (в эмиграции объявившим себя императором) Кириллом Владимировичем¹³⁰.

По инициативе германского оккупационного командования в конце лета 1918 г. на территории Псковщины и Витебщины началось формирование монархической Северной армии. Условия ее создания разрабатывались германскими офицерами в тесном контакте с представителями монархической организации Маркова 2-го и с благословения генерала Юденича, позднее принявшего ориентацию на Антанту. Армия должна была присягнуть «законному царю», деньги на ее содержание выдавались германскими властями. Задача, которая перед ней ставилась, заключалась в захвате Петрограда, свержении Советской власти и восстановлении монархии¹³¹. Во главе армии предполагалось поставить кого-либо из «выдающихся» царских генералов. Особенно котиrowались Гурко и Юденич, однако в конце

¹²⁶ Гофман М. Записки и дневники, с. 141.

¹²⁷ Там же, с. 143.

¹²⁸ Нелидов Н. Д. Заговоры в Петрограде.— Белое дело, т. 4. Берлин, 1928, с. 201; Федотов Б. Ф. На дальних подступах к красному Питеру.— «Вопросы истории», 1971, № 1, с. 126.

¹²⁹ Авалов П. М. В борьбе с большевизмом. Гамбург, 1925, с. 37.

¹³⁰ Goltz R. von der. Meine Sendung in Finnland und in Baltikum. Leipzig, 1920, S. 92—93; см. также: Курнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. Л., 1929, с. 19.

¹³¹ Авалов П. М. В борьбе с большевизмом, с. 61.

концов выбор пал на генерала Келлера, тесно связанного со Скоропадским и германским командованием на Украине. Келлер уже начал формировать свой штаб, хвастливо заявляя, что через два месяца поднимет «императорский штандарт над священной Кремлем»¹³².

Как пишет П. Авалов, из Петрограда в армию приезжали «члены монархической организации Маркова 2-го во главе с сестрой Андреевским, Папютиным и Волковым, которые передали ротмистру фон Розенбергу от лица своей партии глубокую благодарность и земной поклон, как первому инициатору и организатору русских добровольческих частей на северо-западе»¹³³.

Поражение Германии в первой мировой войне, ее капитуляция в начале ноября 1918 г. и ликвидация Брестского мира повлекли за собой эвакуацию германских войск с оккупированных ими территорий на востоке. Это, естественно, сорвало планы российской монархической контрреволюции, мобилизовавшейся на юго-западе и северо-западе под прикрытием оккупантов. Формирование Южной и Северной армий было задержано; некоторые их подразделения позднее влились в Добровольческую армию (на юго-западе) и армию генерала Юденича (на северо-западе), опиравшиеся на Антанту.

Под прикрытием Антанты и «демократической контрреволюции» (на севере и востоке)

Монархическая угроза зрела не только на западе, где она прикрывалась германским штыками, но и на севере (в районе Мурманска и Архангельска) и на востоке (в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке). Но здесь, в отличие от запада, политическая инициатива принадлежала главным образом правым эсерам, опиравшимся на Антанту.

В Мурманске еще в марте 1918 г. высадились английский, французский и американский десанты. Расширяя занятый плацдарм, они постепенно продвигались в глубь страны, повсюду оживляя и активизируя антисоветские, контрреволюционные силы. Ударную роль в них играли белогвардейские, монархически настроенные офицеры, которые при помощи союзнической агентуры тайно перебрасывались в район Архангельска из Петрограда и других городов¹³⁴. Когда один из их руководителей, капитан Г. Е. Чаплин, в конце мая прибыл в Вологду (по пути в

¹³² Кислицын В. А. В огне гражданской войны. Харбин, 1936, с. 11.

¹³³ Авалов П. М. В борьбе с большевизмом, с. 76.

¹³⁴ Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере — Белое дело, т. 4. Берлин, 1923, с. 12.

Архангельск), его первым намерением было переправить в Мурманск под опеку союзников проживавших здесь великих князей Георгия Михайловича и Дмитрия Константиновича¹³⁵.

В Архангельске Чаплин и его монархические сподвижники тайно сколотили белогвардейские воинские части, которые в конце июля оказали важную поддержку интервентам в захвате Архангельска. Однако по тактическим соображениям власть здесь была передана Верховному управлению Северной области, в большинстве своем состоявшему из эсеров. Это, сетовал один из белогвардейцев, впоследствии колчаковский генерал В. А. Кислицын, «убивало в офицерском составе белой армии дух и веру в будущее. Для офицеров не было дорогих лозунгов — за веру, царя и отечество...»¹³⁶ И все же чаплинские белогвардейцы до времени вынуждены были держаться на втором плане, контролируя военную власть и ожидая подходящего момента для свержения эсеровского правительства во главе с Н. В. Чайковским¹³⁷.

На востоке Центральный комитет правых эсеров, действуя в контакте с Союзом возрождения России (куда помимо эсеров входили меньшевики и кадеты), активно формировал боевые отряды из местных контрреволюционных элементов и конспиративно перебрасываемых сюда белогвардейских офицеров. В Поволжье такие отряды создавались в Казани, Симбирске, Саратове, Самаре; на Урале — в Уфе, Челябинске, Оренбурге; в Сибири — в Омске, Томске, Ново-Николаевске, Иркутске, Барнауле и др.

На Дальнем Востоке орудовали белоказачьи банды атаманов Г. Семенова и И. Калмыкова, опиравшиеся на милитаристские круги Японии и стран Антанты, высадивших здесь весной 1918 г. свои военные десанты.

Политически первую скрипку в контрреволюционном лагере играли правые эсеры, но реальную вооруженную силу составляли правые, реакционные элементы, прежде всего монархически настроенные белогвардейцы. Между ними сложился своего рода

¹³⁵ Там же, с. 16.

¹³⁶ Кислицын В. А. В огне гражданской войны, с. 32.

¹³⁷ Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970, с. 123—124, 125—136. В начале сентября 1918 г. они решили, что такой момент настал. По указанию Чаплина белогвардейские офицеры арестовали почти всех членов Верховного управления. Оставшиеся на свободе в выпущенном воззвании заявили, что цель белогвардейского переворота — восстановление монархической власти во главе с великим князем Михаилом Александровичем, который будто бы скрывается в городе. Последнее было неверно, но цель заговорщиков охарактеризована правильно: эсеровские правители хорошо знали своих союзников по борьбе с Советской властью — белогвардейцев. Переворот не удался. Союзники возвратили Чайковского, заменив его позднее генералом Миллером (Минц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.—Л., 1931).

союз, возникновение которого имело свою логику. «Третьей силы не было,—признавал один из эсеровских лидеров, Г. Ратнер,—а была неизбежная в тех условиях коалиция с монархическими элементами»¹³⁸. Эсеры хорошо понимали, что белогвардейщина располагает теми боевыми кадрами, которые готовы до конца сражаться с Советской властью. Правда, эсеровский ЦК предпочитал не входить с «правыми организациями» в формальное соглашение, но, как остроумно писал А. В. Луначарский, «не напоминало ли это известную толстовскую даму, которая, невзирая на ненависть к мужичью и его запаху, сказала: «Деньги? Деньги взять!»»¹³⁹. И не случайно эсер Б. Савинков в кадетской газете «Камско-Волжская речь» прославлял белое офицерство, восхвалял его героизм и «патриотизм»¹⁴⁰.

Но тяга эсеров к контрреволюционным офицерским организациям имела и другую причину. Правые эсеры старались не упустить контроль над ними, явно опасаясь, что предоставленные самим себе монархические белогвардейцы обратят оружие не только против большевиков, но и против всей буржуазной и мелкобуржуазной «демократии». Уральский кадет Кроль в своих воспоминаниях рассказывает, что монархически настроенные офицеры еще зимой 1917/18 г. настоятельно требовали от эсеров начать антибольшевистский переворот в Москве. Они грозили, что в противном случае осуществят его сами. Один из видных эсеров, рассказывая об этом Кролю, говорил, что если эсеры и кадеты политически не возглавят белогвардейцев, в случае свержения большевиков они (монархисты.—Г. И.) «повесят не только нас (эсеров.—Г. И.), но и вас» (кадетов.—Г. И.)¹⁴¹.

Со своей стороны белогвардейцы-монархисты, образно говоря, наступали на горло собственной песне и шли под эсеровские знамена, учитывая, что партия эсеров в сложившейся обстановке имела определенное влияние на крестьянские массы. Представители монархической реакции рассчитывали, что, идя за спиной эсеров, они быстрее достигнут главной цели — ликвидации Советской власти, после чего реакция, располагая вооруженной силой, сумеет сказать свое «решающее слово».

В Поволжье, например, одной из главных фигур в создании белогвардейских отрядов был полковник В. О. Каппель. Когда летом 1918 г. эсеры пригласили его командовать своими «дружинами», он ответил: «Согласен, попробую воевать; я монархист по убеждению, но стану под какое угодно знамя, лишь бы воевать с большевиками»¹⁴². В. И. Ленин, разоблачая под-

¹³⁸ Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1924, с. 53—54.

¹³⁹ Луначарский А. В. Бывшие люди. М., 1922, с. 36.

¹⁴⁰ «Известия» (Москва), 1918, 4 октября.

¹⁴¹ Кроль Л. А. За три года, с. 15.

¹⁴² Гражданская война на Волге в 1918 г., сб. 1. Прага, 1926, с. 186—187.

линную суть эсеров-меньшевистских претензий на некую «третью силу», точно охарактеризовал эсеров (и меньшевиков) как поборников монархии¹⁴³.

Некоторые белоэмигрантские историки утверждают, что белое сибирское и поволжское офицерство было в большинстве своем «демократичным»¹⁴⁴, но цену этой демократии хорошо показал, в частности, один из руководителей поволжских белогвардейцев, полковник А. И. Степанов. В своих воспоминаниях он приводит следующее весьма красноречивое рассуждение одного из таких «демократов»: «Царская семья, как равно и монархические принципы, так заплеваны и загажены, что вряд ли встретят какой-либо отклик среди народа... Поэтому, как это ни тяжело и ни больно признать, монархические лозунги, если вы их выбросите, потерпят полное фиаско. Мой совет вам вести решительную борьбу под флагом восстановления погрязших прав 1-го Всероссийского учредительного собрания». «Долго думать не приходилось,—замечает полковник Степанов,—...пришлось по конъюнктурным соображениям обратиться к знамени учредилки»¹⁴⁵.

Сигналом к контрреволюционному выступлению эсеров-белогвардейщины в Поволжье, на Южном Урале и в Сибири послужил белочешский мятеж. Еще при Временном правительстве из числа военнопленных и эмигрантов-добровольцев был сформирован Чехословацкий корпус, насчитывавший около 60 тыс. человек. После победы Октябрьской революции по соглашению с Советской властью корпус должен был быть эвакуирован через Владивосток на запад. Весной 1918 г. чехословацкие эшелоны растянулись почти по всей протяженности огромной Транссибирской магистрали. Не было ни одной крупной станции, где бы ни стояли поезда с частями Чехословацкого корпуса.

Литантовская агентура и русские эсеров-белогвардейцы, стремившиеся к свержению Советской власти и восстановлению Восточного, антигерманского фронта, решили использовать Чехословацкий корпус в контрреволюционных целях. По договоренности с Советским правительством чехи должны были сдать все оружие сверх того, что им было необходимо для самообороны. Однако под влиянием антибольшевистской пропаганды они отказывались выполнять эти условия. На некоторых железнодорожных станциях между советскими властями и контрреволюционно настроенным чешским командованием (в его составе было немало русских генералов и офицеров, поступивших на службу в корпус) возникли конфликты, которые в 20-х числах

¹⁴³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 103.

¹⁴⁴ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 97.

¹⁴⁵ *Степанов А. И.* Сибирская операция.— Белое дело, т. 1. Белград, 1926, с. 85.

мая 1918 г. привели к антисоветскому мятежу всего корпуса ¹⁴⁶. Вся поволжско-уральско-сибирская контрреволюция, напряженно ожидавшая момента для выступления, мгновенно вышла из подполья. В результате власть Советов оказалась свергнутой почти на всей восточной окраине страны. Вместо нее образовались областные эсеровские правительства: Комитет Учредительного собрания (Комуч) в Поволжье, Временное правительство автономной Сибири и др. Эти правительства выступали под лозунгом созыва всероссийского Учредительного собрания, которое якобы должно было решить вопрос о создании новой, не-большевистской центральной власти. Но, как будет показано далее, эсеровские областные правительства фактически держались на штыках белогвардейцев, за которыми стояли буржуазно-помещичьи круги.

Таким образом, весной и летом 1918 г. монархическая контрреволюция, явная (на западе) и скрытая (на востоке), оживилась почти по всему антисоветскому кольцу, сжимавшему молодую Советскую Республику.

¹⁴⁶ Подробнее см.: *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.

МОНАРХИСТЫ И СВЕРГНУТЫЕ РОМАНОВЫ

Шайка Романовых продолжает монархические
интриги

Ленин

Прервав хронологическое изложение событий и, вернувшись несколько назад, вновь обратимся к отрекшемуся императору вскоре после его возвращения из Могилева в Царское Село.

Советская историческая литература мало касалась истории Романовых после отречения Николая II и его ареста¹. Зато для белоэмигрантских мемуаристов и историков это была излюбленная тема². Не меньше внимания ей уделяла и продолжает уделять иностранная буржуазная историография. Английский историк П. Дьюкс свидетельствует, что на Западе судьба последнего царя «стала одной из наиболее популярных тем русской истории благодаря множеству книг и фильмов. Все знают об одиночестве царской четы, Николая и Александры, о пагубном влиянии Распутина, вызванном гомофилией наследника, о казни всей семьи и спорах, ведущихся вокруг этого события»³.

В большей своей части все эта литература направлена на то, чтобы вызвать острое сочувствие к последнему русскому царю, якобы доброму, богобоязненному человеку, некоей невинной жертве необузданных политических и революционных страстей⁴.

¹ Наиболее полное изложение истории последних Романовых после Февральской революции содержится в кн.: *Быков П.* Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. См. также: *Березов П.* Падение двуглавого орла. М., 1967; *Касвинов М.* Двадцать три ступени вниз.— «Звезда», 1972, № 8—9; 1973, № 7—10.

² *Якобий И.* Император Николай II и революция. Париж, 1938; *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II, т. 2. Белград, 1939; *Мельгунов С. П.* Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1951, и др.

³ *Dukes P.* A History of Russia. London, 1974, p. 177.

⁴ *Katkov G.* Russia, 1917. The February Revolution. London, 1967, p. 354; *Cowles V.* The Romanovs. New York, 1971, p. 277; *Mehlinger H., Thompson J.* Count Witte and the Tsarist government in the 1905 Revolution. Bloomington, 1975, p. 5, etc. Такая характеристика последнего Романова, несомнен-

Конечно, за рубежом раздаются голоса, которые звучат диссонансом в хоре слащавого воспевания последнего русского самодержца. В рецензии на фильм «Николай и Александра», обошедший экраны Америки и Западной Европы, одна из английских газет писала: «Влюбленные, изображенные в фильме... не принадлежали к числу привлекательных людей. Николай был человеком слабодушным и одновременно упрямым, махровым реакционером; она — фашиствующей Брунгильдой, склонной к мистике и суеверию»⁵. Но не эти голоса задают тон. Как отметил в «Morning Post» (8 октября 1976 г.) английский историк-марксист Э. Ротштейн, попытки раздуть сенсационную шумиху вокруг судьбы последних Романовых представляют собой часть антисоветской кампании. Вот почему создаваемый на Западе иконный лик «мученика» Николая Романова требует существенных коррективов.

В Царском Селе

9 июня 1917 г. Николай Романов, находившийся вместе с семьей под арестом в своем царскосельском дворце, записал в дневнике: «Ровно три месяца, что я приехал из Могилева и что мы сидим как заключенные. Тяжело быть без известий от дорогой мамы, а в остальном мне безразлично»⁶. Действительно, дневниковые записи Николая, как правило, нудно фиксируют состояние погоды, прогулки и работу в лесу, занятия с детьми и лишь изредка перемежаются замечаниями политического характера. По-видимому, это дало известное основание для возникновения широко распространенной в белоэмигрантской и зарубежной буржуазной историографии версии, согласно которой после отречения царь превратился в добродушного обывателя, наслаждавшегося долгожданным освобождением от тяжкого для него бремени власти.

Керенский, например, приводит в своих воспоминаниях следующее свидетельство: «Старая фрейлина Нарышкина рассказывала мне, что он (Николай.— Г. И.) говорил ей: «Как я рад, что мне не нужно больше присутствовать на разных утомительных аудиенциях и подписывать бесчисленные документы! Я могу читать, гулять и проводить время с детьми». И она добавила, что это не было позой с его стороны»⁷. Но в дневнике Е. А. Нарышкиной обнаруживается нечто такое, что противоречит сказанному ею Керенскому. «Государь меня удивил,— за-

но, связана с наметившейся в современной «советологии» тенденцией реабилитировать царизм, подчеркиванием «позитивных» факторов в развитии царской России начала XX в. (см.: *Иоффе Г. З.* Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970, с. 55—93).

⁵ Цит. по: «Литературная газета», 1971, 19 января.

⁶ Дневник Николая Романова.— «Красный архив», 1927, т. 2 (21), с. 86.

⁷ *Kerensky A.* Russia and the History's Turning Point. New York, 1965, p. 331.

писала Нарышкина в апреле 1917 г.— Было ли искренне сказать мне, что он так доволен своим положением?»⁸ И далее об Александре Федоровне: «Позднее пришла императрица и пробыла у меня два часа... Она еще надеется на контрреволюционную реакцию»⁹.

Имеются, однако, и другие, более определенные свидетельства, говорящие о том, что Николай не только не безразлично отнесся к потере шапки Мономаха, но при благоприятных обстоятельствах не прочь был снова надеть ее.

Режим содержания Романовых, установленный Временным правительством, был таков, что они, минуя комендантскую цензуру, могли сноситься с внешним миром, со многими близкими им людьми, находившимися в Петрограде, Крыму и даже за границей¹⁰. Среди документов А. Вырубовой (после Февральской революции она была арестована, но затем освобождена) сохранились записки на французском языке, свидетельствующие, что монархисты, близкие к отречьемуся царю, уже летом 1917 г. вынашивали тайные планы бегства Романовых¹¹.

В эту заговорщическую деятельность постепенно втягивались офицеры, ранее служившие в «собственных полках их величеств» или лечившиеся в роскошных царскосельских госпиталях, патронировавшихся императрицей и ее дочерьми.

Одну из их групп возглавил Н. Е. Марков 2-й, имевший связи с монархической организацией В. Пуришкевича, а через нее с некоторыми контрреволюционными офицерскими организациями, группировавшимися вокруг Республиканского центра¹².

К концу июня 1917 г. Марков 2-й под именем «тетушки Иветты» наладил через приближенную Александры Федоровны Ю. Ден контакт с Николаем Романовым. По рассказу самого Маркова 2-го, в коробку папирос, переданную в Александровский дворец, была вложена папироса со спрятанной под табак запиской. «Мы,— писал Марков 2-й,— спрашивали государя, разрешает ли он начинать *дело восстановления империи* (курсив наш.— Г. И.). Если разрешает, пусть благословит дело святой иконой. В ответ была прислана икона святого Николая Мирликийского Чудотворца с инициалами государя и государыни»¹³.

⁸ Дневник обер-гофмейстерши Е. Нарышкиной.— «Последние новости» (Париж), 1936, 10 мая.

⁹ Там же, 1936, 28 июня.

¹⁰ См., например: *Princess Kantakuzen. Revolutionary Days*. Boston, 1919, p. 171—172; *Танеева (Вырубова) А.* Страницы из моей жизни. Б. м., 1923, с. 118.

¹¹ ЦГАОР, ф. 623 (А. А. Вырубовой), оп. 1, д. 11, л. 2, 3.

¹² ЦГАОР, ф. 336 (Следственной комиссии Петроградского Совета), оп. 1, д. 277, л. 74 об.

¹³ *Марков С.* Попытки спасения царской семьи.— «Высший монархический совет», 1924, 28 апреля (11 мая), № 127, с. 7.

Таким образом, всего лишь через три месяца с небольшим, после «добровольного» отречения Николай Романов выразил полную готовность «восстановить престол», если монархисты придут ему на помощь.

Но что же собой представляла «организация» Маркова 2-го? По рассказу корнета Сергея Маркова, основной частью этой организации был военный отдел, который занимался вербовкой офицеров. Конечная цель организации заключалась в подготовке и осуществлении переворота в Петрограде для «восстановления государя на прародительском престоле, а в случае его отказа — обеспечения трона последнику»¹⁴. Освободить Романовых предполагалось вооруженной силой, путем внезапного налета на Александровский дворец.

Не исключено, что Романовы были осведомлены о замысле заговорщиков. В дневнике Е. А. Нарышкиной имеется следующая запись от 4 (17) июля: «Только что ушла княгиня Палей (жена великого князя Павла Александровича.— Г. И.). Сообщила по секрету, что партия молодых офицеров составила безумный проект: увезти их (царскую семью.— Г. И.) ночью на автомобиле в один из портов, где их будет ждать английский пароход... Нахожусь в несказанной тревоге»¹⁵.

Время шло, но монархисты, по-видимому, не слишком доверялись рискованным планам черносотенных авантюристов из организации Маркова 2-го. Вероятнее же всего, их выжидательную позицию определяла надежда, что Романовых все же удастся переправить за границу (в Англию) при содействии Временного правительства.

Как известно, первая такая попытка была предпринята Временным правительством сразу же после отречения Николая II (в начале марта). Тогда она была сорвана Петроградским Советом, действовавшим под мощным давлением революционных масс. 7 марта 1917 г., явно стремясь предупредить прямое вмешательство Совета, Временное правительство постановило «признать отреченных Николая и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село»¹⁶. Уже в эмиграции Керенский откровенно рассказал о мотивах, которыми руководствовалось Временное правительство. «Если мы арестовали царя,— говорил он,— то не потому, что свобода его была для нас опасна. Мы арестовали царя потому, что в этих условиях свобода становилась опасной для него самого... Мы обязаны были их охранять с риском для собственной безопасности»¹⁷.

¹⁴ Марков С. Покинутая царская семья. Вена, 1928, с. 161.

¹⁵ «Последние новости» (Париж), 1936, 5 июля.

¹⁶ «Вестник Временного правительства» (Петроград), 1917, 8 марта.

¹⁷ Доклад Керенского «Революция, царь и монархисты». — «Последние новости» (Париж), 1936, 28 февраля. Подробнее о попытке отправить Романовых в Англию в марте 1917 г. см.: Бурджалов Э. Н. Вторая русская ре-

Но, уступив в марте, Временное правительство не отказалось от своих намерений отправить Николая и его семью за границу при благоприятных обстоятельствах. При этом как октябристско-кадетские элементы Временного правительства, так и консервативные круги в Англии рассчитывали, что Романовы могут стать центром для восстановления монархии в будущем¹⁸.

К апрелю — июню 1917 г. относится второй этап переговоров Временного правительства с английским правительством относительно предоставления Николаю и его семье убежища в Англии. Как впоследствии утверждал бывший министр иностранных дел М. И. Терещенко (а также Милюков и Керенский), уже запросили английский крейсер, который должен был принять Романовых на борт в Мурманске. Через датского посла Скибелиуса была получена гарантия, что немецкие подводные лодки не атакуют крейсер с царской семьей. Однако из Англии «в конце июня или в начале июля... получился окончательный отказ»¹⁹.

Другие представители белой эмиграции (например, бывший царский премьер-министр В. Н. Коковцов) возлагали всю ответственность не на Англию, а на Временное правительство, которое, по их словам, оказалось «во власти Совета», а он приказал арестовать царя еще 3 марта²⁰. Точку зрения Коковцова, естественно, разделяли и англичане (Д. Ллойд-Джордж, Дж. Бьюкенен и др.), доказывавшие, что Англия готова была принять Романовых, но Временное правительство не сумело их своевременно отправить, так как «не являлось хозяином в собственном доме»²¹.

Все эти пререкания были не чем иным, как проявлением грызни и свары в белоэмигрантском лагере, различные группировки которого, проклиная революцию, задним числом искали ее «виновника»: монархисты обвиняли либералов и «социалистов» типа Керенского, а они со своей стороны доказывали, что монархисты плохо защищали монархию и царя.

Бегство Романовых за границу стало невозможным прежде всего из-за силы и активности революционных масс, с которыми

волюция. Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 372—379; *Злоказов Г. И.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в мирный период развития революции. М., 1969, с. 117—122; *Соловьев М. Е.* Несостоявшийся побег.— «Вопросы истории», 1973, № 10, с. 212—215.

¹⁸ *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966, с. 172.

¹⁹ «Последние новости» (Париж), 1932, 21 июня; см. также: «Последние новости» (Париж), 1936, 16 февраля (Беседа с А. Ф. Керенским); «Воля России» (Прага), 1921, 16 сентября.

²⁰ *Коковцов В. Н.* Трагедия царской семьи.— «Возрождение» (Париж), 1936, 22, 23 января.

²¹ *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Пг., б. г., с. 207; *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары, т. 3. М., 1936, с. 393.

вынуждены были считаться как Временное правительство, так и правительство Англии²².

Несмотря на отрицательный результат повторных переговоров, Временное правительство (по крайней мере часть его членов) не отказалось от мысли переправить отрекшегося царя за границу. Но теперь для этого предполагалось избрать кружной путь. Согласно рассказу Керенского, на совещании четырех министров — Г. Е. Львова, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасова и А. Ф. Керенского (другие министры ничего не знали) — было решено «принять меры к тому, чтобы найти в России место спокойное, отдаленное от революционных, фабрично-заводских центров»²³. Отсюда, по плану Керенского и других участников этого секретного совещания, легче было вести подготовку для отправки Романовых за границу. Таким «спокойным местом» избрали Тобольск. Керенский уверял, что мысль о Тобольске пришла ему в голову случайно: он якобы вспомнил, что этот город находится в 280 км от железной дороги, что там «нет рабочих» и имеется хороший губернаторский дом²⁴. Но это утверждение вряд ли соответствует действительности. По имеющимся в литературе сведениям, решение об отправке Николая и его семьи в Тобольск было принято не без влияния известного черносотенца Гермогена, которого после Февральской революции обер-прокурор Синода В. Н. Львов назначил тобольским епископом.

Прибыв в Тобольск, Гермоген завязал переписку с Временным правительством, настаивая на переводе Романовых именно сюда²⁵. В июле в Петроград на съезд губернских комиссаров Временного правительства приезжал тобольский губернский комиссар В. Н. Пигнатти²⁶. Тогда-то, по-видимому, и были согласованы конкретные вопросы, связанные с переездом Романовых в Тобольск. О конечном замысле плана вновь рассказывает Керенский. «Я думал,— говорил он позднее,— что весной царя можно будет вывезти из России дальнейшим путем, через Японию и Америку...»²⁷ Знали ли об этом Николай и его окру-

²² Биограф английского короля Георга V Никольсон пишет, что в левых кругах палаты общины и в левой прессе выражались протесты в связи с сообщениями о приезде Романовых в Англию (*Nicholson H. King George V. His Life and Reign. New York, 1953, p. 299, 302*).

²³ «Последние новости» (Париж), 1936, 16 февраля (Беседа с А. Ф. Керенским).

²⁴ «Последние новости» (Париж), 1936, 10 марта (Доклад А. Ф. Керенского «Гибель царской семьи»).

²⁵ *Быков П.* Последние дни Романовых, с. 64. См. также: *Ерошкин Н. П.* Последние Романовы и их судьбы.— «Преподавание истории в школе», 1967, № 2, с. 88.

²⁶ «Известия Тобольского Временного комитета общественного спасения», 1917, 22 июля (4 августа).

²⁷ «Последние новости» (Париж), 1936, 16 февраля (Беседа с А. Ф. Керенским). См. также: *Bylygin P., Kerensky A. The Murder of the Romanovs. New York, 1935, p. 118.* В связи со сказанным следует упомянуть о записке

жение? По-видимому, знали. Бывший гофмаршал П. Бенкендорф в своих воспоминаниях пишет, что Керенский доверительно сообщил ему, что после Учредительного собрания Николай сможет уехать куда пожелает²⁸.

Таким образом, переезд Романовых в Тобольск не исключал (если не предусматривал) осуществления намерения Временного правительства отправить бывшего императора и его семью за границу. И несмотря на строжайшую секретность предстоящего отъезда Романовых, по-видимому, не случайно английский посол Дж. Бьюкенен был информирован о нем уже в середине июля. В телеграммах Бальфуру он писал, что министр иностранных дел Терещенко сообщил ему о предстоящем отъезде Романовых в Сибирь, где они «будут пользоваться большой личной свободой», и о том, что бывший царь «остался доволен предложением переменить место жительства»²⁹.

Согласно разработанному плану, Николай II и его семья должны были поездом ехать до Тюмени, а оттуда пароходом по рекам Тура и Тобол до Тобольска. В секретной телеграмме, которая 31 июля за подписью Керенского была направлена в Тюмень, Тобольск и Омск, сообщалось: «Экстренный поезд известного вам назначения выбывает 31 июля и прибудет 3-го [в] Тюмень. К тому же дню приготовьте пароход и соответственно помещение [в] Тобольске»³⁰.

Романовых сопровождали 45 человек свиты и прислуги. Охрану нес отряд особого назначения, сформированный под личным наблюдением Керенского, преимущественно из георгиевских кавалеров (всего 330 солдат и 6 офицеров). Отряду заново выдали вооружение (в том числе пулеметы), обмундирование, каждому солдату было обещано высокое жалованье. Возглавил его начальник Царскосельского гарнизона полковник Кобылинский — откровенный монархист, комиссаром Временное правительство назначило Макарова, числившегося в эсерах. Перед самым отъездом Керенский разрешил встречу

чиновника русского МИДа В. В. Горбатенко, опубликованной и прокомментированной А. Е. Иоффе. Горбатенко утверждал, что летом 1917 г. глава американской миссии Э. Рут в сопровождении Терещенко совершил поездку в Царское Село, где состоялось свидание с Николаем и обсуждалась возможность тайного отъезда Романовых через Финляндию (*Иоффе А. Е. О попытках вывезти Николая II в США. — Исторический архив*, 1961, № 1, с. 184—185). Сведения, сообщаемые Горбатенко, никакими другими данными не подтверждаются, и вряд ли можно согласиться с утверждением, будто Руту поручалось «договориться с бывшим царем о тайном бегстве его за океан» (там же, с. 184). Скорее всего, записка Горбатенко — смутное отражение закулисной деятельности Временного правительства, связанной с отъездом Романовых за границу.

²⁸ Benckendorf P. Last Days at Tsarskoe Selo. London, 1927, p. 107.

²⁹ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. — «Красный архив», 1927, т. 5 (24), с. 151, 152.

³⁰ ЦГВИА, ф. 366 (Военного кабинета министра-председателя Временного правительства), оп. 2, д. 1, л. 23.

бывшего императора Николая II с несостоявшимся императором — великим князем Михаилом Александровичем. При этом он демонстративно показал, что полностью доверяет Романовым. Е. А. Нарышкина сделала следующую запись в своем дневнике: «Приехал Михаил, Керенский его впустил, сел в угол, заткнул уши и сказал: «Разговаривайте!»»³¹

6 августа Романовы прибыли в Тобольск. Несколько дней они прожили на пароходе «Русь», а затем были размещены в специально отведенном для них доме, ранее принадлежавшем тобольскому губернатору Орловскому-Танаевскому. Часть свиты и прислуга поселилась с ними, но большинство — в доме купца Корнилова, расположенном напротив. Это создавало весьма благоприятную возможность для общения с арестованными Романовыми, поскольку некоторым членам свиты и прислуги (бывшему генерал-адъютанту Татищеву, доктору Деревенько и др.) разрешалось свободно передвигаться по городу и посещать губернаторский дом. Очень скоро монархисты полностью использовали предоставленную им возможность контактов с Николаем II.

В Тобольске

13 августа Романовы переселились с парохода «Русь» в губернаторский дом, а через пять дней, 18 августа, Николай записал в своем дневнике: «Утром на улице появилась Рита Хитрово, приехавшая из Петрограда, и побывала у Настеньки Гендриковой. Этого было достаточно, чтобы вечером у нее произвели обыск. Черт знает что такое!»³²

За этой короткой записью стоит так называемое «дело Хитрово», о котором во второй половине августа 1917 г. внезапно заговорила петроградская печать, а уже в начале сентября также внезапно замолчала.

22 августа (накануне корниловского мятежа) газеты сообщили «о раскрытии контрреволюционного заговора против республиканской власти в России» и об арестах в связи с этим в Москве, Петрограде, на юге России (в Крыму), а также в Сибири, точнее, в Тобольске, где была арестована М. Хитрово³³. По приезду в Тобольск она виделась с врачом царской семьи Е. С. Боткиным и фрейлиной Александры Федоровны графиней А. Гендриковой, которой передала около 15 писем для Романовых. Письма у Гендриковой были изъяты, однако произвести обыск в губернаторском доме полковник Кобылинский не решил.

Попутно выяснилось, что комиссар Временного правительства Макаров вообще передавал Романовым письма без пред-

³¹ «Последние новости» (Париж), 1936, 19 июля.

³² Дневник Николая Романова. — «Красный архив», 1927, т. 3 (22), с. 74.

³³ «Известия» (Петроград), 1917, 22 августа.

варительной цензуры³⁴. Под конвоем М. Хитрово отправили в Москву. Затем была арестована и мать Хитрово, на допросе указавшая на некоего офицера, который проживал в городе Режица и был, по ее словам, чуть ли не душою заговора. Этим офицером оказался прапорщик Б. Скакун — член Союза казачьих войск. У него обнаружили печать союза и списки лиц, являвшихся, как считали, жертвователями «в пользу тайного общества, поставившего своей целью возврат к павшему строю»³⁵. Как следует из сохранившегося в архиве канцелярии председателя Временного правительства письма матери Б. Скакуна на имя А. Ф. Керенского, этот прапорщик получил от Хитрово крупную сумму денег³⁶.

23 августа «Известия» поместили заметку о беседе с московским прокурором А. Ф. Стаалем. «На наш вопрос, — говорится в ней, — основательным ли слухи, по которым целью заговора было простое желание освободить бывшего императора в Тобольске, А. Ф. Стааль заявил: «Это абсолютно неверно. Цель заговора чисто политическая. Заговор возник до отъезда бывшего государя в Тобольск и имел целью ниспровержение существующего и восстановление старого строя».

Пока шло следствие, в печать стали проникать сенсационные сведения, что нити заговора будто бы тянутся в разные города, что в него оказались вовлечены некоторые из великих князей, приближенных Николая II и т. п. Сообщалось об аресте великих князей Михаила Александровича, Павла Александровича и других, как лиц, деятельность которых «представляет особую угрожающую обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе»³⁷.

В то же время за границу были высланы А. Вырубова, П. Бадмаев, И. Манасевич-Мануйлов, редактор «Земщины» С. Глинка-Янчевский, генерал В. Гурко и некоторые другие монархисты. Однако в Финляндии всю эту группу задержали революционные матросы, и некоторые из монархистов, в том числе Вырубова, вынуждены были вернуться.

Впоследствии, говоря о «деле Хитрово» в Следственной комиссии по делу Корнилова, Керенский утверждал, что оно было сфабриковано чуть ли не самими корниловцами, чтобы направить Временное правительство... на ложный путь! Скорее, однако, «дело Хитрово» должно было отвлечь революционные массы от подготовки контрреволюционного корниловского заговора при участии самого Керенского. На это указывала большевист-

³⁴ ЦГАОР, ф. 3 (Канцелярии министра-председателя Временного правительства), оп. 1, д. 259, л. 3.

³⁵ «Известия» (Петроград), 1917, 8 сентября.

³⁶ ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 361, л. 205. Подробнее см.: *Орем С. И.* «Заговор». Белград, 1931.

³⁷ ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 15, л. 45; «Известия» (Петроград), 1917, 24, 25 и 27 августа.

ская «Правда» (тогда она выходила под названием «Рабочий»). Царистские, монархические силы, писала газета, безусловно, существуют и активизируются, но не они в данный момент являются ударным кулаком контрреволюции. «Контрреволюция миллиоковская — вот подлинный враг, вот главный враг». Конечно, если эта миллиоковская, кадетская контрреволюция сокрушит революцию, она, всего вероятнее, возведет на престол кого-либо из Романовых. И чтобы не допустить такую возможность, необходимо вести действительную, последовательную борьбу с буржуазно-помещичье-генеральской контрреволюцией. «Когда рабочие, солдаты и крестьяне справятся с ней, России не будет страшна «контрреволюция Маргариты (Хитрово.— Г. И.)»»³⁸.

Материалы «дела Хитрово» не сохранились. Тем не менее можно предположить, что лица, связывавшие контрреволюционные военные организации, которые группировались вокруг Корнилова, с монархическими кругами, вовлеченными в попытки освобождения Романовых, существовали. В известной мере это подтверждается заявлением прокурора А. Ф. Стааля, напечатанным в «Известиях» уже 13 сентября. Он, в частности, сказал, что, работая над раскрытием «заговора Хитрово», «то и дело наткнулся на следы гораздо более крупного предприятия... и еще за 10 дней до известного выступления ген. Корнилова почти предсказал эту контрреволюционную вспышку».

Определенный свет проливают и воспоминания самой М. Хитрово о ее поездке в Тобольск, опубликованные в эмиграции в 1922 г. Они носят противоречивый характер. С одной стороны, она утверждает, что поехала в Тобольск «по собственной инициативе и исключительно из желания быть ближе к арестованной царской семье». С другой же — пишет, что во время допросов поняла: «власти напали на следы действительно существовавшей организации, имевшей целью освобождение царской семьи и возникшей еще во время пребывания царской семьи в Александровском дворце» (в Царском Селе.— Г. И.). И далее М. Хитрово свидетельствует: «Я знала и раньше об этой организации, но вследствие моих отношений с дворцом, а впоследствии намерения поехать в Тобольск я, боясь навлечь подозрение на царскую семью, не принимала в ней активного участия, полагая, что, находясь вблизи царской семьи, я всегда смогу ориентироваться, сообщать нужные сведения и вообще в решительную минуту оказать действенную помощь»³⁹.

Таким образом, связь М. Хитрово с подпольной монархической организацией, поставившей своей целью освобождение Романовых, существовала. Хитрово, по-видимому, предназначалась роль легального связника.

³⁸ «Рабочий» (Петроград), 1917, 30 августа.

³⁹ *Эддели (Хитрово) М.* Разъяснение о моей поездке в Тобольск.— «Двуглавый орел», 1927, 1 (14) мая, с. 6, 10.

История с М. Хитрово все же не осталась без последствий для тобольских «узников». Сразу же после того, как это дело начало расследоваться, в отряд особого назначения был направлен новый комиссар Временного правительства (вместо уехавшего ранее Макарова) — доверенный Керенского — В. С. Панкратов, а в качестве его заместителя — А. В. Никольский⁴⁰.

Назначение этого комиссара нисколько не отразилось на режиме, установленном для Романовых командиром отряда полковником Кобылинским, которого Николай с полным основанием считал своим лучшим другом. По воспоминаниям некоторых лиц, бывших с царской семьей в Тобольске, Кобылинский готов был сделать все от него зависящее, чтобы обеспечить бывшему царю возможность побега, если к тому представится случай. И впоследствии монархисты обвиняли друг друга, признавая, что не сумели в полной мере воспользоваться «услугами» Кобылинского⁴¹.

В течение августа — октября 1917 г. между Петроградом, Москвой и Тобольском поддерживалась довольно оживленная связь⁴². А вскоре в Тобольск начали прибывать и специальные «курьеры», которых конспиративные монархические группы тайно направляли сюда для наблюдения и установления необходимых контактов.

Обстановка в Тобольске им благоприятствовала. Власть здесь принадлежала кадетско-меньшевистскому Временному комитету общественного спасения. Соглашательский Совет рабочих и солдатских депутатов сколько-нибудь серьезного влияния не имел. Большевиков в городе было мало, буквально единицы, к тому же входили они в организацию, объединенную с меньшевиками⁴³.

Один из тобольских большевиков, И. Коганицкий, писал в своих воспоминаниях: «Я и еще некоторые товарищи написали в Тюмень и Омск. Пока же надежда была только на преданную нам группу гвардейцев из 12—13 человек во главе с подпра-

⁴⁰ «Известия Тобольского Временного комитета общественного спасения», 1917, 30 августа (12 сентября). В июльские дни 1917 г. Панкратов «отличился» тем, что совместно с Г. Алексинским подписал и передал в правую печать фальшивку, обвинявшую В. И. Ленина и других большевиков в связях с германским генштабом (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 522).

⁴¹ Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921, с. 46.

⁴² Танеева (Вырубова) А. Страницы из моей жизни, с. 145—146; Benken-dorf P. Last Days at Tsarskoe Selo, p. 121, 135. См. также: ЦГАОР, ф. 601 (Николая Романова), оп. 1, д. 2112, л. 7.

⁴³ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920). Сборник документов и материалов. Свердловск, 1967, с. 20. Подробнее см.: Роцевский П. И. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959; он же. Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965.

порщиком Матвеевым, которые на одном из неофициальных собраний большевиков дали клятву, что они сами погибнут, но ни одному из членов «семьи» не дадут выйти живыми, и для этого в каждой смене караула были закреплены свои люди»⁴⁴. Но горстка большевиков и незначительное число солдат отряда особого назначения, которое их поддерживало, не могли, конечно, контролировать положение. Несмотря на то что в Тобольске был введен особый паспортный режим⁴⁵ и у всех приезжающих проверялись документы⁴⁶, в городе проживало множество неизвестных лиц, в том числе офицеров.

Советская власть, победившая в Петрограде, почти сразу же вынуждена была обратить внимание на далекий Тобольск и на все, что было с ним так или иначе связано. Уже 2 ноября Петроградский Военно-революционный комитет заслушал сообщение Э. К. Дрезена о содержании семьи Романовых в Тобольске⁴⁷.

Вскоре по Петрограду с явно провокационными целями стали распускаться слухи о бегстве Николая Романова из Тобольска. Потребовалось опубликование нескольких официальных опровержений (в том числе управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича)⁴⁸. Позднее, уже в начале мая 1918 г., Я. М. Свердлов, выступая на заседании ВЦИК со специальным сообщением о судьбе Николая Романова, говорил: «Должен вам сказать, что вопрос о положении бывшего царя ставился у нас в Президиуме ВЦИК еще в ноябре месяце, в начале декабря и с тех пор поднимался неоднократно, но мы не принимали никакого решения, считая необходимым предварительно ознакомиться с тем, как, в каких условиях содержится бывший царь Николай Романов, насколько надежна охрана»⁴⁹.

Но Советскую власть в центре тревожило не только отсутствие точных сведений о том, что действительно происходило вокруг Романовых, находившихся в Тобольске. Для опасений была и другая, вполне реальная причина. Как известно, одним из первых контрреволюционных заговоров, раскрытых Советской властью, был монархический заговор черносотенца В. Пуришкевича.

Следственные органы только что установившейся Советской власти, по-видимому, не вскрыли всех нитей заговора Пуришкевича. По существу они ограничились констатацией того, что

⁴⁴ Коганицкий И. 1917—1918 гг. в Тобольске. Николай Романов. Гермогеновщина.— «Пролетарская революция», 1922, № 4, с. 9.

⁴⁵ «Известия Тобольского Временного комитета общественного спасения», 1917, 25 августа (7 сентября).

⁴⁶ Панкратов В. С. С царем в Тобольске. Л., 1925, с. 15—16.

⁴⁷ Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1. М., 1966, с. 538.

⁴⁸ «Наш век» (Петроград), 1917, 3 декабря.

⁴⁹ Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 2. М., 1959, с. 195.

организация Пуришкевича ставила своей целью введение «твердой власти в стране и в дальнейшем непрременное установление в России монархии»⁵⁰. Между тем из отрывочных данных, рассеянных в белоэмигрантской литературе, видно, что некоторые участники заговора Пуришкевича (поручик Н. де-Бодэ, полковник Ф. Винберг и др.) имели связь с Романовыми⁵¹.

Но организация Пуришкевича была не единственной монархической организацией, протягивавшей свои шупальцы к Тобольску. Некий К. Соколов впоследствии описал свое участие в попытке освободить царскую семью по поручению подпольной монархической организации, во главе которой стоял присяжный поверенный П., связанный, как пишет Соколов, «с духовным миром» (в организацию входил, между прочим, епископ Нестор Камчатский, имевший контакт с тобольским епископом Гермогеном).

В конце декабря руководители этой организации устроили Соколову встречу с «курьером», который прибыл из Тобольска и который должен был соответственно ориентировать Соколова. Встреча состоялась в помещении госпиталя на Яузском бульваре, а курьером оказался поручик лейб-гвардии Московского полка Р. (Раевский.— Г. И.). Поручик сообщил, что «он и его брат были отправлены в Тобольск Пуришкевичем еще за 2—3 месяца до большевиков»⁵².

В январе 1918 г. Соколов в сопровождении еще двух офицеров (он называет их «М» и «Г»), а также «курьера» — поручика Раевского уехал в Тобольск. По словам К. Соколова, предполагалось «вывести семью (Романовых.— Г. И.) в Троицк, занятый оренбуржцами Дутова»⁵³. Для выполнения задачи предполагалось постепенно стянуть в район Екатеринбурга — Тюмени — Омска до 150 офицеров и юнкеров.

План заговорщиков, однако, сорвался, так как неожиданно в Тобольске был арестован брат Раевского и один из офицеров, сопровождавших Соколова.

Зимой 1918 г. активизировалась и организация Маркова 2-го, имевшего связь с Тобольском через Вырубову. Впоследствии, уже в эмиграции, Марков 2-й, выставлявший себя чуть ли не основной фигурой в деле освобождения Романовых, сетовал, что у него «целые месяцы уходили, пока удавалось наскрести сколько-нибудь заметную сумму»⁵⁴. Однако это «самооправдание» Маркова 2-го опровергается другими эмигрантски-

⁵⁰ «Правда» (Петроград), 1917, 7 ноября.

⁵¹ *Benkenhoff P.* Last Days at Tsarskoe Selo, p. 129; *Винберг Ф.* Крестный путь, ч. 1. Мюнхен, 1922, с. 191.

⁵² *Соколов К.* Попытка освобождения царской семьи.— «Архив русской революции», т. 17. Берлин, 1926, с. 281—282.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Марков Н.* Попытки спасения царской семьи.— «Высший монархический совет», 1924, 28 апреля (11 мая), с. 9.

ми свидетельствами. Так, граф П. Бенкендорф писал в своих воспоминаниях, что крупные суммы (более 200 тыс. рублей), предназначавшиеся для бывшего царя, стекались к нему (Бенкендорфу) «с разных сторон», в том числе и от иностранных послов (имен их Бенкендорф не называет). Большую часть этих денег, по словам Бенкендорфа, он переслал через некоего «Х» в Тобольск⁵⁵.

Другим (и, может быть, основным) пунктом сбора средств для царской семьи был Правый центр. Один из его руководителей, Кривошеин, впоследствии сообщил, что для Романовых он собрал 250 тыс. рублей и через доверенное лицо (бывшего моголевского вице-губернатора Штейна) вручил в Тобольске Татищеву и Долгорукову. Через них было установлено и закодированное письменное общение⁵⁶.

Активно занималась сбором средств для Романовых и А. Вырубова. Главным источником ее доходов являлись предпринимательские круги. Особенно щедр был сахарозаводчик и банкир К. И. Ярошинский, передавший Вырубовой 175 тыс. рублей⁵⁷.

Во время одной из встреч Маркова 2-го с Вырубовой было решено направить в Тобольск трех офицеров: сначала Сергея Маркова, а вслед за ним ротмистра Гринвальда и сына бывшего члена Государственного совета С. Андреевского. Этой небольшой группе поручалось по прибытии установить связь с двумя ранее выехавшими в Тобольск посланцами Маркова 2-го и Вырубовой: штаб-ротмистром Н. Седовым (агент Маркова 2-го) и поручиком Б. Соловьевым (доверенное лицо Вырубовой).

Соловьев был сыном казначея святейшего синода, действительного статского советника Н. В. Соловьева, состоявшего в тесной дружбе с Распутиным⁵⁸. Через отца и «секретаря» Распутина А. Симановича Б. Соловьев попал в распутинско-вырубовский кружок. После отправки Романовых в Тобольск Соловьев направляется туда же, устанавливает связь с епископом

⁵⁵ *Benkendorf P.* Last Days at Tsarskoe Selo, p. 129—130. 21 января 1918 г. бывшая императрица отметила в своем дневнике, что ««Х» деньги привез» (ЦГАОР, ф. 640 (Александры Федоровны), оп. 1, д. 332). Упоминается «Х» и в ее письмах А. А. Вырубовой.

⁵⁶ *Кривошеин К. А. В. Кривошеин.* Его значение в истории России начала XX в. Париж, 1973, с. 298.

⁵⁷ *Быков П.* Последние дни Романовых, с. 81; *Марков С.* Покинутая царская семья, с. 249. Ярошинский, как и члены Правого центра, был связан с германским посольством в Москве (Документы германского посла в Москве Мирбаха.— «Вопросы истории», 1971, № 9, с. 127). Одновременно он находился в контактах с английскими и американскими представителями (*Вонялярский В.* Мои воспоминания. Берлин, б. г., с. 231). См. также: *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975, с. 141—143.

⁵⁸ Распутин в освещении охраны.— «Красный архив», 1924, т. 5, с. 273, 276 и др.

Гермогеном и Романовыми. В начале октября 1917 г. он возвращается в Петроград и женится на старшей дочери Распутина Матрене (Маре). Это был, несомненно, отчаянный шаг (имя Распутина всеми презиралось), но Соловьев почти наверняка сделал его с определенной целью.

Породнившись с семьей Распутина, он мог рассчитывать на особое, исключительное доверие «тобольских узников», и прежде всего бывшей императрицы. И не ошибся. Когда в январе 1918 г. Соловьев со своей женой прибыл на родину Распутина, в село Покровское, а затем поселился в Тюмени (последнем железнодорожном пункте на пути в Тобольск), он по существу превратился в одну из главных фигур, через которую шла связь Романовых с «центром». Его имя и фамилия неоднократно упоминаются в дневнике Александры Федоровны и в ее письмах к Вырубовой⁵⁹. Связь с Романовыми Соловьев поддерживал через священника Благовещенской церкви — некоего Алексея Васильева и прислугу, жившую в доме Корнилова.

Белоэмигрантские и иностранные авторы много пишут о Соловьеве, который большинству из них представляется «одной из наиболее таинственных фигур, встретившихся на пути отрекшегося царя»⁶⁰.

Уже после перевоза Романовых из Тобольска в Екатеринбург, оказавшись на территории, занятой белыми, Соловьев был арестован и допрошен колчаковским следователем Н. Соколовым. Из отобранных у него (впоследствии частично опубликованных) дневников можно составить представление о Соловьеве как о разложившейся личности. Скорее всего, Соловьев — проходимец, стремившийся использовать свое «особое» положение наследника Распутина и нажиться на организации «спасения» Романовых (как говорилось, монархисты переправляли им немалые суммы). «Эпопея» авантюриста Б. Соловьева стала логичным финалом истории последних Романовых, еще до революции изолировавших себя и доверявших лишь Распутину и его «другине» Вырубовой, которых в свою очередь старались использовать уже совершенно темные личности.

Итак, выполняя поручение Маркова 2-го и Вырубовой, Сергей Марков по прибытии в марте 1918 г. в Тобольск встретился с Б. Соловьевым. Обсудив положение, они установили, что в подготовке заговора по освобождению Романовых было достигнуто следующее: налажена прочная связь с заключенными в губернаторском доме, в Тобольске и ближайших к нему окрестностях сформированы группы «верных людей» и от Тобольска до Тюмени созданы «перевалочные пункты» на случай по-

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 640, оп. 1, д. 332; *Танеева (Вырубова) А.* Страницы из моей жизни, с. 169, 173 и др.

⁶⁰ *Frenkland N.* Imperial Tragedy, Nicholas II, Last of Tsars. New York, 1961, p. 134; *R. Massie.* Nicholas and Alexandra. New York, 1967, p. 467.

бега, установлен контроль над телефонами тобольского Совдепа и отрядом особого назначения⁶¹.

Но каково теперь было положение в самом Тобольске? Победив в Петрограде, Советская власть триумфальным шествием прошла по стране. Этот период занял примерно три-четыре месяца (с октября 1917 по февраль 1918 г.), а в некоторых районах и городах он затянулся еще на месяц-полтора. К их числу относился и мелкобуржуазный Тобольск (пролетарская прослойка в городе была в это время невелика). Монархическое охвостье чувствовало себя здесь довольно свободно. Дело дошло до того, что священник Благовещенской церкви Алексей Васильев, которую посещали Романовы, в конце декабря 1917 г. провозгласил Николаю «величание» как царствующему императору. Инцидент вызвал резкий протест революционно настроенных солдат охраны. Однако контрреволюционный поп был взят под защиту Гермогеном.

К этому времени Гермоген вообще стал одной из главных фигур, вокруг которой концентрировались монархисты, стремившиеся освободить Романовых. Находившаяся в Крыму мать Николая — «вдовствующая императрица» Мария Федоровна через одного из офицеров, тайно прибывшего в Тобольск, передала Гермогену свое послание, в котором между прочим говорилось: «Владыка, ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за Русь,— это предзнаменование. Теперь настал час тебе спасти родину. Тебя знает вся Россия — призывай, громи, обличай...»⁶². Громить и обличать Гермоген, конечно, не мог. Напротив, он действовал скрытно и осторожно, осуществляя связь с Романовыми через надежных лиц.

Как вспоминает И. Коганицкий, Гермоген наладил контакт с местным контрреволюционным Союзом фронтовиков, во главе которого стояла некая темная личность по фамилии Летемина. Союз, пишет Коганицкий, «занял по отношению к Совету (тогда еще меньшевистско-эсеровскому) определенно враждебную позицию, угрожая арестовать исполком и захватить власть в свои руки, а Совет распустить...»⁶³. Гермоген поддерживал также контакты с некоторыми духовными сановниками в Москве и Петрограде, в том числе с патриархом Тихоном. Еще в ноябре 1917 г. сразу же после избрания Тихона на патриарший престол, Гермоген просил его поддержки в оказании помощи царской семье. По воспоминаниям С. Маркова, Тихон тогда предпочел ограничиться передачей своего благословения бывшему государю-императору, но от прямого участия в освобождении Романовых якобы отказался⁶⁴. Однако некоторые данные по-

⁶¹ *Марков С.* Покинутая царская семья, с. 239. См. также: Три попытки спасения царской семьи.— «Последние новости» (Париж), 1924, 30 марта.

⁶² *Быков П.* Последние дни Романовых, с. 67.

⁶³ *Коганицкий И.* 1917—1918 гг. в Тобольске, с. 7.

⁶⁴ *Марков С.* Покинутая царская семья, с. 250.

звolyют заключить, что в действительности Тихон поддерживал связи с теми монархистами, которые тянулись к Тобольску⁶⁵.

Так или иначе Романовы были осведомлены о роли Тихона, Гермогена и креатуры последнего — Алексея Васильева. В январе 1918 г. Александра Федоровна писала Вырубовой: «...Священник этот (Алексей Васильев.— Г. И.) энергичный, преданный, борется за правду, очень милое лицо, хорошая улыбка... Он известен среди хороших людей, потому его от нас убрали, но может быть, и лучше, так как он может больше делать теперь. Епископ (Гермоген.— Г. И.) за нас, и патриарх в Москве тоже, и большая часть духовенства»⁶⁶.

По мнению многих лиц из окружения Романовых в Тобольске, в начале 1918 г. обстановка здесь была такова, что организация бегства бывшего царя и его семьи была возможной. Об этом, например, прямо пишут находившиеся в Тобольске воспитатель наследника П. Жильяр⁶⁷ и дочь царского врача Е. С. Боткина, Т. Мельник-Боткина. По ее свидетельству, солдаты одного из взводов отряда особого назначения сообщили полковнику Кобылинскому, что в свое дежурство они «дадут их величествам безопасно уехать»⁶⁸.

Вместе с тем благоприятная для монархистов обстановка постепенно начала меняться. Хотя Советская власть в Тобольске еще окончательно не установилась, большевистское влияние в отряде особого назначения и в городе довольно быстро росло. Комиссар Временного правительства В. С. Панкратов, как он впоследствии признавал, с падением Временного правительства полностью утратил всякую связь с центром⁶⁹.

За установление контактов с новой властью взялись наиболее политически развитые солдаты. В январе 1918 г. по инициативе отрядного комитета, избранного еще в ноябре 1917 г., они направили в Петроград делегацию. Делегаты побывали в Совнарком и ВЦИК, где их принял Я. М. Свердлов⁷⁰. Одним из последствий поездки отрядных делегатов явилось смещение комиссара В. С. Панкратова. В конце января 1918 г. губернский комиссар Временного правительства В. Н. Пигнатти сообщил об этом Ялutorовскому уездному комиссару: «Отряд особого назначения (охрана семьи Романовых) вчера отстранил комиссаров Временного правительства В. С. Панкратова и А. В. Никольского. Сделано это под влиянием пропаганды большевист-

⁶⁵ Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917—1923. М., 1968, с. 50—51; Almedingen E. M. The Romanovs. Three Centuries of an Ill-Fated Dynasty. London — Sidney — Toronto, 1966, p. 221.

⁶⁶ Письма государыни императрицы Александры Федоровны.— Русская летопись, кн. 4. Париж, 1922, с. 219.

⁶⁷ Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921, с. 196.

⁶⁸ Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье..., с. 46.

⁶⁹ Панкратов В. С. С царем в Тобольске, с. 81.

⁷⁰ Городецкий Е., Шаповал Ю. Свердлов. М., 1971, с. 309.

ских идей...»⁷¹ В сообщении о смещении Панкратова, которое председатель отрядного комитета Киресв направил в Совнарком, содержалась просьба о назначении нового «полномочного комиссара»⁷².

К концу зимы 1918 г. под влиянием большевистской агитации и пропаганды развернулась борьба за установление в Тобольске единовластия Советов⁷³. В середине февраля съезд Советов солдатских и крестьянских депутатов семи волостей Тобольского уезда принял обращение, в котором говорилось: «Товарищи! Революционная Россия проходит мимо нас! Сознательные рабочие, солдаты и крестьяне соседних губерний (Омск, Екатеринбург) с сожалением смотрят на нашу чернотенную окраску... Поддержим товарищей-россиян!»⁷⁴

Но Омск и Екатеринбург, в которых Советская власть уже установилась, отнюдь не ограничивались тем, что с «сожалением» смотрели на Тобольск, в котором при попустительстве старых властей вили свои гнезда монархисты.

В начале марта в Тобольск из Омска приехал комиссар Запсибсовдепа В. Д. Дуцман, а вскоре вслед за ним сюда прибыл красногвардейский отряд во главе с уполномоченным этого Совета А. Ф. Демьяновым, который по выданному ему мандату назначался чрезвычайным комиссаром Тобольска и Тобольского уезда.

Положение в Тобольске тревожило и уральских большевиков, которые в начале марта обратились во ВЦИК с просьбой перевести Романовых в Екатеринбург под надежную охрану рабочих Урала⁷⁵. Одновременно в окрестности Тобольска и в сам город они направили небольшие группы, которые должны были контролировать положение в Тобольске, а также дороги, идущие от Тобольска, и таким образом предупредить возможное бегство Романовых.

Одна из таких групп была послана в Бerezов, чтобы в случае необходимости отрезать Романовым путь в Обдорск и далее на север. Другая — осела в с. Голышманово, наблюдая за трактом Тобольск — Ишим, третья — образовала заставу на дороге Тобольск — Тюмень. Наконец, четвертая группа в составе 16 человек с особыми предосторожностями направилась в Тобольск⁷⁶. Первой из этой группы прибыла в город уроженка Тобольска Т. Наумова, вслед за ней под видом ее жениха — балтийский матрос и уральский чекист П. Хохряков, а также

⁷¹ Борьба за власть Советов в Тюменской (Тобольской) губернии, с. 146.

⁷² Там же.

⁷³ Подробнее об этом см.: Роцевский П. Победа Советской власти и ликвидация монархического заговора в Тобольске. — Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск, 1975, с. 140—157.

⁷⁴ Борьба за власть Советов в Тюменской (Тобольской) губернии, с. 150.

⁷⁵ Быков П. Последние дни Романовых, с. 87.

⁷⁶ Роцевский П. Октябрь в Зауралье, с. 99.

два других екатеринбургских большевика — А. Д. Авдеев и С. С. Заславский⁷⁷. Одновременно в Тобольск из Екатеринбурга небольшими группами направлялись красновардейцы, которые, собравшись в Тобольске, образовали здесь довольно значительный отряд, находившийся в распоряжении П. Хохрякова.

Прибывшие в Тобольск соблюдали строгую конспирацию. Она объяснялась враждебным отношением местного меньшевистско-эсеровского Совета, подозрительностью части отряда особого назначения, а также отсутствием точных и определенных сведений о количестве контрреволюционных, монархических сил в городе. Сказывалась и известная разобщенность между Екатеринбургом и Омском, Советы которых (как и ряд других Советов того периода) еще не были свободны от проявлений местных, сепаратистских тенденций⁷⁸.

Между омским и екатеринбургским отрядами происходили довольно серьезные трения. По существу они представляли собой подразделение партизанского характера, в которых наряду с массой политически зрелых бойцов из рабочих-большевиков имелось немало левозеровских и даже анархистских элементов⁷⁹.

Благодаря энергичной деятельности уральских большевиков, главным образом П. Хохрякова, в начале апреля состоялись перевыборы Совета, которые дали большинство большевикам, а 9 апреля 1918 г. прошло первое заседание нового Исполкома Совета, председателем которого был избран П. Хохряков⁸⁰.

Победа Советской власти в Тобольске позволила принять более решительные меры по пресечению монархической активности в городе и вокруг него. Знакомство с положением дел в отряде особого назначения показало, что, несмотря на рост большевистского влияния, часть его солдат все же настроена промонархически. Через одного из солдат охраны удалось узнать, что бегство Романовых готовится на весну 1918 г. Предполагалось использовать при этом шхуну «Святая Мария», стоящую в Тобольском речном порту на зимовке. «Мы знали, — писала в своих воспоминаниях Т. Наумова, — что как только вскрыются реки, царская семья может убежать. Для этого, как потом стало известно, была приготовлена морская шхуна английского происхождения — «Святая Мария», команду ее монархистам удалось подобрать целиком из приверженцев царя...»⁸¹

⁷⁷ Роцевский П. Победа Советской власти и ликвидация монархического заговора в Тобольске, с. 148.

⁷⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 226.

⁷⁹ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. — «Красная новь», 1928, № 5, с. 189.

⁸⁰ Там же; Роцевский П. Октябрь в Зауралье, с. 101.

⁸¹ «Уральский следопыт», 1959, № 7, с. 25 (Воспоминания Т. Наумовой-Тевминой); Захаров С. Последний путь последнего царя. — «Октябрь», 1967, № 3, с. 204.

Достоверность этого плана подтверждается и белоэмигрантской литературой. Уже в эмиграции Марков 2-й писал: «Нашелся опытный и верный шкипер дальнего плавания, который брался войти со своей шхуной в начале лета в устье Оби и в условленном месте ожидать беглецов... Постепенно к местам действия стягивались отдельные группы офицеров из Сибири и с Урала. В Петрограде образована была офицерская группа генерала «Z», которая должна была явиться на месте ядром спасательного отряда»⁸².

Но в конце апреля 1918 г., когда монархические заговорщики уже были почти готовы приступить к осуществлению своих планов, произошло непредвиденное.

Между Тобольском и Екатеринбург

Как уже отмечалось, Уральский областной исполнительный комитет еще в начале марта 1918 г. обратился в Москву с просьбой о переводе Романовых под охрану уральских рабочих. Позднее в Москву приезжали представители отряда особого назначения и член президиума Исполкома Уралсовета, областной военный комиссар Ф. И. Голощекин. На основании их информации президиум ВЦИК принял решение о переводе Романовых в Екатеринбург⁸³. При этом было, по-видимому, учтено положение, сложившееся в Тобольске. Там часть охраны Романовых, состоявшей из хорошо вооруженных бывших гвардейцев, проявляла недоверие к находившимся в Тобольске красногвардейцам и не соглашалась на передачу им контроля над губернаторским домом. К тому же, как уже говорилось, существовали трения между екатеринбуржцами и омичами. Вероятно, поэтому для перевоза царской семьи было решено направить в Тобольск специального комиссара с чрезвычайными полномочиями центра. Им стал В. В. Яковлев.

В белоэмигрантской и иностранной исторической литературе о Яковлеве распространено немало домыслов. Одни авторы уверяют, что ему поручалось привезти Романовых в Москву, но он вынужден был подчиниться уральцам, которые, не доверяя Москве, заставили его «выдать» бывшего царя Екатеринбург. Другие изображают Яковлева тайным «монархическим рыцарем», пытавшимся спасти Романовых. Третьи считают его «секретным агентом» Германии, а четвертые — даже «двойным

⁸² *Марков Н.* Попытки спасения царской семьи. — «Высший монархический совет», 1924, 28 апреля (11 мая), № 121.

⁸³ *Свердлов Я. М.* Избранные произведения, т. 2, с. 195—196; см. также: *Горюцкий Е., Шарапов Ю.* Свердлов, с. 311.

агентом», работавшим одновременно на Германию и Англию. При этом, как правило, сообщаются самые невероятные «биографические» сведения о Яковлеве⁸⁴.

В. В. Яковлев (настоящее имя Константин Мячин) — уроженец Уфы. В период первой русской революции он являлся активным членом уфимской боевой организации большевиков⁸⁵. Позднее, в августе 1909 г., руководил одним из наиболее дерзких «эксов» — нападением на почтовый поезд на станции Миасс. Как известно, V съезд РСДРП запретил «какое то ни было участие в партизанских выступлениях и экспроприациях»⁸⁶, и миасский «экс», следовательно, был самовольной акцией уфимских большевиков⁸⁷. Имеются данные, что он был осуществлен по настоянию К. Мячина (Яковлева)⁸⁸. Таким образом, уже в это время проявились левацкие, даже авантюристические черты Яковлева. После «экса» он и еще несколько боевиков сумели уехать за границу и некоторое время учились в школе отзовистской группы «Вперед», находившейся в Болонье⁸⁹. В годы эмиграции Яковлев жил и работал во Франции, затем в Бельгии; после Февральской революции вернулся на родину.

В дни Октября он участвовал во взятии Зимнего дворца, был делегатом II Всероссийского съезда Советов от Уфимского губернского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁹⁰. 27 октября Петроградский Военно-революционный комитет назначил его комиссаром на центральную телеграфную станцию⁹¹. По-видимому, в этот период имя В. В. Яковлева становится известно В. И. Ленину. Во всяком случае 8 ноября 1917 г. он записал себе для памяти: «5.30 — телефон Яковлева — комиссара»⁹². Материалы Петроградского ВРК свидетельствуют, что Яковлев в числе других комиссаров был командирован на Урал «для согласования деятельности местных Советов с центром»⁹³.

⁸⁴ См., например: *Alexandrov V. The End of the Romanovs*. New York, 1966.

⁸⁵ Революционное прошлое. Исторический сборник. Уфа, 1923, с. 51; *Кучкин А. П.* В боях и походах. М., 1969, с. 109.

⁸⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1. М., 1970, с. 218.

⁸⁷ *Алексакин В.* Первая дружина БО. — В кн.: Революционное прошлое. Исторический сборник... Уфа, 1923, с. 51—53; *Коковихин М. Н.* Миньярское подполье. Челябинск, 1957, с. 102.

⁸⁸ *Тарасов И. Д., Зенцова С. П.* Петр Иванович Зенцов. Уфа, 1966, с. 23. См. также: *Кашиц В.* Смело товарищи... М., 1976, с. 160—162.

⁸⁹ Партийная школа в Болонье (1910—1911). — «Пролетарская революция», 1926, № 3 (50), с. 122.

⁹⁰ II Всероссийский съезд Р. и С. Д. М., 1928, с. 140.

⁹¹ Петроградский Военно-революционный комитет. М., 1967, т. 1, с. 224; т. 2, с. 119; т. 3, с. 23, 78 и др.

⁹² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5. М., 1974, с. 43.

⁹³ Петроградский Военно-революционный комитет, т. 3, с. 655.

Получив особое задание ВЦИК, с документами, по утверждению екатеринбургского большевика А. Д. Авдеева, подписанными В. И. Лениным и Я. М. Свердловым⁹⁴, в начале апреля 1918 г. Яковлев прибыл в Уфу. Здесь он явился к председателю губчека П. И. Зенцову, которого хорошо знал еще по деятельности боевых организаций Урала. Сообщив Зенцову о своей чрезвычайной миссии, Яковлев потребовал, чтобы местные власти сформировали для него специальный отряд. Как пишут авторы биографии П. И. Зенцова, он подчинился распоряжению центра, но все же отнесся к Яковлеву с некоторым недоверием⁹⁵.

По-видимому, причины такого отношения уходили своими корнями еще в дореволюционный период. Некоторых южно-уральских большевиков отталкивали недисциплинированность Яковлева, его склонность к авантюристическим действиям и т. п.⁹⁶

После мнасского «экса» Яковлева даже подозревали в провокаторстве. Но биографы П. И. Зенцова (также участника мнасского «экса») пишут, что «каких-либо архивных документов о предательстве К. Мячина в 1909 г., в чем его подозревала часть боевиков, до настоящего времени не найдено»⁹⁷.

Во время пребывания Яковлева в Уфе сюда же из Екатеринбурга приехал уральский окружной военный комиссар Ф. Голощекин, который распорядился подчинить непосредственно Яковлеву всех уральских красногвардейцев, уже находившихся в Тобольске⁹⁸.

Из воспоминаний Д. М. Чудинова, прикомандированного к отряду Яковлева в Уфе, следует, что вплоть до самого отъезда из Уфы задача, поставленная перед Яковлевым, держалась в строгой тайне. Лишь после того, как эшелон с отрядом миновал Челябинск, Яковлев сказал Чудинову: «Совнарком поручил мне перевезти из Тобольска в Екатеринбург Николая Романова, но это должны знать только мы с тобой»⁹⁹.

О том, что Яковлеву было дано задание перевезти Романовых в Екатеринбург, пишет в своих воспоминаниях и Г. Зен-

⁹⁴ См.: *Кашиц В.* Смело товарищи..., с. 217; *Авдеев А. Д.* Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге, с. 190. Кобылинский показывал, что документы Яковлева были подписаны Я. М. Свердловым и В. А. Аванесовым («Историк и современник» (Берлин), 1924, т. 5, с. 198).

⁹⁵ *Тарасов И. Д., Зенцова С. П.* Петр Иванович Зенцов, с. 59.

⁹⁶ К истории боевых организаций на Урале.— «Пролетарская революция», 1925, № 7 (42), с. 108.

⁹⁷ *Тарасов И. Д., Зенцова С. П.* Петр Иванович Зенцов, с. 28.

⁹⁸ *Быков П.* Последние дни Романовых, с. 90.

⁹⁹ *Чудинов Д. М.* Особое задание.— За власть Советов. Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961, с. 116. О пребывании Яковлева в Уфе см. также: *Кашиц В.* Смело товарищи..., с. 214—219.

цов¹⁰⁰. Знали об этом, конечно, и в Екатеринбурге¹⁰¹, откуда затем сообщили уральцам, находившимся в Тобольске¹⁰².

Между тем поезд с отрядом Яковлева прибыл в Екатеринбург. Руководители Уралсовета и екатеринбургской партийной организации, по-видимому, проявляли к Яковлеву такую же подозрительность, как и в Уфе. Еще за день-два до прибытия Яковлева в Екатеринбург отсюда в Тобольск был направлен красногвардейский отряд под командованием Брусяцкого. Это, вероятно, в свою очередь насторожило Яковлева.

Из Екатеринбурга отряд Яковлева направился в Тюмень, откуда на другой день на лошадях двинулся в Тобольск¹⁰³. В 80—90 верстах от Тобольска он догнал отряд Брусяцкого. Как пишет Д. М. Чудинов, во время разговора Яковлева с уральцами они заявили, что тоже направляются «за Романовыми», а затем будто бы предложили следующий план: «во время переезда нами (отрядом Яковлева.— Г. И.) Романовых их отряд делает фиктивный налет на паш, отбивает Николая или убивает его»¹⁰⁴. В этом сообщении много неясного, но оно все же отражает обстановку недоверия и подозрительности, существовавшую вокруг Романовых. Каким образом Яковлеву удалось урегулировать отношения с Брусяцким, сказать трудно. Известно лишь, что оба отряда объединились и под командованием Яковлева и Чудинова 22 апреля вступили в Тобольск.

На следующий день Яковлев явился к Кобылинскому и предъявил ему документы, напечатанные на бланке с грифом «Российская Федеративная Советская Республика» и подписанные Я. М. Свердловым и В. А. Аванесовым. Они предписывали беспрекословно подчиняться всем требованиям чрезвычайного комиссара, выполняющего поручение особой важности. Невыполнение его распоряжений грозило расстрелом. Со всей определенностью Кобылинский заявлял, что «о сущности же поручения в документах не говорилось»¹⁰⁵, и он вначале решил, что

¹⁰⁰ *Зенцов Г.* Поездка за Николаем Романовым в Тобольск.— «Уфимский Октябрьский сборник» (Уфа), 1920, № 2, с. 116.

¹⁰¹ Именно поэтому Голощекин и распорядился подчинить Яковлеву уральских красногвардейцев П. Д. Хохрякова.

¹⁰² *Авдеев А. Д.* Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге, с. 195.

¹⁰³ Последний переезд полковника Романова. Из воспоминаний Н. Немцова.— «Красная нива», 1928, № 27 (1 июля). По воспоминаниям Н. Немцова — председателя Тюменского губисполкома, Яковлев, явившись к нему, предъявил подписанный В. И. Лениным мандат на «изъятие Николая Романова из Тобольска и доставку его в Москву». Это единственное свидетельство, расходящееся со всеми другими, согласно которым Яковлеву предписывалось доставить Романовых в Екатеринбург. Объяснить это расхождение трудно. Но опубликованные воспоминания Немцова носят крайне фрагментарный характер, в них вообще много фактических неточностей.

¹⁰⁴ *Чудинов Д. М.* Особое задание, с. 99.

¹⁰⁵ *Историк и современник*, т. 5. Берлин, 1924, с. 194.

Яковлев прибыл вместо бывшего комиссара В. С. Панкратова и останется в Тобольске.

Только вечером 24 апреля, созвав совещание солдатского комитета отряда охраны, Яковлев под секретом сообщил о возложенной на него задаче — вывезти Романовых из Тобольска, но на вопрос куда предпочел не отвечать.

Точно так же держался Яковлев и при встрече с Романовыми, когда он посетил губернаторский дом. 25 апреля Николай записал в дневнике: «После завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря куда»¹⁰⁶.

Сходную запись находим и в неопубликованном дневнике Александры Федоровны: «12 (25) апреля, четверг. После ленча пришел комиссар Яковлев... Он объявил приказ своего правительства (большевики), что он должен увезти нас (куда?)»¹⁰⁷.

Но, несмотря на неопределенность ответов Яковлева, у самих Романовых и у некоторых лиц из числа их приближенных возникло предположение, что цель Яковлева, скорее всего, Москва. 25 апреля Александра Федоровна, записывая о визите Яковлева, отметила, что, хотя им не сообщают, куда они поедут, они все же считают, что в Москву¹⁰⁸.

Как могло возникнуть такое предположение? Скорее всего, первым эту мысль подал полковник Кобылинский в связи со следующим обстоятельством. После посещения Яковлевым Романовых выяснилось, что Алексей Романов из-за болезни не сможет выехать из Тобольска. Несмотря на непредвиденное обстоятельство, Яковлев все же принял решение немедленно уехать из Тобольска с одним Николаем Романовым, о чем и сообщил Кобылинскому, добавив, что через некоторое время вернется в Тобольск за остальными. По расчетам Кобылинского, указанный Яковлевым срок возвращения требовался как раз для поездки в Москву и обратно, и он немедленно поделился своими соображениями с Николаем и Александрой Федоровной.

Предположение Кобылинского показалось Романовым вполне правдоподобным, так как, по-видимому, полностью соответствовало их умонастроению. Подобно всем контрреволюционерам, они считали большевиков «германскими агентами» и лихорадочно верили, что после Бреста немцы вот-вот устроят их, заменив своими монархическими ставленниками.

Воспаленная фантазия Александры Федоровны быстро дорисовала остальное. По свидетельству П. Жильяра, она заявила: «Его (Николая.— Г. И.) хотят, как тогда, разлучить с семьей (бывшая царица имела в виду отречение в Пскове.— Г. И.).

¹⁰⁶ Дневник Николая Романова.— «Красный архив», 1928, т. 2 (27), с. 125.

¹⁰⁷ ЦГАОР, ф. 640 (Александры Федоровны), оп. 1, д. 332.

¹⁰⁸ Там же.

Хотят постараться склонить его на что-нибудь дурное, внушая ему беспокойство за жизнь его близких...»¹⁰⁹.

В окружении Романовых лихорадочно обсуждали как быть: по-видимому, там уже внутренне подготовились к тайному бегству, намеченному на весну. Решили воспользоваться условным шифром, о котором Татищев и Долгоруков договорились с посланцем Правого центра Штейном во время его пребывания в Тобольске. В Москву Кривошеину пошла срочная телеграмма: «Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаем поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное». Ответ Правого центра был следующим: «Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеется. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей». Из Тобольска сообщили: «Необходимо подчиниться врачам...»¹¹⁰

В 4 часа утра 26 апреля «поезд», состоявший из 19 парных запряженных кошевок под охраной кавалеристов и вооруженных пулеметами пехотинцев, покинул Тобольск. В официальном сообщении «Известий Тобольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» говорилось: «В ночь с 25-го на 26-е из Дома свободы (так после революции назывался губернаторский дом.— Г. И.) был увезен комиссаром тов. Яковлевым бывший царь Николай Романов, с ним пожелала ехать бывшая царица и дочь Мария, а также добровольно последовавшие за ними в ссылку граждане Татищев и Долгоруков¹¹¹. Отъезд был обставлен хорошо, и все обошлось без лишнего шума. Комиссар тов. Яковлев имел самые широкие полномочия из Москвы от Совнаркома...»¹¹²

Но оставив Тобольск, Яковлев все время ощущал на себе пристальное, подозрительное внимание уральцев. Впереди его отряда, выйдя из Тобольска несколько раньше, шел отряд Заславского, позади — другой отряд уральцев под командованием Брусяцкого. У села Ивлево чуть было не вспыхнул конфликт,

¹⁰⁹ Жильяр П. Император Николай II и его семья, с. 201. Следователю Н. Соколову Жильяр показывал, что Александра Федоровна прямо говорила ему о своей уверенности, что Николая повезут в Москву «подписать мир» (Соколов Н. Убийство царской семьи. Париж, 1925, с. 26). Комментируя его, Соколов признавал, что над такой уверенностью мог бы «посмеяться любой красноармеец».

¹¹⁰ Быков П. Последние дни Романовых, с. 95. См. также: Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения, с. 277—278.

¹¹¹ На самом деле поехали Долгоруков, врач Боткин и несколько человек прислуги. Остальные Романовы (сын и трое дочерей), а также жившие с ними в Тобольске (в том числе и Татищев) выехали в Екатеринбург 17 мая 1918 г.

¹¹² Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии, с. 169.

когда, как пишет П. Быков, у уральцев, окончательно уверовавших в «ненадежность» Яковлева, «даже мелькнула мысль о необходимости отбить у него царскую семью». В ответ Яковлев арестовал одного из людей Брусяцкого, но вскоре, правда, выпустил его¹¹³. Обе стороны, как видно, старались избежать откровенного столкновения.

Поздно ночью 27 апреля Романовы уже находились в поезде, подготовленном для следования в Екатеринбург. Дальнейшие сведения о движении этого поезда, к сожалению, крайне разноречивы. Согласно одной версии, Яковлев еще в Тюмени, после переговоров по прямому проводу с Москвой, приказал изменить ранее предполагавшийся маршрут и вести поезд не к Екатеринбургу, а к Омску¹¹⁴. Другая версия утверждает, что из Тюмени поезд Яковлева пошел по заранее намеченному направлению — к Екатеринбургу, но вскоре, от станции Камышлов, повернул назад на Тюмень, проследовал через нее и направился к Омску¹¹⁵.

Не будем пытаться точно устанавливать, какая из этих версий правильна. Важнее понять, что именно заставило Яковлева изменить маршрут. Согласно Авдееву, поезд из Тюмени, как «он (Авдеев. — Г. И.) и предполагал», пошел на Омск после возвращения Яковлева с телеграфа, откуда он говорил «с центром». На вопрос Авдеева, почему поезд меняет направление, Яковлев сказал ему следующее: «Достоверно известно, что уральцы готовили взрыв поезда, поэтому я вынужден ехать в другую сторону»¹¹⁶.

Другой спутник Яковлева, Д. М. Чудинов, пишет, что уже после того, как поезд выехал из Тюмени, были получены сведения, будто «у какого-то железнодорожного моста» готовится нападение на поезд Яковлева. «На ближайшей станции, — пишет он, — Яковлев и Гузаков с кем-то разговаривали по телефону. Вернувшись, комиссар дал распоряжение направить поезд обратно, в Тюмень. Паровоз перевели в хвост состава, и мы поехали назад»¹¹⁷.

Трудно сказать, была ли угроза вооруженного нападения на поезд Яковлева действительной или мнимой. Но для Яковлева, который с момента прибытия в Тобольск оказался в напряженной атмосфере неопределенности, подозрительности и недоверия, она могла представиться вполне реальной. И, вероятно, в соответствии с этим своим представлением он и докладывал о сложившейся обстановке в Москву, скорее всего Я. М. Свердлову, прося об изменении маршрута. Д. М. Чудинов пишет:

¹¹³ Быков П. Последние дни Романовых, с. 96.

¹¹⁴ Там же, с. 97; Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге, с. 196.

¹¹⁵ Чудинов Д. М. Особое задание, с. 105.

¹¹⁶ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге, с. 196.

¹¹⁷ Чудинов Д. М. Особое задание, с. 105.

«В Тюмени Яковлев переговорил по прямому проводу с Я. М. Свердловым (по-видимому, вторично.— Г. И.). Было получено распоряжение: ехать в Омск. Двинулись...»¹¹⁸

Поезд с Романовыми резко повернул на юго-восток. Об этом маневре Яковлева тут же было сообщено в Екатеринбург. Ответные меры последовали незамедлительно. Из Екатеринбурга в догонку Яковлеву был направлен специальный поезд. Одновременно Екатеринбург вступил в переговоры с Западносибирским областным Советом, находившимся в Омске, и потребовал ни в коем случае не пропускать Яковлева через Омск. Сам Яковлев был объявлен вне закона, о чем телеграфно сообщили по всем железнодорожным линиям Западной Сибири.

Между тем поезд быстро приближался к Омску. Получив сведения, что на станции Куломзино, откуда открывался путь на Челябинск, поезд с Романовыми будет остановлен омскими красногвардейцами, Яковлев на станции Люблинская отцепил паровоз и сам направился на нем в Омск. Отсюда он вновь связался с Москвой и убеждал Я. М. Свердлова, что в сложившейся обстановке лучше всего увезти Романовых в Уфимскую губернию и временно скрыть их там. Но уральцы также связались с Москвой и сообщили туда следующее: «Письмом 9 апреля тов. Свердлов заявил, что Романов будет перевезен в Екатеринбург, сдан под ответственность областного Совета. Видя, что сегодня поезд с Урала ускользает по неизвестным нам причинам, явно вопреки распоряжению Свердлова, мы отдали распоряжение Омску и всей сибирской магистрали поезд задержать, Яковлева арестовать и вместе с Николаем доставить в Екатеринбург». Далее уральцы просили: «Единственный выход из создавшегося положения — отдать в Омск в адрес Яковлева распоряжение направить поезд Яковлева обратно в Екатеринбург. В противном случае конфликт может принять острые формы, ибо мы считаем, что гулять Николаю по сибирским дорогам не нужно, а он должен находиться в Екатеринбурге под строгим надзором»¹¹⁹.

В последнем уральцы были абсолютно правы. Независимо от намерений Яковлева положение складывалось так, что его действия становились крайне опасными. Шла весна 1918 г., и в Сибири то тут, то там в разное время вспыхивали антисоветские мятежи. Вот что писали «Известия» в статье «В Сибири. Общее положение»: «Контрреволюция, покоящаяся в недрах обывательщины, а главным образом, в среде кулацких элементов, подержанных попами, то и дело поднимает голову. В феврале попы и буржуа поднялись в Омске, в марте — в Петропавловске и Павлограде, где были арестованы Советы... В начале апреля поднялись в Бийске, Тюмени, Тобольске, Иркутске, Се-

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Цит. по: Городецкий Е., Шапов Ю. Свердлов, с. 312.

мипалатинске. Осадное положение стало нормальным явлением»¹²⁰.

Среди забайкальских казаков распространялся подложный «манифест» Николая II, возвещавший раздел всех казенных, кабинетских и частновладельческих земель между крестьянами и установление конституционной монархии. Утверждалось, что этот «манифест» был подписан Николаем накануне Октября в Тобольске. Здесь был прямой расчет на разжигание монархических чувств крестьянства¹²¹.

На Южном Урале в марте-апреле все еще продолжались тяжелые бои против атамана Дутова. В различных пунктах Западной Сибири шло формирование белогвардейских боевых дружин из кулаков и офицеров.

Я. М. Свердлов согласился на возвращение поезда Яковлева в Екатеринбург, но, как это следует из ответа уральцев, потребовал гарантий, что Николай Романов будет доставлен туда живым и невредимым. «При условии, если все дело будет вестись через областной Совет, даем зависящие от нас гарантии», — заверяли уральцы¹²².

Лишь после этого Я. М. Свердлов сообщил уральцам текст приказа, который он намеревался отдать Яковлеву: «Немедленно двигаться в Тюмень. С уральцами договорились — приняли меры, дали гарантии, передай весь груз в Тюмени представителю Областкома Уральского. Так необходимо. Поезжай сам вместе. Оказывая полное содействие представителю. Задача прежняя». «Я полагаю, — говорил Яков Михайлович членом Исполкома Уралсовета, — что при этих условиях вы можете взять на себя всю ответственность. Что скажете?» Из Екатеринбурга последовал ответ: «Согласны»¹²³.

30 апреля блуждание бывшего императора по сибирским железным дорогам, чем-то напоминавшее вынужденные маневры его поезда между Могилевом, Царским Селом и Псковом в начале марта 1917 г., закончилось. Николай и его семья были доставлены в Екатеринбург и сданы под расписку Исполкому Уралсовета. В тот же день их отправили в дом инженера Ипатьева, получивший название дома особого назначения. А в двадцатых числах мая сюда были препровождены и остальные Романовы, оставленные Яковлевым в Тобольске.

Вечером 30 апреля Яковлев отчитывался перед Исполкомом Уральского областного Совета. По словам Авдеева, он «старался себя оправдать и всю вину свалить на партизанские действия

¹²⁰ «Известия», 1918, 15 мая. См. также: *Софронов В.* Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, с. 562.

¹²¹ *Шагин Э. М.* Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974, с. 234.

¹²² Цит. по: *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Свердлов, с. 312.

¹²³ Цит. по: *Роцеский П.* Победа Советской власти и ликвидация монархического заговора в Тобольске, с. 154.

уральцев... говорил, что у него не было другого намерения, кроме как сохранить бывшего царя по директиве ВЦИК»¹²⁴.

П. Быков пишет, что объяснения Яковлева «Уралсовет не удовлетворили», но, так как Романовы уже находились под надежной охраной в доме особого назначения, «решено было Яковлева отпустить в Москву»¹²⁵.

16 мая «Известия» поместили интервью своего корреспондента с Яковлевым. Оно не лишено интереса. На вопрос Николая, куда его повезут, Яковлев ответил, что ему самому его будущее место пребывания неизвестно и что распоряжение об этом будет получено только в пути. «Из Тюмени,— говорил далее Яковлев,— мы отправились поездом. Здесь охрана была уже увеличена до 160 чел. Путь от Тюмени до Екатеринбурга был совершен без каких-либо инцидентов»¹²⁶.

Интервью Яковлева, как видим, не проливает света на все перипетии его миссии, но оно свидетельствует, что Москва считала ее выполненной. Вскоре после возвращения в Москву Яковлев был назначен главкомом войсками Уральско-Оренбургского фронта, действовавшего против Дутова, затем командиром и комиссаром 2-й армии Восточного фронта, включавшей в себя войска, действовавшие на уфимском и оренбургском направлениях¹²⁷.

«Эпопея» Яковлева со всей очевидностью показала крайнюю опасность передвижения Романовых даже под вооруженной охраной по территории, которая все больше и больше охватывалась пламенем гражданской войны.

В Екатеринбурге

Заключение Романовых в дом особого назначения в значительной степени разорвало тобольскую монархическую сеть и нанесло сильный удар по замыслам монархистов, пытавшихся освободить царскую семью. Впоследствии белоэмигрантские мемуаристы, а вслед за ними и некоторые иностранные авторы стали утверждать, что положение в Екатеринбурге сложилось так, что монархические «освободители» уже ничего не могли да по существу и не пытались предпринять¹²⁸. На самом деле, упустив свои шансы в Тобольске, монархические заговорщики с неменьшим упорством старались добиться своего на Урале.

Уже в конце мая в Екатеринбург прибыл некий Иван Иванович Сидоров. В белоэмигрантской литературе он обычно фи-

¹²⁴ *Авдеев А. Д.* Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге, с. 199.

¹²⁵ *Быков П.* Последние дни Романовых, с. 103.

¹²⁶ «Известия», 1918, 16 мая.

¹²⁷ «Известия», 1918, 19 мая.

¹²⁸ *Vorres I.* The Last Grand Duchess. New York, p. 243; *Alexandrov V.* The End of the Romanovs, p. 216; *Massie R. Nicholas and Alexandra*, p. 465.

гурирует как лицо, которое стремилось «насколько возможно облегчить положение царской семьи»¹²⁹. Но по свидетельству генерала М. Дитерихса, «курировавшего» все следственное производство, проводимое белогвардейцами по делу Романовых, Сидоров говорил, что «царя надо освобождать для восшествия на престол»¹³⁰.

В Екатеринбурге Сидоров установил контакты с «царским» доктором Деревенько, которому разрешалось посещать дом особого назначения для лечения больного Алексея Романова. Через Деревенько Сидоров связался с Новотихвинским женским монастырем, откуда монахини начали доставлять царской семье продукты для «усиленного питания»¹³¹. К монастырю сразу же потянулась нить от академии Генштаба, переведенной в Екатеринбург из Петрограда в апреле 1918 г. Ее слушатели почти сплошь состояли из бывших царских офицеров, среди которых имелось немало готовых положить голову за «государя-императора». Вместе с тем в слушатели академии поступали офицеры, уже завербованные заговорщиками. Дитерихс пишет, что в академии образовалась группа, поставившая своей целью «спасение жизни Романовых»¹³². К ней, по-видимому, примыкали и некоторые монархически настроенные сербские офицеры, ранее состоявшие при сербской миссии в царской Ставке¹³³.

Заговорщики сумели организовать контрреволюционное выступление 10 июня 1918 г. Вооруженные группы белогвардейцев, руководимые капитаном Ростовцевым и есаулом Мамкиным, предприняли попытку свергнуть в Екатеринбурге Советскую власть и освободить Романовых. Момент был крайне напряженным, так как почти все советские войска находились на фронте. Все же благодаря смелым и энергичным действиям отряда Верх-Исетского завода контрреволюционный путч был быстро подавлен¹³⁴.

Бдительность уральских чекистов то и дело рвала нити монархических заговоров, но монархисты не теряли надежд, тем

¹²⁹ Русская летопись, кн. 7. Париж, 1925, с. 183.

¹³⁰ Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале, т. I. Владивосток, 1922, с. 377.

¹³¹ Между прочим, совершенно не соответствуют действительности утверждения белоэмигрантских и западных авторов о невероятных «страданиях и муках», которые якобы испытывали бывшие военнопленные в екатеринбургском заключении. В дневниковых записях Николая и Александры нет данных, подтверждающих это. Доктор Е. С. Боткин в письме, отправленном из Екатеринбурга 26 июня (9 июля) 1918 г., писал, что условия жизни заключенных в доме Ипатьева «при настоящих условиях в общем вполне благоприятны» (ЦГАОР, ф. 740 (Е. С. Боткина), оп. 1, д. 12, л. 2).

¹³² Дитерихс М. К. Убийство семьи и членов дома Романовых на Урале, т. I, с. 67.

¹³³ Белявская М. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве. Вильно 1932, с. 26; Smirnoff S. Autour de l'assassinat des Grand-Duces. Paris, 1928, p. 143—144.

¹³⁴ Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969, с. 122. См. также: Резник Я. Чекист. Свердловск, 1968, с. 120—123.

более что общее положение в стране, сложившееся к лету 1918 г., казалось, благоприятствовало им. «Как раз в июле 1918 года,— говорил В. И. Ленин,— тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики»¹³⁵.

Одной из самых грозных бед стал поразивший страну голод. Он был вызван не только нехваткой продовольствия и расстройством снабжения, доставшимися Советской власти по наследству от Временного правительства, но и своекорыстными действиями кулачества, прятавшего хлеб. В таких условиях Советское правительство пошло на установление продовольственной диктатуры, ибо борьба за хлеб становилась теперь борьбой за социализм. Весной 1918 г. в деревню двинулись рабочие продовольственные отряды, изымавшие излишки хлеба у кулаков и сплачивавшие на борьбу с ними сельскую бедноту. В июне 1918 г. декретом ВЦИК в деревнях создавались комитеты бедноты, осуществлявшие передел помещичьей и кулацкой земли в интересах трудовой массы крестьянства, проводившие решительную продовольственную политику, цель которой заключалась в спасении страны от голода, спасении революции.

Кулаки, а в целом ряде губерний и колебнувшиеся в их сторону середняки ответили мятежами и восстаниями. Их точное число установить трудно, но, как пишет советский исследователь Л. М. Спирин, с уверенностью можно сказать, что не было ни одной губернии, ни одного уезда, где бы ни происходили выступления кулаков, богатых крестьян и части середняков¹³⁶. Конечно, некоторые из этих восстаний были стихийными, некоторые провоцировались контрреволюционными элементами, но большинство из них, безусловно, было монархическим по своему характеру. На это прямо указывал В. И. Ленин. «Кулаки,— говорил он,— ...охотно посадили бы нового царя, чтобы безнаказанно продолжать эксплуатацию, чтобы по-прежнему стоять над батраком, по-прежнему наживаться»¹³⁷.

Выступая на митинге в Соколыническом клубе 21 июня 1918 г., В. И. Ленин подчеркивал, что «контрреволюция в настоящий момент цепляется за усталость русского народа, за голод»¹³⁸. Эти два фактора, разъяснял Ленин, порождали в определенных, наименее идейно устойчивых слоях населения чувство отчаяния и безнадежности. Как всегда, Ленин прямо и откровенно предостерегал от таких настроений, которые могут

¹³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 30.

¹³⁶ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1965, с. 180. По данным ВЧК, в 1918 г в стране произошло 245 кулацких выступлений (Лацис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920, с. 75).

¹³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 178.

¹³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 426.

привести к тому, что «народные массы, если в голоде им не помочь, с голоду способны метнуться даже к Скоропадскому»¹³⁹.

Мелкобуржуазная обывательская среда рождала и распространяла провокационные слухи, о которых В. И. Ленин говорил на IV конференции профсоюзов в июне 1918 г.: «Можно встретить еще людей у нас, которые рассуждают: при царе хлеб все-таки был, а революция пришла, и хлеба нет... Это понятно, потому что голод есть такое бедствие, которое все остальные вопросы сметает, отводит прочь и только его ставит во главу угла и подчиняет ему все прочее»¹⁴⁰.

В создавшихся условиях контрреволюционеры резко усилили заговорщическую деятельность и подготовку вооруженных восстаний в различных городах страны, надеясь одним ударом свергнуть Советскую власть. Боевые кадры для этих заговоров и восстаний рекрутировались из среды реакционного офицерства старой армии. «Этим людям,— писала «Правда»,— нечего было терять. Среди них бродила мысль, что удачный военный заговор сразу может вернуть все, что потеряно ими в октябре. Они опирались в своей работе на сочувствие и прямую поддержку не только всех буржуазных элементов России, но и активную денежную, материальную и моральную поддержку заграничных империалистов. В их руках были известные запасы оружия, несомненный боевой опыт и дисциплинированность, вынесенные из службы в армии»¹⁴¹. Из числа этих людей и вербовались освободители «государя-императора».

Активная контрреволюционерка М. А. Нестерович-Берг, фактически руководившая корниловским Союзом бежавших из плена (его комитет находился в Москве), после Октября вступившим в борьбу против Советской власти, рассказывает об отправке в Екатеринбург офицеров под видом рабочих групп. Они повезли с собой крупную сумму денег («дал их купец с известнейшей фамилией») для организации освобождения Романовых¹⁴².

Еще об одной попытке освободить Николая II и его семью сообщает гвардейский офицер, капитан П. Булыгин. В конце мая 1918 г. он выехал из Новочеркасска в Киев, имея при себе фальшивый паспорт и рекомендации командования Добровольческой армии к В. В. Шульгину. Как пишет Булыгин, Шульгин встретил его весьма радушно, «одобрил планы» и дал пароль, который позволял войти в контакт с лидерами Правого центра в Москве — А. В. Кривошеинным и В. И. Гурко¹⁴³.

¹³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 508.

¹⁴⁰ Там же, с. 437—438.

¹⁴¹ «Правда», 1919, 8 февраля.

¹⁴² Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками. Париж, 1931, с. 177.

¹⁴³ Bulygyn P., Kerensky A. The Murder of the Romanovs, p. 161—162.

Примерно в это же время находившаяся в Киеве группа монархистов из бывшего царского окружения (Г. Лейхтенбергский, А. Мосолов и др.) разработала свой план освобождения Романовых. По рассказу Мосолова, предполагалось зафрахтовать два парохода и направить их с доверенными офицерами вверх по Волге и Каме. В 60 верстах от Екатеринбурга они должны были создать «базу» и затем действовать по обстановке. Мосолов утверждает, что в Екатеринбург уже были посланы разведчики, которым вменялось в обязанность «войти в сношение с немецкими эмиссарами», якобы находившимися в городе¹⁴⁴. К сожалению, неизвестно, связался ли Булыгин по прибытии в Киев с группой Лейхтенбергского и др.

Приехав в Москву в конце мая или начале июня, Булыгин установил связь с Кривошеиным и Гурко. «Я сказал им,— пишет Булыгин,— что я был не один, что нас много, что мы хотим действовать и рассчитываем на то, что центр, несравненно лучше зная обстановку, даст совет, полезный в обстоятельствах, которые возникнут при попытке спасти императора». Он, в частности, хотел выяснить, когда и где его группа должна начать действовать, и просил финансовой поддержки. Ему ответили, что его намерения одобряются, деньги он получит¹⁴⁵.

Разработанный план состоял в том, чтобы под видом мешочников перебросить группу офицеров в Котельнич. Расчет делался на то, что ввиду усилившейся угрозы Екатеринбургу со стороны белочехов и белогвардейцев Романовых будут вывозить с Урала. По имевшимся у Булыгина данным, они должны были остановиться в Котельниках. Предполагалось организовать нападение на дом, в котором останутся Николай и его семья¹⁴⁶. Заранее готовились катера, на которых царскую семью со всеми предосторожностями должны были доставить к Архангельску.

Но перевоза Романовых в Котельнич не произошло, и, напрасно прождав здесь до начала июля, Булыгин направился в Екатеринбург. Здесь он был арестован, но сумел освободиться и уехать в Петроград, откуда через Украину вернулся в Добровольческую армию¹⁴⁷.

Так в крайне напряженной обстановке, которая, казалось, дышала атмосферой контрреволюционных заговоров и мятежей, уральские рабочие и красногвардейцы несли охрану дома особого назначения. Летом 1918 г. Президиум ВЦИК готовился вынести вопрос о суде над Романовыми на обсуждение V съезда Советов, но вспыхнувший во время заседаний съезда лево-

¹⁴⁴ Мосолов А. При дворе императора. Рига, б. г., с. 222.

¹⁴⁵ *Bulygin P., Kerensky A. The Murder of the Romanovs*, p. 162.

¹⁴⁶ *Ibid.*, p. 164.

¹⁴⁷ *Bulygin P. In Prison at Ekaterinburg. An Account of attempt of Rescue the Imperial Family.— «Slavonic and East European Review», 1928, vol. 7, № 19.*

эсеровский мятеж помешал этому¹⁴⁸. Тем не менее Советское правительство не отказывалось от своего намерения. Бывший царский премьер В. Н. Коковцов писал в своих воспоминаниях, что 9 июля его вызвали на допрос к председателю Петроградской ВЧК М. С. Урицкому. Расспросив о царе, Урицкий сказал: «Я не буду дольше останавливаться на этом вопросе: Советская власть решила вынести действия бывшего царя на рассмотрение народного суда, и Вы, конечно, будете допрошены в качестве свидетеля по этому делу»¹⁴⁹.

Между тем в связи с резким ухудшением положения на Восточном фронте и активизацией контрреволюционных сил в тылу трудящиеся массы Екатеринбурга и Урала проявляли все большую озабоченность в отношении Николая и его семьи. Редактор «Уральского рабочего» В. Воробьев вспоминал: «В редакцию «Уральского рабочего» стали поступать письма рабочих, полные тревоги: достаточно ли надежна охрана царской семьи, не случилось бы беды — как бы ни удрал Николай. Все чаще в письмах выражались требования немедленного расстрела Николая. Об этом же говорили и на рабочих собраниях и митингах...»¹⁵⁰ На этих настроениях пытались играть левые эсеры, влияние которых на Урале к лету 1918 г. даже несколько возросло¹⁵¹.

П. Быков пишет, что когда уральский областной военком Ф. И. Голошекин в июне 1918 г. приехал в Москву и явился в Президиум ВЦИК, «то он, между прочим, встретил у Я. М. Свердлова представительницу ЦК левых эсеров М. А. Спиридонову, поставившую на выдаче Романовых эсерам для расправы над ними»¹⁵². В Исполкоме Уралсовета такую же позицию занимали левые эсеры Сакович, Хотимский и некоторые другие¹⁵³.

Положение осложнялось деятельностью анархистов. В мае 1918 г. «Известия» писали: «Прикрываясь флагом анархизма, хулиганские и контрреволюционные элементы стали на путь активной борьбы с властью рабочих и крестьян, с властью Советов. Отряды местных анархистов и «коммунаров», в которые проникли случайные и уголовные элементы, произвели за последнее время целый ряд преступных и грабительских дейст-

¹⁴⁸ «Правда», 1918, 19 июля. См. также: *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Свердлов, с. 313.

¹⁴⁹ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого, т. 2. Париж, 1933, с. 461.

¹⁵⁰ *Воробьев В.* Конец Романовых. Из воспоминаний. — «Прожектор», 1928, № 29, с. 26.

¹⁵¹ *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России, с. 173. Подробнее см.: *Капцугович И.* История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975.

¹⁵² *Быков П.* Последние дни Романовых, с. 106.

¹⁵³ *Быков П.* Последние дни последнего царя. — Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921, с. 19.

вий, подрывающих авторитет Советской власти и дискредитирующих революционную армию»¹⁵⁴.

Активизировались анархисты и на Урале. В июне 1918 г. газета «Уральский рабочий» неоднократно публиковала статьи, направленные против них. В Екатеринбурге, по свидетельству Авдеева, «группка анархистов... пыталась подсунуть резолюцию о том, чтобы бывший царь был немедленно казнен и чтобы в 24 часа ликвидировать всех арестованных и проч. и проч.»¹⁵⁵.

В июне левозсеровские и анархистские «боевики» пытались организовать нападение на дом Ипатьева, во время которого ликвидировать Романовых¹⁵⁶. Отзвуки этого имеются в дневнике Николая. 13 июня он записал: «Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евгением Сергеевичем (Боткиным.— Г. И.). По его словам, он и областной Совет опасаются выступлений анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно, в Москву. Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания членов караула по особой просьбе Авдеева. Около 11 часов вечера он вернулся и сказал, что еще останемся несколько дней. Поэтому и на 1 июня (здесь по старому стилю.— Г. И.) мы остались по-бивуачному, ничего не раскладывая... Наконец, после ужина Авдеев... объявил Боткину, что анархисты схвачены и что опасность миновала и наш отъезд отменен!»¹⁵⁷ На другой день Александра Федоровна записала: «Теперь они говорят, что мы останемся здесь, т. к. они успели захватить главаря анархистов, их типографию и всю группу»¹⁵⁸.

Все это свидетельствует о том, что уральские большевики бдительно охраняли Романовых в ожидании предполагавшегося суда, не поддаваясь на происки и провокации¹⁵⁹.

Слухи о смерти Романовых распространялись не только на Урале. В Екатеринбург поступали запросы из Москвы. На основании полученных ответов советская печать в июне 1918 г. несколько раз опровергала циркулировавшие слухи, а также сообщения буржуазных и мелкобуржуазных газет о гибели Романовых в Екатеринбурге¹⁶⁰.

Между тем положение на фронте быстро ухудшалось. Белочехи и отряды белогвардейцев вели наступление на Екатеринбург по двум направлениям: со стороны Челябинска и За-

¹⁵⁴ «Известия», 1918, 17 мая. Подробнее см.: Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974.

¹⁵⁵ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге, с. 201.

¹⁵⁶ Быков П. Последние дни Романовых, с. 113. См. также: Андреев А. А. О незабываемом. М., 1972, с. 131.

¹⁵⁷ Дневник Николая Романова.— «Красный архив», 1928, т. 2 (28), с. 134—135.

¹⁵⁸ ЦГАОР, ф. 640, оп. 1, д. 332 (дневник Александры Федоровны Романовой).

¹⁵⁹ Воробьев В. Конец Романовых. Из воспоминаний.— «Прожектор», 1928, № 29, с. 26.

¹⁶⁰ «Известия», 1918, 25 и 28 июня.

падно-Уральской железной дороги. После левоэсеровского мятежа в Москве и эсеровских мятежей в Ярославле, Муроме, Рыбинске, Коврове изменил и 10 июля поднял мятеж командующий Восточным фронтом левый эсер М. А. Муравьев.

Муравьевская авантюра свела на нет многое из того, что было сделано раньше для организационного укрепления фронта¹⁶¹. Белые, пользуясь благоприятной для них обстановкой, быстро приближались к Екатеринбург. Романовы знали об этом: они видели, как во все увеличивающемся числе проходили по городу артиллерия, пехота, кавалерия, как росло количество раненых, которых ежедневно привозили в Екатеринбург, слышали частые перестрелки и т. д.¹⁶²

Становилось очевидно: красный Екатеринбург держится последние дни и в ближайшее время падет. Необходимо было решать судьбу Романовых. В июле Уралсовет специально запрашивал командование Северо-Уральского фронта о положении под Екатеринбург. По расчетам командования Екатеринбург, который белые уже обходили с юга, намереваясь отрезать его от европейской России, мог продержаться всего лишь несколько дней¹⁶³.

Некоторые современные советологи, например Дж. Кеннан, Р. Лакетт и другие, признавая реальную угрозу Екатеринбург со стороны белых, стремившихся выйти в направлении на Архангельск, на соединение с войсками Антанты, утверждают в то же время, что бывшего царя и его семью можно было эвакуировать в Центральную Россию¹⁶⁴. Но вывозить Романовых в сложившейся обстановке значило бы пойти на риск захвата их какой-либо повстанческой кулацкой бандой, офицерским отрядом или ударными частями белогвардейцев. История транспортировки царской семьи в поезде Яковлева лишь подтверждала такую возможность, тем более что обстановка, в которой происходил переезд из Тобольска в Екатеринбург в апреле 1918 г., не шла ни в какое сравнение с грозным, критическим положением лета 1918 г.

Учитывая все обстоятельства, Уральский областной Совет принял решение о расстреле Романовых, которое и было приведено в исполнение в ночь с 16 на 17 июля группой чекистов во главе с комендантом дома особого назначения Я. М. Юровским¹⁶⁵.

Редактор «Уральского рабочего», член Совета В. Воробьев впоследствии писал, что он получил официальное сообщение

¹⁶¹ Ненароков А. П. Восточный фронт, 1918. М., 1968, с. 112.

¹⁶² ЦГАОР, ф. 640, оп. 1, д. 332 (дневник Александры Федоровны Романовой).

¹⁶³ Быков П. Последние дни Романовых, с. 114. См. также: Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге, с. 208—209.

¹⁶⁴ Kennan D. Decision to Intervene. London, 1960, p. 447; Luckett R. The White Generals. London, 1971, p. 165.

¹⁶⁵ См. о нем: Резник Я. Чекист.

Уралсовета о расстреле Романовых 17 июля, но одновременно последовало указание задержать публикацию до согласования ее текста с центром. Телеграфной связи с Я. М. Свердловым удалось добиться лишь 18 июля. Для разговора с ним поехали несколько членов президиума Исполкома и В. Воробьев. «Помню,— пишет Воробьев,— товарищам моим было очень не по себе, когда они подошли к аппарату: бывший царь был расстрелян постановлением Президиума областного Совета, и было неизвестно, как на это «самоуправство» будут реагировать центральная власть, Я. М. Свердлов, сам Ильич... К аппарату шел сам комиссар телеграфа... Затаив дыхание, мы все качнулись к выползавшей из аппарата телеграфной ленте, на которой точками и черточками замаскировались чеканные, почти металлические звуки свердловского голоса:

— Сегодня же доложу о вашем решении Президиуму ВЦИК. Нет сомнения, что оно будет одобрено,— говорил Свердлов»¹⁶⁶.

Большевистская партия принципиально не отвергала смертной казни в условиях острой борьбы с контрреволюцией. В. И. Ленин писал в 1919 г.: «...это прямая ложь, что большевики были противниками смертной казни для эпохи революции. На II съезде нашей партии, в 1903 году, когда возник большевизм, составлялась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: «и для Николая II?» Даже меньшевики в 1903 году не посмели поставить на голоса предложения об отмене смертной казни для царя»¹⁶⁷.

18 июля в Москве состоялось заседание Президиума ВЦИК V созыва. По докладу Свердлова Президиум, обсудив обстоятельства, заставившие Уральский Совет принять решение о расстреле, постановил признать его правильным. В тот же день Свердлов сообщил о решении Уралсовета на заседании Совнаркома. По воспоминаниям В. П. Милютин, Я. М. Свердлов, попросив слова для внеочередного сообщения, сказал: «Только что получено сообщение из Екатеринбурга. Мятые чехословы и белогвардейцы подступили к городу. В связи с опасностью для города по постановлению областного Совета расстрелян бывший царь Николай Романов. Президиум ВЦИКа постановил действие Екатеринбургского Совета одобрить»¹⁶⁸.

19 июля последовало официальное сообщение в Москве, а затем и в Екатеринбурге. Газета «Уральский рабочий» писала: «Царская буржуазно-помещичья монархия или социалистическая диктатура рабочих и крестьян-бедняков! — так поставила перед народами история вопрос об их жизни и смерти. Вокруг Николая все время плелись искусные сети заговоров... Участни-

¹⁶⁶ Воробьев В. Конец Романовых, с. 26.

¹⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 183—184.

¹⁶⁸ Милютин В. П. Странички из дневника.— «Прожектор», 1924, № 4, с. 35.

ки последнего заговора свои надежды на освобождение убийц рабочих и крестьян из рабоче-крестьянского плена связывали с надеждами на занятие красной столицы Урала чехословацко-белогвардейскими погромщиками... Воля революции была исполнена, хотя при этом и были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни коронованных особ»¹⁶⁹.

20 июля московские «Известия» поместили статью, в которой говорилось: «...Этим актом революционной кары Советская Россия дала торжественное предупреждение всем своим врагам, мечтающим о восстановлении царской старины или даже дерзающим посягать на нас с оружием в руках. Помещики и буржуазия за последнее время слишком ясно показали, что они стремятся к реставрации самодержавия и монархической диктатуры: везде, где они с помощью иностранных штыков получили возможность выявить свои затаенные вожеления, они, как на Дону и Украине, поспешили восстановить царские порядки. Они объявили рабоче-крестьянской России смертельную войну, которая не может кончиться примирением, а должна неизбежно закончиться гибелью и истреблением той или иной стороны...»

¹⁶⁹ «Уральский рабочий» (Екатеринбург), 1918, 23 июля.

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

Либо диктатура рабочего класса, диктатура всех трудящихся и победа над капитализмом, либо самое грязное и кровавое господство буржуазии вплоть до монархии, которую Колчак установил, как это было в Сибири.

Ленин

От эсеро-меньшевистской «учредивщины» к колчаковщине

Ко времени захвата Екатеринбурга белочехами и белогвардейцами (25 июля 1918 г.) территория Нижнего и Среднего Поволжья, Южного Урала и Сибири уже находилась под властью так называемых эсеровских правительств¹. Их было несколько, но наиболее активную политическую роль играли два: Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) с центром в Самаре и Временное Сибирское правительство с центром в Омске.

Программа Комуча и созданного им исполнительного органа — Совета управляющих ведомствами — сводилась к восстановлению капиталистических порядков, но в их, так сказать, послефевральском оформлении. Поэтому члены Комуча, денационализируя промышленность, замораживая конфискацию частновладельческих поместий и беспощадно репрессирова большевиков и представителей Советской власти, в то же время делали широковещательные заявления о демократических свободах и т. п.² Но именно такой курс Комуча вызывал двойственное, противоречивое отношение к нему буржуазно-помещичьих слоев и белогвардейского офицерства. С одной стороны, они были удовлетворены «антиоктябрьской», т. е. антибольшевистской, линией Комуча, а с другой — считали ее явно недостаточной, полагая, что она должна быть продолжена до ликвидации и многих февральских завосваний. Полнее всего отношение буржуазно-помещичьих групп к Комучу выразилось в позиции, занятой кадетами. Член Комуча П. Д. Климушкин вспоминал свою беседу с кадетом Неклютиным, который «в шутильной форме» гово-

¹ Наиболее подробно история эсеровских правительств Поволжья на востоке (в Сибири) и севере страны (в Архангельске) изложена в кн.: *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970; см. также: *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.

² *Медведев Е. И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918—1919). Саратов, 1974, с. 95—103.

рил своему собеседнику: «Вы работаете на нас, разбивая большевиков, ослабляя их позиции. Но долго вы не можете удержаться у власти, вернее, революция, покотившаяся назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится, так зачем же нам связывать себя с вами. Мы будем вас до поры, до времени немного подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму»³.

Таким образом, самарский Комитет Учредительного собрания, пытавшийся как будто бы проводить некую третью линию — ни большевизм, ни буржуазно-помещичья власть — оказывался в шатком положении сидящего между двумя стульями.

Опорой Комуча являлись его вооруженные силы, так называемая Народная армия, командное ядро которой, по признанию историков и мемуаристов различных политических взглядов, было в основном монархическим⁴.

Это офицерство, лелеявшее мечты о возвращении царских времен, с презрением смотрело на эсеровских правителей. В донесении агентов Добровольческой армии генералам Алексееву и Деникину содержались, например, такие характеристики некоторых лидеров Комуча: «Вольский — авантюрист, пройдоха; студент Брушвит — пьяница; Климушкин — писатель...» и т. п.

П. Д. Климушкин признавал, что «недовольство офицерства политикой Комуча начало выявляться с первых же дней движения не только в мелочах, но и в некоторых реальных действиях, угрожающих самому существованию Комуча»⁵. В офицерских кругах зрели заговоры. Так уже вскоре после захвата Самары и провозглашения власти Комитета Учредительного собрания группа офицеров из штаба Народной армии предлагала командиру 1-й чехословацкой дивизии С. Чечеку арестовать Комуч, но он уклонился⁶. Заговорщическая группа, однако, не распалась и продолжала действовать. По сообщению эсера С. Николаева, в августе 1918 г. монархист полковник В. О. Капель, командовавший частями Народной армии, захватившей Казань, был вызван в Челябинск «на секретное совещание некоторых генералов, замышлявших свержение Комуча»⁷.

Фактически между Комитетом Учредительного собрания и его Народной армией назревал конфликт по принципу «кто

³ *Климушкин П. Д.* Борьба за демократию на Волге.— В кн.: *Гражданская война на Волге*, вып. 1. Прага, 1930, с. 63.

⁴ *Какурин Н.* Как сражалась революция, т. I. М., 1925, с. 156; *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, ч. I. Белград, 1930, с. 98; *Майский И. М.* Демократическая контрреволюция. М.—П., 1923, с. 154.

⁵ *Климушкин П. Д.* Борьба за демократию на Волге, с. 91.

⁶ *Попов Ф.* Чехословацкий мятеж и Самарская Учредилка. Куйбышев, 1937, с. 191.

⁷ *Николаев С.* Народная армия в Симбирске.— «Воля России» (Прага), 1928, № 10—11, с. 126.

кого». И. М. Майский писал: «правительство ли сумеет взять в руки защищающую его армию, превратя ее в инструмент своей воли, или же, наоборот, армия возьмет в свои руки охраняемое ею правительство, превратив его в простую этикетку на своей винтовке»⁸.

Программа Временного Сибирского правительства (во главе его встал бывший эсер, фактически переметнувшийся к кадетам, П. В. Вологодский) оказалась еще более правой, чем программа Кому́ча. В сводке о политическом положении на востоке, составленной для командования Добровольческой армии, отмечалось: «Более правого правительства пока иметь нельзя». Уже в начале июля правительство объявило об отмене всех декретов Советской власти и ликвидации Советов, о денационализации промышленности и возвращении владельцам их имений⁹. 3 августа правительство отдало приказ об аресте всех представителей Советской власти в Сибири¹⁰. По свидетельству эсера Л. Аргунова, «смертная казнь, военно-полевые суды, репрессии против печати, собраний и пр.—вся эта система государственного творчества быстро расцвела на сибирской земле»¹¹. Сразу же была начата мобилизация в Сибирскую армию, отданную под начало генералов и офицеров — махровых черносотенцев. И не случайно многие белогвардейцы, оказавшиеся в Народной армии Кому́ча, потянулись в Сибирь. Сибирское правительство было им ближе опостылевшего эсеровского Кому́ча¹². Сравнивая Сибирское правительство с Кому́чем, уральский кадет Л. Кроль писал: «Самара хотела держать революцию на грани эсеровских требований, а Омск стремился назад от революции, несколько щеголяя даже возвратом к старым внешним формам»¹³.

Уже в августе 1918 г. Временное Сибирское правительство и особенно созданный им так называемый Административный совет (своего рода рабочий орган) фактически оказались марионетками в руках реакции. По словам Г. К. Гинса (сначала члена Сибирского правительства, а затем правительства Колчака), в Административном совете заправляли такие реакционеры, как И. А. Михайлов, А. Н. Гришин-Алмазов и др.

⁸ Майский И. М. Демократическая контрреволюция, с. 148.

⁹ Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири, 1917—1918. М.—Л., 1926, с. 198, 208—209.

¹⁰ Там же, с. 222.

¹¹ Аргунов Л. Между двумя большевизмами. Париж, 1919, с. 24.

¹² Подробнее о контрреволюционной деятельности Временного Сибирского правительства см.: Плотникова М. Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота.— Сборник научных работ исторических кафедр. Труды Томского гос. ун-та. Серия историческая, 1964, т. 167, с. 51—67.

¹³ Кроль Л. За три года. Владивосток, 1922, с. 62—63. Подробнее см.: Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции, с. 287—288.

Французский генерал М. Жанен, назначенный командующим всеми интервенционистскими войсками в Сибири уже при Колчаке, писал позднее, что, по имевшимся у него сведениям, Михайлов был «центром группы, энергично интригующий против адмирала в целях реставрации монархии»¹⁴.

О политических симпатиях Гришина-Алмазова, бывшего царского подполковника, корчившего из себя местного Наполеона, можно судить по настроениям, господствовавшим в «политическом салоне» его жены (по словам эсера Е. Е. Колосова, «омской красавицы, представлявшей нечто среднее между г-жой Сталь и Соськой Золотой Ручкой»). Здесь «культивировались чисто монархические настроения, это было настоящее гнездо реакции, ничем не прикрытое. Здесь открыто пили за здоровье Михаила Романова и не сомневались в его близком пришествии»¹⁵.

Как показала М. Е. Плотникова, исполнительный орган Временного Сибирского правительства в сущности был кадетско-монархическим¹⁶. И не случайно популярность Сибирского правительства и его Административного совета неудержимо росла в реакционных, реставрационистских кругах. Напротив, в кругах, связанных с Сибирской областной думой (созданной эсерами еще в начале 1918 г.), все более и более росла тревога, вызываемая деятельностью Административного совета. Здесь, видимо, начинали понимать, что этот совет представляет собой быстро развивающийся зародыш буржуазно-помещичьей реакции. Но антибольшевизм и антисоветизм эсеров и меньшевиков обрекали их на робкие, осторожные шаги «в рамках легальности» с целью удержания реакции от «крайних проявлений».

Только большевики, вынужденные уйти в подполье, заняли принципиально правильную позицию. Уже первая нелегальная конференция большевистских организаций Сибири, состоявшаяся в Томске в августе 1918 г., поставила точный политический прогноз. В ее резолюции было записано: «Контрреволюция в Сибири, начавшаяся под мелкобуржуазными лозунгами, должна прийти к военной буржуазной диктатуре, к самой свирепой контрреволюции...»¹⁷ Не пройдет и трех месяцев, как этот прогноз полностью оправдается.

¹⁴ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника. — В кн.: Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930, с. 107.

¹⁵ Колосов Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923, с. 73. Распространялись слухи, что Михаил тайно живет в Омске и готовится встать во главе сибирских белогвардейцев. Находящиеся на Дону генералы Алексеев и Деникин даже послали на его розыски специального эмиссара, полковника Моллера. Но Михаил был расстрелян в июне 1918 г. в Перми.

¹⁶ Плотникова М. Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота, с. 65, 66.

¹⁷ Цит. по: Шпилев Г. Из истории партийной работы в Сибири при Колчаке. — «Пролетарская революция», 1928, № 1 (72), с. 71. Подробнее см.: Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968, с. 98—106.

Исходя из оценки сложившегося положения, конференция наметила курс на подготовку вооруженной борьбы за восстановление Советской власти; никакие соглашения с эсерами и меньшевиками — фактическими пособниками белогвардейщины — не допускались. Решения конференции значительно активизировали деятельность подпольных большевистских комитетов. Большую помощь через фронт оказывал им ЦК РКП(б).

Тем временем (в сентябре 1918 г.) эсеры из Сибирской областной думы предприняли попытку на свой манер изменить все ускоряющийся процесс сползания власти вправо. Поводом они использовали отсутствие некоторых членов Временного Сибирского правительства в Омске (премьер Вологодский уехал на Дальний Восток для переговоров с другими «правительствами»). Учтя это, лидеры думы решили изменить состав правительства, введя в него эсера Л. Я. Новоселова. Расчет строился на том, чтобы с помощью Новоселова и некоторых других министров, сочувствующих думе (М. Б. Шатилова, В. М. Крутовского и др.), поставить Административный совет в зависимое от думы положение.

Но Административный совет во главе с Михайловым решил дать эсерам бой. 21 сентября был опубликован указ о роспуске думы. Дума не подчинилась и выступила с декларацией, направленной против Административного совета. Когда председатель областной думы И. А. Якушев, а также министры Шатилов, Крутовский и Новоселов прибыли в Омск, распоряжением начальника гарнизона Омска полковника В. И. Волкова они были арестованы по обвинению в подготовке государственного переворота. По существу начало сбываться то, о чем некоторые сибирские эсеры еще в начале июля предупреждали членов правительства. Как пишет Е. Колосов, известный в Сибири эсер и кооператор Н. Фомин говорил на заседании правительства: «...Обращаю внимание Совета министров на то, что в армии Пепеляева (генерал, командовавший одним из подразделений формировавшейся Сибирской армии.— Г. И.) есть люди, которые говорят: перевешаем сначала большевиков, а потом будем вешать членов Временного правительства»¹⁸.

23 сентября по пути в тюрьму Новоселов был убит сопровождавшим его конвоем, которым командовали поручик Сменченко и адъютант полковника Волкова хорунжий Мефодьев. Их начальство выдвинуло банальную версию, по которой Новоселов был убит при попытке к бегству, а самим убийцам дало возможность скрыться. За спиной непосредственных исполнителей стояли тот же полковник Волков, главарь черносотенной офицерской организации «Смерть за родину», и генерал П. П. Иванов-Ринов, бывший полицмейстер, сменивший в сен-

¹⁸ Колосов Е. Сибирь при Колчаке, с. 71.

тябре Гришина-Алмазова. Вдохновителем всей авантюры считали Михайлова.

«Новоселовский инцидент» был первой демонстрацией силы монархически настроенной военщины, пока еще державшейся за спинами эсеровских областников и кадетствующего Временного Сибирского правительства.

Трудно сказать, какие последствия имели бы описанные события в Омске, если бы в них не вмешалось новое правительство, только что возникшее в Уфе (о его создании было объявлено в день убийства Новоселова — 23 сентября) под вывеской Временного всероссийского правительства.

Если создание областных правительств — Комуча на Волге и Временного Сибирского правительства — явилось первой ступенью на пути становления военно-монархической диктатуры Колчака, то возникновение «всероссийской власти» в Уфе было второй и последней ступенью на этом пути. «...Власть Колчака,— писал В. И. Ленин,— ...началась властью «коалиции шейдемановцев и каутскианцев (по-русски: «меньшевиков» и «социалистов-революционеров», сторонников Учредительного собрания) ...»¹⁹

Несмотря на известное различие политических позиций Комуча и Сибирского правительства, свойственная им обоим ненависть к Советской власти и большевистской партии неизбежно вела их к объединению. Этот процесс форсировался поражениями, которые Народная армия Комуча уже в августе 1918 г. стала терпеть на поволжском фронте. На объединение толкали также интервенты, не желавшие распылять своей помощи среди разрозненных антисоветских сил, и особенно белочехи, требовавшие более активной военной поддержки со стороны белогвардейцев.

8 сентября в уфимской «Сибирской гостинице», окруженной усиленными воинскими нарядами, царило необычайное оживление. По коридорам в большом ажитаже сновали люди в штатских пиджаках и белых манишках, в офицерских мундирах со скрипящими ремнями, в казачьей форме и даже в национальных костюмах. То были делегаты, съехавшиеся на уфимское государственное совещание, которому предстояло вместо многочисленных областных правительств создать общероссийское правительство — орган, объединяющий все антисоветские силы. Несмотря на большое число делегаций, доминирующими были, конечно, делегации самарского Комуча и Временного Сибирского правительства; остальные тянулись к одному из них.

Совещание открылось 10 сентября выступлениями делегатов, читавших декларации направивших их правительств и организаций. Меньшевики и эсеры (последние представляли Комуч и Сибирскую областную думу) высказались в пользу создания ко-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 220.

алиционной власти (с буржуазией). По их мнению, она должна осуществляться Директорией, состоящей из 5—7 человек и образующей при себе деловой кабинет министров. Директория мыслилась подотчетной и ответственной перед Учредительным собранием январского 1918 г. созыва, а до его повторного открытия в полном составе — перед съездом «наличных» членов этого собрания.

Правая часть уфимского совещания (верхи казачества, посланцы Временного Сибирского правительства, часть кадетов и др.) выдвигала требование создания единоличной диктаторской власти. Но в этих кругах не отвергалась и Директория в случае, если она будет полновластна и не ответственна ни перед каким представительным органом вплоть до созыва нового Учредительного собрания, срок выборов в которое не был определен²⁰. Политический смысл двух позиций, выявленных на уфимском совещании, был ясен: эсеры и меньшевики, упорно считавшие себя некоей «третьей силой», пытались закрепить доминирующую роль мелкобуржуазных партий после свержения Советской власти. Напротив, буржуазно-помещичьи круги и реакционная военщина, представленные кадетами правого толка и скрытыми монархистами, резервировали себе дополнительные реставраторские возможности после предполагаемого триумфа белогвардейщины²¹.

В итоге принятое решение сводилось к следующему: всероссийское правительство должно представлять собой Директорию из пяти человек (и ее делового кабинета министров), персонально избранных уфимским совещанием и ни перед кем не ответственных до 1 января 1919 г. К этому времени должно быть созвано «старое» Учредительное собрание, если в наличии будет 250 его членов. Если же такого количества к указанному сроку собрать не удастся, срок созыва Учредительного собрания отодвигается еще на месяц, и к 1 февраля 1919 г. оно будет считаться полномочным при кворуме в 170 человек. Только тогда Директория и сложит перед ним свою власть.

Было совершенно очевидно — выработанный компромисс является мнимым и представляет собой не что иное, как победу буржуазно-помещичьей контрреволюции над «демократической», эсеро-меньшевистской контрреволюцией. Во-первых, до созыва Учредительного собрания Директория оставалась бесконтрольной. Во-вторых, сам созыв этого собрания в условиях все сильнее разгоравшейся гражданской войны был весьма проблематичным, если не невозможным. В-третьих, эсеры и учредиловцы теряли такую свою главную политическую и военную базу, каким был Комуч, ибо с образованием Директории все област-

²⁰ Впрочем, большая часть сибирских кадетов занимала еще более правую позицию, безоговорочно настаивая на введении военной диктатуры. Поэтому они бойкотировали уфимское совещание.

²¹ Милюков П. Н. Россия на переломе, т. 2. Париж, 1926, с. 47.

ные правительства фактически утрачивали свои функции. Вот почему многие эсеры и меньшевики — участники Уфимского совещания расценили главный итог его работы как свое поражение. Как пишет эсер Н. Святицкий, один из эсеровских лидеров, О. С. Минор после уфимского совещания сказал: «Поставьте теперь крест и над Учредительным собранием и над съездом» (Учредительного собрания. — Г. И.)²².

О том же писал генералу Алексееву на Дон генерал В. Г. Болдырев, избранный в Уфе в состав Директории (Алексеев был избран заместителем Болдырева): «Мы исходили из того соображения, что если новая власть упрочится за период безответственной работы (т. е. до начала 1919 г. — Г. И.), едва ли тогда явится у кого-либо желание идти против такой власти, и тогда будущее покажет дальнейший ход государственной жизни России...»

Единственное, что выговорили себе эсеры, — это право сохранить съезд членов Учредительного собрания в качестве постоянно действующего органа. Его главная задача заключалась в подготовке открытия Учредительного собрания к 1 января (или к 1 февраля) 1919 г. Фактически, по выражению И. Майского, он превращался в своего рода «транспортную контору» для доставки в определенное место «учредиловцев». Было, однако, ясно, что даже в таком виде съезд членов Учредительного собрания станет костью в горле реакции, консолидирующей за спиной создающейся Директории.

На одном из последних заседаний были, наконец, названы пять членов Директории: Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, В. Г. Болдырев, В. А. Виноградов и П. В. Вологодский (Виноградов и Зензинов заменили отсутствовавших Н. И. Астрова и Н. В. Чайковского). Из них лишь двое являлись эсерами правого толка (Авксентьев и Зензинов), остальные трое представляли буржуазные (кадетские и «беспартийные») круги. «Директория, — пишет советский исследователь В. В. Гармиза, — была правительством буржуазии и помещиков и отстаивала интересы этих классов»²³.

В прокламированной программе Директория главными своими задачами выдвигала борьбу за свержение Советской власти, аннулирование Брестского мира и продолжение войны против Германии совместно с союзниками. Внутриполитические же задачи Директория формулировала крайне неопределенно, растворя конкретный смысл в пустопорожней словесной шелухе, заимствованной из кадетского и правозесеровского лексикона.

Весь конец сентября и начало октября 1918 г. Директория и съезд членов Учредительного собрания (около 100 человек) про-

²² Святицкий Н. К истории Всероссийского Учредительного собрания, т. 3. Съезд членов Учредительного собрания. М., 1921, с. 8.

²³ Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств, с. 201; см. также: он же. Директория и Колчак. — «Вопросы истории», 1976, № 10.

должали оставаться в Уфе, буквально разрываясь от мучительных колебаний в выборе своей постоянной резиденции. В конце концов остановились на Омске, хотя Авксентьев охотно соглашался с тем, что Омск «кишит вооруженными реакционными и даже монархическими бандами», а находящееся там Временное Сибирское правительство — «источник реакции». Но он, по его словам, разработал тактику «обволакивания» омской реакции²⁴. Даже некоторым кадетам было очевидно жалкое донкихотство этого замысла. Участник уфимского совещания левый кадет Кроль говорил Авксентьеву, что, направляясь в Омск, он сует голову волку в пасть. Авксентьев возразил: «Мы должны сунуться волку в пасть — или он нас съест, или он нами подавится». «Будьте уверены, — ответил Кроль, — что неизбежно первое»²⁵.

Члены же съезда Учредительного собрания решили двинуться в Екатеринбург, направив в Омск нескольких эмиссаров во главе с Моисеенко. 19 октября они прибыли в Екатеринбург, где хозяйничали белочехи во главе с генералом Р. Гайдой и белогвардейцы генерала Голицына, чинившие в городе и его окрестностях кровавую расправу за «цареубийство». Эсеровских учредильцев встретили здесь крайне хмуро, позволив все же им собираться на «частные» совещания. Но пока эсеры-учредильцы в сравнительно спокойной для себя обстановке занимались политическим витийством, «всероссийская власть» — Директория — чувствовала себя в Омске подобно приговоренному к смерти, когда его голова уже лежит на плахе и над ней занесен топор палача.

Авксентьевского «обволакивания» омской белогвардейской реакции не получилось. Наоборот, реакция сама начала обволакивать (и довольно быстро) Директорию. В ее деловой кабинет — Совет министров — по существу вошло все Временное Сибирское правительство, которое, скрепя сердце, допустило в свою среду только одного эсера — Е. Ф. Роговского.

Осенью 1918 г. Омск был переполнен бежавшими из Москвы, Петрограда, Поволжья и Урала капиталистами и помещиками. Как к магниту, тянулись сюда со всех сторон, в том числе и из Народной армии Комуча, контрреволюционные офицеры, заполнявшие штабы Сибирской армии и многочисленных казачьих, «партизанских» отрядов (Красильникова, Анненкова и др.), по словам И. Майского, «ярко отливавшие монархическими цветами». В ресторанах, клубах и кафе они устраивали пьяные оргии, во все горло распевая «Боже, царя храни»²⁶.

²⁴ *Святыцкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания, т. 3, с. 41.

²⁵ *Кроль Л.* За три года, с. 140.

²⁶ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак, т. 1. Харбин, 1921, с. 272. См. также: *Болдырев В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Новоиколаевск, 1925, с. 88, 104.

Меньшевистская газета «Голос рабочего», издававшаяся в Уфе, касаясь политического положения в Сибири, отмечала: ни для кого уже не тайна, что там «среди духовенства, среди офицерства и мелкой буржуазии, среди бывших помещиков, среди многих и многих обиженных, испуганных и озлобленных революцией растет и крепнет самая своекорыстная и жестокая реакция, самое беспощадное и беспросветное мракобесие»²⁷. Ссылаясь на «умеренную» «Иркутскую газету», «Голос рабочего» писал, что в Сибири «вместе с восстановлением дофевральских учреждений воскресают и порядки, характерные для времен царизма»²⁸.

Черносотенно-монархические настроения, доминирующие в буржуазной и офицерской среде Омска и других сибирских городов, нашли свое выражение в новом убийстве, совершенном озлобленной белогвардейской военщиной. Одной из первых жертв был эсер Новоселов. Теперь за ним последовал другой эсер — Моисеенко. Как уже отмечалось, в середине октября он вместе с отрядом члена Комуча Роговского прибыл в Омск из Уфы. При нем находилась касса съезда членов Учредительного собрания — 3 млн. рублей. Через несколько дней Моисеенко предполагал выехать из Омска в Екатеринбург, где уже находились учредилловцы. 24 октября, когда он выходил из здания омского Коммерческого клуба, его окружили военные, насильно усадили в автомобиль и увезли. Через несколько дней обезображенный зверскими пытками труп Моисеенко был найден в Иртыше.

Следствию не удалось установить всех мотивов и участников этого убийства. По словам Н. Святицкого и некоторых других авторов, удалось все же выяснить, что в Омске и других городах действовала тайная организация офицеров-монархистов, поставившая своей целью физическое истребление членов Учредительного собрания²⁹. Апологет Сибирского правительства и верховного правителя Колчака С. П. Мельгунов высказывает сомнение, что такая организация существовала: ему представляется напрасным, что «любое пятно в омской повседневной жизни пытаются поставить на счет черносотенной военщины»³⁰.

Однако хорошо осведомленные в «повседневной омской жизни» эсеры-учредилловцы имели довольно подробные сведения об этой монархической организации. Так, например, Д. Ф. Раков пишет, что из безусловно достоверного источника ему было известно, что в Омске действовала строго законспири-

²⁷ «Голос рабочего» (Уфа), 1918, 13 (26) октября.

²⁸ Там же, 1918, 18 (31) октября.

²⁹ Святицкий Н. К истории Всероссийского Учредительного собрания, т. 3, с. 66. См. об этом также: Майский И. М. Демократическая контрреволюция, с. 309; Руднев С. П. При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин, 1923, с. 46; Кроль Л. За три года, с. 149.

³⁰ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 2. Белград. 1930, с. 65.

дованная монархическая организация, имеющая свои «разветвления» не только в Сибири, но и в других частях России и даже за границей. «К ней,— пишет Раков,— примыкает высшее кадровое офицерство, видные деятели «Союза русского народа» и бывшие люди самодержавной бюрократии». По сведениям Ракова, в организацию входили, в частности, такие генералы-монархисты, как Розанов, Лебедев, Иванов-Ринов, Дутов, Семенов, Красильников, Анненков, Калмыков, и др. Она располагала значительными средствами, получаемыми, между прочим, и от Союза земельных собственников. Одна из ее основных целей, по словам Ракова, заключалась в физическом уничтожении членов Учредительного собрания, ибо монархисты считали, что учредилорцы «будут постоянной угрозой той власти, которая формируется по их (монархистов.— Г. И.) указаниям». Убийства Новоселова и Моисеенко, по убеждению Ракова, было делом рук именно ее членов³¹.

Может быть, Раков несколько преувеличил масштабы монархической организации, действовавшей сперва за спиной Директории, а затем самого верховного правителя, но факт ее существования подтверждается не только сообщениями эсеров-учредилорцев, но и тех, кто непосредственно принадлежал к колчаковскому лагерю. Так, Г. Гинс пишет, что у правых «были свои военные организации, своя контрразведка, свои люди в правительственных учреждениях»³². Английский полковник Дж. Уорд, в дни колчаковского переворота фактически являвшийся телохранителем будущего верховного правителя, также указывает на существование в Омске офицерско-монархической террористической организации³³. О ней же сообщает генерал Голпер, бывший комендантом Ставки генерала Болдырева³⁴.

Но черносотенно настроенная омская военщина предпочитала пока действовать негласно, ограничиваясь в основном актами насилия. В роли главной политической силы выступали кадеты. Везде — на Волге, в Сибири и на Дальнем Востоке, пишет Л. Кроль, «кадетские группы защищали военную диктатуру, выступая в большинстве случаев против какого бы то ни было сотрудничества с социалистами» (эсерами и меньшевиками.— Г. И.)³⁵. При такой политической позиции было естественным, что большинство сибирских кадетов, как уже отмечалось, отвергли уфимское совещание и рожденную им Директорию, которую они считали «гнилым компромиссом» с «социа-

³¹ Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Париж, 1920, с. 19—20.

³² Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2. Харбин, 1921, с. 210.

³³ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. М.— Пг., 1923, с. 88.

³⁴ Ген. Голпер. Четыре катастрофы. Рига, б.г. Цит. по: Гражданская война в Сибири и Северной области. Мемуары. Сост. С. Алексеев. М.— Л., 1927, с. 50.

³⁵ Кроль Л. За три года, с. 55—61. См. также: «Заря» (Омск), 1918, 5 (18) июля; «Сибирская речь» (Омск), 1918, 1 (14) сентября.

листами». Лидеры омских кадетов, Жардецкий и Пепеляев, заявили корреспонденту английской газеты «Таймс», что, по их мнению, «новый режим (Директория.— Г. И.) должен быть заменен»³⁶.

В октябре 1918 г., вскоре после переезда в Омск Директории, кадеты образовали так называемый Национальный блок, куда, помимо них, вошли представители торгово-промышленников, казачьих войск, омского отдела Союза возрождения и др. Верховодили здесь политики, усиленно пропагандировавшие идею установления военной диктатуры³⁷. Дальше этого требования они официально не шли, хотя, по свидетельству Л. Кроля, многие из них негласно «склонялись к восстановлению монархии»³⁸. Эмиссар Национального центра кадет В. Пепеляев в сентябре-октябре 1918 г. совершил длительную поездку через всю Сибирь на Дальний Восток и обратно в Омск. 22 сентября он записал в свой дневник: «Станция Маньжуря. Я растался с князем Львовым (бывший премьер Временного правительства ехал с ним в одном поезде.— Г. И.). Он на прощание сказал: желаю вам успеха насчет монархии»³⁹.

Эти настроения кадетов, безусловно, были известны реакционной сибирской «общественности»: крупным предпринимателям, торговцам, землевладельцам, духовенству и, конечно, монархическому офицерству. Так складывался блок между сибирскими кадетами, располагавшими определенным политическим кредитом в глазах реакции, и омской монархической военной, в руках которой находились вооруженные силы. Но в блок входил еще и третий «партнер»: представители империалистических кругов США и Антанты, прибывшие в Сибирь после свержения здесь Советской власти.

Как показывают многочисленные материалы, участие союзников (и прежде всего англичан) в подготовке переворота, завершившегося установлением в Сибири военной диктатуры, не вызывает ни малейших сомнений. Даже С. П. Мельгунов, стремящийся «очистить» Колчака от всего компрометирующего, пишет: английский генерал А. Нокс не отрицал «возможности, что члены его миссии были осведомлены о готовящемся перевороте и участвовали в собраниях заговорщиков»⁴⁰. Мельгунов далее цитирует слова У. Черчилля, сказанные им в палате общин в июне 1914 г. о Колчаке: «Мы вызвали его к жизни»⁴¹. К подготовке переворота имела отношение и французская агентура, на что,

³⁶ Цит. по: Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party. 1917—1921. Princeton, 1974, p. 393.

³⁷ Развал колчаковщины.— «Красный архив», 1928, № 6 (31), с. 77.

³⁸ Кроль Л. За три года, с. 55.

³⁹ Дневник В. Пепеляева.— «Красные зори» (Иркутск), 1923, № 4, с. 77.

⁴⁰ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 3, т. 1. Белград, 1931, с. 113.

⁴¹ Там же.

например, прямо указывает член французской миссии Легра⁴².

На первый взгляд может показаться, что представителям антантовской «демократии» должна была претить идея реакционной диктатуры, носителями которой (о чем они не могли не знать⁴³) были и элементы, мечтавшие о реставрации монархии. В буржуазной историографии вообще утверждается, что позиция Франции, Англии и США по отношению к антисоветскому лагерю периода гражданской войны во многом определялась якобы их нежеланием восстанавливать монархию в России⁴⁴. Выше отмечалось, что в консервативных кругах «демократических» союзников отнюдь не чуждались мысли о реставрации монархии в России сразу после победы Октября. Такая позиция нашла свое продолжение и в более поздний период, в частности в сибирской политике Антанты.

Еще в апреле 1918 г. французский агент в Сибири майор Пишон представил доклад, в котором давал рекомендации в связи с союзной интервенцией. Он писал, что, по его мнению, реставрация монархизма в России не исключена, но «реставрированная монархия сумеет удержаться только до тех пор, пока она будет вести мудрую политику...»

Поскольку же сторонники восстановления старого царского режима, с которыми встречался Пишон, не внушали ему в этом смысле особого доверия, он советовал взять чуть левее, сотрудничать «с теми партиями и политическими группами, которые стоят на национальной, а не чисто социалистической платформе»⁴⁵. Короче говоря, Пишон предлагал опереться на политиков кадетского толка, вынашивавших идею конституционной монархии. Но по сути дела для Антанты была бы приемлема любая контрреволюционная группировка (в том числе и монархическая), способная вести борьбу с большевизмом. Об этом прямо заявлял один из вдохновителей интервенции, У. Черчилль⁴⁶, и об этом были хорошо осведомлены лидеры сибирской контрреволюции. В. Пепеляев (министр внутренних дел, а затем премьер-министр в правительстве Колчака) 8 октября 1918 г. записал в свой дневник: «Из союзников англичане, французы и японцы высказываются уже за монархию у нас»⁴⁷.

Таким образом, в кругах, готовивших устранение Директории (кадеты, офицеры-монархисты и империалистическая агентура), идея установления военной диктатуры не исключала воз-

⁴² *Legras J.* L'agonie de la Sibirie (1918—1920).—«Le Monde Slave», 1928, № 2, p. 163.

⁴³ *Ibid.*, p. 166.

⁴⁴ *Chamberlin W.* The Russian Revolution, vol. 2. New York, 1954, p. 94—95.

⁴⁵ Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. М.—Л., 1925, с. 17, 52.

⁴⁶ *Gillert M.* Winston S. Churchill The Stricken World. 1916—1922. Boston, 1975, p. 220.

⁴⁷ Дневник В. Пепеляева, с. 80. См. также: *Колосов Е.* Сибирь при Колчаке, с. 63—64.

возможности последующего восстановления монархической формы правления в России. И не случайно эта идея, по признанию главы Сибирского правительства Вологодского, «особенно хорошо воспринималась... в военных сферах»⁴⁸. Именно в этих «сферах», по всей вероятности, и разрабатывался технический план ликвидации Директории⁴⁹.

Между тем члены находившегося в Екатеринбурге съезда Учредительного собрания, получая от членов Директории тревожные сведения (Авксентьев и Зензинов сообщали, что они «сидят на вулкане»), решились на предупредительные действия. В опубликованном «Обращении ЦК партии эсеров к партийным организациям» содержался призыв создавать вооруженные отряды «в предвидении возможных политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции»⁵⁰. Этот призыв практически мало что означал. Во-первых, он исходил лишь от той части партии, которая группировалась вокруг В. Чернова, во-вторых, сами эсеровские члены Директории рассматривали его как «антигосударственный акт» и, в-третьих, сколько-нибудь значительных сил у эсеров не было. Но омским заговорщикам, готовившим свержение Директории, эсеровское обращение пришлось как нельзя кстати. В. Зензинов пишет, что в Омске его распространяли «исключительно правые круги»⁵¹.

15 ноября (за два дня до колчаковского переворота) в Омске открылась кадетская конференция, руководимая только что избранным президиумом Восточного отдела ЦК кадетов. Выступая на ней, В. Пепеляев потребовал осуждения уфимского совещания и установления военной диктатуры. 41 голосом (против — один) тезисы Пепеляева были одобрены.

Пока в зале заседания конференции одни делегаты всерьез рассуждали о государственных делах, другие действовали там, куда не проникал ни один чужой глаз. В дневнике В. Пепеляева 17 ноября записаны телеграфно короткие возбужденные слова: «Я ушел с конференции на совещание. Совещание. Участвовали все. Решено... Полная налаженность. Описать потом»⁵².

На вечернем заседании конференции В. Пепеляев сообщил делегатам о передаче власти Колчаку, а через два дня кадет Клафтон с гордостью заявил: «С 18 ноября мы стали партией государственного переворота. Стоило нам накануне высказать наше мнение и назавтра то, что должно было свершиться, свершилось»⁵³.

⁴⁸ «Маньчжурия» (Харбин), 1918, 21 декабря.

⁴⁹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 2, с. 105. Мельгунов ссылается при этом на воспоминания одного из участников переворота, подполковника Бафталовского, с которым он познакомился в Русском заграничном архиве (Прага).

⁵⁰ «Современные записки» (Париж), 1931, т. XIV, с. 58.

⁵¹ «Общее дело» (Париж), 1919, 22 апреля.

⁵² Дневник В. Пепеляева, с. 87.

⁵³ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 2, с. 137.

Что же свершилось в Омске в мглистую холодную ночь с 17 на 18 ноября 1918 г.? Прежде чем рассказать об этом, следует хотя бы в общих чертах набросать портрет «героя» омского переворота. Худошавый человек, в военном френче, с аккуратным, на английский манер расчесанным проборм жидких волос. Над тонкими, плотно сжатыми губами большой нос, глаза смотрят холодно и отчужденно. Впечатление взъерошенной, нахохлившейся птицы. Это адмирал Колчак.

В эмигрантской и иностранной буржуазной историографии его обычно изображают чуть ли не демократом, борцом как против реакционных, так и революционных «крайностей», неким «страдальцем» за Россию, свободную от «партийных распрей», и т. п. Таким рисует его, например, С. П. Мельгунов⁵⁴, таким стараются его показать Дж. Стюарт, П. Флеминг, Р. Лаккет и некоторые другие авторы⁵⁵. Однако эта характеристика явно тенденциозна.

В Иркутске на настойчивые вопросы следственной комиссии о политических взглядах перед Февралем Колчак ответил: «Я был монархистом и несколько не уклоняюсь... Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такового не существовало в природе. До революции 1917 г. я считал себя монархистом»⁵⁶. Переход Колчака на сторону Временного правительства, по его собственным словам, был вызван тем фактом, что никакой другой власти, способной восстановить «порядок» и, главное, довести войну до победного конца, не существовало⁵⁷.

Оставаясь реакционером и скрытым монархистом, Колчак в послефевральских событиях проявил себя довольно ловким политиканом и демагогом. Это обратило на него внимание контрреволюционных кругов, которые уже в апреле 1917 г. готовили в Петрограде переворот с целью установления военной диктатуры. Колчак котирировался здесь наряду с Алексеевым и Корниловым как один из наиболее вероятных кандидатов на роль диктатора⁵⁸.

В начале июня 1917 г. борьба Колчака против революционного движения и революционных организаций Черноморского

⁵⁴ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 3, т. 1, с. 24—25.

⁵⁵ Stewart G. The White Armies of Russia. New York, 1933, p. 322; Fleming P. The Fate of Admiral Kolchak. New York, 1963, p. 111; Swettenham J. Allied Intervention in Russia and the Part Played by Canada. London, 1967, p. 158, 166, 241—243.

⁵⁶ Допрос Колчака. Протоколы заседания Чрезвычайной следственной комиссии. Л., 1925, с. 42.

⁵⁷ Там же, с. 44—45.

⁵⁸ Минц И. И. История Великого Октября, т. 2. М., 1968, с. 308—310.

флота кончилась тем, что ему пришлось оставить пост командующего. Монархические военные организации — Союз офицеров армии и флота, Военная лига и др. — выражали ему свое восхищение и сочувствие⁵⁹. В конце июня 1917 г. Колчак во главе русской военно-морской миссии выехал в США. Его путь лежал через Англию. Здесь он установил контакты с некоторыми высшими чинами английской армии и флота, причем беседы шли и вокруг вопросов борьбы с революционным движением в России. Позднее, в Иркутске, Колчак рассказал, что начальник английского морского штаба Холль говорил ему: «Вас (русских.— Г. И.) может спасти только военная диктатура...»⁶⁰

Англичане не хотели, чтобы сведения о характере их связей с Колчаком приобрели огласку. Позднее, весной 1918 г., когда Колчак вернулся из США через Японию на Дальний Восток, один из офицеров связи находившегося здесь генерала А. Нокса, некий Стевени, получил следующее указание из управления военной разведки в Лондоне: «Вы должны объяснить адмиралу (Колчаку.— Г. И.), что весьма желательно, чтобы он сохранил молчание относительно его связей с нами»⁶¹.

В день отъезда из США Колчак узнал о совершившейся в России Октябрьской революции. Прибыв 9 ноября в Японию, Колчак решил не возвращаться на родину, а продолжать службу «союзническому делу» в рядах английской армии. Британские власти дали ему разрешение выехать через Шанхай, Сипгапур и Бомбей на Месопотамский фронт. Однако уже в Сингапуре ему вручили телеграмму из английского разведывательного управления, в которой говорилось, что правительство Великобритании считает «полезным для общего союзнического дела», чтобы Колчак вернулся в Россию, и ему «рекомендуется ехать на Дальний Восток»⁶².

По словам американского историка Дж. Уайта, возвращение Колчака являлось «частью большого плана, который был уже в основных чертах разработан»⁶³. В полосе отчуждения КВЖД, и особенно в Харбине, скопилась большая масса бежавших из Советской России помещиков, предпринимателей, белых офицеров и других контрреволюционных элементов. Поэтому Харбин «был идеальным местом для того, чтобы приступить здесь к организации антибольшевистского движения»⁶⁴. Необходим был только «лидер», и, по словам американского исследователя П. Флеминга, Колчак рассматривался в Лондоне как раз в качес-

⁵⁹ Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1971, с. 182.

⁶⁰ Допрос Колчака..., с. 94.

⁶¹ Fleming P. The Fate of Admiral Kolchak, p. 116.

⁶² Допрос Колчака..., с. 106—108.

⁶³ White J. The Siberian Intervention. Princeton, 1950, p. 98.

⁶⁴ Ibidem.

стве «той персоны, на которую можно было рассчитывать всерьез»⁶⁵.

Колчак направился в Харбин, но здесь выяснилось, что в этом районе у него немало конкурентов. На роль возглавителей белогвардейского движения, опирающегося на интервентов, претендовали генерал Д. Л. Хорват, атаман Г. М. Семенов. Под ногами путалось Временное правительство автономной Сибири во главе с П. Дербером и другие «правительственные власти». Все они, как гоголевские Бобчинский и Добчинский, бежали за дрожками своих иностранных хозяев (японцев, китайцев, англичан, французов), выпрашивая признание, финансовую помощь и оружие. Было ясно, что собрать всю эту свору под одну руку — дело нелегкое. Учтя такую обстановку, Колчак, по его словам, решил направиться на юг России, туда, где также с помощью иностранных империалистов завязался еще один мощный контрреволюционный узел — в Добровольческую армию. Впоследствии колчаковские апологеты (Гинс, Мельгунов и др.), впрочем, как и он сам, утверждали, что Колчак по приезду в Омск не имел намерений здесь оставаться, находился в стороне от готовившегося переворота и буквально вынужден был принять власть⁶⁶.

Но еще перед отъездом с Дальнего Востока Колчак встретился с генералом А. Ноксом. Собеседники пришли к выводу: «Организация власти в такое время, как теперь, возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в ее распоряжении»⁶⁷. Затем во Владивостоке состоялась встреча с белочешским генералом Р. Гайдой, собиравшимся на Урал. Гайда заявил Колчаку, что омская Директория «нежизненна и что лучшей властью может быть только военная диктатура»⁶⁸.

По пути с Дальнего Востока на Урал Гайда встретился с В. Пепеляевым, который сообщил, что Национальный центр выдвигает в качестве диктатора генералов Алексеева или Деникина. На это Гайда ответил, что обоих генералов нет в Сибири. Вместе с тем он решительно высказался против Директории. «Они (члены Директории.— Г. И.), — сказал Гайда, — будут оставлять жить тех, кому жить не следует». По его мнению, в Сибири есть свой кандидат в диктаторы — адмирал Колчак. Пепеляев согласился, заявив, что Национальный центр рассматривал Колчака в качестве одного из кандидатов и «его возможно поддержать».

«— Но когда это может быть? — спросил Пепеляев.

⁶⁵ *Fleming P.* The Fate of Admiral Kolchak, p. 32.

⁶⁶ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак, т. 1, с. 307; *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, ч. 3, т. 1, с. 130; *Уорд Дж.* Союзники и интервенция в Сибири, с. 78.

⁶⁷ Допрос Колчака., с. 140.

⁶⁸ Там же, с. 147.

— Дней через 20. Чехов мне удастся убедить.

— А как он думает?

— Мы одинаково думаем», — твердо ответил Гайда ⁶⁹.

В конце октября Пепеляев прибыл в Омск. 1 ноября он записал в дневнике: «Говорил с И. Михайловым. Соглашение состоялось. Персонально советовался. Готов» ⁷⁰. В этой туманной, конспективной записи явно слышатся отголоски готовившегося переворота. Таким образом, направляясь через Сибирь в Добровольческую армию, Колчак, по всей вероятности, уже был подготовлен к тем событиям, которые назревали в Омске.

Когда он, наконец, прибыл в Омск, встретившие его белогвардейские генералы убеждали его: «Зачем вы поедете (на юг. — *Г. И.*), — там в настоящее время есть власть Деникина, там идет своя работа, а вам надо оставаться здесь» ⁷¹. Своей цели генералы не скрывали. «Они говорили, — показывал в Иркутске Колчак, — что Директория — это есть повторение того же самого Керенского, что Авксентьев — тот же Керенский... и что в армии доверия к Директории нет» ⁷².

Итак, омская военщина делала ставку на Колчака в предстоящем свержении Директории. А эта последняя сама рыла себе яму, также убеждая его войти в качестве военного и морского министра в формируемое ею правительство!

22 октября (4 ноября) он был назначен военным и морским министром, а уже буквально на другой день, 5 ноября, вездесущий В. Пепеляев имел с ним беседу, в ходе которой от имени Национального центра предложил ему пост диктатора. И Колчак согласился «принять эту жертву» ⁷³. Данный факт вполне подтверждается дневниковыми записями генерала Болдырева: «30 октября. 1918 г. Вошел Виноградов (член Директории. — *Г. И.*) и с волнением заявил, что военные круги и «музы» (Жардецкий и К^о) прочат Колчака диктатором» ⁷⁴.

Через несколько дней Колчак в сопровождении английского Мидльсекского батальона, которым командовал полковник Дж. Уорд, выехал на фронт, чтобы «показаться» войскам. Все генералы, с которыми он встречался, «определенно говорили, что только военная власть может теперь поправить дело» ⁷⁵. Возвращаясь в Омск, Колчак встретился (в Петропавловске) с верховным главнокомандующим генералом Болдыревым. В поезде Болдырева между ними состоялась беседа, причем телохранитель Колчака, английский полковник Дж. Уорд, на всякий случай приказал охране «зарядить ружья» и «быть готовыми

⁶⁹ Дневник В. Пепеляева, с. 78.

⁷⁰ Там же, с. 84.

⁷¹ Допрос Колчака..., с. 152.

⁷² Там же, с. 155.

⁷³ Дневник В. Пепеляева, с. 85.

⁷⁴ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью, с. 88.

⁷⁵ Допрос Колчака..., с. 165—166.

действовать в каждую минуту»⁷⁶. По-видимому, в лагере Колчака ожидалось, что Болдырев, информированный о планах заговорщиков, может предпринять какие-то предупредительные действия в отношении адмирала-заговорщика. Но, проводя, как и вся Директория, политику соглашения с монархической военной во имя борьбы с большевизмом, Болдырев ограничился лишь «выговором» Колчаку за излишнюю «активность». Слабость и нерешительность Директории, вероятно, стали очевидными для Колчака в полной мере.

В Омск его поезд прибыл в 17 часов 30 минут 17 ноября. Нанесшие ему визиты генералы и офицеры Ставки и Омского гарнизона (Андогский, Суриц, Лебедев, Волков, Катанев, Красильников и др.) говорили «определенно, что Директории осталось жить недолго и что необходимо создание единой власти». При этом визитеры прямо заявили Колчаку: «Вы должны это сделать»⁷⁷.

Многие авторы, писавшие о колчаковщине, считают, что конкретным поводом к практическому осуществлению переворота явились события 13 ноября. В этот день в Омск прибыла французская миссия. В ее честь был устроен пышный банкет. Присутствовавшие белогвардейские офицеры быстро напились и, как они обычно делали в таких случаях, потребовали исполнения гимна «Боже, царя храни». Находившийся на банкете представитель омского правительства Тренденбах подошел к сильно захмелевшему войсковому старшине Красильникову с просьбой прекратить бесчинство. Как впоследствии сообщал Тренденбах, Красильников тяжело поднялся со стула, посмотрел на него мутными глазами и, опершись руками о стол, рывкнул: «Пошел прочь, паршивый эсер!»⁷⁸.

Скандал носил настолько вызывающий характер, что Директория вынуждена была отдать распоряжение об аресте Красильникова⁷⁹. Мельгунов, считающий переворот 18 ноября результатом «стихийного» выступления офицеров-монархистов, противоречит себе, когда приводит свидетельство участника переворота некоего полковника Щепина. По словам Щепина, в поезде Колчака (в это время адмирал находился в поездке по фронту) у заговорщиков был «свой человек», который, получив соответствующее сообщение, должен был «ко времени» повернуть поезд в Омск⁸⁰. Так это или нет, но Колчак прибыл на место точно в срок. Пока он отдыхал с дороги в своих апартаментах, отряд примерно в 300 пехотинцев и всадников в полной темноте осенней ночи подошел к дому, где жил товарищ министра внутренних дел эсер Е. Ф. Роговский. Тем, кто командовал отрядом,

⁷⁶ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибирь, с. 76.

⁷⁷ Допрос Колчака... с. 167.

⁷⁸ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 2, с. 141

⁷⁹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты, с. 104.

⁸⁰ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 2, с. 139.

было известно, что у Роговского находились два члена Директории, Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов, члены ЦК эсеров М. Я. Гендельман и Д. Ф. Раков, а также только что прибывшие в Омск из Архангельска представители так называемого правительства Северной области М. А. Лихач, С. С. Маслов и Я. Т. Дедусенко.

Этим людям было что сообщить Авксентьеву и Зензинову. Совсем недавно они пережили монархическо-офицерский переворот в Архангельске, свергнувший правительство Н. В. Чайковского, и были возвращены с Соловков лишь благодаря вмешательству интервентов. Трудно сказать, о чем беседовали архангельские эсеры с омскими «директорами», но не исключено, что они передали им и предупреждение Керенского, писавшего из-за границы Чайковскому: «Эпизод, который случился с Вами в Архангельске (речь идет о перевороте в Архангельске, осуществленном офицерами Чаплина.— Г. И.), при первом удобном случае повторится в Омске и Самаре»⁸¹. Бывшему премьеру здесь нельзя отказать в проницательности.

В самый разгар беседы дверь в комнату, где сидели члены Директории и посланцы из Архангельска, была чуть ли не сорвана с петель и в гостиную ввалилась группа пьяных офицеров с револьверами в руках. Дальнейшие события разворачивались с калейдоскопической быстротой. Арестовав присутствующих (одновременно у себя на квартире был арестован еще один член Директории — Аргунов), офицеры отправили их в штаб красильниковского отряда. По утверждению английского полковника Дж. Уорда, ему было известно, что «Авксентьев и К° должны были быть «зарезаны, как бараны», приколоты штыками в ту же ночь»⁸². Это сообщение не вызовет особых сомнений, если вспомнить кровавые расправы омской монархической военщины с Новоселовым, Моисеенко и др.

Тем временем в 6 часов утра собрался Совет министров, на который прибыл и поднятый с постели Колчак. После короткого обсуждения совершившихся событий, министры пришли к заключению, что Временное всероссийское правительство (Директория.— Г. И.) фактически перестало существовать, вследствие чего власть должна перейти к Совету министров. Последний же решил, что «ввиду тяжкого положения государства» необходимо сосредоточить всю власть в руках одного лица, присвоив ему наименование «верховного правителя». Встал вопрос, кто персонально займет этот пост. Колчак, как и полагается кандидату, твердо уверенному в своих шансах, предложил генерала Болдырева, но его предложение, конечно, не было поддержано. Пост «верховного правителя» был предложен Колчаку, и он принял его.

⁸¹ Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929, с. 89—90.

⁸² Уорд Дж. Союзники и интервенция в Сибири, с. 88.

Между тем арестованным членам Директории предложили выбор: либо остаться под арестом «со всеми возможными последствиями», либо выехать за границу с условием отказа от всякой политической борьбы против Колчака. Как люди благо-разумные, эсеровские члены Директории⁸³ предпочли второй вариант. Получив крупную сумму «прогонных» на дорогу и для спокойствия потребовав конвой из английских солдат, в ночь на 22 сентября они навсегда покинули Омск⁸⁴.

Одновременно с высылкой Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговского верховный правитель чинил комедию суда над главными «путчистами»: командующим Сибирской казачьей дивизией полковником Волковым, командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка войсковым старшиной Катанаевым и командиром партизанского отряда войсковым старшиной Красильниковым. Фактически же это был суд над эсерами — членами Директории. Они обвинялись в том, что, находясь «в плену ЦК» своей партии, вели «антигосударственную работу» и пытались, в частности, превратить «молодую русскую армию» в «чисто партийное войско» в соответствии с эсеровским «Обращением»⁸⁵. Напротив, Волков, Катанаев и Красильников представлялись чуть ли не героями, действовавшими «по побуждениям любви к Родине», а арест эсеров — членов Директории изображался как предупредивший некий переворот, якобы ими готовившийся.

Эту версию сфабриковали в колчаковской контрразведке, и, она, конечно, не имела ничего общего с действительностью. Уже высланные из Сибири Авксентьев, Зензинов и другие продолжали оправдываться и доказывать, что их единственной заботой была борьба с Советской властью и большевизмом и что на этом пути они не останавливались ни перед чем, даже перед санкционированием смертных приговоров тем лицам, которые будут «уличены в разложении армий»⁸⁶. В полной мере эти уверения подтверждаются позицией, занятой генералом Болдыревым, находившимся в момент ареста своих коллег в Уфе. Являясь членом Директории и верховным главнокомандующим, он обязан был отдать приказ о ликвидации путча и аресте заговорщиков во главе с Колчаком, но не сделал этого. Как писал его ближайший сотрудник генерал Гоппер, Болдырев «при-

⁸³ Не подвергшиеся аресту члены Директории кадеты повели себя по-разному: Виноградов подал в отставку, а Вологодский остался на посту председателя колчаковского Совета министров. «Беспартийный» генерал Болдырев вскоре уехал в Японию.

⁸⁴ Через шесть дней они достигли китайской границы и были освобождены. Отсюда Авксентьев и другие направились в Японию, США, а затем в Европу.

⁸⁵ Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сборник документов. Сост. В. Зензинов. Париж, 1919, с. 20.

⁸⁶ Зензинов В. Правда о несправде. Цит. по: Гражданская война в Сибири и Северной области, с. 17.

шел к заключению, что для отечества ничего хорошего такая борьба на два фронта не принесет и что это приведет только к победе большевиков. Поэтому он посоветовал фронтовикам слушаться Колчака...»⁸⁷.

Таким образом, полуэсеровская и полукадетская Директория, всей своей политикой по существу подготовившая колчаковщину, покорно уступила ей власть.

Несколько иную позицию заняли эсеры в Екатеринбурге и Уфе, где находились их руководящие центры: в Екатеринбурге — эсеровский ЦК и значительная часть членов съезда Учредительного собрания, в Уфе — остаток Комуча — Совет уполномоченных ведомств. По словам Н. Святицкого, узнав о перевороте в Омске, екатеринбургские эсеры стали готовиться «к схватке с Колчаком». На самом деле никаких сколько-нибудь значительных сил у эсеров не было. Один из эсеровских лидеров, Н. И. Ракитников, позднее писал, что в то время, как колчаковцы не теряли времени, их противники (эсеры) «ограничивались резолюциями»⁸⁸.

19 ноября белогвардейские офицеры окружили екатеринбургскую гостиницу «Пале-Рояль» и некоторые другие здания, где помещались учредиловцы, а затем учинили там погром. Около 20 эсеровских руководителей во главе с В. Черновым были арестованы. Трудно сказать, чем бы закончилась эта белогвардейская операция, если бы не вмешательство белочехов. Стремясь сохранить свое «демократическое» лицо, они потребовали, чтобы все арестованные под конвоем были выдворены из Екатеринбурга. Не желая осложнять отношения со своими фронтовыми союзниками, екатеринбургская белогвардейщина уступила, и «борцы» против колчаковской реакции 20 ноября уехали через Челябинск в Уфу. Здесь, соединившись с Советом уполномоченных ведомств, у которого на фронте имелись свои «учредилковские» части, они почувствовали себя более смелыми. В Омск пошла телеграмма, грозившая Колчаку объявлением врагом народа и открытием против него вооруженных действий⁸⁹. Это был очередной блеф, поскольку реальными силами эсеры не располагали, а командование так называемыми отрядами Учредительного собрания (бывшая Народная армия Комуча) присоединилось к колчаковскому перевороту⁹⁰.

Характеризуя эволюцию контрреволюционных сил в Сибири, В. И. Ленин говорил: «Мы знаем, что там организовано было правительство и для начала туда были посланы прекрасные знамена, которые изготовляли эсер Чернов или меньшевик Майский, и на них были лозунги — Учредительное собрание, свобо-

⁸⁷ Ген. Гоппер. Четыре катастрофы. Цит. по: Гражданская война в Сибири и Северной области, с. 52.

⁸⁸ Ракитников Н. И. Сибирская реакция и Колчак. М., 1920, с. 30.

⁸⁹ Допрос Колчака..., с. 189.

⁹⁰ Там же, с. 183.

да торговли — чего хочешь, серый мужичок, все тебе напишем, только помоги свалить большевиков! Что же вышло из этой власти? — Вышла вместо Учредительного собрания колчаковская диктатура, — самая бешеная, хуже всякой царской»⁹¹.

Даже для части эсеров становилось ясно, что единственной силой в борьбе с колчаковской белогвардейщиной является только Советская власть. Именно в это время на заседаниях членов съезда Учредительного собрания стали высказываться предложения о сотрудничестве с большевистской партией в целях борьбы с Колчаком⁹². Однако большинство эсеровских вождей продолжало игру в политику «третьей силы» и тем обрекло себя. В начале декабря более 30 членов Учредительного собрания, находившихся в Уфе (а также в Челябинске), были арестованы колчаковцами и отправлены в Омск. Так закончился омский переворот, который, по оценке хорошо осведомленного главы свергнутой Директории Авксентьева, «произвела группа монархически настроенных офицеров»⁹³.

Сходную характеристику перевороту давала кадетская печать. «Новая Сибирь» писала, что «крайние правые общественные группы склонны видеть в этом событии (18 ноября в Омске. — Г. И.) прелюдию к монархизму»⁹⁴. Иркутский «Свободный край» отмечал: «Начинается углубление реставрации. Некоторые общественные элементы полагают, что революция дискредитировала начала демократического правопорядка и, как вывод из такого положения, значит необходимо вернуться к до-революционному состоянию»⁹⁵.

В зарубежной прессе также печатались материалы, указывавшие на связь омского переворота с ростом монархических тенденций. В декабре в токийской «Japan Advertiser» была помещена статья американского журналиста Г. Бернштейна, который писал: «...Многие в Сибири начинают серьезно думать, что

⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 127.

⁹² Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917—1920 гг. М., 1968, с. 300—301. После того как Красная Армия 31 декабря освободила Уфу, некоторые эсеровские руководители, сумевшие избежать ареста при белых, вступили в переговоры с уфимским ревкомом о совместных действиях против Колчака (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 239; Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 3, М., 1960, с. 114). Позднее они выехали в Москву, где продолжали переговоры. Ими была создана группа «Народ», которая, во многом расходясь с большевистской партией, призывала к совместной с ней борьбе против белогвардейской реакции. Но большинство эсеровского ЦК во главе с Черновым осудило политическую линию группы «Народ», подтвердив таким образом, что для эсеровского руководства главным было недопущение союза с Советской властью, борьба с нею (подробнее см.: Гусев К. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции, с. 320—328).

⁹³ Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г., с. 9.

⁹⁴ «Новая Сибирь» (Иркутск), 1918, 22 ноября.

⁹⁵ «Свободный край» (Иркутск), 1918, 22 ноября.

наступил момент для восстановления в России романовского трона. Многие верят, что бежавший последним летом из Перми Михаил Романов находится где-нибудь около Омска и в нужный момент монархисты провозгласят его новым императором, ибо они мечтают о власти, о блестящих погонах, о неограниченном самодержавии и произволе, как в недавние еще дни...»⁹⁶

Те сибирские министры и «общественные деятели», которые политически готовили колчаковский переворот, выражали опасение, что их военные партнеры не останутся в рамках кадетской программы. В беседе с журналистами глава Сибирского правительства Вологодский прямо заявил, что среди генералов и офицеров во время переворота «преобладали монархические течения». У Совета министров, по его словам, не было уверенности, что эти «течения», свергнув Директорию, не пойдут в своих реставраторских требованиях до конца, и потому назначением верховного правителя приходилось спасать «хоть что-нибудь из того, что могла потерять демократия»⁹⁷.

Таким образом, кадетские участники переворота видели в лице Колчака известную гарантию против самодержавно-реставраторских устремлений сибирской белогвардейщины. Но что думал сам верховный правитель? Колчаковский генерал К. В. Сахаров вспоминал о своей беседе с верховным правителем в сентябре 1919 г.:

«— Как вы представляете себе, Ваше высокопревосходительство, будущее? — спросил Сахаров Колчака.

— Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроение армии и народа. Это сплошная тоска по старой, прежней России.

— В России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, которых желает весь народ... А все слои русского народа... думают только о восстановлении монархии, о призвании на престол своего народного вождя, законного царя... Так почему же не объявить теперь же о том, что омское правительство понимает народные желания и пойдет этим путем?

Адмирал саркастически рассмеялся:

— А что скажут наши иностранцы, союзники? Что скажут мои министры?

Верховный правитель развил мне свою мысль, что необходимо идти путем компромиссов...»⁹⁸

Нет нужды подчеркивать, что все в этом диалоге поставлено с ног на голову (народ за монархию, а министры — против). Важно другое: Колчак не отрицал свой монархизм, но объяснял

⁹⁶ Цит. по: Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г., с. 146—147.

⁹⁷ «Маньчжурия» (Харбин), 1918, 21 декабря.

⁹⁸ Сахаров К. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923, с. 148.

(по характеристике Будберга) «бестонноголовому» Сахарову, почему его не следует пока рекламировать.

Но монархизм Колчака проявлялся во многом. Он, например, рассматривал русскую революцию с традиционно-черносотенной точки зрения, видя в ней результат «всемирного масонского заговора». По свидетельству Г. Гинса, Колчак готов был видеть масонов повсюду: «и среди окружающих, и в директории, и среди членов иностранных миссий». Его крайне интересовали слухи о бегстве из Перми великого князя Михаила Александровича и спасении царской семьи, якобы избежавшей расстрела в Екатеринбурге. Уже вскоре после прихода к власти (в январе 1919 г.) он выразил неудовлетворение ходом расследования дела о расстреле Романовых, которое велось еще при Уральском областном правительстве, а затем Директории. Следователи Наметкин и Сергеев были отстранены по подозрению в том, что чуть ли не сознательно тормозили следствие, находясь под эсеровским влиянием и опасаясь упреков в монархизме. Руководство следствием было возложено на маховых монархистов генералов М. К. Дитерихса и С. А. Домановича, а следственная часть передана такому же монархисту — Н. Соколову. Новой комиссии было приказано расширить рамки следствия, ведя его «в целях освещения вопроса... с исторической и национальной точек зрения»⁹⁹.

Большинство представителей иностранных миссий, аккредитованных при Колчаке, не сомневались, что он монархист и именно в таком духе информировали свои правительства. Во всяком случае, английский премьер Д. Ллойд-Джордж прямо говорил, что Колчак — «монархист в душе» и «окружил себя сторонниками старого режима»¹⁰⁰. Верховный главнокомандующий союзными войсками в Сибири французский генерал М. Жаген писал: в окружении Колчака не скрывали, что лучшим правительством для России будет монархия¹⁰¹.

По своей социальной природе буржуазно-помещичья, военномонархическая диктатура Колчака в известном смысле представляла собой сибирский вариант корниловщины. Не случайно многие корниловцы первого и второго призывов 1917 г. оказались в ставке Колчака. По всей вероятности, не будет ошибкой сказать, что побежденная в августе 1917 г. корниловщина во многом повторилась в победившей колчаковщине и что политика верховного правителя по сути была корниловской политикой с ее

⁹⁹ Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале, т. 1. Владивосток, 1922, с. 14.

¹⁰⁰ Протокол обсуждения русского вопроса Советом десяти в Париже в январе 1919 г. — В кн.: Гражданская война в Сибири и в Северной области, с. 410.

¹⁰¹ Жаген М. Отрывки из моего сибирского дневника. — В кн.: Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930, с. 126.

специфически бонапартистскими элементами. Они были проявлением неоднородности контрреволюции, шедшей как за Корниловым, так затем и за Колчаком, и нашли отражение уже в первом обращении Колчака как верховного правителя. Оно было составлено с помощью Пепеляева. Как отмечено в его дневнике от 19 ноября, при обсуждении текста обращения Колчак сказал: «...Обращение нужно немедленно для союзников, причем *они* хотят, чтобы было сказано о демократии, отсутствии реакционных намерений». «Так и составили», — заметил Пепеляев¹⁰².

В «Обращении к населению России» 19 ноября Колчак заявил: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Своей главной задачей он объявил создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление «законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать образ правления, который он пожелает»¹⁰³. Уже из этого заявления следовало, что Колчак решительно выбросил знамя распущенного в январе 1918 г. Советской властью Учредительного собрания, которым размахивали меньшевики и эсеры: о нем даже не упоминалось. Через несколько дней верховный правитель беседовал с представителями печати и снова заявил, что не будет «стремиться к тому, чтобы снова вернуть тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все, что признано самим народом ненужным». Он велеречиво распространялся о необходимости восстановить «порядок», после чего обещал созвать Национальное собрание. Именно «национальное», а не Учредительное, подчеркивал Колчак, ибо это слово «слишком скомпрометировано»¹⁰⁴.

Вскоре указом правительства была создана Подготовительная комиссия по разработке вопросов о всероссийском представительном собрании учредительного характера¹⁰⁵. Как видно, даже в ее названии постарались избежать ясности в определении статуса будущего «представительного органа». А главное — комиссия фактически бездействовала в течение всего периода режима верховного правителя.

То, что Колчак покончил с меньшевистско-эсеровской «учредилловщиной», надежно связывало буржуазно-помещичью реакцию с верховным правителем. Но его туманные псевдодемократические заявления о нежелании возвращать «тяжелое прошлое» и т. п. разочаровывали и настораживали монархистов, которые рассчитывали на реставрацию самодержавных порядков. Полковник Дж. Уорд пишет в своих воспоминаниях: «Тот факт, что Колчак объявил себя сторонником созыва Националь-

¹⁰² Дневник В. Пепеляева, с. 88.

¹⁰³ Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г., с. II.

¹⁰⁴ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 1, с. 30—33.

¹⁰⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. Омск, 1919, № 6, ст. 70.

ного собрания... как только установится порядок, разбил вдребезги мечты старого офицерства о скором возврате к самодержавию...»¹⁰⁶

В белогвардейской литературе имеются сведения, что в монархических кругах даже вынашивались планы нового переворота, направленного уже против режима Колчака. Например, генерал Гоппер пишет, что одна из попыток такого переворота была ликвидирована «в самом начале, последствием чего было увольнение нескольких лиц, в том числе полковника Сыромятникова, который принимал участие в низвержении Директории»¹⁰⁷. Генерал Будберг сообщает, что и позднее в омской ставке вынашивались планы подготовки сил для «будущего монархического переворота»¹⁰⁸.

Рука черносотенно-монархической офицерской организации оставила отчетливый след в событиях, происшедших в Омске спустя месяц после прихода Колчака к власти.

В то время когда эсеры-учредилорцы в Екатеринбурге и Уфе лишь сотрясали воздух громогласными, но пустыми декларациями о своей борьбе с колчаковской контрреволюцией¹⁰⁹, подлинную, самоотверженную борьбу с колчаковщиной развернули подпольные большевистские организации Сибири. Уже 23 ноября 1918 г., т. е. через пять дней после событий в Омске, в Томске состоялась вторая нелегальная конференция большевистских организаций Сибири. Она дала точную классовую характеристику колчаковского переворота как победы крайней реакции, держащейся массовыми расстрелами, тюрьмами, порками, карательными экспедициями. «Демократические» иллюзии, которые сеяли эсеры и меньшевики, исчезли полностью. Конференция приняла решение о подготовке общесибирского восстания против колчаковского режима за восстановление Советской власти и предложила партийным организациям начать подготовку к восстаниям на местах. Эта героическая работа в условиях разгула жесточайших репрессий велась под руководством созданного Сибирского комитета ЦК РКП(б)¹¹⁰. 17 декабря ЦК РКП(б) для усиления руководства и связи с Москвой создал Сибирское бюро ЦК РКП(б) (Ф. Голощекин, А. Нейбут, И. Смирнов и др.)¹¹¹.

¹⁰⁶ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири, с. 99. О том же писал и американский журналист Г. Бернштейн (см.: Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г., с. 145).

¹⁰⁷ Ген. Гоппер. Четыре катастрофы.— В кн.: Гражданская война в Сибири и Северной области, с. 57.

¹⁰⁸ Будберг А. Дневник белогвардейца. Л., 1929, с. 249.

¹⁰⁹ Подробнее об этом см.: Плотникова М. Е. Колчак и эсеровская «оппозиция». — Вопросы истории Сибири. Труды Томского гос. ун-а. Серия историческая, 1967, т. 190, вып. 3, с. 168—181.

¹¹⁰ Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная, с. 106—114.

¹¹¹ Подробнее см.: Спирин Л. М. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны.— «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, с. 97—112.

Особенно активно действовали омские большевики. Они установили связи с солдатами Омского гарнизона, железнодорожниками и военнопленными, размещенными в лагерях¹¹². Однако колчаковской контрразведке удалось узнать о готовившемся восстании. 21 декабря в городе начались массовые облавы и аресты. В связи с этим штаб повстанцев отдал распоряжение об отмене восстания, но в некоторые районы эта директива дошла с опозданием. В ночь с 21 на 22 декабря рабочие омского предместья Куломзино и часть рабочих Омска выступили с оружием в руках¹¹³. Им удалось захватить тюрьму и выпустить политических заключенных, в том числе эсеров, ранее доставленных сюда из Уфы и Челябинска, а также некоторых меньшевиков, арестованных за газетные протесты против переворота 18 ноября.

Однако уже к утру стало очевидно, что выступление обречено. Начальник Омского гарнизона генерал Бржезовский объявил, что, если освобожденные политические заключенные добровольно вернутся в тюрьму, они избежат расстрела.

«Борцы» против буржуазно-помещичьей контрреволюции, получившие свободу из рук повстанцев-большевиков, в это время отсиживались на частных квартирах, выжидая результатов восстания. Когда выяснилось, что оно потерпело провал, большинство из них решило покорно подчиниться властям. Они связались по телефону с колчаковскими министрами Михайловым и Старынкевичем, которые пообещали им неприкосновенность в случае добровольного возвращения в тюрьму. После этого эсеры и меньшевики послушно вернулись в свои камеры. Но в ночь на 23 декабря их разбудили офицеры, подъехавшие к тюрьме на грузовой машине. По списку многих из них тотчас же увезли. Лишь на утро на берегу Иртыша были обнаружены обезображенные трупы эсеров Фомина, Брудерера, Девятова, Сырова, Барсова, меньшевиков Маевского, Киреенко, Ландау и др.

И хотя эти люди были лишь сравнительно небольшой горсткой среди сотен жертв белогвардейщины, подавившей в крови омское восстание¹¹⁴, жестокая расправа с учредильцами наглядно раскрывала подлинные, конечные замыслы колчаковского режима. Ведь верховный правитель громогласно заявлял, что его цель лишь «искоренение большевизма», что дальше это-

¹¹² Дворянов Н., Дворянов В. В тылу Колчака. М., 1966, с. 59—61.

¹¹³ Подробнее об омском восстании см.: Колмогоров Н. Восстание омских рабочих против Колчака. Омск, 1957.

¹¹⁴ По официальным данным, в Омске по приговору военно-полевого суда было расстреляно 49 человек, а убито во время разгрома восстания 133 человека. В Куломзине военно-полевой суд расстрелял 117 человек, убитых насчитывалось 114 человек («Сибирская речь» (Омск), 1918, 28 декабря). Фактически же эти данные были намного занижены. Колчаковский министр Г. Гинс признавал, что подавление восстания в Омске «произведено было с исключительной жестокостью» (Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 96).

го «по пути реакции» он не пойдет и после восстановления «порядка» созывает Национальное собрание. После событий 21—22 декабря 1918 г., когда колчаковские офицеры в озверении рубили шашками не только повстанцев-большевиков, но также эсеров и меньшевиков, носившихся как с писаной торбой с идеей Учредительного собрания, стало совершенно очевидно истинное отношение колчаковской военщины к словесным декларациям своего вождя.

В литературе имеются сведения, что определенная часть монархической военщины не исключала возможности под предлогом разгрома омского восстания нанести удар и по новому режиму, не пожелавшему расстаться с псевдодемократической болтовней. Однако в ходе событий стало ясно, что сделать это будет трудно, да и по ряду причин нецелесообразно (Колчак, например, находился под охраной английских солдат). Как писал Е. Колосов, «признав власть адм. Колчака, сибирские погромщики вместе с тем в виде компенсации решили его, болтавшего там что-то о Национальном собрании (чуть что не Учредительном) помазать на царство кровью этих самых «учредильщиков», забросать его их трупами.... в расчете, что он не посмеет отказаться от солидарности с ними, и все это свяжет его круговой кровавой порукой с порочнейшими из реакционных кругов...»¹¹⁵

С. П. Мельгунов, конечно, отрицает эти предположения как бездоказательные¹¹⁶, но в ходе допроса Колчак по существу подтвердил их, когда говорил, что убийством учредильцев хотели «дискредитировать» его власть в глазах иностранцев и поддерживавших его «общественных групп». «Дискредитировать», т. е. оторвать от «либеральствующих» (с точки зрения монархистов) кругов и крепче связать с черносотенно-монархической военщиной.

Финалом декабрьских событий в Омске был такой же «следственный» фарс, какой Колчак учинил месяцем раньше над полковником Волковым и войсковыми старшинами Красильниковым и Катанасевым, ликвидировавшими Директорию. Хотя все следы и теперь вели к ним, следствие их вообще не коснулось. Делали вид, что ищут непосредственных исполнителей (поручика Барташевского, капитана Рубцова и др.), а фактически заботливо их укрывали. Сам Барташевский показал: «Адмирал Колчак был осведомлен обо всем нашем деле, и военным властям отдано приказание скрыть всех нас...»¹¹⁷ Действительно, Барташевский и его подручные сперва «бежали» в Семипалатинск, к атаману Б. Анненкову, а затем вернулись в Омск под охрану атамана Красильникова и в конце концов были повышены в чинах.

¹¹⁵ Колосов Е. Сибирь при Колчаке, с. 103.

¹¹⁶ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 3, т. 1, с. 48.

¹¹⁷ Омские события при Колчаке.— «Красный архив», 1924, т. 7, с. 232.

Белогвардейский журналист А. Ган признает, что другой путь для Колчака был невозможен: «пришлось бы пойти на конфликт с казачеством (его офицерской верхушкой.— Г. И.)... Это угрожало большой опасностью для едва укрепившейся власти и еще неизвестно, чем бы такой конфликт окончился...»¹¹⁸

Английский полковник Дж. Уорд, чей отряд охранял Колчака в критические дни омского переворота, свидетельствует, что наиболее реакционно настроенные генералы и офицеры не оставляли своих надежд «убрать» Колчака и после подавления омского восстания. Мы, пишет Уорд, знали о существовании этих «элементов», которые продолжали действовать «часто с ведома и при содействии чиновников колчаковской администрации»¹¹⁹. Именно о них рассказывает в своих воспоминаниях уральский кадет Л. Кроль. Он вспоминает, как после захвата Перми в конце декабря 1918 г. Колчак приехал в Екатеринбург. Здесь он выступил в городской думе, уверяя собравшихся, что после окончательной победы соберет Учредительное собрание, которое «выразит свою свободную волю об основных началах политического, национального и социального бытия...» А утром, пишет Кроль, «по городу идет весть, что, покуда адмирал говорил речь в думе, генералы в его поезде весьма веселились и тоже говорили: «пусть доберется до Москвы, мы им покажем тогда Учредительное собрание!»»¹²⁰

Режим верховного правителя

Разгром омского восстания, расправа с эсерами-учредилловцами и меньшевиками были своего рода эпилогом колчаковского переворота 18 ноября. После этих событий режим верховного правителя стабилизировался на определенном рубеже, на рубеже помещичье-буржуазной, военной диктатуры. «Офицеры колчаковского типа,— говорил В. И. Ленин,— разогнали Учредительное собрание в Сибири и установили власть офицеров, капиталистов и помещиков»¹²¹. Эта власть, как уже отмечалось, представляла собой компромисс между черносотенно-монархической военщиной и буржуазными кругами кадетского толка.

Победа и разгул реакции могли создать и действительно создавали у наименее стойких в идейном отношении противников колчаковщины впечатление о ее незыблемости или, по крайней мере, прочности. Такие настроения коснулись и некоторой части сибирских большевиков. Пожалуй, наиболее полное выражение они получили в письме Б. Шумяцкого, написанном в конце 1918 г. В. И. Ленину. «Положение здесь убийственное,— писал

¹¹⁸ Гутман-Ган А. Два восстания.— Белое дело, т. 3. Берлин, 1927, с. 169.

¹¹⁹ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири, с. 106, 109.

¹²⁰ Кроль Л. За три года, с. 167.

¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 177.

он.— 99% наших лучших товарищей убито. Реакция достигла апогея. Все разрушено и разбито. И ужас положения в том, что силы военной монархической реакции день ото дня крепнут»¹²².

Исходя из этого Б. Шумяцкий предлагал изменить тактическую линию большевиков, взяв курс на создание «единого республиканского демократического фронта». Предлагался, таким образом, блок с меньшевиками, эсерами и другими «демократическими элементами» для борьбы с кадетско-монархической диктатурой Колчака. Но путь к победе над ней лежал как раз в обратном: в полном разрыве с теми, кто проложил путь этой диктатуре, в бескомпромиссной борьбе с эсерами и меньшевиками, пошедшими наговор с белогвардейщиной ради свержения Советской власти. По указанию В. И. Ленина и ЦК РКП(б) «Правда» опубликовала статью Ем. Ярославского, в которой говорилось: «Сейчас время раскрыть глаза самым отсталым на то, что произошло и кто в этом виноват. Без этого невозможно и освобождение от буржуазно-военной диктатуры Колчака»¹²³. Только те, кто готов был действительно бороться с Колчаком, могли рассчитывать на сотрудничество с Советской властью. Большевики ни на минуту не теряли веры, что колчаковщину ожидает неминуемый крах...

Вершину государственной пирамиды, возведенной в Сибири после переворота 18 ноября, венчал сам верховный правитель. Ему принадлежала высшая власть и без его санкции ни один закон не мог войти в силу. При верховном правителе функционировал Совет министров, в котором преобладали правые кадеты и кадетствующие, хотя имелись здесь и «беспартийные», а также два-три бывших эсера, давно порвавших со своим прошлым. Образную характеристику одного из них — министра юстиции Старынкевича — дал А. В. Луначарский. Он писал, что помнил Старынкевича еще в период эмиграции: это был «плюгавенький старикашка, который опустился в Лозанне почти что на дно. Он умильно просил то одного, то другого эмигранта угостить его «рюмашей коньячишка»¹²⁴.

Политическое лицо жолчаковского Совета министров хорошо охарактеризовал генерал Будберг, одно время занимавший в нем пост военного министра. Даже его, закоренелого монархиста, поражала «реакционность, неискренность и умышленная недоговоренность некоторых речей», произносимых членами Совета министров. «Общее заключение из того, что я сегодня слышал,— записал Будберг в свой дневник в июне 1919 г.,— сводится к выводу, что большинство Совета настроено враждебно против всяких общественных организаций... но в то же время боится

¹²² Цит. по: *Спирин Л. М.* О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б)..., с. 107—108.

¹²³ «Правда», 1919, 13 февраля.

¹²⁴ *Луначарский А. В.* Бывшие люди. М., 1922, с. 56.

поставить точки над «и» и получить упреки в недемократичности»¹²⁵.

Однако, несмотря на эту псевдодемократическую мимикрию, правительственный аппарат, по словам колчаковского генерала К. Сахарова, сверху донизу строился по образцу того здания, которое «рухнуло в феврале — сентябре 1917 г.». Всюду, свидетельствовал он, шли путем «копирования старых дореволюционных, бюрократических аппаратов»¹²⁶.

И вполне естественно, это копирование приводило к тому же положению, которое характеризовало царизм накануне краха. Как тогда, так и теперь делами вершило не официальное правительство — Совет министров, а правительство неофициальное, в известной мере закулисное. Такую роль фактически играл так называемый Совет верховного правителя, состоявший из нескольких лиц, сумевших разными путями втереться в особое доверие адмирала. В эту «звездную палату» в разное время входили такие политические проходимцы, как И. Михайлов, или такие откровенные монархисты, как Н. Тальберг и др. Генерал М. Жанен писал в своем дневнике: «...Давление оказывает на правительство группа министров во главе с Михайловым, Гинсом, Тальбергом; эта группа служит ширмой для синдиката спекулянтов и финансистов... Этот синдикат имеет чисто реакционную... тенденцию. В нем, как и среди офицеров, наряду с монархистами или людьми, озлобленными потерями и страданиями, причиненными революцией, встречаются также и барышники»¹²⁷.

Будберг совершенно категорически констатировал, что Колчак был «пленен ставочной и омской камарильей». «Вот к чему приводит борьба за власть,— писал он.— Честолюбие, корыстолюбие, женолюбие спят многих и заставляют забывать главное — спасение родины. В угаре этой борьбы в средствах не стесняются, а потому сплетни, провокация, ругань, возведение самых гнусных обвинений и распространение самых подлых слухов в полном ходу»¹²⁸. Эти свидетельства лишний раз показывают, что распад и разложение царизма перед Февралем отнюдь не были результатом действия одних только субъективных факторов, личных качеств последних Романовых и их окружения. Если бы это было не так, колчаковская «распутиниада» (без Распутина) не повторилась бы в своих главных, характерных чертах¹²⁹.

Таким образом, попытка реставрировать дореволюционные царские порядки «в улучшенном виде» неизбежно, как прокля-

¹²⁵ Будберг А. Дневник белогвардейца, с. 125.

¹²⁶ Сахаров К. Белая Сибирь, с. 53, 58.

¹²⁷ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника.— Колчаковщина. Из белых мемуаров, с. 128.

¹²⁸ Будберг А. Дневник белогвардейца, с. 8.

¹²⁹ Там же, с. 98—99.

ть для белогвардейщины, вела ее к «исходному пункту». Но бессилие колчаковской «гражданской власти» диктовалось не только органическими пороками, присущими антинародному режиму, скопированному с рухнувшего царизма.

Ее бессилие и дряблость в немалой мере объяснялись всевластием, произволом монархической военщины. Управляющий делами колчаковского правительства писал, что адмирал больше всего ненавидел «керенщину» и из ненависти к ней «допустил противоположную крайность: излишнюю «военщину»»¹³⁰. Ее крайнее проявление — «атаманщина» господствовала не только на периферии колчакии (Анненков в Семиречье, Калмыков на Уссури, Семенов в Забайкалье, Гамов в Амурской области, Унгерн в Монголии). Фактически военная власть господствовала на территории всей Сибири¹³¹. Об этом, например, свидетельствовал начальник Уральского края инженер Постников, уже в апреле 1919 г. ушедший в отставку по мотивам, изложенным им в специальной записке, поданной на имя верховного правителя. Этот документ наглядно раскрывает существо колчаковского режима. Постников прямо утверждает, что на территории, находящейся под контролем омского правительства, вся власть сосредоточена в руках военных, господствует военная диктатура. Гражданские власти полностью игнорируются, следствием чего являются «незаконмерность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных при побеге и т. п.». «Начальник края,—констатировал Постников,—может быть только свидетелем происходящего»¹³².

В другой записке, составленной неким капитаном Калашниковым для генерала Р. Гайды и поданной им Колчаку, рисовалась та же картина. Говоря о народных восстаниях и партизанском движении, уже с конца 1918 — начала 1919 г. охвативших весь тыл Колчака, Калашников указывал, что причина их коренится в неправильной «тактике» власти, которая широко применяет расстрелы, массовые порки, преследует такие общественные организации, как земства, городские думы и кооперативы. На территории белых, утверждал он, фактически нет никаких законов, царит полный произвол. Но в отличие от Постникова Калашников предлагал выход: он призывал Колчака сместить реакционных чиновников, прямо объявить о подготовке выборов в Учредительное собрание по так называемой четыреххвостке, созвать съезд земских и городских гласных и т. д., короче говоря, взять «демократический» курс чисто кадетского образца¹³³.

¹³⁰ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 1, с. 4.

¹³¹ Милуков П. Н. Россия на переломе, т. 2, с. 125; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 137—139.

¹³² Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 138, 184—186.

¹³³ Полный текст записки содержится в мемуарах Гайды: *Gaida R. Moje pameti*. Praha, 1924, S. 64. В изложении она дается в кн.: Милуков П. Н. Россия на переломе, т. 2, с. 135—136.

Но Колчак и его окружение решительно отвергали непрошенные советы «спасителей» Сибирской власти. Колчак считал, что решающим фактором в стабилизации режима будет победа на полях сражений, а не реформаторская «возня» в тылу, способная лишь подорвать военные усилия. Поэтому разного рода «записки», шедшие, по его мнению, «слева», тут же клались под сукно. Напротив, верховному правителю по душе были записки с противоположной стороны, например от так называемого Совета объединения несоциалистических общественных деятелей земской и городской России, который высказывался против всяких «компромиссов и соглашений» и требовал отменить «все то, что торопливо создавалось в угоду социалистическим партиям» после Февраля 1917 г.¹³⁴

Все же для либерального прикрытия, рассчитанного главным образом на «внешнее употребление», он согласился на создание так называемого Государственного экономического совещания, в состав которого вошли представители правительства, торговых-промышленных кругов, земств, городских дум и коопераций¹³⁵. Но и этот «общественный» орган, который должен был заниматься чисто экономическими проблемами, очень скоро вызвал раздражение верховного правителя.

Летом 1919 г. депутация Совещания была принята Колчаком. Депутаты вручили ему свою записку, во многом повторявшую тезисы Постникова, Калашникова и др. В ней указывалось, что военная власть узурпировала гражданское управление, и обращалось внимание на «противоречия между заявленными властью демократическими принципами и действительностью». Члены Государственного экономического совещания предлагали начать подготовку к созыву Учредительного собрания, устранить вмешательство военных властей в дела управления, превратить Совещание в законодательный орган. По свидетельству Г. Гинса, Колчак молча выслушал депутатов, а в заключение мрачно заявил, что их предложения либо «неновы», либо «неосуществимы». Такая «сдержанность» верховного правителя объяснялась обстановкой официального приема. В своем же кругу он был более откровенен и прям. «Они парламента захотели», — с презрением говорил он о членах Совещания и, стука кулаком по столу, грозился «разогнать этот Совдеп»¹³⁶.

Всесилие монархической военщины и монархического чиновничества, их реставраторское «нутро» полнее всего проявились в аграрном вопросе, затрагивавшем основную массу населения Сибири — крестьян. В силу ряда причин (прежде всего недовольство подразверсткой, введенной Советской властью) среднее крестьянство, в том числе и Сибири, весной и летом

¹³⁴ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 3, т. 1, с. 285—286.

¹³⁵ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 236.

¹³⁶ Там же, с. 250.

1918 г. колебнулось в сторону контрреволюции¹³⁷. Но, как указывал В. И. Ленин, сравнение белогвардейского режима, реставрировавшего старые порядки, с политикой Советской власти быстро отрезвило крестьянские массы¹³⁸: уже к концу 1918 — началу 1919 г. начался их поворот в сторону Советской власти.

Действительно, земельный вопрос стал для Колчака (впрочем, как и для других белогвардейских режимов) форменным проклятием. С одной стороны, пуждаясь в пушечном мясе для своих армий, колчаковское правительство, казалось бы, вынуждено было проводить политику, направленную на привлечение крестьян, что можно было достигнуть только решением вопроса о земле в их интересах. Но, с другой стороны, такое решение неминуемо ударило бы по интересам монархического генералитета и офицерства, большинство которого составляли помещики, жаждавшие восстановить свои земельные владения, утраченные в ходе Октября. Колчаковский режим оказывался таким образом между Сциллой и Харибдой. Решение поэтому пытались найти в уходе от него, в неопределенных, половинчатых заявлениях и туманных обещаниях на будущее.

Разработка закона о земле началась в Омске с марта 1919 г. Как пишет Гинс, он призывал правительство заявить, что «восстановления помещичьих владений производиться не будет». Однако большинство высказалось против такого заявления. В Декларации правительства, опубликованной в апреле 1919 г., говорилось, что «впредь никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут», а в окончательном виде «вековой земельный вопрос будет решен Национальным собранием»¹³⁹. В качестве некоторой уступки крестьянам им пока позволялось собирать урожай с земель, которыми они фактически владели. Кроме того, было объявлено, что в дальнейшем правительство «примет меры» для обеспечения крестьян землей за счет некоторых помещичьих и казенных земель¹⁴⁰. Но и эта декларация, выражавшая интересы помещиков и кулаков, вызвала резкое недовольство монархистов. Начальник штаба генерал Лебедев, поддержанный министром иностранных дел Сукиным и министром финансов Михайловым, выступил против, ссылаясь на то, что против большевиков сражается много офицеров-помещиков.

¹³⁷ Подробнее об этом см.: Литвин А. Л. О военно-политическом союзе рабочего класса и трудящегося крестьянства в годы гражданской войны.— В кн.: Из истории гражданской войны и интервенции. М., 1974; Плотинов И. Ф. О союзе пролетариата и крестьянства Сибири и Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны.— В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966, и др.

¹³⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 31; т. 39, с. 39, 87; т. 43, с. 302; и др.

¹³⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. Омск, 1919, № 16, ст. 252.

¹⁴⁰ Там же.

«Нам было известно,—признает хорошо осведомленный Гинс,— что Ставка находится в оживленных сношениях с аграриями, скопившимися в Омске, что некоторые (?) офицеры уже содействовали в прифронтовых губерниях восстановлению помещичьих земель»¹⁴¹.

Эсер Колосов существенно поправляет осторожное признание Гинса. Не «некоторые офицеры» восстанавливали помещичье землевладение, а повсюду, где армия Колчака устанавливала свою власть, она возвращала помещиков¹⁴².

Даже в сфере внешнеполитических отношений, там, где колчаковскому режиму требовалась наибольшая псевдодемократическая бутафория (верховный правитель из всех сил старался добиться официального признания Англией, Францией, США и другими странами), реальность безжалостно ломала ее, обнажая подлинное, реставраторское лицо колчаковщины.

В конце мая 1919 г. союзники заявили, что они готовы признать правительство Колчака в качестве всероссийского, но предварительно хотят убедиться в «демократичности» программы Колчака вообще и в вопросе о политике по отношению к некоторым национальным окраинам бывшей Российской империи (Польше, Финляндии и др.)¹⁴³. Ответ союзникам был подготовлен не в Омске, а в Париже членами так называемого Политического совещания (в него входили В. А. Маклаков, Н. В. Чайковский, С. Д. Сазонов и др.), взявшего на себя функцию «представлять» интересы контрреволюционной России перед ее союзниками. Бывшие дипломаты царского и Временного правительств, хорошо зная реакционную прямолинейность своих протеев — белогвардейцев, решили, по словам П. Н. Милюкова, не допустить «ложного шага» и сами составили ответную ноту от имени верховного правителя. Она, по квалифицированной оценке того же Милюкова, была составлена «искусно». Колчак сообщал, что старое Учредительное собрание он не восстановит, но после окончательной победы над большевиками назначит выборы в новое, оно-то и решит все кардинальные вопросы, в том числе о предоставлении независимости или автономии национальным окраинам¹⁴⁴.

Союзники, конечно, удовлетворились ответом омского правительства и согласились оказать Колчаку помощь, которую обещали ему в своем первом письме. Но имеется любопытнейшее свидетельство генерала М. А. Иностранцева (он был при Колчаке генералом для поручений), характеризующее подлинное отношение верховного правителя к этой дипломатической пере-

¹⁴¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 154.

¹⁴² Колосов Е. Сибирь при Колчаке, с. 120. См. также: Парфенов П. С. Гражданская война в Сибири, 1918—1920. М., 1925, с. 35 и др.

¹⁴³ Russian-American Relations. New York, 1919, p. 337—339.

¹⁴⁴ Правительство адмирала Колчака. Ответ Всероссийского правительства союзным державам на их ноту от 26 мая 1919 г. Омск, 6 г.

писке с союзниками, к собственному показному «демократизму». Когда находившиеся у Колчака генералы Дитерихс, Матовский и Иностранцев заговорили о союзнической ноте, Колчак, «саркастически улыбаясь», сказал: «Ах, это вы об этой исповеди! Вы ведь знаете, что западные государства, во главе, конечно, с Вильсоном, вздумали меня исповедывать на ту тему, какой я демократ? Ну, я им ответил... Во-первых, я им ответил, что Учредительное собрание, или, вернее, Земский собор я соборать намерен... но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словоговорении не может быть и речи. Во-вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное собрание за таковое не признаю и собораться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу!.. Наконец, при выборе в настоящее Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно-здоровые элементы... Вот какой я демократ!»¹⁴⁵

Политический цинизм Колчака здесь как на ладони. Вскоре он показал, чего стоят его «демократические» декларации, рассчитанные на внешний рынок.

Во время подготовки наступления генерала Н. Юденича на Петроград Маннергейм довел до сведения Колчака, что он согласен двинуть в поддержку Юденичу 100-тысячную финскую армию. Единственным условием он выдвигал официальное заявление верховного правителя о признании независимости Финляндии. Напрасно политические и дипломатические советники Колчака в Омске и за границей доказывали ему, что такое заявление фактически ничего не будет означать, что от него всегда можно будет отказаться и т. п.: ничего не помогало. Колчак твердо стоял на своем, заявляя, что идеей единой и неделимой России он не поступится никогда и ни за какие «минутные» выгоды¹⁴⁶. Военный министр генерал Будберг, узнав об этом, записал в свой дневник с неподдельным негодованием: «Какой ужас и какой идиотизм»¹⁴⁷. Сходное недоумение выражал и американский историк У. Чемберлин: каким образом Колчак мог допустить столь очевидную военно-политическую ошибку?¹⁴⁸

Но так же, как и в аграрном вопросе, никакой ошибки тут не было. Принцип «единой и неделимой России» был одним из основополагающих в монархической идеологии, и отказ от него для Колчака был просто невозможен. Он, конечно, сознавал, какие военные выгоды принесет ему обещанное наступление Маннергейма, но также понимал, что согласие на независимость Финляндии может стать прецедентом для других окраин и тогда «белая борьба» утрачивала свой смысл.

¹⁴⁵ *Иностранцев М. А.* Первое поручение адмирала Колчака.— Белое дело, т. 1. Берлин, 1926, с. 108.

¹⁴⁶ Колчак и Финляндия.— «Красный архив», 1929, т. 2 (33), с. 87, 95—96 и др.

¹⁴⁷ *Будберг А.* Дневник белогвардейца, с. 214.

¹⁴⁸ *Chamberlin W.* The Russian Revolution, vol. 2, p. 187.

Антинародная политика правительства Колчака, пытавшегося реставрировать царские буржуазно-помещичьи порядки на подвластной ему территории, лишала верховного правителя сколько-нибудь широкой опоры. Несколько позднее, характеризую положение в колчаковском тылу, В. И. Ленин говорил: «...Мы видим восстание в Сибири, в котором участвуют не только рабочие и крестьяне, а даже кулаки и интеллигенция»¹⁴⁹. Действительно, уже с конца 1918 г., а особенно с весны 1919 г. почти вся «колчакия» оказалась охваченной пожаром рабочих и крестьянских восстаний¹⁵⁰. Большевистские организации Сибири вносили в них организованность и политическую сознательность, твердо придерживаясь курса, намеченного В. И. Лениным, ЦК РКП(б) и решениями первой и второй нелегальных конференций сибирских большевиков¹⁵¹.

В марте 1919 г. состоялась третья нелегальная конференция большевистских организаций Сибири. Главным методом борьбы против колчаковщины она признала «организованные вооруженные восстания рабочих, крестьянских и солдатских масс, имеющие целью установить в обширных районах и, если возможно, во всей Сибири Советскую власть». Конференция подчеркнула ведущую роль рабочего класса в этой борьбе, указав в то же время на возможность использования «для революционной работы персонально каждого члена мелкобуржуазной партии, допуская в важных и особо выгодных при подготовке вооруженной борьбы случаях и использование коллективов указанных партий»¹⁵². Такая линия диктовалась начавшимся поворотом мелкобуржуазных слоев в сторону Советской власти.

Готовя массы к вооруженной борьбе против колчаковского режима, большевистская партия вскрывала классовую сущность колчаковщины. В многочисленных листовках, призывах и резолюциях постоянно подчеркивались ее черносотенный, монархический характер, ее стремление реставрировать царские, буржуазно-помещичьи порядки¹⁵³. Так, в резолюции конференции фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы о мобилизации на Восточный фронт (в апреле 1919 г.) отмечалось: «Необходимо разъяснять широким массам рабочих, что наступление Колчака несет нам возврат царского самодержавия и всех привилегий помещиков и капиталистов»¹⁵⁴. В постановлении ВЦИК

¹⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 87.

¹⁵⁰ К концу 1919 г. численность сибирских партизан составляла более 140 тыс. человек (Партизанское движение в Западной Сибири. Новосибирск, 1959, с. 22).

¹⁵¹ Подробнее см.: Плотников И. Ф. Героическое подполье. М., 1968.

¹⁵² Партизанское движение в Западной Сибири, с. 75, 78—79.

¹⁵³ Из истории гражданской войны в СССР, т. 2. М., 1961, с. 108, 117 и др.

¹⁵⁴ Там же, с. 109.

от 26 апреля 1919 г. также подчеркивалось: «Благополучие десятков миллионов крестьян и рабочих в настоящую минуту зависит от того, насколько быстро и решительно мы покончим с врагами народа — монархистами, помещиками и капиталистами, стремящимися при помощи Деникина и Колчака восстановить свою власть...»¹⁵⁵

Неустанная работа по политическому и революционному воспитанию трудящихся давала свои плоды: борьба с колчаковщиной у нее в тылу приобретала все больший размах. Но судьба колчаковской белогвардейщины, сибирской буржуазно-помещичьей диктатуры решалась, конечно, не в тылу, а на фронте, на полях сражений с Красной Армией.

Апрель 1919 г. был апогеем верховного правителя. Три его армии (Сибирская — генерала Гайды, Западная — генерала Ханжина и Южная — атамана Дутова) продвинулись далеко на Запад. Своим правым флангом колчаковский фронт подходил к Вятке, вследствие чего создавалась реальная возможность соединения колчаковцев с северной контрреволюцией и действовавшими в районе Архангельска интервентами. Левый фланг подходил к Симбирску и Самаре, откуда было уже недалеко до соединения с Добровольческой армией Деникина. Над Советской Республикой нависла угроза полного окружения.

Коммунистическая партия и Советское правительство призывали советский народ напрячь все силы для разгрома Колчака. 12 апреля 1919 г. газеты опубликовали ленинские «Тезисы ЦК РСДРП(б) в связи с положением на Восточном фронте». «Победы Колчака на Восточном фронте, — говорилось в них, — создают чрезвычайно грозную опасность для Советской Республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака»¹⁵⁶. Республика превращалась в бастион, в единый военный лагерь. На Восточный фронт направлялись тысячи коммунистов, комсомольцев, передовых рабочих.

Сосредоточивая необходимые резервы, Советское командование учитывало растянутость фронта колчаковских войск, что создавало возможность его прорыва в наиболее уязвимом месте. По плану, разработанному командующим Южной группой Восточного фронта М. В. Фрунзе и членом Реввоенсовета группы В. В. Куйбышевым, советские войска в конце апреля 1919 г. перешли в контрнаступление в направлении Бугуруслан — Бугульма, нанеся удар во фланг и тыл Западной армии генерала Ханжина. И с этого момента, несмотря на отдельные успехи колчаковцев, несмотря на их упорное сопротивление и судорожные, лихорадочные попытки закрепиться на сибирских водных рубежах, начался закат Колчака, началось отступление его деморализующихся войск, постепенно превращавшееся в беспоряд-

¹⁵⁵ Там же, с. 118.

¹⁵⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М., 1970, с. 88.

дочное бегство¹⁵⁷. Положение колчаковских войск резко ухудшалось из-за массового партизанского движения, охватившего весь тыл «Колчакии». По существу им приходилось вести борьбу на два фронта: против регулярных красноармейских частей и многочисленных партизанских отрядов¹⁵⁸.

Режим верховного правителя стал быстро агонизировать. Начиная с августа 1919 г. в правящих сферах Омска все заметнее ощущалась нервозность. Политические банкроты, намеревавшиеся методами репрессий и кровавого насилия над трудящимися укрепить реставрируемые буржуазно-помещичьи порядки дореволюционной России, теперь начали искать новые методы «спасения». Стали раздаваться голоса в пользу хотя бы частичной «либерализации» власти, частичного отказа от исключительно, военного управления в пользу гражданского с привлечением некоторых представителей оппозиционных сил (правых эсеров, меньшевиков, земцев, кооператоров и т. д.). Заигрывания с этими кругами повел, в частности, кадет В. Пепеляев, колчаковский министр внутренних дел. По его замыслу (как и некоторых других «советчиков») это должно было расширить бу-тафорско-«демократическое» прикрытие правления Колчака, привлечь к нему новые «общественные» силы.

Но и в эти трудные для него дни верховный правитель оставался последовательным в своей реакционности, отвергая всякую мысль об уступках. По свидетельству Гинса, он «почти не слушал, что ему говорили», «стучал кулаком, швырял все предметы, которые были на столе». «Какие теперь преобразования! — в гневе кричал он. — Оставьте меня в покое. Я приду... в Совет министров и заявлю, что никаких отставок, н и к а к и х преобразований сейчас не будет!»¹⁵⁹

Единственное, на что скрепя сердце согласился Колчак, было опубликование 17 октября «грамоты» о разработке проекта созыва законосовещательного Государственного земского совещания. Но эта жалкая и пустая подачка лишний раз показала, в каком тупике, в каком порочном безысходном круге оказалась колчаковщина. Гинс пишет, что «грамотой» остались недовольны как «правые», так и «левые»¹⁶⁰. Первые возмущались «этими парламентами», а вторые считали, что уступка слишком мизерна. Как и царизм в канун Февраля, колчаковщина «буксовала» на месте и, не имея возможности для политических маневров, обрекалась на внутреннее гниение.

10 ноября 1919 г. колчаковское правительство — Совет министров — покинуло Омск и, погрузившись в эшелоны, направи-

¹⁵⁷ Подробнее об этом см.: *Спирин Л. М.* Разгром Колчака. М., 1969.

¹⁵⁸ *Папин Л. М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957, с. 31—60.

¹⁵⁹ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 295.

¹⁶⁰ Там же, с. 301.

лось на восток — в Иркутск. Сам Колчак задержался в Омске еще на два дня и оставил его 12 ноября вместе с отходившими частями своих армий. Но уже через несколько дней на станции Тайга он «отделился» от войск, двинувшись в направлении к Иркутску вместе с несколькими эшелонами, в которых находился золотой запас, захваченный белогвардейцами еще в Казани.

Положение верховного правителя оказалось крайне тяжелым. Колчаковский Совет министров с 16 ноября находился в Иркутске, колчаковские части, позднее сведенные в группу, переданную под командование генерала В. О. Каппеля, с трудом отбиваясь от Красной Армии и партизан, отходили все дальше на восток, а где-то между ними двигался поезд верховного правителя. Двигался медленно, с длительными остановками из-за страшной перегруженности единственной железнодорожной линии. Еще в начале 1919 г. «уставшие» белочешские войска были сняты с фронта и переведены на охрану Сибирской магистрали. И теперь, в дни эвакуации и массового бегства колчаковских войск, эта жизненно важная артерия фактически оказалась под их полным контролем.

Белочешская верхушка (командование и так называемый Национальный совет) уже поняла, что карта Колчака бита. Ей снова приходилось переориентироваться на другие антибольшевистские силы — главным образом эсеров и меньшевиков, окопавшихся в земствах, городских думах и кооперативах. Этим стремлением во многом и был продиктован меморандум чешского Национального совета, который представляет собой одно из ярчайших свидетельств, вскрывающих подлинную суть колчаковского режима. «Охраняя железную дорогу,— говорилось в меморандуме,— и поддерживая в стране порядок, войско наше вынуждено сохранять то состояние полного произвола и беззакония, которые здесь воцарились. Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избивание мирных русских граждан целыми сотнями, расстрел без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности составляют обычное явление»¹⁶¹.

Белочешское командование на железнодорожных станциях усиленно проталкивало вперед свои и другие иностранные эшелоны, вынуждая отступавших каппелевцев в тяжелейших условиях двигаться по проселочным трактам, идущим вдоль полотна железной дороги. По словам французского журналиста Л. Грондижа, положение колчаковцев и белочехов напоминало положение двух людей, которые потерпели кораблекрушение и пытаются схватиться за единственную доску, которая могла вы-

¹⁶¹ Цит. по: Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 441—442.

держат только одного из них¹⁶². Нетрудно себе представить взаимоотношения, сложившиеся между Колчаком и белочешским командованием.

Затерявшийся где-то между чехословацкими эшелонами поезд верховного правителя двигался на восток, с трудом поддерживая телеграфную связь с Иркутском, где находился колчаковский Совет министров.

Произведя частичную реорганизацию (Пепеляев стал премьер-министром вместо Вологодского, в состав Совета министров были введены Третьяков, Червен-Водали и др.), правительство пыталось активизировать курс на блок с «оппозиционной общественностью». Программа Пепеляева сводилась к отмене военного управления, созыву законодательного земского совещания или даже Земского собора, привлечению в правительство представителей «общественности» вплоть до эсеров и меньшевиков. Осуществление этих мер, по расчетам Пепеляева, Гинса и других, должно было влить новые силы в колчаковщину для продолжения борьбы с Советской властью и большевизмом. Пепеляев усиленно агитировал иркутских эсеров, меньшевиков, народных социалистов, земцев, кооператоров и других войти в его правительство «борьбы с большевиками», обещая покончить с «ошибками прошлого». Однако эсеры, меньшевики и поддерживавшие их политические группировки хорошо понимали, что колчаковщина доживает последние дни и перспектива оказаться погребенными под ее обломками отнюдь им не улыбалась. Их план состоял в том, чтобы отмежеваться от верховного правителя и его Совета министров, захватить власть в свои руки еще до подхода Красной Армии, а затем вступить с Советской властью в «равный» политический торг.

Они хотели воспользоваться разгромом Колчака, достигнутым руками трудящихся масс, руководимых большевиками, и продолжить с ними борьбу, которую они начали весной и летом 1918 г. Такая позиция представлялась им вполне реальной ввиду исподволь начинавшейся переориентировки интервентов — союзников Колчака. Последние также все яснее осознавали, что падение верховного правителя не за горами, и в своей борьбе с Советской властью вновь были готовы поставить на правосоциалистический антибольшевизм.

Эсеры сосредоточили свои силы в Иркутске. Здесь в середине ноября они совместно с меньшевиками, земцами, представителями думы и кооперации создавали так называемый Политический центр, призванный руководить реализацией их планов¹⁶³. В декларации Политцентра говорилось, что он ставит своей задачей прекращение войны с Советской Россией, созыв

¹⁶² *Grondijs L.* La guerre en Russie et en Sibirie. Paris, 1922, p. 533.

¹⁶³ Подробнее см.: *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционного паразитизма к контрреволюции, с. 311—314.

сибирского Народного собрания и установление «договорных» отношений с государственно-демократическими образованиями, возникшими на территории России». Таким образом, Политцентр намеревался создать некое «сибирское государство», фактически противостоящее Советской России. Но его заявление о готовности бороться с колчаковской кадетско-монархической реакцией создавало определенную основу, на которой большевики, руководимые Сибирским комитетом РКП(б), могли контактировать с ним. Комитет следил за деятельностью Политцентра, не препятствуя его антиколчаковской политике, но в то же время мобилизуя собственные силы для борьбы за установление Советской власти.

Не сумев сговориться с эсэро-меньшевистской общественностью, Пепеляев тем не менее прилагал все усилия, чтобы убедить Колчака принять «демократическую» программу. В начале декабря он покинул Иркутск и направился к верховному правителю вымогать у него свой Земский собор. В крайнем случае он готов был даже добиваться отречения Колчака в пользу генерала Деникина.

Но наряду с этим «демократическим» рецептом спасения разваливавшейся колчаковской диктатуры выдвигался и другой. Суть его заключалась как раз в противоположном. Предлагалось обратиться к укрепившемуся в Чите атаману Семенову, располагавшему значительной военной силой, приняв его требование о передаче ему всей власти к востоку от Байкала (на запад от Байкала власть должна была быть передана генералу А. Пепеляеву — брату премьер-министра). Как свидетельствует Гинс, большая часть сибирских кадетов поддерживала этот план¹⁶⁴. Для переговоров с Семеновым в Читу направился заместитель Пепеляева Третьяков.

Мельгунов пишет, что Колчак якобы не оказывал противодействия проектам Пепеляева. На самом деле он недвусмысленно дал понять, к чему лежит его душа. Реакционеры типа Пепеляева, готовые теперь предстать «либералами», были отвергнуты им с порога. Сначала (еще до приезда Пепеляева) он создал так называемое Верховное совещание, состоявшее преимущественно из генералов, и по существу передал ему всю власть, что фактически устраняло Совет министров. Вскоре, в 20-х числах декабря, он сделал новый шаг: назначил монархиста-черносотенца, японского ставленника атамана Семенова главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке. Гинс пишет, что это был откровенный удар по «левому» (т. е. пепеляевскому) курсу на так называемую либерализацию режима. Колчак сделал выбор, поставив все точки над «и»; монархизм, который старались как-то маскировать, в критическую минуту открыто явил свое лицо.

¹⁶⁴ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 455.

Теперь в Иркутске, фактически объятom восстаниями, колчаковская власть лихорадочно ждала спасения из Читы, откуда должны были прибыть семеновские, а может быть, и японские войска. 21 декабря вспыхнуло восстание в Черемхове, а 24-го — уже в предместье Иркутска Глазкове. Колчаковские министры и выделенная ими так называемая «троектория» (Червен-Водали, Ханжин, Ларионов) отсиживались в темной и холодной гостинице «Модерн», ведя лихорадочные переговоры с представителями земств и городской думы, поддерживавшими Политцентр. Они выторговывали лишь возможность отступления остатков колчаковской армии и самого верховного правителя, соглашаясь даже на его отставку и обещая созвать Земский собор по рецепту В. Пепеляева. Впрочем, как выяснилось, это был лишь маневр. Как только от Третьякова из Читы пришло сообщение, что семеновские части в авангарде японского отряда двинулись к Иркутску, колчаковские министры прекратили переговоры. Но было уже поздно. Когда семеновцы под командованием генерала Скипетрова подошли к Иркутску, в нем уже началось восстание революционных рабочих и солдат.

После кровопролитных столкновений с повстанческими частями семеновцы отошли. 2 января 1920 г. «троектория» возобновила переговоры с Политцентром при посредничестве представителей союзников. Политцентр требовал отречения Колчака, смещения Семёнова, ликвидации власти колчаковского Совета министров и безоговорочной передачи ее Политическому центру. «Высокие комиссары» союзников и представители белочешского командования поддерживали Политцентр, поскольку его представители заявили, что будут продолжать борьбу с большевизмом¹⁶⁵. Монархическую контрреволюцию интервенты снова готовы были сменить на «демократическую».

Утром 5 января в Иркутске появились объявления о падении власти Колчака и принятии ее Политцентром. Но вся Иркутская область была уже советской, и лишь присутствие союзников и белочехов удерживало Политцентр в Иркутске. Выйдя из подполья, большевики при широкой поддержке рабочих и революционных солдат создали Центральный штаб рабоче-крестьянских дружин и повели энергичную борьбу за созыв Совета рабочих депутатов. Переход власти в его руки был делом дней, в крайнем случае недель.

Правительства Колчака уже не существовало, а он сам, стремясь к Иркутску, с 27 декабря находился на станции в Нижнеудинске в потоке белогвардейских эшелонов, пытавшихся поскорее вырваться из угрожаемой для них зоны.

Из Иркутска представители союзников сообщили Колчаку, что лично он может быть вывезен из Нижнеудинска под охра-

¹⁶⁵ Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политцентру. Харбин, 1921, с. 32.

ной чехов в одном вагоне, вывоз же всего его поезда с конвоем (60 офицеров и 500 солдат) объявлялся невозможным.

В окружении Колчака возник план ухода из Нижнеудинска в Монголию походным порядком, и Колчак с готовностью ухватился за него. Однако вскоре стало ясно, что план этот неосуществим. Солдаты конвоя перешли на сторону нижеудинских рабочих, возглавляемых большевиками, а затем и офицеры выразили желание «уходить» в Монголию без верховного правителя. Тогда верховному правителю предложили переодеться в солдатскую шинель и, затерявшись в одном из чехословацких эшелонов, бежать на Восток. Колчак, однако, по словам одного из его приближенных, не захотел принимать милостыню от белочехов¹⁶⁶.

Вагон Колчака, как и вагон его премьер-министра Пепеляева, расцвеченные союзными флагами, прицепили к хвосту эшелона одного из белочехских полков. Остатки личного конвоя верховного правителя были сменены белочехами, которые предполагали в Иркутске передать его под охрану японских войск¹⁶⁷. Но в поезде разместились и вооруженные рабочие из Черемхова, наблюдавшие за чешским конвоем.

Последним «государственным актом» Колчака стал подписанный им указ о сложении с себя звания верховного правителя и передаче его генералу Деникину. Но это была не более чем пустая, никому не нужная бумажка: разбитая деникинская армия под нарастающими ударами Красной Армии беспорядочно бежала к черноморским портам.

Вечером 15 января эшелон прибыл в Иркутск, где стало известно, что бывший верховный правитель передается иркутскому Политцентру. Сразу же с вокзала Колчака и Пепеляева под охраной революционного отряда переправили в городскую тюрьму.

К этому времени политическое положение в Иркутске значительно изменилось. Стало очевидно, что Политический центр теряет последнюю поддержку масс. Декларация советских организаций объявила о созыве 25 января Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а ввиду опасности со стороны белогвардейских банд бывшей армии Колчака, подходивших к Иркутску, предлагала передать власть Военно-революционному комитету, состоявшему из большевиков и левых эсеров. 21 января обанкротившийся Политцентр, просуществовав немногим больше двух недель, передал власть Военно-революционному комитету, и в это же время Чрезвычайная следственная комиссия приступила к допросу Колчака. Однако довести его до конца не удалось.

¹⁶⁶ Ген.-лейт. *Занкевич*. Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адм. Колчака революционному правительству в Иркутске.— Белое дело, т. 2. Берлин, 1927, с. 151—152.

¹⁶⁷ Там же, с. 153.

Остатки разбитых войск генералов Каппеля, Вержбицкого, Войцеховского, Сахарова и Лебедева днем и ночью почти безостановочно шли на восток. Их было почти 30 тыс. Они шли по сибирским дорогам, тянувшимся вдоль железнодорожного полотна, забитого отходящими белочешскими эшелонами.

22 января после захвата Нижнеудинска Каппель, еще ранее назначенный главнокомандующим, устроил военное совещание. Было решено форсировать движение к Иркутску двумя колоннами, взять его с ходу, освободить Колчака, захватить золотой запас. Затем предполагалось установить прочную связь с атаманом Семеновым и создать новый боевой фронт¹⁶⁸. Обе каппелевские колонны должны были соединиться в районе станции Зима, изготовившись для решающего броска к Иркутску. Каппель гнал войска на восток, невзирая на морозы и глубокие снега, не щадя ни себя, ни людей. У него уже были отморожены ноги, когда в пути его конь провалился в ледяную полынью. 25 января Каппель умер от воспаления легких. Дальше войска повел генерал Войцеховский.

Как писал впоследствии председатель Военно-революционного комитета А. Ширямов, это были «наиболее стойкие и упорные в борьбе с Советской властью части, выдержавшие всю двухлетнюю кампанию. Они знали себе цену, знали, что их ожидает в случае встречи с красными, и их путь, этот «ледяной поход», сопровождался неописуемыми жестокостями, расстрелами, грабежами и издевательствами над мирным населением. Они заразили тифом поголовно все население местностей, через которые проходили. Сотни трупов замученных ими людей оставались после их прохода»¹⁶⁹.

Кровавый путь каппелевцев к Иркутску — наглядное проявление подлинного духа монархической белогвардейщины, духа презрения и лютой ненависти к «черной кости», к трудящимся — рабочим и крестьянам, посмевшим поднять руку на «господ», на «законную власть», на государя-императора. Среди каппелевцев усиленно ходили слухи, что в штабе Каппеля и Войцеховского находится то ли великий князь Николай Николаевич, то ли великий князь Михаил Александрович, которые после захвата Иркутска будут коронованы на царство¹⁷⁰.

30 января в районе станции Зима каппелевцы разбили большую заградительную группу советских войск и вышли к Иркутску, на подступах к которому 5—6 февраля уже завязались бои. «Они шли при 30-градусном морозе, — вспоминал А. Ширямов, — и отличались огромным упорством, пленных не было. Раненые противники замерзали на месте...»¹⁷¹ Командо-

¹⁶⁸ Сахаров К. Белая Сибирь, с. 262—263.

¹⁶⁹ Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака. — В кн.: Борьба за Урал и Сибирь. Под ред. И. Н. Смирнова и др. М. — Л., 1926, с. 294.

¹⁷⁰ Кларов Ю. Допрос в Иркутске. М., 1972, с. 125.

¹⁷¹ Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака, с. 299.

вание советских войск предложило генералу Войцеховскому сложить оружие. В ответ он потребовал отвести советские части на 100 верст к северу и выдать Колчака. За это он обещал войти в Иркутск только на два-три дня, а затем увести свои войска за Байкал.

Ультиматум Войцеховского резко оживил контрреволюционное подполье Иркутска. Появились прокламации черносотенного содержания, восхвалявшие Колчака как мученика монархической идеи и призывавшие к его освобождению¹⁷². По всем данным, в Иркутске назревало контрреволюционное восстание, знаменем которого становился свергнутый и арестованный верховный правитель.

Как пишет в своих воспоминаниях председатель Реввоенсовета 5-й армии И. Н. Смирнов, еще в Красноярске он получил от «Владимира Ильича» зашифрованную телеграмму относительно Колчака, в которой он решительно приказывал Колчака не расстреливать¹⁷³. Бывший верховный правитель за совершенные им и его именем злодеяния против народа подлежал суду. Но обстановка в начале февраля 1920 г. в районе Иркутска и в самом Иркутске резко обострилась. В связи с этим Иркутск запросил мнение Реввоенсовета 5-й армии. Оттуда была получена инструкция: «Революционный совет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской Республики»¹⁷⁴.

Решение судьбы Колчака фактически ускорили каппелевцы, рвавшиеся в Иркутск, и контрреволюционные элементы, готовившие восстание в самом городе. Это понимал и сам Колчак. Близкая Колчаку Тимирева, сидевшая в той же тюрьме, что и бывший верховный правитель, сумела передать ему в камеру записку, в которой сообщала об ультиматуме Войцеховского и спрашивала, как Колчак к нему относится. Он ответил, что «смотрит на этот ультиматум скептически», и думает, «что этим лишь ускорится неизбежная развязка»¹⁷⁵.

6 февраля Военно-революционный комитет принял Постановление № 27, в котором объявлялось: «Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и пр.; установлено тайнственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения; по городу разбрасываются портреты Колчака и т. п. С другой стороны, генерал Войце-

¹⁷² Там же, с. 301.

¹⁷³ Смирнов И. Конец борьбы. Перемирие с чехословаками.— В кн.: Борьба за Урал и Сибирь, с. 310. См. также: Бурсак И. Н. Конец белого адмирала.— В кн.: Разгром Колчака. Воспоминания. М., 1969, с. 273.

¹⁷⁴ Цит. по: «Военно-исторический журнал», 1964, № 4, с. 126—127.

¹⁷⁵ Допрос Колчака..., с. IV.

ховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего ответа упоминает о выдаче Колчака и его штаба». Ввиду этого Военно-революционный комитет, стремясь предупредить «бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны», постановил расстрелять Колчака и премьер-министра его правительства Пепеляева. «Лучше казнить двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв», — говорилось в постановлении¹⁷⁶.

В ночь на 7 февраля постановление Военно-революционного комитета было передано председателю Следственной комиссии С. Чудновскому для исполнения. Когда за бывшим верховным правителем пришли в камеру, он пытался покончить с собой при помощи ампулы с ядом, зашитой в носовой платок. Пепеляев вел себя жалко, слезно молил о пощаде...¹⁷⁷

На этом можно закончить историю сибирской монархической контрреволюции, хотя она и имела свой эпилог. Банды генералов Семенова, Унгерна, Казагранди, Казанцева и других колчаковских генералов при поддержке японских империалистов еще почти два года пытались гальванизировать ее. В мае 1921 г. каппелевцам и семеновцам удалось даже произвести переворот в Южном Приморье и поставить у власти во Владивостоке правительство японских агентов и спекулянтов Меркуловых. Но это были лишь судороги раздавленной колчаковщины. Летом 1922 г. власть братьев Меркуловых была заменена правительством монархиста М. К. Дитерихса, одного из бывших колчаковских главнокомандующих. В своих выступлениях Дитерихс громко и открыто призывал к непримиримой борьбе с большевиками, конечной целью которой должно было стать восстановление «законного хозяина земли русской, помазанника божьего из дома Романовых». Созванный им Земский собор посылал верноподданнические телеграммы бежавшим в Европу представителям дома Романовых. Дитерихс, как и Семенов, поддерживал связи с эмигрантскими монархическими организациями в Европе.

Находившийся в Японии генерал В. Г. Болдырев писал в своем дневнике, что с приходом к власти Дитерихса началось «открытое провозглашение монархического начала как руководящего политического лозунга». Дитерихс «вполне определенно и открыто высказал идею монархии, высказал то, что тайно, с опаской и с оглядкой или, наоборот, в хмельном угаре, иногда совершенно анархично выявляли до него идейные и искренние или лукавые и расчетливые сторонники монархического начала»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ *Ширямов А.* Иркутское восстание и расстрел Колчака, с. 302—303.

¹⁷⁷ *Чудновский С.* Конец Колчака. — В кн.: *Годы огневые, годы боевые. Сборник воспоминаний.* Иркутск, 1961, с. 209—210.

¹⁷⁸ *Болдырев В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты, с. 484—485.

«ЦАРЬ АНТОН»

Царские генералы — Юденич на севере, Деникин на юге — еще раз напрягают силы, чтобы победить Советскую власть, чтобы восстановить власть царя, помещиков и капиталистов.

Л е н и н

Деникинщина принимает эстафету корниловщины

Если колчаковщина поднялась на эсеров-меньшевистских дрожжах, то деникинщина с самого начала имела собственную — кадетско-монархическую основу.

Во второй главе говорилось о «разочаровании» корниловцев в керенщине, якобы предавшей верховного главнокомандующего в момент решительной борьбы с «революционной анархией». И потому, когда контрреволюционная духонинская Ставка пыталась сокрушить только что победившую Советскую власть, все еще действуя совместно с остатками керенщины¹, корниловские генералы — «быховские узники» — пессимистически оценивали шансы «слабохарактерного» Н. Н. Духонина. Они, по-видимому, считали, что карта Временного правительства бита окончательно и начинать новую контрреволюционную борьбу нужно уже не во имя его восстановления², а во имя возрождения устоев дореволюционной монархической России.

Когда стало ясно, что контрреволюционные планы Ставки провалились, а сама она доживает последние дни (к Могилеву двигались революционные войска во главе с новым верховным главнокомандующим Н. В. Крыленко), Духонин понял, что теперь наступило время развязать руки «быховским» генералам. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. он направил в Быхов своего

¹ В ставке (в Могилеве) предпринимались попытки воссоздать правительство с участием меньшевиков и эсеров. См.: *Миц И. И.* История Великого Октября, т. 3. М., 1973, с. 388; *Лазарев М. С.* Ликвидация Ставки старой армии как очага контрреволюции. — «Вопросы истории», 1968, № 3; *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России. М., 1976, с. 106—130.

² Показательна в данном случае позиция корниловца донского атамана А. М. Каледина. Вначале он заявил о поддержке Керенского, но очень скоро отказался принять у себя в Новочеркасске так называемое подпольное Временное правительство (*Демьянов А. А.* Записки о подпольном Временном правительстве. — В кн.: Октябрьская революция. Мемуары. Сост. С. А. Алексеев. М. — Л., 1926, с. 330—331).

доверенного, полковника П. А. Кусонского, передавшего корниловцам приказ срочно уходить из Быхова. Раздобыв фальшивые паспорта, «быховские узники», разделившись на небольшие группы, покинули город, чтобы разными путями пробраться на калединский Дон, в Новочеркасск, где, как им было известно, генерал М. В. Алексеев уже приступил к формированию Добровольческой армии.

Как утверждает А. И. Деникин, никакой политической программы Алексеев в этот период не выдвигал и цель его заключалась только в одном: создать вооруженную силу «для водворения порядка в России». Однако достаточно перечислить лиц, которые наряду с Алексеевым стояли у колыбели Добровольческой армии, чтобы очертания политической физиономии «новорожденного» прояснились в достаточной мере.

Уже в ноябре 1917 г. в Новочеркасск стали прибывать некоторые руководящие деятели таких реакционных организаций, как Совет общественных деятелей, Торгово-промышленный комитет, Союз земельных собственников. Среди них были М. В. Родзянко, П. Б. Струве, М. М. Федоров, Г. Н. Трубецкой и другие будущие члены монархического Правого центра. Именно они (а также монархисты В. В. Шульгин, Н. Н. Львов, Л. В. Половцев и др.) присутствовали на совещаниях, где практически решался вопрос о создании Добровольческой армии³.

В первой декаде декабря 1917 г. вся корниловская верхушка (Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, И. П. Романовский, И. Г. Эрдели и др.) была в Новочеркаске в полном сборе.

Приблизительно в середине декабря некоторые из находившихся в Новочеркаске «общественных деятелей» и корниловские генералы собрались на совещание, чтобы обсудить вопрос об организации и структуре руководства формировавшейся Добровольческой армии. Вопрос этот имел существенное значение, так как от его решения зависел характер будущей политической программы добровольцев. Корнилов поставил ультиматум: ему должна принадлежать неограниченная власть, в противном случае он уедет «поднимать» контрреволюцию в Сибирь⁴. Такая позиция Корнилова прежде всего объяснялась уроками провала его августовского мятежа: он, как и многие другие, винил в этом «политиканов», так или иначе связанных с керенщиной.

Напротив, «политиканы», в большинстве своем принадлежавшие к октябристским и правонадетским кругам, делали свои выводы из краха корниловщины: по их мнению, он стал следствием солдафонской прямолинейности Корнилова и отсутствия

³ Кин Д. Деникищина. Л., 1926, с. 9.

⁴ Лукомский А. Воспоминания, т. 1. Берлин, 1922, с. 280.

«политического чутья» у окружавших его авантюристов. В связи с этим они не были склонны принять единоличную корниловскую диктатуру.

В конце концов достигли известного компромисса: создавался «триумvirат», в котором Корнилову вручалась военная власть, Алексееву — гражданское управление, финансы и сношения с союзниками, Каледину — дела, связанные с управлением областью войска Донского. При «триумvirате» создавался Совет общественных деятелей, куда входили М. М. Федоров, Г. Н. Трубецкой, П. Б. Струве, С. С. Щетинин и несколько позднее П. Н. Милуков. Впрочем, в Совете оказалось и несколько «социалистов», в частности прибывший в Новочеркасск Б. В. Савинков, который усиленно, но в общем безуспешно убеждал генералов-монархистов в необходимости сотрудничества для борьбы с большевизмом⁵. Вскоре он вынужден был оставить Дон.

В конце декабря добровольческие вожди опубликовали заявление, в котором провозглашалось, что после победы над большевиками в вопросе о государственном строе России Добровольческая армия подчинится «хозяину земли русской» — вновь избранному Учредительному собранию. Таким образом, южная белогвардейщина формально использовала тот же лозунг, что и весь антибольшевистский лагерь. В «Тезисах об Учредительном собрании» В. И. Ленин писал: «Ход событий и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию»... *стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников*»⁶.

Однако истинные намерения добровольческой верхушки были более определенными. Вот запись так называемого «допроса» генерала Алексеева на заседании калединского Войскового правительства в январе 1918 г. На вопрос «каковы ваши надежды на будущее?» Алексей, до того разглагольствовавший о готовности сотрудничать с «демократическими элементами», ответил: «Я твердо верю в полное очищение России от большевизма, и в этом нам окажет поддержку вся толща российской интеллигенции и, кроме того, крестьянство, которое уже устало от большевиков и готово принять хоть плохонького царя...»⁷

В зарубежной литературе (белоэмигрантской и иностранной) по истории деникинщины можно найти немало страниц, посвященных разногласиям, существовавшим между Корниловым и Алексеевым, причем нередко их разногласиям придается идеологическая окраска. Но обращает на себя внимание путаница, которая в данном случае допускается. Так, например, Деникин отмечал, что Алексеева в армии считали монархистом,

⁵ Лукомский А. Воспоминания, т. 2. Берлин, 1922, с. 285.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 164—165.

⁷ «Донская летопись», 1923, № 2, с. 303.

а Корнилова — «демократом» и «народоправцем»⁸. В свою очередь Милюков, как он пишет, «с удивлением» прочитал об этом у Деникина, так как он всегда считал Алексеева человеком «либерально настроенным», а Корнилова — монархистом⁹.

По мнению американского историка Добровольческой армии П. Кенеза, в этой разногласии имеет место известное недо-разумение, поскольку значительных идеологических различий между Алексеевым и Корниловым не существовало: просто для взглядов Корнилова более характерно «прямолинейно-солдатское мышление», но оба генерала разделяли «фундаментальные идеи Февральской революции»¹⁰. Как одно из доказательств Кенез приводит следующие факты: Алексеев в дни Февраля содействовал отречению царя, а Корнилов, являясь командующим Петроградским военным округом, арестовал императрицу в Царском Селе.

Конечно, если усматривать «фундаментальные идеи» Февральской революции только в этом, с Кенезом, пожалуй, можно согласиться. Но «фундаментальные идеи» Февраля, как известно, состояли совсем в ином, и, как уже отмечалось, оба генерала очень скоро это поняли. Через несколько дней после победы Февральской революции Алексеев говорил: «Никогда себе не прошу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении государя от престола...»¹¹ Корнилов же, по словам монархиста полковника Ф. В. Винберга, «никогда не мог простить себе после своего постыдного поведения при аресте царской семьи»¹².

Эти покаяния свидетельствуют об одном: когда стало ясно, что Февральская революция пошла гораздо дальше того, чтобы заменить одного царя на другого, превратить монархию «неприличную» в «приличную», оба генерала сразу же оказались в лагере реакции. Корнилов и Алексеев сходились не на *принятии*, а на *отрицании* важнейших завоеваний Февральской революции, что означало их стремление к реставрации многих порядков дофевральского, т. е. монархического, режима.

«Добровольческий» журналист Б. Суворин писал: «Генерал Алексеев считал, что конституционная монархия — единственно

⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2. Париж, 1922, с. 196. См. также: Гуль Р. Ледяной поход. Берлин, б. г., с. 16—17; Белогорский Н. Доколе же... Берлин, 1931, с. 62.

⁹ Милюков П. Н. Россия на переломе, т. 2. Париж, 1926, с. 57—58.

¹⁰ Kenes P. Civil War in the South Russia. New York, 1971, p. 76, 79.

¹¹ Мартынов Е. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927, с. 176. Есть сведения, что Алексеев даже написал для «потомков» покаянное письмо, в котором «признавался в своих ошибках во время отречения государя». Письмо якобы хранилось на даче бывшего члена Государственного совета П. М. Кауфмана в Кисловодске.

¹² Винберг Ф. Крестный путь, ч. 1. Мюнхен, 1922, с. 184.

подходящий для русского народа режим»¹³. Корнилов же, рассказывает Суворин, с недоумением и раздражением часто спрашивал его: «Скажите, откуда создалась легенда о моей революционности?»¹⁴ (под «революционностью» имелась, конечно, в виду позиция Корнилова в первые послефевральские дни).

Разногласия, которые действительно существовали между Алексеевым и Корниловым, во многом носили личный характер, хотя жестокостью Корнилов, пожалуй, превосходил своего бывшего начальника. Об этом свидетельствует рассказ М. Нестерович-Берг, занимавшейся переброской белогвардейцев на Дон. В первых числах декабря 1917 г. в Новочеркасске стало известно, что контрреволюционные элементы готовят в Петрограде взрыв Смольного. По словам Нестерович, Алексеев отказался поддержать их на том якобы основании, что могут пострадать «невинные» (на деле он, видимо, просто считал это авантюрой). Корнилов же требовал осуществить задуманное, заявив, что для «спасения России» можно «сжечь пол-России» или «залить кровью три ее четверти»¹⁵.

И эти «спасители» России мнили себя мининскими и пожарскими, собирающими на Дону новое «всенародное ополчение». Впрочем, сам Деникин признавал, что «всенародного ополчения не вышло». На Дон пробирались главным образом офицеры, и то исповедывавшие откровенно реакционные взгляды¹⁶. Корнилов, встречавший новоприбывших, с досадой спрашивал у своих подчиненных: «Это все офицеры, а где солдаты?»¹⁷ Солдат не было. «Печать классового отбора,— писал Деникин,— легла на армию прочно и давала недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противопоставлять ее цели народным интересам»¹⁸. Милюков раскрывает вторую, не очень определенную часть этого деникинского признания и ставит точку над «и»: «В составе офицерства, собравшегося на юге, было 80% монархистов и среди них немало сторонников старого режима»¹⁹.

Калединский Дон, где шло формирование Добровольческой армии, должен был, по расчетам внутренней реакции и империалистов Антанты и США, превратиться в одну из основных баз российской контрреволюции. Но уже к середине декабря 1917 г. стало ясно, что эти расчеты построены на песке. Контрреволюция недооценила по крайней мере два важнейших фак-

¹³ Суворин Б. За родиной. Париж, 1922, с. 189.

¹⁴ Там же, с. 117.

¹⁵ Нестерович-Берг М. В борьбе с большевиками. Париж, 1931, с. 96—97.

¹⁶ Сергеев А. Деникинская армия сама о себе. М., 1920, с. 12—14.

¹⁷ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг. Сост. В. Павлов, кн. 1. Париж, 1962, с. 64.

¹⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 199.

¹⁹ Милюков П. Н. Россия на переломе, т. 2, с. 57.

тора: во-первых, глубины классового расслоения и остроты классовой борьбы на Дону и, во-вторых, притягательности и силы Советской власти.

Уже очень скоро Каледин понял, какого грозного противника у себя «дома» он имеет в лице рабочего класса Дона, и прежде всего пролетариата Донбасса, руководимого большевистской партией. Все более враждебными Каледину и его правительству становились так называемые иногородние; непрерывно углублялся раскол и в среде казачества. Возвращавшиеся с фронта на Дон казачьи полки быстро большевизировались. То же самое происходило и с массой малоземельных казаков. «Против Каледина,—писал В. И. Ленин,—стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже на Дону»²⁰.

Советское правительство во все возрастающем масштабе оказывало помощь революционным силам Дона, боровшимся против Каледина за установление власти Советов. Еще 26 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров принял обращение «Ко всему трудовому казачеству», в котором говорилось: «Ваша судьба, казаки, в ваших собственных руках. Наши общие враги — помещики, капиталисты, корниловцы-офицеры»²¹. Это обращение сыграло большую роль в активизации борьбы против каледищины на Дону. В январе 1918 г. в станице Каменской открылся съезд фронтового казачества. Съезд создал Военно-революционный комитет (во главе с Ф. Г. Подтелковым и М. В. Кривошлыковым), который объявил войсковое правительство Каледина низложенным и начал против него вооруженную борьбу. Почти одновременно перешли в наступление войска из Советской России. 29 января, выступая на заседании войскового правительства, Каледин заявил: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно»²². В тот же день он покончил жизнь самоубийством. Войсковой круг избрал нового атамана — Назарова, но «назаровщина» уже не могла стать продолжением каледищины. Донская контрреволюция на Дону агонизировала²³.

Не дожидаясь неминуемого взятия красными Ростова и Новочеркасска, Корнилов приказал Добровольческой армии уходить с территории Дона на Кубань. Вместе с белогвардейцами-добровольцами в Сальские степи бежали и остатки калединских войск.

Начался так называемый Ледяной поход Добровольческой армии, который на страницах белоэмигрантской литературы подавался в виде высшего образца героизма и самоотверженно-

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 211.

²¹ Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1957, с. 174—177.

²² Там же, с. 241—242.

²³ Подробнее об этом см.: Кириенко Ю. К. Крах каледищины. М., 1976.

сти во имя «белой идеи»²⁴. В наши дни «героизация» Ледяного похода нередко встречается в трудах западных советологов, пишущих о гражданской войне в России.

Однако многочисленные свидетельства, содержащиеся в мемуарах самих участников этого похода, показывают, что «героизм» «первопоходников» имел источником не что иное, как люютую злобу к освободившемуся народу, а результатом — кровавый след массовых расправ над рабочими и крестьянами, протянувшийся от Ростова до Екатеринодара. Ледяной поход наглядно показал истинные — реставраторские — цели добровольцев и тот страшный «выкуп», который они намеревались взять с революции во имя достижения своей цели. Участник похода Р. Гуль рассказывает о массовых расстрелах пленных, добывании раненых, поголовных порках до тех пор, пока «плети были в крови». «Самые трусы в бою, самые звери после боя», — писал Р. Гуль о добровольцах²⁵. И это отнюдь не было лишь проявлением злобной мести отдельных лиц, произволом «рядовых». В одном из выступлений Корнилов говорил: «В этих боях вам придется быть беспощадными... И я даю вам приказ: пленных не брать. Ответственность за этот приказ перед богом и русским народом беру на себя»²⁶.

Добровольческая армия прокладывала себе путь пулями и плетью. Генерал А. Богаевский пишет в своих воспоминаниях, что в станице Ольгинской почти никто не присоединился к армии, несмотря на все призывы²⁷. «Певец» Ледяного похода Л. В. Половцев свидетельствует, что так было всюду. «Огромные станицы, с несколькими тысячами жителей, — пишет он, — давали 10—15, а самое большее 30 добровольцев»²⁸.

В середине февраля было решено, что армия двинется к Екатеринодару. Если Советская власть установилась уже почти на всей территории Дона, то на Кубани этот процесс еще не завершился. В Екатеринодаре продолжала заседать Кубанская краевая рада. Бывший царский полковник В. Покровский сформировал здесь белоказачий отряд, который сдерживал наступление советских кубанских войск. Для характеристики этого защитника кубанских эсерствующих областников достаточно привести свидетельство белогвардейца генерала Г. Шкуро. Даже этот кровавый каратель был потрясен садистскими наклонностями Покровского, который упрекал его (Шкуро) в... либерализме по отношению к большевикам и представителям Советской власти²⁹.

²⁴ Половцев Л. В. Рыцари тернового венца. Прага, б. г.; Милуков П. Н. Россия на переломе, т. 2, с. 60—61, и др.

²⁵ Гуль Р. Ледяной поход, с. 68—69, 85. См. также: Суворин А. Поход Корнилова. Ростов, 1918, с. 39.

²⁶ Марковцы в боях и походах за Россию..., кн. 1, с. 78.

²⁷ Богаевский А. Воспоминания, 1918 год. Нью-Йорк, 1963, с. 55.

²⁸ Половцев Л. В. Рыцари тернового венца, с. 98.

²⁹ Шкуро Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961, с. 170.

Рассчитывая, что белоказачье население Кубани окажет Добровольческой армии более действенную поддержку, и надеясь соединиться с Покровским, Корнилов и Алексеев буквально рвались к Екатеринодару. И все же Советская власть опередила их. В конце февраля кубанское «правительство» и «армия» Покровского бежали из города, и там была провозглашена власть Советов. Узнав об этом, Корнилов и Алексеев повели свои войска на соединение с отрядом Покровского, при котором находилось и кубанское «правительство». В станице Ново-Дмитриевской состоялись переговоры, на которых Добровольческую армию представляли Корнилов, Алексеев, Деникин и другие, а беглое кубанское «правительство» — войсковой атаман А. П. Филимонов, председатель рады Н. С. Рябовол, глава правительства Л. Л. Быч и Покровский.

Кубанцы, носившиеся с идеями сепаратизма и автономии Кубани, пытались отстаивать сотрудничество с Добровольческой армией в борьбе против Советской власти на равноправных началах. Они, пишет Деникин, говорили о конституции суверенной Кубани, автономии и т. п. «На нас... вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напоминавшим лето 1917 г. — с бесконечными дебатами революционной демократии»³⁰. Но приходилось сдерживаться: отряд Покровского был необходимым подкреплением для предстоящего штурма Екатеринодара.

Он начался в последних числах марта 1918 г. Белые несли огромные потери, но Корнилов, не останавливаясь ни перед какими жертвами, гнал их вперед. Так продолжалось до тех пор, пока сам он был убит снарядом, разорвавшимся в его штабе. Новым главнокомандующим армии, с согласия Алексева, стал генерал Деникин. Первым своим приказом он прекратил штурм Екатеринодара. Началась вторая часть Ледяного похода: 220-верстный путь по Северному Кавказу в обратном направлении — на Дон, путь, занявший почти весь апрель.

Что же заставило разбитую Добровольческую армию вновь двинуться туда, откуда она бежала в феврале 1918 г.? Определяющую роль в этом сыграли два фактора: контрреволюционное восстание, вспыхнувшее в ряде донских станиц в начале апреля 1918 г. под руководством калединских генералов и офицеров, и вторжение на Дон германских войск с территории Украины. Советский исследователь К. А. Хмелевский подчеркивает, что наступление войск германского империализма явилось решающим фактором в развертывании гражданской войны на Дону весной 1918 г.³¹

³⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 278. Позднее Рябовол был убит добровольческими офицерами-монархистами, а другой лидер кубанцев-автономистов, Н. Калабухов, повешен по приказу деникинских властей.

³¹ Хмелевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону. Ростов, 1965, с. 32.

Несмотря на героическое сопротивление трудящихся масс и советских войск, руководимых большевиками, соотношение сил складывалось в пользу казачьей белогвардейщины. К тому же в 20-х числах апреля на Дон прибыла бригада полковника М. Дроздовского. Она начала формироваться на румынском фронте еще в конце 1917 г. по призыву Алексеева и Корнилова, находившихся тогда в Ростове. Дроздовцы, проделав длительный марш по территории, оккупированной немцами, которые всячески содействовали их продвижению³², захватили Новочеркасск, а немцы и белоказаки взяли Ростов. 28 апреля (11 мая) в Новочеркасске собрался так называемый Круг спасения Дона, большинство делегатов которого представляли контрреволюционные мятежники. Круг призвал австро-германские войска к совместной борьбе против Советской власти и избрал атаманом ярого монархиста генерала П. Н. Краснова.

Известия о том, что белоказачий Дон восстал и, опираясь на германские штыки, свергнул Советскую власть, подняли дух в рядах разгромленной под Екатеринодаром Добровольческой армии. В конце апреля, за несколько дней до избрания Краснова, она снова появилась на территории Дона и расположилась в станицах Мечетенской и Егорлыцкой. Первый Кубанский поход кончился.

«Умолчание» и «непредрешение»

Теперь перед командованием Добровольческой армии во всей остроте встало два вопроса: о внешнеполитической ориентации, поскольку здесь, на красновском Дону, находились германские войска, и о «внутренней» политической программе.

Деникин (как, впрочем, и другие белоэмигрантские авторы) утверждает, что добровольцы решительно отвергли «все комбинации с германцами и их ставленниками», остались верными «союзническому долгу»³³. Он осуждал Милюкова за перемену политической ориентации, приведшую кадетского лидера к установлению связей с германскими оккупационными властями в Киеве. В ответ на это Милюков выражал недоумение. По его словам, направляясь в Киев (в конце мая 1918 г.), он был убежден, что едет туда с ведома Алексеева «для общего дела» и что его «соображения» (т. е. решение сделать ставку на Германию) «разделяются Алексеевым»³⁴.

В этой полемике определенная доля правды на стороне Милюкова. Сам Деникин обронил фразу, что добровольческое

³² Туркул А. Дроздовцы в огне. Мюнхен, 1948, с. 21—22; Дневник Дроздовского. Берлин, 1933, с. 108—109.

³³ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3. Берлин, 1924, с. 133. См. также: Милюков П. Н. Россия на переломе, т. 2, с. 68.

³⁴ «Последние новости» (Париж), 1924, 3 апреля.

командование (особенно весной и летом 1918 г.) в лице Алексеева смотрело на вопрос о внешнеполитической ориентации довольно «элементарно»³⁵, т. е. руководствовалось чисто практическими соображениями.

Через Краснова Добровольческая армия получала германское оружие и боеприпасы³⁶, а само немецкое командование охотно пропускало в деникинский стан направлявшихся туда офицеров. Герцог Г. Лейхтенбергский писал: «Вряд ли ошибусь, сказав, что при таком образе действий ими (немцами.— Г. И.), по крайней мере их военными властями, руководило убеждение, что Добровольческая армия по существу своему монархична, что поэтому усиление ее есть усиление монархического элемента вообще... и что с монархической Россией они легче сговорятся в будущем»³⁷.

Другим, пожалуй, еще более важным вопросом, вставшим перед Добровольческим командованием после возвращения армии из первого Кубанского похода, был вопрос о ее политической программе. Как отмечалось в конце 1917 — начале 1918 г., Добровольческая армия официально формировалась под лозунгом борьбы с большевизмом за созыв нового Учредительного собрания. Но из Ледяного похода Добровольческая армия, по признанию многих белоэмигрантских авторов, вернулась еще более монархической, чем ранее. Трудности похода, враждебность со стороны трудового населения, поражения, понесенные в боях с советскими войсками,— все это резко усилило озлобление массы добровольческого офицества, укрепило в нем неумную жажду реванша. Деникип вспоминал, что вскоре после екатеринодарского разгрома находившийся в обозе Добровольческой армии М. В. Родзянко подвергся настоящим гонениям со стороны офицеров, считавших его «главным виновником революции и всех последующих бед»³⁸ (ранее подобные гонения испытали оказавшиеся в расположении Доброй армии эсеры Б. Савинков, Ф. Баткин и др.). В преследованиях «старика» Родзянко добровольческие офицеры выражали свою ненависть к Февральской революции, свергшей «государя-императора», как им казалось, по вине либералов типа Родзянко, Милюкова и др.

³⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 64.

³⁶ Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское.— «Архив русской революции», т. 5. Берлин, 1922, с. 205.

³⁷ Лейхтенбергский Г. Как начиналась Южная армия.— «Архив русской революции», т. 8. Берлин, 1923, с. 168. Генерал Э. Людендорф впоследствии писал, что «русская Добровольческая армия получила значительную поддержку во время пребывания германской армии на Украине (*Aufbau*, (München), 1921, № 4/5, S. 17). По некоторым данным, немцы намеревались объединить Добровольческую армию с Южной и Астраханской под командованием генерала Ф. А. Келлера (Толпорков С. Граф Ф. А. Келлер.— «Военно-исторический вестник», 1962, т. 19, с. 19).

³⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2, с. 315.

В 20-х числах апреля командование армии опубликовало обращение, в котором официально подтверждалась политическая программа, объявленная еще в конце декабря 1917 г. при корниловско-алексеевско-калединском «триумvirате». Здесь вновь говорилось, что главная задача Добровольческой армии заключается в «спасении России» путем «беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно-мыслящие круги населения» (всем было ясно, что под последними понимаются элементы, в политическом спектре занимающие место не левее кадетов). Далее следовало разъяснение, что командование «не предпринимает» будущих форм государственного строя России, «ставя их в зависимость от воли всероссийского Учредительного собрания, созванного по водворении в стране правового порядка».

Вскоре после того, как это обращение стало известно в армии, к Деникину явился командир так называемого Корниловского полка генерал С. Марков и сообщил, что многие офицеры высказывают неудовольствие упоминаниями Учредительного собрания, «правового порядка»³⁹ и т. п. В армии все настойчивее звучало требование прямо заявить «о подъеме монархического флага», решительно отделившись от «полюнявших побрякушек вроде Учредительного собрания»⁴⁰.

Многие добровольческие офицеры стали объединяться в негласные монархические организации. На Дону происходил тот же процесс, что и в сибирской армии Колчака: наиболее правые, черносотенные элементы, не доверяя даже своему командованию, по их мнению запутавшемуся в сделках с либералами и даже «социалистами», начали исподволь консолидироваться. Из политических сводок, составлявшихся для деникинского штаба, видно, что эти организации получили в Добровольческой армии довольно широкое распространение. Генерал Дроздовский, состоявший в одной из монархических групп, говорил Деникину, что добровольческое командование недооценивает их «силы и значения»⁴¹.

Давление на Алексея и Деникина как «вождей» Добровольческой армии (первый официально считался верховным руководителем Добровольческой армии, а второй — ее командующим) со стороны монархо-реставрационистских элементов непрерывно усиливалось. Генерал А. Лукомский указывал Деникину, что «большинство отрицают возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кто допускает, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы»⁴². Генерал Келлер из Киева писал Алексею: «Верно, что вам, Михаил Васильевич, тяжело признаться в своем заблуж-

³⁹ Там же, с. 342.

⁴⁰ Там же, с. 132.

⁴¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. т. 3. Берлин, 1924, с. 131.

⁴² Там же, с. 132.

дении (речь шла о позиции Алексеева в февральские дни 1917 г., когда он «посоветовал» царю отречься от престола.— Г. И.), но для пользы и спасения родины... вы обязаны на это пойти и покаяться откровенно и открыто в своей ошибке... и объявить всенародно, что вы идете за царя»⁴³.

К этому же Алексеева и Деникина склоняли и политики, тесно связанные с Добровольческой армией: Шульгин, Милюков и др.

В ответе Шульгину (написанном в июне 1918 г.) Алексеев писал: «Относительно нашего лозунга — Учредительное собрание — необходимо иметь в виду, что выставили мы его лишь в силу необходимости... Наши симпатии должны быть для вас ясны, но проявить их здесь открыто было бы ошибкой, т. к. населением это было бы встречено враждебно...» И далее Алексеев заверял Шульгина, что, как только Добровольческая армия приобретет достаточно обширную «подвластную ей территорию», так вопрос о монархическом лозунге будет вскоре поставлен в «повестку дня»⁴⁴.

Характеризуя позицию, занятую Алексеевым в вопросе о провозглашении лозунга реставрации монархии, Деникин называет ее позицией «умолчания». Умолчания о чем? О реставрации монархии в России после свержения Советской власти. Но говоря о собственной позиции, Деникин утверждает, что он был не согласен с Алексеевым, что его позиция была иной. Так ли это?

Деникин изложил свою точку зрения на собрании командного состава Добровольческой армии, состоявшемся в станице Егорлыцкой в мае 1918 г. Он признал, что большинство требует «немедленного поднятия монархического флага». Но это, говорил он, приведет к тому, что круги, которые «если и не помогают армии, то ей и не мешают»⁴⁵, могут встать на путь борьбы с ней. И чтобы не оттолкнуть их, добровольцы-монархисты должны воздержаться от открытого выражения своих истинных устремлений.

В отличие от алексеевской позиции «умолчания» Деникин называет свою позицию позицией «непредрешения». Но между этими двумя позициями есть нечто общее: и та и другая представляли собой политическую тактику антибольшевистской, антисоветской борьбы.

«Непредрешенство», писал Деникин, давало различным антибольшевистским элементам «возможность сохранять плохой мир и идти одной дорогой, хотя и в перебой, подозрительно оглядываясь друг на друга, враждуя и тая в сердце — одни республику, другие монархию»⁴⁶. О том, что вожди Добро-

⁴³ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 136.

⁴⁴ Там же, с. 86.

⁴⁵ Там же, с. 132.

⁴⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 4. Берлин, 1925, с. 201.

вольческой армии в своих сердцах «таили монархию», свидетельствует, в частности, следующее письмо Алексеева генералу Д. Г. Шербачеву, написанное в июле 1918 г.: «Руководящие деятели армии считают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица»⁴⁷.

Речь, таким образом, шла лишь о некоторых «поправках», об определенных «коррективах» к монархии, свергнутой в феврале 1917 г. Их, по мысли главарей белогвардейщины, могли внести элементы бывшей «оппозиции его величества», т. е. общественные деятели октябристско-кадетского толка, но ни в коем случае не левее. Деникин и другие белогвардейские генералы, по-видимому, задумывались над тем, что далеко не все легко согласятся с ограниченным пределом тех «поправок» к царизму, который они соглашались допустить. Что тогда? Об этом, конечно, вслух говорить не полагалось, но позднее, уже в эмиграции, Деникин в своих «Очерках» все же обронил весьма красноречивую фразу. Я считал, писал он, что непредрешенство позволяло нам довести свою «кладь» до Москвы, а «если там при разгрузке произошло бы столкновение разномыслящих элементов, даже кровавое, то оно было бы, во всяком случае, менее длительным и изнурительным, чем большевистская неволя»⁴⁸.

Это, как говорится, и есть точка над «и»: не очень «длительное» кровавое «столкновение» должно было позволить белогвардейской контрреволюции окончательно «решить» то, что до своей победы они маскировали «непредрешенством», — восстановить царизм.

Простые крестьяне, попавшие под власть деникинских оккупантов, своей практической сметкой легко улавливали подлинный смысл «непредрешенства». Эмигрантский писатель Е. Чириков позднее рассказал о полученном им письме бывшего белогвардейца, вспоминавшего о бесплодности «непредрешенческой» пропаганды. «Нас, рядовых бойцов, — писал автор письма, — мужики часто спрашивали: «Что же вы за царя Миколу идете?», — а мы ничего не могли ответить, мы расплывались в туманных, непонятных для нас самих разглагольствованиях о земском соборе и народном волеизъявлении. Мужики слушали нас недоверчиво и спрашивали: «Так кто же будет? Раз вы не знаете за кого идете, то кто же пойдет за вами? Вот большевики дают нам землю, и волю, и все прочее для народа, а что дадите вы?»

«— И мы дадим вам и землю, и волю, и все прочее...

⁴⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 130.

⁴⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 4, с. 210.

— Так какая же разница между вами и зачем вы против большевиков воюете?

— У нас все будет законно, без насилий и грабежей... как сам народ решит...

— А кто же будет управлять народом-то, покуда он все это решит. Поди все решать будет генерал Деникин?»

Мужики ехидно улыбались, а мы стушевывались. Мы видели, что мужики правы»⁴⁹.

«Непредрешенство» добровольческого командования, его отказ официально принять прогерманскую ориентацию, а также откровенно великодержавные лозунги воссоздания «единой и неделимой России» обостряли отношения Алексея Деникина с сепаратистом и германофилом атаманом Красновым. К этому прибавлялись и личные амбиции. Краснов не скрывал, что он готов сам во главе Донской армии «освободить Россию от большевиков», и упорно отвергал предложение встать под единое добровольческое командование.

В конце мая 1918 г. разногласия проявились и в военно-стратегической сфере. Краснов предлагал Добровольческой армии атаковать Царицын, указывая на возможность соединения здесь с восточной контрреволюцией (белочехи, атаман Дутов). Деникин отвергал этот план, считая, что Добровольческая армия должна вновь двинуться на Кубань, создать себе прочный тыл на юге, а уже затем развернуть наступление в северном направлении — на Москву. Деникин понимал, что движение к Царицыну приведет Добровольческую армию в чисто крестьянские губернии, т. е. в откровенно враждебную ей среду. Он не хотел покидать казачьи районы, где хотя бы определенная часть населения (зажиточное казачество) могла оказать добровольцам поддержку. Стратегические решения в ходе гражданской войны во многом диктовались условиями классовой борьбы.

В июне 1918 г. окрепшая и численно возросшая (до 10 тыс. бойцов) Добровольческая армия двинулась в свой второй Кубанский поход. В августе она захватила Екатеринодар, который с этого времени стал не только столицей «деникии», но превратился в центр сосредоточия российской контрреволюции (зимой 1917/18 г. и весной 1918 г. таким центром (нелегальным) была Москва, летом 1918 г. — оккупированный немцами Киев, а с осени 1918 г. — деникинский Екатеринодар). Город как бы вернулся в дореволюционные, царские времена. Когда член ЦК кадетской партии Н. И. Астров в сентябре 1918 г. приехал в Екатеринодар, встречавший его другой

⁴⁹ Чириков Е. О шкуре неубитого медведя. — «Борьба за Россию», 1927, № 15, с. 2.

кадет — В. А. Степанов с явным удовольствием обратил внимание своего товарища на «наших старых, дореволюционных жандармов»⁵⁰.

Осенью 1918 г. под контролем Добровольческой армии уже находилась немалая территория от Донской области до Туапсе на Черном море и Ставрополье на Северном Кавказе (Кубань, правда, управлялась «собственным» правительством). Приказом генерала Алексеева были назначены два военных губернатора: Глазенап в Ставрополь и Кутепов — в Новороссийск. Сразу же, по признанию самого Деникина, началось восстановление старых, царских порядков. Заместитель Глазенапа генерал Уваров отдал ряд приказов об отмене всех законов, принятых Временным правительством, о компенсации потерь и убытков помещиков. А в уездах, констатировал Деникин, «было еще хуже»⁵¹.

Приблизительно в это время в Екатеринодаре было получено сообщение о создании в Уфе «всероссийской власти» в лице правозсеровско-кадетской Директории. В письме Деникину члены Директории выражали надежду, что Добровольческая армия пойдет с новым правительством «единым путем». Однако главнокомандующий Деникин (генерал Алексеев умер в конце сентября) решительно отказался признать Директорию как «ответственную и направляемую Учредительным собранием первого созыва, возникшим в дни народного помещательства...» (в то же время он не исключил возможности объединенных действий во имя «возрождения великодержавной России»).

Напрасно эсеро-меньшевистские деятели «общественных» организаций Екатеринодара и некоторых других городов Кубани выражали свою готовность бежать за деникинско-белогвардейскими дрожками. Деникин пишет, что к нему неоднократно обращались представители «левой общественности» с предложением укрепить его власть «пристройкой к ней двух лиц — кадета и самого мирного социалиста». Но такое предложение, разъясняет он, было идеей, «совершенно праздной, не считавшейся вовсе с тогдашней психологией армии»⁵². А психология эта «принимала характер нетерпимости не только в отношении социалистических, но и либеральных местных деятелей»⁵³. Вот почему к созданию гражданского управления на территории, освобожденной от Советской власти, можно было привлечь только монархических или в крайнем случае правокadetских деятелей. Так оно и произошло.

Разработку «конституции» зарождающейся «деникини» поручили В. В. Шульгину, который, еще будучи в Киеве, находился

⁵⁰ *Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974, p. 328.*

⁵¹ *Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 262.*

⁵² Там же, с. 271.

⁵³ Там же, с. 261.

в тесной связи с командованием Добровольческой армии. В августе он прибыл в Екатеринодар, где вскоре начал издавать газету «Россия», которая, по характеристике Деникина, «с большой страстностью проводила идеи монархизма и национализма»⁵⁴. При содействии генерала А. М. Драгомирова Шульгин разработал «Положение об Особом совещании при Верховном руководителе Добровольческой армии»⁵⁵. Этот проект предполагал создание так называемого Особого совещания, цель которого заключалась в разработке различных вопросов, связанных с формированием органов управления на захваченных территориях, подготовкой и обсуждением временных законов, сношениями с союзниками и т. д. При Особом совещании предусматривалось учредить 11 отделов (государственного устройства, внутренних дел, финансовый, торговли и промышленности и т. д.). Председателем совещания должен был стать генерал Алексеев, его заместителями — генералы Деникин, Драгомиров, Лукомский.

В середине сентября 1918 г. двум членам Национального центра — правым кадетам К. Н. Соколову и В. А. Степанову поручили доработать шульгинский проект. Представленное ими «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией» последовательно проводило принцип военной диктатуры, провозглашенный программой Национального центра. В соответствии с ним вся полнота власти в районах, подконтрольных Добровольческой армии, принадлежала одному лицу — ее Верховному руководителю, генералу Алексееву, а после его смерти (в конце сентября 1918 г.) главнокомандующему армией генералу Деникину. Как пишет Деникин, если бы была создана Директория, «армия свергла бы ее».

Особое совещание при диктаторе являлось строго совещательным органом; законы и указы мог издавать только главнокомандующий. Параграф 2 первого раздела «Положения» гласил, что на захваченной территории сохраняют силу законы, изданные до 25 октября 1917 г., т. е. формально признавалась юридическая деятельность Временного правительства, созданного в результате свержения самодержавия.

Однако в специальном дополнении разъяснялось, что законы, принятые до 25 октября 1917 г., сохраняют силу «с изменениями, вытекающими из настоящего положения, а равно из имеющих быть изданными на основании этих законов»⁵⁶. По

⁵⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 207. Пропаганда великодержавного шовинизма приняла в газете такие размеры, что даже Кубанское областное правительство закрыло ее. Тогда она возродилась под названием «Великая Россия» (Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. София, 1921, с. 53).

⁵⁵ Лукомский А. Воспоминания, т. 2, с. 86—87; «Киевлянин», 1919, 22 августа.

⁵⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 267.

букве и смыслу этого дополнения Верховный руководитель, или главнокомандующий Добровольческой армией, мог вносить изменения и в послефевральское законодательство, если считал это нужным и своевременным⁵⁷.

Оценивая «Положение» в целом, американский историк П. Кенез считает его документом, представляющим идеологию кадетской партии. А раз он, умозаключает далее Кенез, оказался приемлемым для добровольческого командования, откуда следует, что Деникин разделял эту идеологию и являлся, таким образом, либералом кадетского типа⁵⁸.

Но в основе «конституции» Соколова и Степанова лежал проект, разработанный монархистом-националистом Шульгиным, а ее авторы принадлежали к правому крылу кадетизма и были известны реакционными убеждениями. Степанов, например, не скрывал своей приверженности к монархизму. В письме, направленном в Москву своим коллегам по Национальному центру, он с удовлетворением писал: в Добровольческой армии считают, что «монархия грядет, что монархия неизбежна и что дай бог, чтобы грядущая монархия оказалась достаточно либеральной, достаточно приличной и не попала в русло идей Маркова 2-го»⁵⁹. «Приличная», т. е. не черносотенная, монархия — таков был предел мечтаний екатеринодарской группы кадетов⁶⁰.

В октябре 1918 г. они провели в Екатеринодаре конференцию, которая фактически представляла кадетские организации и группы почти всей белой России, за исключением Сибири. Конференция официально одобрила деникинскую диктатуру и вынесла решение об оказании ей всемерного содействия. Правда, вопрос о реставрации монархии остался открытым, но и это полностью соответствовало деникинскому «непредрешенству»⁶¹.

Впоследствии, в эмиграции, между представителями различных ее секторов развернулась довольно острая полемика о роли кадетов в деникинской белогвардейщине, конкретно об их участии в Особом совещании. Милюков, к тому времени уже критиковавший белое движение за его монархическую реакционность, писал, что утверждение о руководящем положении кадетов в этом движении — легенда. «Кадеты, — писал он, — чаще всего служили своего рода ширмами и демонстрацией либерализма власти, не имея на нее серьезного влияния. Влияние это принадлежало правым элементам»⁶². С. П. Мельгунов не со-

⁵⁷ Кин Д. Деникинщина, с. 78; см. также: Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани. Берлин, 1923, с. 172.

⁵⁸ Kenéz P. Civil War in South Russia, p. 198.

⁵⁹ Красная книга ВЧК, т. 2. М., 1922, с. 204.

⁶⁰ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 52.

⁶¹ Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution, p. 330.

⁶² Милюков П. Н. Россия на переломе, т. 2, с. 77—78.

глашался с Милоковым, считая, что именно кадеты дали «кадетскую форму деникинскому правительству»⁶³.

Было бы, по-видимому, правильным считать, что не Деникин, «полевев», пошел за кадетской идеологией, а, напротив, кадеты, «поправев», поддержали белогвардейско-монархическую реакцию, уцепились за нее как за свою последнюю надежду в борьбе с Советской властью. П. Кенез приводит важное, на наш взгляд, свидетельство Астрова, которому Деникин после кадетской конференции «шутливо выразил свое разочарование тем, что кадеты украли у него (т. е. Деникина. — Г. И.) программу»⁶⁴. Другой американский историк, У. Розенберг, цитирует неопубликованный дневник П. Н. Милокова, где отмечается, что в дни екатеринодарской конференции генерал Лукомский говорил: борьба с большевиками — это прежде всего дело армии и ее «вождей»; кадеты же могут рассуждать о чем им угодно — белое движение пойдет за своими лидерами и останется верным «собственным предначертаниям»⁶⁵.

Допустив правых кадетов, генеральско-монархическая контрреволюция безоговорочно сохранила за собой руководящую роль.

Действительно, в составе Особого совещания обозначились две группы. Одна из них — главным образом генералы, по характеристике, например, Деникина, Соколова, — все «правые», т. е. сторонники монархической реставрации⁶⁶. Другая группа — это «политические деятели»: кадеты, члены Национального центра (М. М. Федоров, В. Н. Челищев, В. А. Степанов, К. Н. Соколов, Н. И. Астров и др.), тоже «более или менее правые люди»⁶⁷. Когда возник вопрос о вызове в Екатеринодар П. Н. Милокова, сразу начались возражения, ибо для них даже он оказался слишком «левым».

Помимо того что генералам-монархистам в Особом совещании принадлежало большинство, они держались «спаянно», в то время как в правокadetской группе был «разброд»⁶⁸. К. Н. Соколов констатировал: «...Мы, штатские люди, никогда не пользовались полноправным положением в системе нашей правительственной иерархии, и наше управление было по преимуществу управлением через генералов»⁶⁹.

⁶³ Мельгунов С. П. Гражданская война в описании Милокова. Париж, 1929, с. 39.

⁶⁴ Kenez P. Civil War in the South Russia, p. 214.

⁶⁵ Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution, p. 334. В кругах, близких к добровольческому командованию, передавали, что Деникин сердился, когда ему говорили о его близости к кадетам.

⁶⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 4, с. 207; Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 81.

⁶⁷ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 82.

⁶⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 4, с. 207.

⁶⁹ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 79—80. Об этом пишет и Астров (Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution, p. 342).

Давая общую оценку Особому совещанию, Деникин писал, что оно представляло собой монархо-кадетскую коалицию с уклоном вправо⁷⁰. Примерно так же характеризует его и Соколов: как правую организацию, но «без мракобесия и нетерпимости». Но и за этот некоторый «либеральный» декорум монархически настроенные офицеры, по словам Соколова, люто ненавидели Особое совещание⁷¹. Впрочем, они явно преувеличивали его значение. Все белоэмигрантские и современные западные авторы, писавшие о деникинщине, признают, что это была абсолютно безвластная, «импотентная» организация, где генералы-монархисты милостиво допускали политическое красноречие весьма охочих до него кадетских деятелей.

Между тем в верхах Добровольческой армии упорно обсуждался вопрос о «возглавлении» всего белого движения (или, по крайней мере, на юге России) «правителем государства», «диктатором», на пост которого прочили бывшего верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

Еще во время первого Кубанского (Ледяного) похода среди добровольцев распространялись слухи, что бывший главковерх инкогнито находится в их рядах. Весной 1918 г., когда армия вернулась из-под Екатеринодара на Дон, в станицу Мечетинскую прибыли два офицера и от имени некоей монархической организации начали вербовать в нее офицеров. От завербованных требовалось признание великого князя Николая Николаевича как главы белого движения и будущей, освобожденной от большевиков, России, после чего им выдавался особый знак с инициалами «Н. Н.».

Трудно с определенностью сказать, какая именно монархическая организация направила своих «миссионеров» в Добровольческую армию. Возможно, это была одна из тех монархических групп, которые расплодились на территории оккупированной немцами гетманской Украины. Именно здесь усиленно муссировалась идея о необходимости убедить находившегося в Крыму Николая Николаевича «принять корону, опираясь на немцев»⁷². Но откровенно прогерманская ориентация посетителей этой идеи и общая неопределенность положения, по-видимому, сдерживали великого князя.

В июне 1918 г. он, однако, вновь дал о себе знать. На Дон прибыл его представитель князь П. Волконский. После беседы с ним генерал Алексеев писал Деникину: «На днях я беседо-

⁷⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 4, с. 208.

⁷¹ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 82, 195.

⁷² Миц И. И. Советская Россия и Ноябрьская революция в Германии.— «Вопросы истории», 1974, № 11, с. 8. Впрочем, сами немцы (как писал Алексеев Деникину со слов приехавшего из Киева Н. Лейхтенбергского) в случае восстановления монархической России «склонялись к возведению на престол Николая II» с тем, чтобы он затем передал его наследнику Алексею. Николай Николаевич считался антантофилом.

вал с князем Волконским, человеком, видимо близким и приближенным великому князю. По его словам, Николай Николаевич никакого желания идти на арену политической жизни не имеет, но его угнетает мысль, что он посылкой своей телеграммы о необходимости отречения способствовал гибели монархии, разрушению России и хотел бы загладить свой шаг, приняв участие в боевой работе. Это может привести к присоединению к нам великого князя...»⁷³ Из текста этого письма видно, что Николай Николаевич осторожно пускал пробный шар, зондируя почву для «возглавления» добровольческой белогвардейщины.

Второй раз Волконский прибыл в августе 1918 г. уже в Екатеринодар, где виделся как с Алексеевым, так и с Деникиным. Волконский сообщил им, что Николай Николаевич «выражает неудовольствие тем, что до сих пор не получает приглашения от командования Добровольческой армии стать во главе движения, тогда как это является желанием всей армии». Далее он предложил организовать переезд Николая Николаевича из Крыма, занятого немцами, на Кубань, на что, по свидетельству Деникина, получил полное согласие⁷⁴. Офицеры-добровольцы были направлены в Дюльбер (Крым) и составили великокняжескую охрану.

Почувствовав, что дело начинает «выгорать», Николай Николаевич повысил свои акции. В сентябре он сообщил, что примет приглашение Добровольческой армии лишь в случае аннулирования заявления бывшего премьера Временного правительства князя Г. Е. Львова о «воле народа», противившейся призыванию великого князя на пост верховного главнокомандующего (это заявление было сделано еще в начале марта 1917 г.)⁷⁵. Кандидат в диктаторы и претендент на престол пытался таким образом обусловить свой приход «всенародным призыванием».

Описывая историю с неудавшимся приглашением Николая Николаевича к «возглавлению» белогвардейщины, Деникин пытается как-то затемнить вопрос, утверждая, что у него лично сложилось впечатление о якобы неопределенной позиции самого великого князя. Но министр Крымского правительства кадет М. Винавер пишет, что осенью 1918 г. в Крым приезжал князь Г. Трубецкой и, говоря о необходимости диктатуры Николая Николаевича, сообщил о санкционировании этой мысли самим великим князем⁷⁶.

Вопрос о приглашении Николая Николаевича обсуждался в Особом совещании. Большинство его членов принципиально

⁷³ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 254.

⁷⁴ Там же, с. 255.

⁷⁵ Там же, с. 255.

⁷⁶ Винавер М. Наше правительство. Париж, 1928, с. 7.

выступили «за», но высказались в том смысле, что «открытый монархизм» в данный момент может произвести нежелательное впечатление как на некоторые антибольшевистские слои, так и на союзников⁷⁷. Следуя деникинской тактике «непредрешения», члены Особого совещания считали необходимым выждать более благоприятный для них момент, о чем генерал Алексеев писал в Дюльбер: «Мы являемся учреждением русско-государственным... но поставленным в сильную зависимость от казачьих территорий, на которых мы работаем, мы не можем проявлять торопливости в заявлении политических лозунгов, ибо это послужило бы во вред делу. Местное население далеко не готово к восприятию идеи монархизма... Вот почему с бесконечной осторожностью и умением нужно подходить к постановке каждого нового вопроса»⁷⁸.

Опасаясь, однако, что Николай Николаевич не поймет разъяснений и в сердцах согласится встать во главе монархических армий, формируемых на германские деньги на Дону и Украине, Алексеев просил его не делать этого шага. Вскоре из Дюльбера был получен царски лаконичный ответ: «Будьте покойны». Это означало, что Николай Николаевич согласился ждать до того времени, когда перспектива победы белогвардейщины в гражданской войне приобретет более реальные очертания. Козырного короля решили попридержать.

Между крайней реакцией и «либерализмом»

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, свергнувшая власть кайзера Вильгельма II и позволившая Советской власти ликвидировать грабительский Брестский мир, оказала сильное воздействие и на лагерь российской контрреволюции, особенно западной и юго-западной. Марионеточные прогерманские правительства гетмана Скоропадского (на Украине), атамана Краснова (на Дону), Сулькевича (в Крыму) и другие были обречены (хотя по инерции они еще и продержались некоторое время). Это обстоятельство неизбежно понижало акции тех монархических групп и организаций, которые обосновались на их территории и были тесно связаны с германскими властями. Потеряли какую-либо перспективу и монархические воинские формирования, существовавшие на немецкие деньги (Южная армия и др.). Вместе с тем болезненный для контрреволюции вопрос о внешнеполитической ориентации (на Германию или на Антанту), раскалывавший ее на группировки, после капитуляции Германии снимался сам по себе. Для всех антисоветских сил России осталась лишь одна возможная ориентация —

⁷⁷ Там же, с. 31.

⁷⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 3, с. 256.

на Антанту. Правда, в монархических кругах существовало опасение, что союзники «не пойдут на водворение в России монархического строя». Однако многоопытный Милюков уверял, что антантовские лидеры «не только реалисты, но иногда даже и циники в политике». Они, разъяснял Милюков, «сделают все, что диктуется обстановкой, и только, может быть, потребуют известной демократической декорации...» Нужна была лишь некоторая тактическая перестройка. Один из руководителей Правого центра объяснял ее следующим образом: «Запад (речь идет об Антанте.— Г. И.)... действительно охотнее бы оказал помощь представителям Февральского переворота, нежели сторонникам старого строя. Положение это учитывали и монархисты; в соответствии с этим они отчасти перелицовывались в «демократов», воздерживаясь от провозглашения своих монархических убеждений, отчасти отстранялись от политической работы и сами выдвигали вперед представителей буржуазной демократии»⁷⁹.

Деникинский лозунг «непредрешенства» приобретал таким образом более широкую поддержку.

Со всех сторон и всеми доступными средствами к военным и дипломатическим представителям Антанты понеслись просьбы и мольбы об интервенции, о немедленной замене германских оккупационных войск союзными войсками, чтобы «остановить» большевизм и помочь контрреволюции сокрушить его. Об этом просили уполномоченные Деникина, Краснова и Скоропадского, об этом просили и представители различных группировок от монархистов до правых эсеров и меньшевиков. Уже в середине ноября 1918 г. монархический Совет государственного объединения России (см. далее), кадетский Национальный центр и правоэсеровский Союз возрождения направили своих делегатов в Яссы на совещание с союзниками. По воспоминаниям В. И. Гурко, Ясское совещание происходило в подвале особняка бывшего русского консульства, ранее служившем свалкой для «старых архивов и поломанной мебели».

Удивительный символ! Теперь в том же подвале обломки старой России умоляли союзников спасти их от большевиков и снова вернуть в особняки и дворцы.

Посланцы российской контрреволюции ходатайствовали о направлении в Россию 150 тыс. союзных войск с Балкан для борьбы против Советской власти. Однако в вопросе о «возглавлении» этой борьбы они разошлись. Монархисты из Совета государственного объединения России (Гурко, Савич, Кривошеин) предлагали возглавить ее диктатурой великого князя Николая Николаевича. Остальные участники высказались в

⁷⁹ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу.— «Архив русской революции», т. 15. Берлин, 1924, с. 40.

пользу Деникина. Лозунг «непредрешенства» возобладали и здесь⁸⁰.

Так же, как и в Сибири, здесь на юге державы Антанты смотрели на вопрос о государственном строе России после предполагаемого свержения Советской власти с чисто прагматической точки зрения, которая не исключала и восстановления монархии. Деникин приводит в своих «Очерках» примечательный документ — письмо французского консула в Киеве Э. Энно (осенью 1918 г. он находился в Яссах) В. В. Шульгину в Екатеринодар. Письмо было написано еще в октябре 1918 г., т. е. накануне поражения Германии. Энно заверял Шульгина, что союзники готовы оказать широкую помощь русской контрреволюции, подчеркивая, что «единственная программа Соглашения сводится к нижеследующему: воссоздать единую и неделимую Россию и помочь восстановлению в России монархии»⁸¹. Имея в виду эту «программу», Энно и стал одним из главных инициаторов совещания в Яссах⁸². Но когда стало ясно, что чисто монархический лозунг, связанный с Николаем Николаевичем, не находит общего одобрения, союзники с готовностью поддержали Деникина.

В ряде исследований конкретно-исторического и критического характера советские историки уже показали полную несостоятельность белоэмигрантского и советологического тезиса, преуменьшающего значение интервенции⁸³. Потому нет необходимости специально останавливаться на этом. Но даже при самом беглом взгляде на историю деникинщины нетрудно увидеть, что ее переломным пунктом стал конец 1918 г. До этого времени деникинщина, несмотря на успехи, достигнутые в боях на Дону и Северном Кавказе летом и осенью 1918 г., носила все же локальный характер. С конца 1918 г., т. е. с того момента, когда, по словам советского историка Д. Кина, «белогвардейско-казацкое движение на юге непосредственно включается в систему международной интервенции против Советов», деникинщина становится явлением всероссийским⁸⁴.

И это определяется не только количеством военного снаряжения, переданного союзниками Добровольческой армии (хотя его, по признанию Деникина, было вполне достаточно). Не меньшее значение имела и политическая поддержка, оказанная деникинщине Антантой. Уже в конце 1918 г. союзники, в частности, оказали давление на Краснова, и он после дли-

⁸⁰ Подробнее см.: *Астров Н.* Ясское совещание. — «Голос минувшего на чужой стороне», 1926, № 3; *Маргулис М. С.* Год интервенции, кн. 1. Берлин, 1923, с. 34—36.

⁸¹ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты, т. 5. Берлин, 1926, с. 6.

⁸² *McNeal R.* The Conference of Jassy. — *Essays in Russian and Soviet History*. Ed. by J. Curtiss. New York, 1966, p. 222.

⁸³ См., например: *Из истории гражданской войны и интервенции. Сборник статей.* М., 1974, с. 438—477.

⁸⁴ *Кин Д.* Деникинщина, с. 35.

тельных проволочек вынужден был пойти на подчинение Деникину Донской армии. А вскоре, в феврале 1919 г., Краснов вообще ушел в отставку, уступив атаманское место деникинскому генералу А. Богаевскому.

Численность армии, оказавшейся под контролем Деникина, резко возросла. Теперь она официально получила название вооруженные силы Юга России (ВСЮР), а Деникин из главнокомандующего Добровольческой армией превратился в главнокомандующего вооруженными силами Юга России. В летних боях 1919 г. деникинские войска, оснащенные интервентами, добились серьезных успехов и осенью 1919 г. продвинулись далеко на север. Находившаяся под их контролем территория простиралась от Волги (Царицын) до правобережной Украины и от Причерноморья до линии Курск, Елец, Воронеж. Образовалась «деникия», государство «царя Антона» (как полушутливо называли Деникина в Особом совещании), смертельной угрозой нависшее над Советской республикой.

В приведенном выше письме генерала Алексева Шульгину Верховный руководитель Добровольческой армией разъяснял, что вопрос о подъеме «монархического флага» связан с размерами «подвластной территории»: по мере ее расширения скрытый монархизм будет все активнее заявлять о себе.

Действительно, с захватом белогвардейцами новых районов, усилением деникинщины голоса монархистов зазвучали громче и требовательнее. В выходящем осенью 1918 г. в Ростове-на-Дону журнале «Монархист» анонимный автор с ненавистью писал не только о большевиках и «умеренных социалистах», но и о кадетах, которые все еще лепетали о завоеваниях Февральской революции и т. п. «Нет! — истерически восклицал черносотенный публицист, — только в восстановлении сильной царской власти спасение России»⁸⁵.

Как признает Деникин в своих «Очерках», черносотенно-монархические организации «широко раскинулись на территории вооруженных сил Юга»⁸⁶. Тем не менее из сохранившихся в архиве еженедельных политических сводок, составлявшихся для руководства Особого совещания (хронологически сводки охватывают весну — осень 1919 г.), видно, что бывший главноком все же постарался преуменьшить размах деятельности монархистов. Между тем составители сводок постоянно подчеркивают, что крайне правые, монархические объединения и союзы работают наиболее активно, вербуя новых членов и расширяя погромно-

⁸⁵ «Монархист» (Ростов-на-Дону), 1918, вып. 2. с. 14. Даже бывший «оппозиционер» В. В. Шульгин писал, что «после всего, что произошло», конституционная монархия «вряд ли мыслима» (Шульгин В. 1920 год. Ленинград, 1927, с. 272).

⁸⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 5, с. 157.

черносотенную пропаганду. В одной из сводок прямо отмечается, что, если бы выборы в обещанное Деникиным Учредительное собрание были проведены теперь (т. е. летом 1919 г.), крайне правые получили бы в нем большинство.

Такие организации, как, например, Русское собрание, Братство животворящего креста, Союз русских национальных общин и др., требовали фактически неограниченной власти царя, господствующего положения православия, единой и неделимой России.

Одной из наиболее «шумных» черносотенных организаций была Народно-государственная партия, созданная В. Пуришкевичем. В издававшемся ее Главным советом погромном журнальчике «Благовест» выдвигались требования изгнания всех «политических фетюков», в том числе и кадетов, укрепления власти военного диктатора (предпочтительно великого князя Николая Николаевича) и решительного отказа от лозунга любого Учредительного собрания. «Большевистская власть,— писал В. Пуришкевич,— должна быть заменена властью беспощадного диктатора, обязанностью коего является найти и жестоко покарать главных виновников (революции.— Г. И.)... после чего преемником этой власти должен быть только русский самодержец»⁸⁷.

Следует отметить, что к «виновникам» революции правые монархисты относили и кадетов. Один из монархических лидеров, граф Бобринский, откровенно говорил: «Мы не можем их (кадетов.— Г. И.) трогать теперь, потому что они с нами, но настанет день расплаты и для них».

Черносотенно-монархические организации действовали и в офицерской среде. Их ячейки имелись почти во всех воинских частях, причем некоторые из них конспирировались. Таковы были, например, Военно-монархический союз, организация генерала А. Нечиволодова, Анонимный центр, Братство святого креста и др. Ими негласно руководили высшие генералы деникинского штаба и чиновники различных ведомств Особого совещания⁸⁸. Черносотенцы широко распространяли свои листовки и прокламации погромного содержания, и, как признает Деникин, их «агитация оказывала несомненное влияние» не только на «рядовое» офицерство, но и на те круги, в которых «делалась» политика⁸⁹. На них оказывалось давление с тем, чтобы, как писал черносотенец А. Варламов генералу Лукомскому, «политическая линия верховного командования Юга России отделилась от соприкосновения с кадетами и социалистическими элементами и заняла положение между группой В. Шульгина и группами, стоящими правее ее»⁹⁰.

⁸⁷ «Благовест» (Ростов-на-Дону), 1919, № 1, с. 23.

⁸⁸ Энгельгардт Б. Потонувший мир.— «Военно-исторический журнал», 1965, № 9, с. 79.

⁸⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 5, с. 158.

⁹⁰ Там же, с. 159.

Группа Шульгина — так называемый Южно-русский национальный центр также требовал восстановления монархии, но с некоторыми «конституционными добавками» в виде националистической, реакционной Думы, таких же органов самоуправления и т. п. Шульгин писал: «Все иступленные вопли о том, что будто старый режим кому-то не давал ходу... оказались по меньшей мере ошибочными. Революция на наших глазах вывернула, так сказать, народ наизнанку. И на «дне», как и следовало ожидать, оказались одни подонки. В военном мире мы видим все тех же лиц, выдвинувшихся еще при старом режиме... В гражданском управлении... «революционная демократия» и здесь не выдвинула ни одного работника, пригодного для государственной машины. Пришлось обращаться к старым «бюрократам» и «деятелям»⁹¹.

Признавая таким образом монархическо-реставрационный характер деникинской власти, Шульгин «забывал», что по ту сторону фронта сотни и тысячи новых военных и государственных деятелей, выдвинутых из народных глубин, успешно руководили разгромом тех, кто стремился возродить «старый режим».

Близкую позицию к группе Шульгина занимали Всероссийский национальный союз во главе с Н. П. Балашовым, Национально-либеральная партия монархистов-конституционалистов, Русская национал-демократическая партия, общества «За Россию», «Единая Русь» и др. Всем им было свойственно сочетание черносотенства и великодержавного шовинизма с социальной демагогией.

Поскольку большинство черносотенно-монархических групп, по словам Деникина, стояли «на почве всемерной поддержки Добровольческой армии» (хотя нередко и критиковали ее командование за «левизну!»), они в свою очередь пользовались поддержкой добровольческих «верхов», что проявлялось, в частности, в обильных субсидиях, которые отпускались им через Отдел пропаганды и его осведомительное агентство (Осваг). Но официально лидеры черносотенцев не участвовали в деникинском «правлении», довольствуясь положением «правой оппозиции». Деникин пишет, что летом и осенью 1919 г. черносотенно-монархическая реакция «готовилась организовывалась, собирала силы; она избегала потрясений и откладывала счета «до Москвы»». Пуришкевич учил ее, что после свержения Советской власти «народная масса... утратит свою роль... Взамен демоса на арене борющихся сил окажутся политические группы, кружки и партии... Вот этим-то моментом и нужно воспользоваться для выхода на политическую арену». И Деникин резюмировал: «Взгляд, не лишенный проницательности»⁹².

⁹¹ «Киевлянин» (Киев), 1919, 1 сентября.

⁹² Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 5, с. 159.

Монархическая реакция таким образом сознавала, что с устранением народных масс и их революционной партии — партии большевиков — она получит несомненное преимущество перед «политическими фетюками» — кадетами и соглашателями. Находившийся в Киеве С. Е. Крыжановский в записке Деникину разъяснял, что для перехода от большевиков к монархии необходима промежуточная ступень. Таковой могут стать даже эсеры: сбросить их монархистам будет нетрудно. А пока следовало готовиться.

В Кисловодске летом 1919 г. собирались съезды монархистов, где одну из ведущих ролей играли представители Союза русских национальных общин. Они насаждались черносотенными духовенством и политиками во всех городах и станицах. Это была попытка одурманить население проповедью мракобесия, шовинизма и зоологического антибольшевизма.

Один из инициаторов создания общин, генерал И. С. Батюшин (член Русского собрания), вынашивал планы их распространения по всей России и даже Европе. Как бывший контрразведчик, он при этом рассчитывал, что «общины» по совместительству будут заниматься и шпионажем⁹³.

По некоторым данным, монархические организации, находившиеся на территории, захваченной Деникиным, направлялись Всероссийским монархическим союзом, один из центров которого находился в Константинополе. Через него монархисты имели связи с европейскими монархическими организациями.

Стремление крайних правых элементов к консолидации всех монархических сил, стоявших на позиции отрицания завоеваний не только Великой Октябрьской, но и Февральской буржуазно-демократической революций, находило отклик в кругах, группировавшихся вокруг уже упоминавшегося Совета государственного объединения России (СГОР), сформировавшегося в Киеве осенью 1918 г. Первоначальным ядром СГОРа было так называемое Совещание членов государственных дум (всех созывов) и Государственного совета, возникшее еще летом 1918 г. Совещание избрало бюро, в котором, по словам одного из лидеров СГОРа, В. И. Гурко, «рядом сидели и дружно между собой беседовали, мало в чем расходясь, Милюков и Пуришкевич»⁹⁴. Вопросы о будущей форме правления члены бюро предпочитали не касаться, считая его преждевременным по тактическим соображениям. Тем не менее Пуришкевич упрямо настаивал, чтобы и в него была внесена ясность. «Высказаться отрицательно по отношению к монархии собрание, состоявшее из монархистов, конечно не могло», — писал Гурко. И в конце кон-

⁹³ *Энгельгардт Б.* Потонувший мир. — «Военно-исторический журнал», 1964, № 9, с. 79—80.

⁹⁴ *Гурко В. И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу, с. 31.

цов было решено, что «формой правления в восстановленной России должна быть легитимная монархия»⁹⁵.

Помимо бюро Совещания членов государственных дум и Государственного совета в СГОР вошла группа бывших царских сенаторов, высшего духовенства, реакционных элементов земств и городских дум, представителей торгово-промышленных и финансовых кругов (Протофис), Союза землевладельцев. Верховодили в СГОРе такие бывшие сановники царского режима, как А. В. Кривошеин, В. И. Гурко, В. В. Меллер-Закомельский и другие, ранее входившие в руководство Правого центра. Но были здесь и некоторые правые кадеты, перешедшие на открыто монархические позиции.

СГОР, таким образом, являлся монархической организацией. Его официоз — газета «Великая Россия», основанная Шульгиным, но летом и осенью 1919 г. фактически редактировавшаяся Н. Н. Львовым, П. Б. Струве, А. фон-Лампе, призвала к ликвидации не только завоеваний Великого Октября, но и многих последствий Февральской буржуазно-демократической революции. Один из лидеров СГОРа, Н. Н. Чебышев, в статье «Неужели мы забудем?», предвкушая торжество белогвардейщины, задавался вопросом, как следует тогда поступить с теми, кто своей деятельностью «расшатывал» престол. «Прибредут, — писал он, — поседевшие от разочарований мечтатели, приветствовавшие слезами умиления Февральский переворот, надеявшиеся заворочить разнузданную ими стихию деклараций, написанными хорошим слогом...» Как же с ними поступить? — вопрошал Чебышев и отвечал: «Следует прощать врагов, когда они повешены...»⁹⁶ Но это был, так сказать, непроизвольно вырвавшийся крик души. В целом же, выступая за монархическую реставрацию, «Великая Россия» проповедовала «осторожность», дабы преждевременно не оттолкнуть те антисоветские элементы, которые не разделяли нетерпения «горячих голов» из черносотенного лагеря. Н. Н. Львов в статье «Правая фронда» писал: «Мы никогда не скрывали своих монархических убеждений. Без хозяина русская земля не может держаться... Но тот, кто хочет служить монархии, должен быть сугубо осторожен. Всеми силами мы хотели бы предостеречь горячие головы от бессмысленных увлечений»⁹⁷.

Как видим, это в целом соответствовало денкинскому «непредрежденству», и до реставрации монархии СГОР выступал за военную диктатуру в лице великого князя Николая Николаевича, с которым установил прочную связь. Еще в конце октября 1918 г. связанный со СГОРом бывший протопресвитер царской армии Г. Шавельский был направлен в Крым к Николаю Ни-

⁹⁵ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу, с. 31.

⁹⁶ «Великая Россия», 1919, 16 (29) октября.

⁹⁷ «Великая Россия», 1920, 12 (25) июня.

колаевичу, «чтобы ознакомить его с политическими настроениями общественных и правящих кругов, настоящих и бывших»⁹⁸. По свидетельству Шавельского, Николай Николаевич внимательно следил за ходом работы Ясского совещания в надежде, что оно призовет его к «возглавлению» белого движения⁹⁹. И хотя большинством голосов Ясское совещание высказалось за деникинскую диктатуру, в СГОРе не считали своего кандидата битой картой. По словам Деникина, «авторитет великого князя» прибегался СГОРом «до того момента, когда все четыре фронта Колчака, Деникина, Юденича и Миллера приблизятся к Москве»¹⁰⁰.

До капитуляции Германии большинство членов СГОРа держалось германской ориентации, но осенью 1918 г. они вынуждены были переориентироваться и обратить свои взоры на проантантовскую Добровольческую армию. Делегаты СГОРа В. И. Гурко и Н. Н. Шебеко (бывший царский посол в Вене) 30 октября (11 ноября) 1918 г. прибыли в Екатеринбург. Политическая обстановка Екатеринодара им не понравилась, поскольку, по словам Гурко, добровольческое командование находилось «под гипнозом кадетской партии», пусть даже «в лице тех ее видных членов, которые не погубили своей репутации участием во Временном правительстве»¹⁰¹. Впрочем, Гурко противоречит себе, признавая, что, несмотря на этот «гипноз», «командование армии было определено правого образа мыслей и даже не склонно было его менять, но мыслило оно нужным проводить правые мероприятия хотя бы относительно левыми руками»¹⁰².

Между посланцами СГОРа и добровольческим командованием было достигнуто соглашение о направлении в Екатеринбург постоянных представителей СГОРа. С этого времени, как указывает К. Н. Соколов, члены СГОРа (Кривошеин и др.) установили тесные контакты с наиболее правыми элементами деникинского Особого совещания и не теряли надежды, что Деникин в конце концов официально примет монархическую программу и признает СГОР неким всероссийским правительством¹⁰³. Деникин констатирует, что влияние Кривошеина на членов Особого совещания становилось весьма ощутимым. «Не раз,— пишет он,— на официальных ведомственных докладах мне приходилось выслушивать точное воспроизведение не только идеи, формулировки, но даже тех политических *beaux mots*,

⁹⁸ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера царской армии и флота, т. 2. Нью-Йорк, 1954, с. 315.

⁹⁹ Там же, с. 316.

¹⁰⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 4, с. 202.

¹⁰¹ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу, с. 38.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 126, 127.

которые я слышал уже ранее в моем кабинете из уст Кривошеина»¹⁰⁴.

Стремясь расширить сферу своего влияния, СГОР охотно блокировался с такими организациями черносотенного и получерносотенного типа, как Всероссийский национальный союз, Единая Русь, Союз русских национальных общин и др. По мысли А. В. Кривошеина, Н. Н. Львова и П. Б. Струве, таким путем следовало добиваться создания широкого монархического объединения — некоей Русской национальной партии.

Если «направо» СГОР стремился блокироваться с некоторыми «умеренно-монархическими» группировками, то «налево» он тянулся к уже известному нам Национальному центру, отделы которого существовали во многих городах «деникин». Его ядро, так же как и ядро СГОРа, вышло из монархического Правого центра. Напомним, что в начале лета 1918 г. проантантовская часть членов Правого центра отпочковалась от него и сформировала новый центр, который и стал называться «Национальным». Подавляющее большинство его членов составляли кадеты (Н. Н. Щепкин, Н. И. Астров, П. Н. Степанов, М. М. Федоров, П. И. Новгородцев и др.), а официальной политической программой центра был лозунг военной диктатуры, которая после ликвидации Советской власти решит вопрос о государственном строе России через вновь избранное Учредительное собрание. Расчет при этом делался на то, что это собрание, подконтрольное генеральской диктатуре, выскажется за конституционную монархию. Несколько представителей Национального центра официально входили в состав Особого совещания, и через них центр оказывал заметное влияние на добровольческое командование. За эту кадетскую «левизну» монархическое офицерство Добровольческой армии, по словам К. Н. Соколова, «свирепо отзывалось о Национальном центре»¹⁰⁵.

Помимо политической деятельности на территории, захваченной Деникиным, члены тех отделов Национального центра, которые находились на советской территории (в частности, в Петрограде и Москве), осуществляли шпионскую деятельность, снабжая белогвардейское командование данными разведывательного характера¹⁰⁶.

Если политическую линию СГОРа, как отмечалось, выражала «Великая Россия», то органом Национального центра была правокadetская «Свободная речь», издававшаяся в Ростове и редактировавшаяся К. Соколовым.

Так же, как и сгоровская «Великая Россия», «Свободная речь» выражала уверенность, что после победы белых «вслед за большевиками будут отброшены все их предшественники, которые вообразят, что настало время осуществить то, что им не

¹⁰⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 5, с. 153.

¹⁰⁵ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 195.

¹⁰⁶ Голиков Д. Л. Крах антисоветского подполья. М., 1975, с. 320—335.

удалось раньше»¹⁰⁷. Так же, как «Великая Россия», «Свободная речь» соглашалась, что необходимо превратить «мысль об условиях и способах восстановления монархии... в основную задачу», ибо Россия не может быть без «хозяина». Но «Свободная речь» подчеркивала, что идея «хозяина» должна подвергнуться «творческому преображению». «Место одряхлевшего полусамодержавия, в политическом содержании которого сказывались пережитки вотчинных порядков и крепостнической психологии наверху и внизу,— писала она,— должна заменить конституционная монархия, символизирующая тот правовой порядок, который соответствует буржуазно-демократическому строю и может быть укреплен только на основе мужицкой собственности»¹⁰⁸.

Но некоторые разногласия между Национальным центром и СГОРом о будущем государственном устройстве России носили пока чисто теоретический характер, в то время как практика антисоветской борьбы настойчиво требовала их единения. И Национальный центр довольно охотно вел переговоры с членами СГОРа относительно выработки общей антисоветской и антибольшевистской платформы. Соглашения обычно достигались на признании следующих «начал»: воссоздание единой и неделимой России, беспощадная борьба с большевиками, поддержка Добровольческой армии, признание принципа частной собственности.

Левее Национального центра в лагере Добровольческой армии находился Союз возрождения. В него входили народные социалисты, некоторые правые эсеры и меньшевики-оборонцы (плехановское «Единство»), а также часть кадетов левого крыла. Руководящее ядро составляли В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов и др. Этот «правосоциалистический» союз, влачивший в общем-то довольно жалкое существование, высказывался за установление власти антисоветской «директории» из нескольких лиц и последующий созыв Учредительного собрания. Однако на практике он готов был сотрудничать и с белогвардейскими диктаторами. Так было после колчаковского переворота в Омске (ноябрь 1918 г.), когда многие члены Союза возрождения (Н. В. Чайковский и др.) призывали к сотрудничеству с верховным правителем, обещавшим созвать Учредительное собрание. Так было и здесь — на юге России. Отдел «союза», обосновавшийся в Ростове, «признал» генерала Деникина, а себя намеревался сделать некоей «ответственной оппозицией» деникинщине, «загрузив левый борт ее правительственного корабля»¹⁰⁹.

Деникин пишет, что он «по совести» не может назвать деятельность Союза возрождения противоправительственной. Дей-

¹⁰⁷ «Свободная речь» (Ростов), 1919, 5 (18) октября.

¹⁰⁸ «Свободная речь» (Ростов), 1919, 6 (19) ноября.

¹⁰⁹ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 177.

ствительно, многие члены Союза призывали «оказывать широкую моральную и реальную поддержку адмиралу Колчаку и генералу Деникину»¹¹⁰. Состоявшаяся в Ростове конференция Союза возрождения подтвердила эту позицию, выразив готовность отложить решение наиболее кардинальных проблем (в том числе такой, как аграрная) до созыва Учредительного собрания после свержения Советской власти¹¹¹. Но откровенные, грубые проявления монархической реакции все же пугали и сдерживали союзовозрожденцев, толкали их на робкую критику деникинской власти, нередко попадавшую на страницы союзовозрожденческих газет — «Утро Юга», «Парус», «Приазовский край».

Деникин иногда милостиво выслушивал руководителей Союза возрождения, не считая, однако, нужным скрывать свое презрение к «социалистам». В октябре 1919 г. в Таганроге он принял союзовозрожденцев, которые в ходе беседы решились давать ему некоторые «демократические» советы. Выслушав их, Деникин рассказал о письме, полученном им от Н. В. Чайковского — народнического патриарха, также рекомендовавшего ему отказаться от диктатуры и передать власть директории. В насмешливом тоне Деникин заключил: «А я на его письме наложил резолюцию — «рад бы передать, дедушка, да некому». Очень симпатичный старик!»

Правые эсеры и меньшевики, не входившие в Союз возрождения, также находились в оппозиции к деникинскому правлению, что не мешало им (особенно меньшевикам) вести работу в деникинских «профсоюзах», сдерживая классовую борьбу рабочих в рамках экономических требований.

Таким образом, центральную позицию политического фронта деникинщины занимал кадетский Национальный центр, стремившийся блокироваться как направо (со СГОРОм), так и «налево» (с Союзом возрождения). Один из лидеров Национального центра, Н. Н. Щепкин, в марте 1919 г. писал своим единомышленникам в Екатеринодар: «Необходимость соглашения назрела во всех политических кругах, борющихся с большевизмом и советской диктатурой. Такое соглашение состоялось между Союзом возрождения, Национальным центром и Советом общественных деятелей, а через него направо с организацией монархистов-конституционалистов... Если на юге (у Деникина.— Г. И.) представители этих партий действуют иначе, покажите их руководителям эти строки и постыдите их»¹¹².

Но стыдить не приходилось. В мае 1919 г., после того как Деникин (в конце мая 1919 г.) особым приказом объявил о своем подчинении верховному правителю Колчаку, представите-

¹¹⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 5, с. 99.

¹¹¹ «Приазовский край», 1919, 28 сентября (11 октября).

¹¹² «Борьба за Россию» (Париж), 1927, № 10, с. 5.

ли СГОРа, Национального центра и Союза возрождения 5 июня собрались на совместное торжественное заседание. На нем, славословя Деникина за «высокопатриотический акт», монархисты (Н. В. Савич), кадеты (Н. И. Астров) и «социалисты» (И. Н. Алексинский) заявили о необходимости единства всех сил в борьбе с Советской властью. Их общей программой стали следующие пункты: непримиримая борьба с большевизмом, безусловная поддержка Деникина, восстановление права частной собственности, единая и неделимая Россия, свобода религии.

Из всего вороха политических рецептов, усиленно подсовывавшихся «царю Антону» лидерами СГОРа (столыпинско-октябристский рецепт), Национального центра (кадетский рецепт), и Союза возрождения (правоэсеровско-меньшевистский рецепт), он старался избрать нечто среднее между первым и вторым, приняв «некую равнодействующую с уклоном вправо»¹¹³. «Для Деникина,— пишет Д. Кин,— были характерны стремления найти какую-то среднюю линию между крайней реакцией и «либерализмом»... по своим взглядам он приближался к правому октябризму»¹¹⁴.

Наиболее отчетливо эта правооктябристская линия проявилась в законодательном бумаготворчестве Особого совещания по такому кардинальному вопросу, как вопрос о земле. От решения аграрного вопроса во многом зависела позиция основной массы населения — крестьянства и, следовательно, исход гражданской войны. Вполне сознавая это, Деникин в конце марта 1919 г. направил в Особое совещание составленное кадетом Астровым письмо-декларацию, в которой указывались основные «начала» решения аграрной проблемы.

В декларации отмечалось, что в окончательном виде вопрос о земле будет решать «законодательное учреждение», созванное после ликвидации Советской власти. Однако «ввиду исключительной важности аграрного вопроса» Особое совещание должно уже теперь приступить к разработке земельных проектов на территории вооруженных сил Юга России, руководствуясь принципом сохранения за собственниками их прав на землю, но в то же время признавая необходимость отчуждения части помещичьей земли в пользу крестьян путем выкупа.

Публикация декларации вызвала в деникинском стане настоящую бурю. Монархисты из крайне правых, черносотенных организаций и близкие к ним члены СГОРа буквально тряслись от злости, услышав слова «отчуждение», «принудительный выкуп» и т. д. Они яростно доказывали, что земли помещиков

¹¹³ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 4, с. 207.

¹¹⁴ Кин Д. Деникинщина, с. 52.

трогать нельзя, так как «последствием будет будирование против власти среди лагеря, на который она вынуждена опираться»¹¹⁵.

Однако большая часть СГОРа, состоявшая из монархистов октябристского толка и так называемых «черносотенных» (т. е. правых) кадетов, вынуждена была признать неизбежность отказа помещиков от части их земель. Кривошеин соглашался на «принудительное за справедливый выкуп» отчуждение земли, но подчеркивал: «во всех случаях, когда государственный интерес этого требует»¹¹⁶.

Позиция кадетского Национального центра в сущности мало чем отличалась от позиции СГОРа. «Свободная речь» писала, что помещичье землевладение уже давно находится в упадке, в то время как «мужик-середняк сумел постоять за себя во всех невзгодах». Поэтому, безусловно сохраняя часть помещичьего землевладения как «культурного слоя», нужно «прирезать» земли этому «мужику-середняку», понизив при этом нормы неотчуждаемой земли и повысив размеры земли приобретаемой. Принцип обязательного выкупа при этом, естественно, сохранялся¹¹⁷.

В сущности СГОР и Национальный центр бились над неразрешимой задачей: как, сохранив помещичье землевладение (по крайней мере значительную часть его), привлечь крестьян на сторону белогвардейщины.

Для разработки земельных законопроектов была создана комиссия под председательством бывшего министра земледелия у гетмана П. Скоропадского и управляющего отделом земледелия Особого совещания В. Колокольцева.

Даже Деникин охарактеризовал колокольцевский проект как акт отчаянной самообороны помещичьего класса и отклонил его. Была создана новая комиссия под председательством начальника управления юстиции Особого совещания Челищева, члена Национального центра, кадета. Однако из опасения его «чрезмерной левизны» ему в помощь придали профессора Билимовича, монархиста из группы В. Шульгина. Согласно их проекту, в течение двух лет помещики должны были путем добровольного соглашения с крестьянами передать им часть своей земли, в противном случае осуществлялось принудительное отчуждение, но за помещиками сохранялись поместья от 150 до 400 десятин земли. Проведение реформы должно было начаться только после наступления «гражданского мира» и закончиться спустя семь лет.

Оценивая проект Билимовича — Челищева, Г. Покровский пишет, что в соответствии с ним крестьянам могло перейти всего лишь 30% помещичьей земли. Если учесть все «изъятия» из

¹¹⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 4, с. 213.

¹¹⁶ Там же, с. 213.

¹¹⁷ «Свободная речь» (Ростов), 1919, 29 ноября (12 декабря).

обязательно отчуждаемой земли (часть крупных земельных владений вообще не подлежала отчуждению), то эта цифра понижалась еще больше. «Если же принять во внимание,— пишет Г. Покровский,— что реформа рассчитана на проведение в жизнь в течение семи лет, то ясно, что ежегодно к крестьянам будет переходить только 3% общего количества помещичьей земли, т. е. столько, сколько обычно до сих пор переходило путем обычной купли-продажи»¹¹⁸. В статье, посвященной анализу основных положений проекта и опубликованной в союзозрожденческом «Парусе», энесовский экономист А. В. Пешехонов пришел к категорическому выводу: авторам проекта интересы помещиков куда дороже интересов крестьянства¹¹⁹.

Фактически разработанный Особым совещанием аграрный законопроект представлял собою октябристско-кадетский вариант столыпинской реформы, проводившейся царизмом: как там, так и здесь основная ставка делалась на «сильного мужика» — кулака, который должен был стать прочной опорой будущей реставрируемой монархии. Впоследствии, в эмиграции, многие авторы, кто с горечью, а кто и с гневом, обвиняли «деникинское правление» в ошибочной земельной политике, рассматривая ее как главную причину провала «белого дела». Нужно было, писали они, санкционировать осуществившийся в ходе революции земельный передел и, таким образом, оторвать крестьянство от Советской власти. Отвечая этим критикам, искавшим «ошибки» белогвардейщины, К. Н. Соколов иронически писал, что мысль о передаче крестьянам помещичьей земли «отнодье не имеет прелести новизны»; в ходе самой «белой борьбы» она приходила в голову многим из тех, кто сознавал, что без поддержки со стороны крестьян большевики не победить. К. Соколов далее пишет, что он сам предлагал программу «признания легализации и финансирования государством происшедшего земельного передела»¹²⁰. Но меня, грустно замечает Соколов, называли «большевиком».

Упомянувшийся полковник Б. Энгельгардт, служивший в Отделе пропаганды Особого совещания, также подал в Особое совещание записку о передаче крестьянам помещичьей земли. Вот как красочно он описывает обстановку, в которой шло ее обсуждение: «Говоря, я разгорячился. Чувствовал и даже видел, что моя речь почти ни в ком сочувствия не вызывает... Председательствовавший Лукомский, поглядывая на Билимовича, чуть заметно скептически улыбался. Астров и Федоров хмурились: я шел слишком далеко, по их мнению, рекомендовал какую-то «эсеровскую» политику... Савич равнодушно чертил что-то на бумаге... Прений после моего выступления почти не было никаких. Несколько слов сказал не то Астров, не то Федоров о

¹¹⁸ Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани, с. 175.

¹¹⁹ «Парус», 1919, 9 (24) октября.

¹²⁰ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 188—189.

том, что, конечно, вопрос очень важный, что он требует основательной разработки... Билимович считал, очевидно, мои планы таким вздором, что даже не считал нужным возражать на них...»

Тем не менее горячая голова — Энгельгардт — через генерала Романовского осенью 1919 г. добился приема у Деникина. По его словам, он пылко убеждал Деникина стать «мужичким генералом», санкционировав переход помещичьей земли к крестьянам, по крайней мере там, где он уже фактически произошел. Деникин долго молчал, а затем, «тяжело вздохнув», произнес: «Но скажите, кто мне эту трудную операцию выполнит? Ведь правые не пойдут на это, а кадеты..., и Антон Иванович безнадежно махнул рукой...»¹²¹

В этом эпизоде — убедительное опровержение тезиса буржуазной историографии об аполитизме и даже «донкихотстве» Деникина¹²². Дон-Кихотом, несомненно, был Энгельгардт, пытавшийся склонить помещиков к отказу от своих владений, а Деникин предстоит перед нами как человек, вполне сознающий утопичность, несбыточность предложений Энгельгардта.

Но еще нагляднее классовая суть аграрной политики деникинщины проявлялась в практических действиях властей и помещиков, возвращавшихся в свои владения. Пока «ученые мужи» из Особого совещания разрабатывали аграрную реформу «на будущее», в действие были введены правила о сборе урожая в 1919 г., в соответствии с которым $\frac{1}{3}$ собранного хлеба поступала возвратившемуся помещику или арендатору¹²³. Это было так называемое правило «третьего снопа», новый вид барщины, как называли его крестьяне.

Но зачастую помещики не удовлетворялись и «третьим снопом». В июне 1919 г. Деникин направил командующим армиями следующую телеграмму: «По дошедшим сведениям, вслед за войсками при наступлении в очищенные от большевиков места являются владельцы, насильственно восстанавливающие, нередко при прямой поддержке воинских команд, свои нарушенные в разное время права, прибегая при этом к действиям, имеющим характер сведения личных счетов и мести...»¹²⁴ Деникин пытался представить их самочинными. Но «на местах» главноначальствующие, губернаторы и начальники уездов не придавали этому значения: жажда классового реванша была сильнее белогвардейской демагогии. Осенью 1919 г. Деникину доносили, что местная администрация «придает всей своей деятельности характер защиты интересов одного немногочисленного и непопу-

¹²¹ Энгельгардт Б. Потонувший мир. — «Военно-исторический журнал», 1964, № 10, с. 80—81.

¹²² См., например: Chamberlin W. The Russian Revolution, vol. 2. New York, 1954, p. 252; Brinkley G. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1922. Notre Dame, 1966, p. 287, etc.

¹²³ «Журнал Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России», 1919, № 73.

¹²⁴ Лукомский А. С. Воспоминания, т. 2, с. 150.

лярного в широких кругах класса, а именно крупных земле-владельцев»¹²⁵.

Реставраторская политика Деникина в аграрном, рабочем (возвращение бывшим владельцам их предприятий) и национальном (проведение лозунга единой и неделимой России) вопросах привела к тому, что деникинский тыл, по признанию самих белогвардейцев, превратился в кипящий котел. Рабочий класс и трудовое крестьянство, руководимые подпольными большевистскими организациями, поднимались на борьбу с деникинщиной.

На Дону и Северном Кавказе деятельность нелегальных комитетов большевиков направлялась Донским бюро (создано осенью 1918 г.), теснейшим образом связанным с политотделом Южного фронта Красной Армии. В Причерноморье во главе большевистских организаций с весны 1919 г. стоял Екатеринодарский подпольный комитет, переименованный затем в Северо-Кавказский комитет. Партийными организациями на Украине руководило Зафронтовое бюро, созданное летом 1919 г.

В основу политической линии подпольные большевистские организации положили указания В. И. Ленина, изложенные им в письме ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!» В. И. Ленин, в частности, требовал, чтобы трудящиеся массы полностью осознали, что «Колчак и Деникин несут восстановление порядков хуже, чем царские, восстановление *рабства* рабочих и крестьян, порки, грабежа, надругательства офицеров и дворянчиков»¹²⁶. В многочисленных обращениях большевики несли правду о деникинщине в толщу народных масс. Донское бюро призывало рабочих и крестьян свергать буржуазно-помещичью власть Деникина¹²⁷. Зафронтовое бюро считало необходимым на «каждом шагу обнажать царистско-националистическую и буржуазно-помещичью природу деникинского режима»¹²⁸; политуправление Реввоенсовета Республики в обращении к рабочим, крестьянам и красноармейцам разъясняло, что Деникин «даст рабочим и крестьянам помещичью власть, казачью плетку, нищету и страдания»¹²⁹.

Учитывая специфику южных районов страны (казачий элемент, разнородность крестьянства, переплетение классовой и национальной борьбы), большевики проводили гибкую политику в отношении мелкобуржуазных партий и разного рода анархических и националистических движений. Цель этой политики заключалась в привлечении наиболее решительных антиденикин-

¹²⁵ Там же, с. 158—159.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 48.

¹²⁷ Борьба за власть Советов на Дону (1917—1920). Ростов-на-Дону, 1957, с. 368.

¹²⁸ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов, т. 2. М., 1961, с. 625.

¹²⁹ Там же, с. 454. Подробнее см.: Владимирцев В. С. Партия — организатор разгрома контрреволюции на Юге. М., 1971, с. 117—134.

ских элементов на сторону Советской власти. В то же время большевики постоянно учитывали колебания мелкобуржуазных партий (особенно их вождей) в сторону деникинской контрреволюции.

Работая в условиях жесточайших преследований и репрессий, большевистские подпольные организации уделяли особое внимание развитию партизанского движения. К осени 1919 г. оно приобрело огромный размах: в нем участвовало около 100 тыс. человек. Его авангард составлял рабочий класс¹³⁰.

Деникинские власти боролись с повстанческим и партизанским движением как оружием, так и пропагандой. Широкую деятельность развернул Осваг, пытаясь посредством газет, листовок, брошюр и т. д. разъяснить населению цели белого движения и парализовать большевистскую пропаганду и агитацию, найдя живой отклик в рабочей и крестьянской массе.

Но именно в работе Освага наглядно проявилось черносотенно-монархическое содержание добровольчества. Как вспоминал один из добровольцев, вся пропаганда Освага «сводилась к масонскому заговору и сионским протоколам», и именно это осваговский агитатор «должен был внушать мужикам и рабочим для того, чтобы объяснить задачи и цели Добровольческой армии»¹³¹.

Первый осваговский шеф — Н. Парамонов, считавший, что без демагогии антисоветская пропаганда не даст эффекта, в докладах «наверх» просил разрешения добавить в нее немного «кадетской левизны». Он убеждал, что такой «левизны» не следует бояться, т. к. после победы «многое можно будет исправить». Однако добровольческие генералы требовали решительно изгнать из Освага «либеральный дух», а заодно и всех заподозренных в сотрудничестве с Временным правительством. Парамонов ушел, но и его преемники — К. Соколов и Б. Энгельгардт находились на подозрении у военщины. Последний даже подвергался грубым оскорблениям со стороны офицеров-черносотенцев. Большевистская партия вела активную идеологическую борьбу с белогвардейщиной, различными путями неся в массы правду о подлинных намерениях белых генералов¹³².

Ощущение и сознание пустоты под ногами, отсутствие прочной опоры за спиной порождали в добровольческом стане неуверенность. Она стала перерастать в чувство отчаяния и безнадежности, когда деникинские армии начали терпеть первые поражения в боях с Красной Армией. Результатом был глубоко-

¹³⁰ Подробнее см.: *Алексашенко А. П.* Крах деникинщины. М., 1966, с. 217—288.

¹³¹ *Виллиам Г.* Распад «добровольцев». М.—Пг., 1923, с. 43.

¹³² Подробнее см.: *Катков Н. Ф.* Слово, без промаха бьющее по врагу. О большевистской контрпропаганде в лагере белогвардейцев. 1918—1920 гг.— В кн.: *Принципы партийности и его осуществление.* Сборник статей. Горький, 1975, с. 107—120.

кий морально-политический кризис, поразивший деникинщину. Напрасно Деникин впоследствии пытался объяснить его суровой эпохой гражданской войны, ожесточившей души людей, развязывавшей в них «темные инстинкты» и т. п. С деникинщиной, стремившейся реставрировать отжившую монархию, произошло примерно то же, что с самой этой монархией перед ее крушением: не имея сколько-нибудь широкой социальной опоры и возможности ее приобрести, режим оказался в положении безысходности, положении тупика, что и вело его к прогрессирующему разложению.

Даже Шульгин вынужден был признать «смерть белой мечты» из-за того, что «добровольческие соколы», как он писал, взвились «не орлами, а ворами»¹³³.

«Левая» политика правыми руками

3 июля 1919 г. Деникин отдал так называемую «московскую директиву», согласно которой основные армии вооруженных сил Юга России (Кавказская добровольческая — генерала П. Н. Врангеля, Донская — генерала В. И. Сидорина и Добровольческая — генерала В. З. Май-Маевского) должны были развернуть наступление, имея конечной целью захват Москвы.

В тот же день В. И. Ленин написал письмо «Все на борьбу с Деникиным!». Оно было одобрено ЦК РКП(б) и разослано в качестве директивы ЦК всем партийным организациям, став конкретной программой борьбы советского народа с деникинщиной. В письме В. И. Ленин вскрыл классовую природу деникинщины, маскирующейся заявлениями о «демократии», «Учредительном собрании» и т. п. «...За прямой и открытой контрреволюцией, — указывал Ленин, — за черной сотней и кадетами, которые сильны своим капиталом, своей прямой связью с империализмом Антанты, своим пониманием неизбежности диктатуры и способностью осуществлять ее (по-колчаковски), — за ними плетутся, как всегда, колеблющиеся, бесхарактерные, словами прикрашивающие свои дела, меньшевики, правые эсеры и левые эсеры»¹³⁴.

Ленин намечал конкретную программу разгрома деникинщины, готовящейся «перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и крестьян»¹³⁵. Он указывал, что основная задача момента состоит в том, чтобы превратить Советскую Республику в единый военный лагерь, и намечал конкретные пути решения этой задачи.

Ленинская программа борьбы с Деникиным нашла горячий

¹³³ Шульгин В. 1920 год, с. 17.

¹³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 59.

¹³⁵ Там же, с. 61.

отклик. Вся Советская страна поднялась на защиту завоеваний Великого Октября¹³⁶.

Еще некоторое время, пока шла мобилизация всех сил Республики, деникинцы имели успех. 13 октября они захватили Орел, но это была последняя точка их продвижения на север.

Первые военные поражения вызвали некоторую нервозность в политических сферах Добровольческой армии, но не заставили их задуматься о правильности проводимого ими политического курса поддержки военно-монархической диктатуры. Это относится и к «левому» крылу деникинщины — кадетам. Лишь небольшая их часть (Астров, Федоров, Оболенский и др.) заговорила было о некоторой «либерализации» режима, но их робкие голоса не нашли никакого отклика.

Подавляющее большинство кадетов твердо стояло на позиции дальнейшего укрепления деникинской диктатуры, что нашло полное выражение в резолюциях харьковской конференции кадетов, состоявшейся в начале ноября 1919 г. Выступая на этой конференции, член ЦК кадетов А. Тыркова прямо заявила, что идея «гегемонии западной демократии», которую «навязывали» либеральные политические деятели, оказалась «ложной», так как русский народ показал себя «диким зверем». Поэтому, говорила Тыркова, нужно отбросить все разговоры о демократии, «диктатуре большинства» и т. п.¹³⁷ В том же духе выступали и другие ораторы (П. Долгоруков, В. Степанов и др.).

Американский исследователь истории кадетизма У. Розенберг отмечает, что на харьковской конференции кадеты, наконец, нашли в себе мужество публично сказать то, о чем многие из них думали уже в 1905 г., об отказе от своих широко рекламируемых идеалов «демократизма» перед лицом народной революции¹³⁸. Резолюции, принятые конференцией, требовали поддержки военной диктатуры без каких-либо условий.

Но новые сокрушительные поражения деникинских армий вынуждали «деникинских кадетов» искать какого-то выхода. В середине ноября Астров подал Деникину записку — Тезисы по вопросу о политическом курсе. В ней он нарисовал ужасающую картину состояния деникинского тыла (грабеж населения, карательные экспедиции и массовые расстрелы без суда, бессилие гражданских властей, разгул преступных элементов в контрразведывательных органах, коррупция, взяточничество, произвол возвращающихся помещиков, еврейские погромы и т. п.). Из всего этого Астров делал вывод о необходимости проведения «нового курса», целью которого должно стать воссоздание порядка, пользующегося доверием «широких слоев населения».

¹³⁶ Подробнее см.: *Алексашенко А. П.* Крах деникинщины; Против Деникина. Сборник воспоминаний. М., 1969.

¹³⁷ *Rosenberg W.* Liberals in the Russian Revolution, p. 426.

¹³⁸ *Ibidem.*

Но критический пафос астровской записки терял свой смысл из-за отсутствия в ней конкретной позитивной программы. Фактически Астров ограничился рекомендацией создать новый правительственный орган. Он, по словам Астрова, должен принять все меры против «недопущения приемов, вызывающих представление о реставрации старого порядка», и «сознательного или бессознательного провоцирования идеи монархизма»¹³⁹.

Записка Астрова была положена под сукно, а в конце декабря 1919 г. Деникин опубликовал свой «наказ» Особому совещанию, в котором еще раз заявил о незыблемости прежнего политического курса: единая и неделимая Россия, борьба с большевизмом, военная диктатура, вопрос о форме правления — дело будущего Народного собрания.

Но деникинские войска уже нсудержимо катились на юг и какие-то «либеральные» перемены становились неизбежными. Начался таким образом обратный процесс: черносотенный монархизм, поднимавший голову в период успехов деникинщины, теперь, в период ее поражений, как бы «свертывался», уступая авансцену буржуазно-помещичьему либерализму.

Кадеты из Особого совещания (Астров, Бернацкий, Челищев и др.) в середине декабря 1919 г. подали Деникину новую записку, в которой говорилось о необходимости ликвидировать Особое совещание и заменить его правительством из шести-семи лиц — неким Советом при главнокомандующем. И Деникин решился. Его решение, считает П. Н. Милюков, свидетельствовало, что деникинская политика «круто поворачивала влево»¹⁴⁰, но такая оценка характеризует лишь степень «левизны» самого Милюкова. Специальным приказом Деникин упразднил Особое совещание и вместо него образовал правительство из руководителей шести ведомств. Во главе его по-прежнему оставался генерал Лукомский¹⁴¹ (вскоре он, правда, был заменен М. П. Богаевским). Политический курс должен был основываться на главных положениях только что опубликованного «наказа». Практически это было все, на что пошла деникинская власть перед лицом приближающегося краха.

Современные буржуазные историки, например У. Розенберг, склонны обвинять в этом кадетов, которые будто бы не нашли в себе сил оказать действенного влияния на Деникина и понудить его к проведению политики, обеспечивавшей поддержку населения. Но тот же У. Розенберг признает, что если бы у кадетов такие силы и нашлись, это резко усилило бы вражду к ним и к Деникину со стороны монархистов (главным образом в армии) и, вероятно, спровоцировало бы открытое выступле-

¹³⁹ Милюков П. Н. Россия на переломе, т. 2, с. 215.

¹⁴⁰ Там же, с. 213.

¹⁴¹ Все члены правительства также являлись членами упразднявшегося Особого совещания. Несколько позднее в него был введен А. В. Кривошеин.

ние «справа» против окончательной «кадетизации» деникинского режима¹⁴².

Опасаясь «крайностей» военно-монархической контрреволюции, в руках которой находилась реальная сила, кадеты во много раз больше боялись народных масс («дикого зверя», по словам Тырковой) и, таким образом, оказывались политически парализованными, бессильно влачили за рассыпавшейся деникинской колымагой. Деникин писал, что создавшееся положение свидетельствовало о невозможности «опереться на либералов»¹⁴³. С другой стороны, по его словам, он не желал «передавать власть всецело в руки правых»¹⁴⁴.

Факты, однако, свидетельствуют о другом. Делая «либеральные» жесты тогда, когда их в нарастающем развале и хаосе фактически уже никто не замечал, Деникин постепенно сдавал власть крайне правым, наиболее реакционным элементам. В армии это были черносотенно-монархические офицерство и генералитет, в среде которых, по имеющимся в литературе данным, даже зрела мысль о насильственном устранении Деникина, якобы погрязшего в «либерализме» и покорно шедшего на поводу у кадетского Особого совещания¹⁴⁵.

Но наиболее политически оформленная оппозиция шла со стороны монархо-октябристских кругов бывшего Особого совещания, за которыми стояли СГОР и реакционное духовенство. Они по-прежнему лелеяли свою идею о возглавлении «белой борьбы» великим князем Николаем Николаевичем, считая его тем человеком, который сумеет объединить вокруг себя разнообразные элементы панацональной борьбы¹⁴⁶. Все же монархисты готовы были до перемены политической ситуации повременить с Николаем Николаевичем, выдвигая на авансцену барона П. Н. Врангеля.

После Февральской революции Врангель стал одним из активных участников нарождавшейся военно-монархической контрреволюции: в апреле-мае 1917 г., находясь в Петрограде, он участвовал в сколачивании офицерских отрядов для готовившегося военного переворота¹⁴⁷. Вскоре после краха корниловщины Врангель ушел из армии и уехал в Крым. Здесь его и застала Великая Октябрьская революция. При немцах Врангель направляется к своему бывшему сослуживцу гетману Скоропадскому, а затем присоединяется к Добровольческой армии во время ее второго Кубанского похода.

¹⁴² Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution. p. 420.

¹⁴³ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 5, с. 287.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Врангель П. Записки.— Белое дело, т. 5. Берлин, 1928, с. 275.

¹⁴⁶ Оболенский В. Крым при Врангеле. М.— Л., 1927, с. 5.

¹⁴⁷ Врангель П. Записки.— Белое дело, т. 5, с. 32—34.

В апреле-мае 1919 г. обнаружились первые расхождения Врангеля с Деникиным. От критики стратегических решений главнокомандующего Врангель перешел к нападкам на все деникинское правление. Врангелевские письма Деникину, содержащие резкую критику положения на фронте и в тылу, распространялись в офицерской среде, вербуй Врангелю новых сторонников. Даже внешность Врангеля способствовала росту его престижа. В отличие от медлительного рыхлого Деникина, всем своим видом напоминавшего замоскворецкого купца средней руки, Врангель бравировал солдатской выправкой. Высокого роста, с неестественно вытянутой шеей, на которой, словно на шесте, сидела голова с лицом, «украшенным» остекляневшими «волчьими» глазами, он всеми силами старался произвести впечатление «сильной личности».

В январе 1920 г. Врангеля откомандировали в Крым фактически без всякого назначения. Освободившись от военных дел, он при поддержке некоторых генералов (Лукомский, Шатилов, Шиллинг, Слащев и др.) резко активизировал свою «антиденикинскую» деятельность. По-видимому, не без участия врангелевских сторонников было спровоцировано офицерское движение, руководимое неким капитаном Орловым, ставившее целью немедленную смену Деникина Врангелем¹⁴⁸. В орловщине активное участие принимали черносотенно-монархические элементы (герцог Лейхтенбергский, полковник Протопопов, князь Бебутов и др.)¹⁴⁹. Врангель, правда, открылся от Орлова, но уже тогда, когда «мавр сделал свое дело». Имя Врангеля как человека, который должен занять пост главнокомандующего, получило широкое звучание.

В феврале 1920 г. Врангель был совсем «уволен от службы» и уехал в Константинополь. Здесь, по его словам, «в одном из бесчисленных кафе за чашкой турецкого кофе» проходили встречи с бывшим царским министром А. В. Кривошеиным, П. Б. Струве и некоторыми другими «общественными деятелями», разрабатывавшими политическую линию, которая должна была спасти развалившуюся белогвардейщину. По всей вероятности, именно в это время и получил окончательное оформление пресловутый лозунг: «левая политика правыми руками». Смысл этого октябристско-правокадетского изобретения (Струве писал о нем Кривошеину еще в августе 1915 г.) сводился к следующему: власть, представленная преимущественно кадетами из Национального центра, не сумела обеспечить белому движению более или менее массовой поддержки. Теперь эту задачу берут на себя более правые, монархо-октябристские элементы,

¹⁴⁸ Раковский Г. Н. В стане белых. Константинополь, 1920, с. 116—117.

¹⁴⁹ Слащев Я. Крым в 1920 г. М.—Л., б. г., с. 46—47; Доклад постоянного члена военного и военно-морского суда генерал-лейтенанта Макаренко главнокомандующему вооруженными силами на юге России.—«Красный архив», 1935, т. 5 (72), с. 192.

группирующиеся главным образом в СГОРе. Они должны продемонстрировать свое желание пойти навстречу «низам», осуществив их требования, в том числе в аграрном вопросе. Предлагался своего рода политический кульбит: передвижка власти идет дальше вправо, а политическая линия этой власти идет «влево». Фактически это была попытка возрождения несколько модернизированной столыпинской, третьей юнкерской политики.

Буржуазные авторы, рассматривавшие столыпинщину как вероятную панацею от революционного 1917 г., склонны считать, что и кривошеинско-врангелевская «левая политика правыми руками» могла бы привести к успеху, если бы она последовательно проводилась с самого начала. Такова, в частности, основная, но не новая мысль обширногоopus американского историка Д. Тредголда — «Идеология белого движения: врангелевская левая политика правыми руками»¹⁵⁰. Но если столыпинская политика оказалась бессильной предостеречь новую буржуазно-демократическую революцию, могла ли она конкурировать с уже победившей социалистической революцией? Только чувство отчаяния толкнуло белогвардейщину на повторение уже провалившегося эксперимента, и потому прав И. И. Минц, точно охарактеризовавший врангелевщину как «последнюю судорогу русской контрреволюции»¹⁵¹.

Врангель и его политические советники (Кривошеин и др.), конечно, прекрасно понимали, что «одна губерния (Крым.— Г. И.) победить сорок девять губерний (остальную Россию.— Г. И.) не может». Их намерение заключалось в том, чтобы при поддержке западного империализма «отсидеться» в Крыму до момента, когда, как они рассчитывали, в Советской России, разоренной войной и блокадой, разразится кризис. Тогда-то, опять-таки с помощью иностранных союзников, и следует начать новый поход против Советской власти. Таким образом, Врангель и его советники по существу планировали политику «двух Россий».

Врангелевский министр иностранных дел Струве в апреле 1920 г. писал В. А. Маклакову в Париж: «Сейчас становится для нас, как самый важный, вопрос: помогут ли нам союзники, и в частности Франция, отстояться и удержаться в Крыму, хотя бы с перемирием с большевиками, т. е. помогут ли они конвертировать капитуляцию в перемирие, в выжидательно-оборонительное состояние»¹⁵².

В начале апреля 1920 г. Врангель, наконец, получил возможность на практике использовать рецепт, предложенный Кривошеиным, Струве и др. После новороссийской катастрофы, завер-

¹⁵⁰ Russian Thought and Politic. Ed. by H. McLean, M. Malia, G. Fisher. Gravenhagen, 1957, p. 493—496; см. также: Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин. Его значение в истории России начала XX в. Париж, 1973, с. 309.

¹⁵¹ Минц И. И. Врангелевщина.— «Красный архив», 1930, т. 2 (31), с. 4.

¹⁵² Цит. по: Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин..., с. 312.

шившейся панической эвакуацией остатков деникинских войск в Крым, Деникин окончательно осознал, что ему нужно уходить. По его приказу в Севастополе состоялось совещание высших командных чинов (на которое из Константинополя англичане быстро доставили Врангеля), призванное наметить ему преемника. Присутствовавшие на совещании высказались за Врангеля, которому Деникин и передал власть. Деникинская «эпопея» закончилась. Но она еще имела свой эпилог.

Деникин покидал Феодосию тайно: боялись покушения со стороны монархистов-белогвардейцев. С ним уезжали бывший начальник штаба генерал Романовский и адъютанты — генерал Шапрон и сотник Гришин — двое из тех, кто был с Корниловым и Деникиным еще со времен Быхова. По прибытии в Константинополь Деникин и сопровождавшие его остановились в русском посольстве.

Когда Романовский вышел в вестибюль, к нему быстрыми шагами направился человек в форме белогвардейского офицера.

— Генерал! — окликнул он Романовского, и когда тот обернулся, дважды выстрелил ему в лицо.

Убийце удалось благополучно скрыться, и долгое время, как он, так и те, кто стоял за ним, оставались неизвестными. Лишь в 1936 г. в милюковских «Последних новостях» была опубликована статья Р. Гуля «Кто убил Романовского?». Автор привел данные, из которых следует, что убийство Романовского организовала секретная черносотенно-монархическая организация, группировавшаяся вокруг русского консульства в Константинополе. Убийцей же был член этой организации, сотрудник деникинского Освага, поручик М. А. Харузин¹⁵³. Его выстрелы в сущности символизировали месть монархистов деникинщине, отступившей, по их убеждению, от «чистых» монархических принципов во многом по вине «масона» Романовского.

Из Константинополя Деникин уже как частное лицо уехал в Англию. К. Соколов в своих воспоминаниях писал: «У меня хранится вырезка из «Matin» с фотографическими снимками встречи генерала Деникина в Лондоне. На вокзале среди небольшой группы русских стоит наш бывший диктатор. Он в непромокаемом плаще и дорожном кепи...»¹⁵⁴

А тем временем новый главнокомандующий вооруженными силами Юга России, сконцентрированными в Крыму, уже творил «левую политику правыми руками».

Эсеровская газета «Воля России», выходившая в Праге, писала об окружении Врангеля: «Пильц, Кривошеин, Глинка, Гербель — павшие боги с бюрократического Олимпа времен Плеве и Столыпина... Бывший директор департамента полиции Климович, один из самых ярких сотрудников Плеве Родионов —

¹⁵³ «Последние новости» (Париж), 1936, 9 февраля.

¹⁵⁴ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина, с. 279.

былой член «Союза русского народа», непримиримый монархист Гурко, сам идейный вдохновитель реакции и певец монархии Шульгин...»¹⁵⁵ В компании с ними находились бывший «марксист» Струве и кадет Бернацкий.

В первых числах июня 1920 г. Врангель опубликовал «Воззвание к русским людям», в котором объяснял, за что он воюет. Среди других целей указывалось: «За то, чтобы русский народ сам выбрал себе хозяина». Слово «хозяин» было напечатано заглавными буквами, с красной строки. Фактически Врангель, наконец, произнес то, о чем все время умалчивали Деникин и Колчак. После того, писал он сам, как прозвучало слово «хозяин», почти все поняли, что речь идет о реставрации монархии¹⁵⁶.

Во всяком случае реакционная, монархическая печать (а именно она фактически и была разрешена в Крыму¹⁵⁷), по свидетельству Оболенского, «с радостью подхватила это слово и выражала удовольствие по поводу того, что, наконец, «рассеялись учредительские туманы» и вожди армии стали «под монархическое знамя»¹⁵⁸. Если, саркастически замечает Оболенский, «правые руки могли творить «левую политику», то правая голова не могла говорить левые слова»¹⁵⁹.

Однако вскоре пришлось бить отбой, в частности, и потому, что находившийся в Европе П. Б. Струве вел переговоры о признании и срочной помощи: без псевдодемократического декорума они были затруднительны. По словам эсера М. Вишняка, осторожные политические советники Врангеля считали, что царя «лучше иметь на 5 лет позднее, чем на 5 минут раньше»¹⁶⁰.

Во врангелевском офицозе — монархической «Великой России» появилась беседа главнокомандующего с Н. Чебышевым, в которой разъяснялось: «Хозяин — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он пожелает иметь монарха — Россия будет монархией. Если он признает полезной для себя республику — будет республика»¹⁶¹. Нелепость «разъяснения» бросалась в глаза: в «воззвании» говори-

¹⁵⁵ «Воля России» (Прага), 1920, 14 сентября. Сходную характеристику врангелевскому «правительству» давали кадетские «Последние новости» (Париж), 1920, 12 октября. Следует отметить, что часть правокадетских лидеров (Степанов, Соколов, Долгоруков, Новгородцев), находившихся в Крыму и в эмиграции (в Константинополе, Берлине и др.), высказывалась в поддержку Врангеля. Другая же часть кадетов (группировавшаяся в Париже и Лондоне вокруг Миллюкова) стала в оппозицию к нему, заявляя, что он «идет дорогой черной сотни» (*Раковский Г.* Конец белых. Прага, 1921, с. 39).

¹⁵⁶ Врангель П. Записки. — Белое дело, т. 6. Берлин, 1929, с. 123.

¹⁵⁷ «Последние новости» (Париж), 1920, 31 октября.

¹⁵⁸ Оболенский В. Крым при Врангеле, с. 26.

¹⁵⁹ Там же, с. 44.

¹⁶⁰ Вишняк М. В. На Родине. — «Современные записки» (Париж), 1920, № 2, с. 286.

¹⁶¹ «Великая Россия», 1920, 5 июля.

лось, что русский народ сам выберет себе «хозяина», а из ин-гервью в «Великой России» следовало, что хозяин — это сам русский народ... Но и это невразумительное «демократическое» бормотание «Великой России» вызывало недовольство многих монархических приверженцев Врангеля. И. Наживин сумрачно бурчал, что его «немало смущали» программные выступления Врангеля: «он говорил не то, что говорил мне в Новороссийске с глазу на глаз, я отлично понимал, что все это говорится для европейской галерки, но тем не менее как же... все шаркать и шаркать в угоду кому-то левой ножкой?»¹⁶²

Отголоском подобного рода настроений, по-видимому, стал монархический заговор, созревший в мае-июне 1920 г. среди части морских офицеров Севастополя. План заговорщиков состоял в том, чтобы арестовать Врангеля и некоторых близких к нему лиц, после чего провозгласить главою белого движения все того же великого князя Николая Николаевича, а до его приезда в Крым вручить власть великокняжескому пасынку — герцогу Сергею Лейхтенбергскому. Заговор очень быстро был раскрыт и ликвидирован¹⁶³, но он тем не менее характеризует обстановку, сложившуюся в Крыму при Врангеле.

«...Только одни распоясавшиеся реакционеры-реставраторы, — свидетельствует Г. Раковский, — чувствовали себя в Крыму хозяевами положения»¹⁶⁴. Правая, реакционная печать вела оголтелую монархическую пропаганду. Такие газеты, как «Святая Русь», «Вечернее время», «Вечернее слово», «Новое время», проклинали революцию как результат «жидо-масонского заговора», травлили интеллигентов всех политических направлений до кадетов включительно, доказывали, что Россия возродится «царем и церковью». Епископ Вениамин — этот «Шкуро в рясе», которого Врангель произвел в протопресвитеры своей армии, кликушествовал, что «русский ренессанс» вызовет к жизни быт, величие и дух допетровской Руси «с ее сорока сороками церквей, сановитостью, прочностью, Земским собором и «хозяином», избранным от «всех земли»¹⁶⁵. От всего этого веяло средневековым фанатизмом.

В. И. Ленин, вскрывая классовую природу врангелевщины, не раз указывал, что Врангель — типичный представитель черносотенной России, помещичий генерал, стремящийся вернуть помещикам всю власть¹⁶⁶. Подпольные большевистские организации Крыма и южных районов Украины, оккупированных врангелевцами, вели героическую работу среди населения, поднимая его на борьбу с остатками белогвардейщины. Летом 1920 г.

¹⁶² *Наживин И.* Среди потухших маяков. Берлин, 1922, с. 159.

¹⁶³ *Слащев Я.* Крым в 1920 г., с. 86—87; *Калинин И.* Под знаменем Врангеля. Л., 1925, с. 80.

¹⁶⁴ *Раковский Г.* Концы белых, с. 36.

¹⁶⁵ Там же, с. 37—38.

¹⁶⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 284, 334, 351 и др.

этой работой руководил Закордонный отдел ЦК КП(б)У. Посредством распространения листовок и другой нелегальной печати большевики разъясняли трудящимся буржуазно-помещичью сущность врангелевщины, руководили повстанцами, дезорганизовывали врангелевский тыл ¹⁶⁷.

Главным «действом», которое по планам Врангеля — Кривошеина должно было изменить ход борьбы с большевиками, бросив, наконец, крестьян в «правые руки», являлась земельная реформа. Врангель похвально осуществлял ее в три-четыре часа. На деле получилось иное. Глава созданной им так называемой ялтинской комиссии бывший сенатор Г. Глинка заявил журналистам, что «только царь в полном объеме может решить земельный вопрос» ¹⁶⁸.

Дело с обещанной реформой начинало затягиваться. Тогда Врангель «реформировал» ялтинскую комиссию, создав новую — симферопольскую. Состав ее несколько расширили, но «ялтинцы» вошли в нее почти целиком. Симферопольская комиссия, подгоняемая Врангелем, приняла положение о земельном «максимуме»; все излишки сверх него должны были поступить в продажу в течение двух-трех лет, после чего могли подвергнуться отчуждению, естественно, за выкуп. Глава таврического земства В. Оболенский, который в общем-то сочувственно относился к врангелевской земельной политике, признавал: «Намерения большинства (комиссии.— Г. И.) были совершенно ясны... провозгласить реформу, но осуществление ее отложить на возможно долгий срок, а там видно будет. Они надеялись, что если Врангелю удастся победить большевиков и силой штыков утвердить свою власть в России, то вопрос о земельной реформе можно будет снять с очереди, и все останется по-прежнему» ¹⁶⁹.

Лишь третья по счету — севастопольская комиссия, во главе которой стоял все тот же Глинка, предложила законопроект, который в начале июня и был утвержден. Реформа, по признанию биографа Кривошеина, соединяла «принципы столыпинской реформы с принципом передачи крестьянству большей части помещичьей земли... Она не была основана на наделении «маломощного», беднейшего крестьянства прирезками земли... а на наделении крепких домохозяев, без какого-нибудь обещания превратить в собственников весь деревенский пролетариат...» ¹⁷⁰

В соответствии с реформой признавался фактически совершившийся раздел земли, но устанавливались нормы земельных владений. Земля передавалась в распоряжение создаваемых волостных земельных советов (это слово, по предложению Кривошеина, намеренно сохранили, как завоевавшее доверие кре-

¹⁶⁷ Подробнее см.: *Зюжда Н. А.* Коммунистическая партия — организатор разгрома третьего похода Антанты. М., 1959, с. 171—195.

¹⁶⁸ *Раковский Г.* В стане белых, с. 39.

¹⁶⁹ *Оболенский В.* Крым при Врангеле, с. 17.

¹⁷⁰ *Кривошеин К. А.* В. Кривошеин..., с. 319.

стьян) и распределялась ими в собственность за выкуп. Он исчислялся в размере 5-кратного среднего урожая за последние 10 лет и должен был вноситься государству равными частями в течение 25 лет¹⁷¹. Государство брало на себя непосредственный расчет с помещиками. Купчие крепости на свою землю крестьяне могли получить только после полного расчета, т. е. через те же 25 лет. Крымские и многие уже находившиеся за границей кадеты, вставшие было в оппозицию к врангелевскому правлению, возликовали. Им показалось, что Врангель понял «ошибки» деникинщины и берет, наконец, новый, «демократический» курс¹⁷².

Но даже Оболенский считал, что «выкупные платежи... были исчислены слишком высоко» и это «послужило поводом для усиленной агитации против всего земельного закона»¹⁷³. К тому же признание выкупной сделки, которая юридически должна была состояться лишь через 25 лет, вообще ставило реформу в «подвешенное состояние». В большинстве своем крестьяне не верили закону, не желали брать предлагаемую им землю и фактически из-под палки шли во врангелевские «земельные советы»¹⁷⁴. Таврический губернский посредник по земельным делам Шлейфер в своем докладе писал, что «русская (врангелевская.— Г. И.) власть находится в состоянии какого-то испытания, непрерывного сравнения с большевиками и тут... в большинстве случаев сравнения оказываются не в ее пользу»¹⁷⁵. Служивший при Врангеле военным прокурором И. Калинин рассказывал в своих воспоминаниях о разговоре с молодым крестьянином из Северной Таврии, захваченной после десанта войск генерала Я. Слащева летом 1920 г. Крестьянин рассказывал: «Высадился Слащев. Все как будто хорошо, никому обиды. Мы, молодые, ходим-бродим подле штаба полка, что стоял у нас. В штабе обедают, играет музыка. Да вдруг как грянет она «Боже, царя храни», да раз, да другой. А там следом кричат ура. Нас как кислым облило... Вот оно что... Ну, кто с царем, тот и с помещиком. А этому-то уж ни в жизни не бывать. До свидания, сказали мы, нам, видно, не по пути»¹⁷⁶.

Уже к осени со всей очевидностью выяснилось, что аграрная политика Врангеля провалилась: крестьяне не пошли за черным бароном. То же произошло и с национальной политикой врангелевского режима. Его заявления об отказе от великодержавного лозунга «единой и неделимой России» не убедили даже

¹⁷¹ *Гуковский А.* Аграрная политика Врангеля.— «Красный архив», 1928, т. 1 (26), с. 53—54.

¹⁷² «Общее дело» (Париж), 1920, 31 июля; «The New Russia» (London), 1920, October 16.

¹⁷³ *Оболенский В.* Крым при Врангеле, с. 23—24.

¹⁷⁴ Донесения местных врангелевских властей.— «Красный архив», 1928, т. 1 (26), с. 72—74, 77, 78 и др.

¹⁷⁵ Там же, с. 82.

¹⁷⁶ *Калинин И.* Под знаменем Врангеля, с. 104.

буржуазных и мелкобуржуазных националистов, находившихся в эмиграции. В начале октября врангелевский представитель за границей Нератов сообщал, что украинцы «усматривают отклонение от начал, изложенных в декларации Струве от 20 июня, в сторону политики Деникина в национальном вопросе и указания на определенно монархическое направление вашего правительства... Неверие украинского правительства начинают разделять Эстония и Латвия; их примеру, без сомнения, последуют и другие отделившиеся народы»¹⁷⁷.

Летом и осенью 1920 г. Врангель, воспользовавшись отвлечением главных сил Красной Армии на борьбу с белополяками, сумел захватить Северную Таврию, высадил десант на Кубани. Но в октябре 1920 г. между Польшей и Советской Россией был заключен мир, и теперь ликвидация «крымской занозы» представляла лишь вопрос времени. Мобилизуя партию и народные массы на разгром последнего белогвардейского очага, В. И. Ленин писал: «Наша победа большая и будет самая полная, если добьем Врангеля»¹⁷⁸.

Угроза разгрома полностью выявила истинное лицо врангелевщины. То, что Врангель, казалось, сумел достигнуть ценою репрессий и демагогии — поднять дисциплину остатков деникинских войск и затормозить развал тыла, было утрачено в течение нескольких недель. Старорежимные язвы, загнанные было внутрь, вскрылись вновь. В. Оболенский свидетельствует: «В области тылового быта и тыловых нравов мы все время эволюционировали в одну сторону, в сторону усиления всякого рода бесчестной спекуляции, взяточничества и казнокрадства. Смена вождей и руководителей военных действий и гражданской политики нисколько на этом не отражалась»¹⁷⁹.

««Левая» политика, — писал Н. П. Милюков, — фатально перестала быть левой, попадая в правые руки»¹⁸⁰. Вывод в целом правильный, за исключением того, что никакого фатализма тут не было. Врангелевщина лишний раз продемонстрировала, что буржуазно-помещичья реакция могла проводить только буржуазно-помещичью политику в силу своей антинародной сущности. В. И. Ленин указывал на это, говоря о неспособности Врангеля (так же, как Колчака, Юденича и Деникина) создать «народную армию». «...Крестьянское войско, — отмечал он, — как оно было против Колчака, Деникина и Юденича, так оно никогда не может идти с врангелевскими офицерскими войсками»¹⁸¹.

¹⁷⁷ «Красный архив», 1930, т. 2 (39), с. 21.

¹⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 255.

¹⁷⁹ Оболенский В. Крым при Врангеле, с. 62.

¹⁸⁰ Милюков Н. П. Россия на переломе, т. 2, с. 222.

¹⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 330.

АГОНИЯ МОНАРХИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Наша белогвардейщина передвинулась через границу, отъехала на трое суток пути и сидит там и подкарауливает, имея опору и поддержку западноевропейского капитала.

Л е н и н

Русская послереволюционная эмиграция — сложное явление. По существу это был весь контрреволюционный лагерь России, переместившийся за рубеж. Численность его, по различным данным, равнялась 1,5—2,5 млн. человек. В социальном отношении он состоял из представителей всех эксплуататорских классов и групп бывшей царской России: помещиков, буржуазии, кулачества, чиновничьей бюрократии, реакционного духовенства и офицерства, буржуазной интеллигенции, городской мелкой буржуазии и т. д. Политически активная часть этой массы группировалась в многочисленные партии и организации начиная от черносотенных монархистов до эсеров и меньшевиков. Несмотря на различия в декларируемых программах, они сходились в главном: антисоветизме и антибольшевизме. У эмиграции, говорил В. И. Ленин, «лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало»¹.

Помимо политических белоэмигрантских объединений за рубежом действовали десятки разного рода мнимо аполитичных (военных, культурных, кооперативных, филантропических и др.) комитетов, союзов и т. п. Эмиграция вообще маскировала свою классово-контрреволюционную сущность, стремясь представить себя некоей «хранительницей национальной традиции»². Но многие эмигранты сами не верили в эту демагогию. Один из них, И. Гурович, писал: «...Аполитичность для... дураков, которые верят. А для умных людей... Разве в наше время можно обойтись без политики...»³.

В. И. Ленин рассматривал эмиграцию (а ее составляли главным образом те, кто участвовал в белогвардейских движениях) как весьма серьезную военную и политическую силу. Высту-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 53.

² Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926, с. 10.

³ Гурович И. Записки эмигранта. М.—Л., 1922, с. 82—83.

пая на III конгрессе Коминтерна летом 1921 г., он призвал «систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции»⁴.

Несколько раньше, в дни кронштадтского мятежа, Ленин особо подчеркивал необходимость «знать своего врага». «Его не так видно, когда он перешел за границу,— разъяснял Ленин,— но посмотрите — он передвинулся не очень далеко, самое большое на несколько тысяч верст, а, передвинувшись на это расстояние, притаился. Он цел, он жив, он ждет. Вот почему надо к нему присматриваться, тем более что это не только беженцы. Нет, это прямые помощники всемирного капитала, на его счет содержимые и вместе с ним действующие»⁵.

На правом фланге эмигрантского лагеря стояли монархисты. На протяжении почти всей гражданской войны монархизм, как мы видели, предпочитал открыто и прямо не заявлять о себе, но, по признанию П. Н. Милюкова, «реставраторские и монархические группы и тенденции решительно возобладали в конце белой борьбы»⁶. Правда, и теперь, в эмиграции, монархисты не представляли сплоченной политической силы. Их крайне правую часть составляли вчерашние черносотенцы — сторонники реставрации царского самодержавия фактически в «неурезанном виде», а левую — так называемые кающиеся либералы: октябристы и правые кадеты, в годы революции и гражданской войны осознавшие «греховность» своей борьбы с «традиционной властью», но выступавшие за ее «конституционную модернизацию».

Между этими полюсами располагалась целая гамма эмигрантов-монархистов, в большей или меньшей степени тяготевших к одному из них. Но тон задавали монархисты черносотенного образца. Историк белой эмиграции В. Белов писал: «В неопишемом сумбуре политических группировок эмиграции, в тумане лицемерия, лжи и мещанской тупости, в клубке переплетающихся идеологий новых толков и самостоятельных организаций можно указать на монархистов как на единственную группировку, твердо знающую, чего она хочет и к чему стремится, откровенно и коротко об этом заявляющую»⁷.

В Европе линию географического фронта монархической белой эмиграции можно было бы провести от Дании через Прибалтийские страны, Францию, Германию и Польшу до Балкан (главным образом Турции, Югославии и Болгарии)⁸. На Даль-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 40.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 139.

⁶ Последние новости. Юбилейный сборник. Париж, 1920, с. 15.

⁷ Белов В. Белое похмелье. М.—Пг., 1923, с. 88. См. также: Бобрицев-Пушкин А. Патриоты без отечества. Л., 1925, с. 38.

⁸ Белов В. Белое похмелье, с. 93.

нем Востоке она проходила бы преимущественно через Маньчжурию и Китай. Отдельные центры монархистов-белоэмигрантов находились в США, Канаде, странах Центральной и Южной Америки, а также в Африке.

Начало белогвардейско-монархической эмиграции

Российская монархическая эмиграция появилась раньше других эмигрантских групп. Многие представители аристократии, царского дипломатического корпуса, бывшей бюрократии и т. п. не вернулись в Россию уже после Февральской революции или выехали за рубеж вскоре после нее, при Временном правительстве. Но основной поток белоэмигрантов, в том числе и монархистов, хлынул за границу после Великой Октябрьской революции. С этого времени он шел волнообразно и был связан главным образом с очередным разгромом белогвардейских формирований⁹.

Пожалуй, одно из первых и самых крупных эмигрантских монархических гнезд образовалось в Германии. Его возникновение относится к концу 1918—1919 гг., когда из Прибалтики сюда устремились остатки разбитых белогвардейских войск. Германские власти оказывали им всемерную поддержку, и они не переставали браться оружием, планируя новые походы на Петроград и Москву.

Весной 1919 г. бывший корниловец и участник заговора В. Пуришкевича полковник Ф. Винберг в содружестве с двумя бывшими офицерами-монархистами Р. Шабельским-Борком¹⁰ и С. Таборицким издавали погромно-антисоветский журнальчик «Луч света», заполняемый графоманскими писаниями самих издателей. Осенью 1920 г. погромную тему мракобесного «Луча света» продолжил новый черносотенно-монархический журнал «Двуглавый орел», издаваемый Н. Е. Марковым 2-м.

Осколки самодержавной России нашли в Германии полное понимание немецких реакционеров и националистов, мечтавших о реванше и восстановлении кайзеровского рейха¹¹. Связующим звеном между ними являлись прибалтийские бароны, которые бежали от революции и широким потоком вливались в зарождавшееся фашистское движение. Основа союза между ними заключалась в общей ненависти к коммунизму, в оголтелом шовинизме и реваншизме.

⁹ Подробнее см.: Шкаренков Л. К. Белая эмиграция: агония контрреволюции. — «Вопросы истории», 1976, № 5, с. 102—103.

¹⁰ По некоторым данным, Шабельский-Борк участвовал в одном из заговоров, цель которого заключалась в освобождении Романовых из скатеринбургского заключения («Луч света» (Берлин), 1919, кн. 1, с. 25).

¹¹ Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland, 1919—1929. Würzburg, 1966.

Действительно, статьи, печатавшиеся на страницах «Луча света», «Двуглавого орла», и «труды» монархических «идеологов» Н. Тальберга, Н. Маркова 2-го, Н. Бостунича, Н. Скрынникова и других вызывают такое же отвращение, как и позднейшие писания гитлеровских «теоретиков». Революцию в России, как и вообще все революции, они объясняли «масонским заговором», берущим начало еще в средних веках. Все «беды» царизма приписывались масонам и связанным с ними либералам: это они «организовали» восстание декабристов, «втянули» Россию в Крымскую войну, убивали царей, «подстроили» Ходынку, русско-японскую войну и «конституцию» 1905 г. Наконец, именно они «продвинули» к трону Распутина, который являлся их орудием, расшатавшим царский престол. Особые проклятия сыпались, конечно, на головы большевиков, которые также зачислялись в масоны. Масоны, пугали вчерашние белогвардейцы, находятся повсюду, хотя обнаружить их невозможно, и многие масоны даже сами не знают, что они являются таковыми¹².

Не в силах сдерживать ненависть к нерусским народам бывшей царской империи, монархисты с неменьшей ненавистью и презрением писали и о русском народе.

Наиболее реакционные круги Западной Европы, прежде всего Германии, видели в русских монархистах «надежный материал», который можно было использовать для осуществления разного рода авантюристических планов: террористических актов, антидемократических заговоров, военных переворотов и т. п. Еще весной 1920 г. группа бывших царских офицеров, бежавших в Германию из Прибалтики, оказалась вовлеченной в капповский путч, по существу явившийся первой пробой сил немецкого фашизма. Путчисты, ударную силу которых составляли подразделения так называемых добровольческих корпусов и разного рода националистических организаций, стремились к установлению в Германии реакционной военной диктатуры как ступени к реставрации монархии. На стальных касках у солдат бригады Ю. Эрхардта, в марте 1920 г. маршировавшей по улицам Берлина, было написано: «За Каппа, кайзера и право». Путч проходил под лозунгами реваншизма, антикоммунизма и антибольшевизма¹³.

Весной 1920 г. германская пресса была полна данными, свидетельствующими об участии русских офицеров-монархистов в капповском путче. Утверждалось даже, что Капп поддерживал тесные связи с такими русскими эмигрантами, как П. М. Бермонт-Авалов, А. И. Гучков и др. Одной из центральных фигур, связанных лично с Каппом, был авантюрист, бывший белогвардейский генерал В. Бискупский. Ко времени Февральской рево-

¹² Скрынников Н. Масонство? Париж, 1921, с. 40—41.

¹³ Кульбакин В. Д. Очерки новой и новейшей истории Германии. М., 1962, с. 157; Панкевич Ф. Капповский путч. М., 1969, с. 63, и др.

люции он дослужился до командира одного из конных корпусов, действовавших на Румынском фронте. После Октября бежал на Украину, находился в свите гетмана Скоропадского, где и установил тесные связи с представителями германских милитаристских кругов¹⁴. По сведениям, имеющимся в эмигрантской литературе, Капп и Бискупский договорились, что после восстановления в России монархии она будет тесно сотрудничать с Германией. Капп в свою очередь согласился финансировать Бискупского в целях осуществления намечавшихся им антисоветских планов¹⁵.

После провала мятежа Каппа многие его участники, в том числе и белогвардейцы, двинулись в Баварию. Летом 1920 г., помимо Бискупского, сюда прибыли такие монархические заправилы, как Н. Марков 2-й, Ф. Винберг, Ф. Эвальд, И. Полтавец-Острица и др. Центр деятельности белоэмигрантов-монархистов фактически переместился в Мюнхен, ставший, как известно, колыбелью гитлеризма. Здесь действовал так называемый Русский комитет, который вербовал новых членов, собирал средства и т. п.

Летом 1920 г. собравшиеся в Баварии реакционные и националистические элементы Германии, Австрии и Венгрии, поддерживавшие тесные контакты с русской монархической эмиграцией, разработали авантюристический план создания Союза побежденных держав для восстановления тронов. В так называемом меморандуме Бискупского, представленном в июне-июле 1920 г. на общеевропейскую конференцию монархистов в Будапеште, говорилось: «Монархические группы, генералы императора и большая часть русского народа ясно видят, что это катастрофическое положение (речь идет о послевоенном кризисе в Европе.— Г. И.) может кончиться лишь в одном случае: если побежденные народы заключат между собой тайный союз, избрав общую программу и начав очень активную политику. Великая Россия, Великая Германия и Великая Венгрия, связанные друг с другом экономически и политически,— вот единственное спасение в нашем отчаянном положении»¹⁶.

Для осуществления этих целей предполагалось создать военный и политический центры, которые должны руководить сформированной из белогвардейцев и реакционных офицеров других стран «добровольческой армией». С германской стороны в качестве членов центров выдвигались участники капповского путча генерал Э. Людендорф и полковник М. Бауэр, с венгерской — Я. Требич, с русской — все тот же генерал В. Бискупский и др.

Для подготовки вторжений «добровольческой армии» планировалась подрывная работа в «освобождаемых» странах, в том числе и в Советской России. «Народ,— говорилось в ме-

¹⁴ «Новое время» (Белград), 1924, 5 января.

¹⁵ Williams R. Culture in Exile. London, 1972, p. 150.

¹⁶ «Воля России» (Прага), 1920, 5 декабря.

морандуме Бискупского, — будет подготовлен пропагандой, задачей русских денег в неограниченном количестве в целях поднятия антикоммунистического движения в тылу коммунистической армии». Было согласовано, что печатание фальшивых «думских тысячерублевок» начнется в Будапеште под покровительством лиц из окружения адмирала Хорти¹⁷.

Часть документов, обсуждавшихся на секретных монархических конференциях, попала в печать. Эсеровская «Воля России» в конце 1920 г. опубликовала их со своими комментариями под сенсационным заголовком — «Европейский монархический заговор». Издававшийся в Берлине кадетский «Руль» выразил осторожное сомнение в достоверности опубликованных «Волей России» документов¹⁸. Однако редакторы «Воли России» В. Зензинов, О. Минор и другие клялись, что документы подлинные.

Трудно сказать, как в действительности далеко зашел «европейский монархический заговор» с участием российских монархистов. Но очевидно, что грандиозные проекты Бискупского и его европейских единомышленников являлись отражением безудержного авантюризма озлобленных реакционеров и националистов.

«Новая тактика» Милокова и старый кадетский монархизм

В начале ноября 1920 г. разбитая 70-тысячная армия Врангеля и примерно такое же количество находившихся в ее обозе беженцев покинули последнее пристанище белогвардейщины в Советской России — Крым. Целая армада переполненных до отказа судов увозила их к берегам Турции. Здесь врангелевская армия была переформирована и по соглашению с турецкими и союзническими властями расквартирована в нескольких районах. Отборная часть армии — 25 тыс. «добровольцев», сведенных в 1-й корпус генерала А. Кутепова, — расположилась лагерем на полуострове Галлиполи. 20 тыс. донских казаков (Донской корпус) были сосредоточены около Константинополя, на Чалтадже; 15 тыс. кубанцев — на острове Лемнос. Несколько более мелких подразделений отправили на острова Мраморного моря. Военные суда, ушедшие из Крыма вместе с врангелевцами, отвели в Бизерту¹⁹.

Несмотря на жестокие поражения, понесенные в боях с Красной Армией, и по существу паническое бегство, армия Врангеля продолжала оставаться серьезной военной силой.

В декабре 1920 г., выступая на VIII Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин говорил, что основная угроза возобнове-

¹⁷ «Воля России» (Прага), 1920, 9 декабря.

¹⁸ «Руль» (Берлин), 1920, 10 декабря.

¹⁹ Врангель П. Записки. — Белое дело, т. 6. Берлин, 1929, с. 242; Раковский Г. Конец белых. Прага, 1921, с. 268—269.

ния войны исходит не из того факта, что у Советской России еще нет формальных мирных договоров, а из наличия эвакуированной за рубеж врангелевской армии. «Мы прекрасно знаем,— подчеркивал В. И. Ленин,— что остатки армии Врангеля не уничтожены, а спрятаны не очень далеко и находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию»²⁰.

В Галлиполи культивировались контрреволюционные, злобно-антисоветские настроения, поддерживавшиеся жестокими карательными мерами и безудержной черносотенной пропагандой. По существу галлиполийский военный лагерь превратился в концлагерь. Кадетские «Последние новости», характеризую сложившуюся там обстановку, писали: в корпусе «солдат превратили в каких-то маньяков»; в войсках свирепствуют военно-полевые суды, которые за малейшую провинность приговаривают «изголодавшихся беженцев к каторжным работам»; всякая сколько-нибудь объективная информация о событиях в мире не пропускается; врангелевские «пропагандисты» усиленно обрабатывают солдат в духе «идей» Союза русского народа и «Михаила Архангела», доказывая, что вызванная масонами революция погубила Россию, которая якобы жаждет восстановления «государя-императора»²¹.

Почти год проработавший врачом в галлиполийском лагере Б. Александровский впоследствии писал, что в среде галлиполийцев, «прозябавших во французских палатках на заплесневелом хлебе, консервах пятилетней давности и гнилой фасоли», господствовало убеждение, что главной ошибкой была «непростительная мягкость». «Надо было,— считали они,— в свое время перевешать и расстрелять всех проклятых слюнявых интеллигентов с Милюковым и Керенским во главе. Не будь их, ничего бы и не было, сидели бы мы сейчас спокойно в Москве и Петербурге»²².

Большинству этих людей, главным образом офицерам, нечего было терять. Издерганные и озлобленные, они всегда были готовы на самую рискованную авантюру. Когда французские власти предложили Врангелю расформировать свои войска и в случае отказа грозили прекратить выдачу продовольствия, в галлиполийском лагере начали готовиться к походу, чтобы «силой пройти на север в славянские страны и даже на Кон-

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 130.

²¹ «Последние новости» (Париж), 1921, 8 сентября. Подробнее см.: Шкаренков Л. К. Белая эмиграция: агония контрреволюции, с. 103—105.

²² Александровский Б. Из пережитого в чужих краях. М., 1969, с. 34.

стантинополь». На руки офицерам даже начали раздавать карты местности²³. Сам Врангель считал, что, поскольку лишь в его распоряжении имеются крупные вооруженные силы, именно он должен возглавить все «русское беженство» и осуществлять верховную власть, распоряжаясь как всеми русскими организациями за рубежом, так и русскими финансовыми средствами, находящимися в иностранных банках. Для поддержки этой претензии крымские министры Врангеля пытались создать некий правительствующий орган — Русский совет²⁴. Но эта попытка натолкнулась на довольно твердое сопротивление. Во-первых, союзники, и прежде всего Франция, не склонны были брать на себя длительное содержание разгромленной врангелевской армии, считая ее мечты о близком военном реванше бесперспективными. Врангелевцам предлагалось разоружиться и перейти на положение беженцев. Во-вторых, реакционные, монархические устремления Врангеля рассматривались в левокадетско-соглашательском секторе эмиграции, связанном с империалистическими кругами Антанты, как неуместные в сложившейся обстановке.

Кадетский лидер П. Н. Милюков уже разрабатывал «новую тактику» антисоветской борьбы. Милюков и поддерживавшие его кадеты доказывали, что «белая борьба» потерпела фиаско из-за допущенных ее вождями «ошибок», явившихся следствием реакционности белогвардейщины, ее приверженности к монархизму. «Ошибки» сводились к попытке перерешить аграрный вопрос «в интересах помещичьего класса», восстановить господство военной и чиновничьей бюрократии времен царизма, осуществить самодержавный лозунг «единой и неделимой России». Именно это, писал Милюков, оттолкнуло от белогвардейцев демократические элементы и «окраинные народы»²⁵.

Из анализа белогвардейских «ошибок» Милюков делал вывод о признании вооруженной борьбы законченной, идеи военной диктатуры неприемлемой и вновь провозглашал «принцип республики» без всякой санкции будущего Учредительного собрания. «Эти предложения, — писал он, — разрывали с теми компромиссами, которые часть членов кадетской партии принуждена была заключить в период участия в различных белых правительствах»²⁶. От компромисса с белогвардейской реакцией Милюков теперь предлагал перейти к компромиссу с «социа-

²³ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг., кн. 2. Париж, 1962, с. 370. Следует вместе с тем отметить, что определенная часть солдат, сосредоточенных в Галлиполи, несмотря на жесточайшие преследования, выражала желание возвратиться и возвращалась в Советскую Россию (см., например: *Лунченков И.* За чужие грехи. М.—Л., 1925, с. 21—25).

²⁴ *Даватц В.* Годы. Очерки пятилетней борьбы, с. 14—17; Русские в Галлиполи 1920—1921 гг. Сборник статей. Берлин, 1923, с. 171—173.

²⁵ *Милюков П. Н.* Эмиграция на перепутье. Париж, 1926, с. 133.

²⁶ *Милюков П. Н.* Россия на переломе, т. 2. Париж, 1926, с. 240.

листами» — меньшевиками и эсерами на платформе так называемого «республиканско-демократического объединения» (РДО)²⁷.

«Новая тактика», сформулированная вождем кадетов, отражала определенную переориентацию части антисоветских сил, являлась признанием краха политики вооруженного свержения Советской власти и необходимости (по крайней мере временно) перехода к другим методам борьбы с ней. Расчет делался на ухудшение внутреннего положения Советской Республики, на ослабление Советской власти в результате обострения противоречий между пролетариатом и крестьянством, на восстания и бунты. Сущность «новой тактики» Милюкова наиболее полно сказалась в дни контрреволюционного кронштадтского мятежа, когда Милюков выразил готовность поддержать «беспартийный» лозунг — «Советская власть без большевиков». В. И. Ленин внимательно изучал тактические маневры Милюкова и, разоблачая их классовую суть, писал, что Милюков по-своему прав, когда говорит монархистам: «господа монархисты, не торопитесь, не мешайте тем, что вы об этом кричите»²⁸. Милюков, писал В. И. Ленин, «учитывает ступени политического развития совершенно трезво и говорит, что для перехода назад к капитализму необходимая ступенька — эсеровщина и меньшевизм. Буржуазии такая ступенька нужна, а кто этого не понимает, тот глупец»²⁹.

Однако большая часть белой эмиграции не приняла «новую тактику» Милюкова. «Присмотритесь к Милюкову, — писал так называемый «народный монархист» И. Наживин, — профессор, лидер важной партии, а крутит, как мальчишка. Сегодня монархист, ориентация на союзников, прибывает в Киев — ориентируется на немцев, бежит из Киева в Лондон и снова спасение в союзниках, едет в Париж и делает страшное мартовское лицо...» («новая тактика» прославляла «идеалы Февраля», якобы отброшенные Октябрем. — *Г. И.*)³⁰.

В. В. Шульгин и П. Б. Струве доказывали, что планы Милюкова на «преодоление большевизма изнутри» — утопия³¹.

Раскололись и сами кадеты. По характеристике А. В. Бобрищева-Пушкина, они «разбрелись по всем эмигрантским пепелищам, вплоть до самого черносотенного»³². Милюкова поддерживала главным образом парижская группа кадетов. Другие группы (константинопольская, софийская, белградская и др.),

²⁷ Три платформы республиканско-демократических объединений. Париж, 1925, с. 5. См. также: «Правда» (Москва), 1921, 26 января.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 139.

²⁹ Там же, с. 318.

³⁰ Наживин И. Среди потухших маяков. Берлин, 1921, с. 47.

³¹ Шкаренков Л. К. Белая эмиграция: агония контрреволюции, с. 113.

³² Бобрищев-Пушкин А. Патриоты без отечества, с. 17.

которые, по словам Милокова, принимали более активное участие в «белой борьбе», отказались пойти за Милоковым³³.

К весне 1921 г. в кадетской партии оформились три течения: республиканско-демократическое (РДО) — во главе с П. Н. Милоковым, центр — во главе с Н. И. Астровым и правое большинство — во главе с В. Д. Набоковым, А. В. Карташевым и др.³⁴ В отличие от представителей левокадетского течения, пытавшихся создать общеэмигрантский центр в блоке с эсерами и меньшевиками и при опоре на членов Учредительного собрания³⁵, правые кадеты, отвергавшие новую тактику, стремились создать некий орган с широким представительством различных эмигрантских групп, но без «умеренных социалистов». Инициатором созыва съезда для избрания такого органа выступал в своей газете «Общее дело» В. Бурцев, бывший эсер, в антибольшевистской эволюции докатившийся до монархизма.

Предстоящему съезду была придана широкая реклама «Съезда русского национального объединения». Он состоялся в Париже в июне 1921 г., учредил так называемый Русский национальный союз и его орган — Национальный комитет. Хотя, как писал Милоков, присутствие на этом съезде некоторых кадетов придавало ему «либеральную внешность», правый, монархический характер этого белоэмигрантского новообразования невозможно было скрыть даже за громогласными уверениями его лидеров (А. В. Карташева, М. М. Федорова и др.) о «надпартийности», стремлении выражать «общенациональные интересы» и т. п.

Национальный комитет прямо заявил о своей верности «существу корниловских стремлений», «душе» Добровольческой армии³⁶, высказывал симпатии к «оплоту фашизма» в Италии, который в борьбе с большевизмом «сдал в архив политику теоретического прекраснотушения» (!), показал «великую и жизнетворную силу»³⁷.

«Надпартийность» Национального комитета была достаточно полно выражена в следующих словах его лидера Карташева: «Никакого другого объединяющего начала сейчас для русских, кроме реакции, ни один мудрец указать не может...»³⁸ И хотя Национальный комитет официально стоял на позициях «непред-

³³ См., например: «Руль» (Берлин), 1921, 10 сентября (заявление И. И. Петрункевича, Ф. И. Родичева, Н. И. Астрова и С. В. Паниной).

³⁴ Милоков П. Н. Россия на переломе, т. 2, с. 243—244.

³⁵ По инициативе парижской группы кадетов в Париже в январе 1921 г. происходила конференция членов Учредительного собрания (на ней присутствовали всего лишь 33 человека). Был создан Комитет членов Учредительного собрания и принято решение о создании постоянного органа в более широком составе (Частное совещание членов Всероссийского Учредительного собрания. Париж, 1921).

³⁶ «Вестник Русского национального комитета» (Париж), 1923, № 1, с. 4, 5, 7.

³⁷ Там же, 1923, № 5, с. 30, 32.

³⁸ Там же, 1924, № 9, с. 16.

решенства» и выступал против «механической реставрации», он отнюдь не отвергал монархизм как будущую форму государственного устройства России, открыто поддерживал Врангеля и великого князя Николая Николаевича³⁹. Тон здесь задавали кающиеся либералы (П. Струве, П. Долгоруков, А. Тыркова-Вильямс и др.), в отличие от сторонников Милюкова отвергнувшие не только Великий Октябрь, но и «идеалы Февраля», приверженцами которого еще сравнительно недавно себя считали. Но если Национальный комитет официально держал марку «надпартийности», то многочисленные кадетские группы, отколовшиеся от Милюкова, не скрывали своего монархизма. Наиболее откровенно речь об этом шла в «Записке софийской группы». В ней говорилось: «Настало время признать, что отказ от монархических лозунгов в 1917 г. был ошибкой, объясняемой увлечением борьбой с определенной формой монархического режима... По мере того как отходят в прошлое годы монархии, постепенно изглаживаются из памяти воспоминания о тяжелых сторонах монархического режима и монархия окружается новым ореолом»⁴⁰. Не случайно глава Национального комитета А. В. Карташев в октябре 1921 г. заявил, что Николай II должен быть канонизирован как святой⁴¹.

Конечно, монархизм этого крыла кадетской партии был «конституционным», но он представлял собой определенную основу для блока «направо», с «чистыми», черносотенными монархистами. Характеризуя активизацию монархических сил в белой эмиграции, «Правда» писала: «То, что начинает Струве, то кончает Марков 2-й, то, на что лишь намекает «Русская мысль», беззастенчиво рывкает «Двуглавый орел». Кающиеся либералы помогают нераскаявшимся черносотенцам»⁴².

Позиция большинства кадетской партии в эмиграции разоблачала ее мнимый, тактический республиканизм, провозглашенный в мае 1917 г.⁴³

Тем не менее милюковская группа кадетов и их «социалистические» союзники не хотели признавать претензий Врангеля, рассматривая его как обанкротившегося реакционера и монархиста. Напротив, в крайне правых, черносотенных кругах эмиграции считали, что последний белогвардейский главнокомандующий официально недостаточно «монархичен», и требовали от него прямого провозглашения лозунга «за веру, царя и отечество». При этом кандидат в цари обязательно должен был быть из династии Романовых.

³⁹ Там же, с. 1, 5.

⁴⁰ Цит. по: *Думова Н. Г.* Из истории кадетской партии в 1917 г.— «Исторические записки», 1972, № 90, с. 121—122.

⁴¹ Там же, с. 122.

⁴² «Правда», 1921, 3 июля.

⁴³ Подробнее см.: *Думова Н. Г.* Из истории кадетской партии в 1917 г., с. 118—123, 155; *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973, с. 173—193.

Врангель не стремился скрыть свое политическое лицо. Так, в январе 1922 г. он писал генералу П. Н. Краснову: «Вы не можете сомневаться в том, что по убеждениям своим я являюсь монархистом и что столь же монархично и большинство русской армии». Он заверил Краснова, что, как и все монархисты, мыслит Россию «под московским царем», но под каким именно — это, по его словам, можно будет решить только после освобождения России от большевиков в «совете с русским народом»⁴⁴. Врангель и его сторонники выступали, таким образом, в вопросе о государственном устройстве восстановленной на белогвардейский манер России с «непредрешенческих» позиций. Все это было демагогическим словоблудием, заимствованным у Корнилова, Колчака и Деникина и рассчитанным на удержание в белогвардейском стане всех, кто мог быть использован в борьбе с Советской властью.

Пока битый главком вооруженных сил Юга России вел борьбу за сохранение своей эвакуированной армии, началось ее постепенное частичное «рассосредоточение» по другим странам. Потянулся поток возвращенцев и в Советскую Россию. Галлиполийское «сидение» шло к концу. И хотя в Константинополе в апреле 1921 г. врангелевцы создали так называемый Русский совет, претендовавший на политическое руководство, он имел лишь чисто местное значение. Его функции свелись к эвакуации врангелевских войск и расселению их в Сербии и Болгарии, после чего он был распущен (осенью 1922 г.)⁴⁵.

Передислоцированные к концу 1921 г. на Балканы, врангелевцы перешли на «самообслуживание» (некоторые из них выполняли пограничную службу, другие работали на строительстве железных дорог, на рудниках и т. п.), но не прекращали существования как воинские части. Еще в мае 1921 г. Врангель отдал приказ, согласно которому армия должна «существовать в полускрытом виде... во что бы то ни стало»⁴⁶. Галлиполийские кадры стали той средой, из которой антисоветские и антикоммунистические круги широко вербовали шпионов, диверсантов, террористов. В мае 1923 г. прогремели выстрелы в лозаннском отеле «Сессиль»: бывший офицер Дроздовской дивизии М. Конради убил советского дипломата В. В. Воровского. «Правда» в связи с этим писала: «...Конради — только палач, наемный исполнитель. Если понадобятся две тысячи Конради для истребления большевиков, то следует обратиться в штаб Врангеля. Там возьмут недорого, совсем пустяки. Там палачи и наемные убийцы ходят без работы, занимаясь лишь провокаторством и шпионским ремеслом»⁴⁷.

⁴⁴ Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы, с. 61.

⁴⁵ Русский совет. Париж, 1921, с. 3—4; Российский зарубежный съезд в Париже. Париж, 1926, с. IV.

⁴⁶ Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы, с. 155.

⁴⁷ «Правда», 1923, 13 мая.

Кающиеся либералы и нераскаявшиеся черносотенцы

В то время когда кадеты, возглавляемые Милюковым, критиковали белогвардейщину за реакционность и монархизм, приведшие ее к поражению, монархисты из белогвардейского лагеря бичевали своих вождей за то, что они не решились открыто поднять монархический флаг, чем и свели «белое дело на уровень неудачной политической авантюры»⁴⁸. Марков 2-й и его единомышленники пришли к выводу, что теперь следует решительно очиститься от «либеральной скверны» и во всю ширину развернуть монархическое знамя. В черносотенных кругах возникла мысль о созыве заграничного монархического съезда. Инициатива принадлежала В. Бискупскому, Н. Е. Маркову 2-му и А. Римскому-Корсакову.

В январе-феврале 1921 г. в Берлине были проведены первые организационные мероприятия и создан Временный русский монархический союз во главе с Н. Е. Марковым 2-м, М. А. Таубе и А. М. Масленниковым. Однако черносотенная возня в Берлине вызвала протест левой немецкой печати. Тогда решено было перенести проектируемый съезд в Баварию, поскольку здесь русские монархические эмигранты встречали политическую и финансовую поддержку южногерманских милитаристов, реакционных политиков и промышленников. Ключевой фигурой в организации монархического съезда в Баварии стал М.-Э. Шейбнер-Рихтер, лидер созданного в 1921 г. реакционно-националистического общества Aufbau (Восстановление), в котором имелась и русская секция, состоявшая из представителей самой черносотенной белогвардейщины⁴⁹.

Официально Aufbau было зарегистрировано как Общество по вопросам хозяйственно-политической жизни Восточной Европы и ставило своей целью содействие восстановлению «хозяйственной жизни» Восточной Европы, и прежде всего Российского государства, путем «сближения» с Германией⁵⁰. На деле же Aufbau стремилось к восстановлению свергнутых реакционных, монархических режимов и установлению германского господства над ними. Оно являлось одним из тех объединений реакционеров-монархистов, милитаристов и шовинистов, в которых выращивались нацистские бациллы.

«Общероссийский» монархический съезд открылся в конце мая 1921 г. в баварском курортном городке Рейхенгале. В зале заседания висел большой портрет Николая II. Присутствовало более 150 человек — делегатов многочисленных монархических

⁴⁸ «Двуглавый орел» (Берлин), 1922, 1 (14) января; *Немирович-Данченко Г. В.* В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922, с. 100.

⁴⁹ *Ефимовский Е.* Сорокалетие рейхенгальского общемонархического съезда. — «Возрождение» (Париж), 1942, № 30, с. 108.

⁵⁰ «Aufbau» (Восстановление). München. 1921, № 4-5, с. 1, 22.

организаций из разных стран: увешенные орденами царские генералы и сановники, духовные пастыри в епископских и митрополичьих рясах, черносотенные зубры государственных дум и Государственного совета, позавчерашние либеральные политики и идеологи октябристского и правокадетского толка, раскаявшиеся в своих «оппозиционных» грехах,— весь «цвет» навсегда потонувшей царской России. Здесь можно было встретить старых вожаков Союза русского народа Н. Е. Маркова 2-го, П. Н. Крупенского, А. А. Ширинского-Шихматова, А. А. Римского-Корсакова, митрополитов-черносотенцев Антония и Евлогия, генералов царского окружения А. И. Мосолова и П. Г. Курлова, предпоследнего премьер-министра А. Ф. Трепова, незадачливого гетмана Скоропадского, кающихся кадетов Е. А. Ефимовского, А. М. Масленникова и др. С Дальнего Востока прибыл представитель марионетки японских милитаристов атамана Г. Семенова, который еще до открытия съезда заявил, что атаман «бился, бьется и будет биться за восстановление Великой России под скипетром законного императора и самодержца»⁵¹.

Это было сборище политических мертвецов, ожесточенно стремившихся снова обрести плоть и кровь, громко и требовательно заявить, что сегодняшний, реальный мир — это ошибка, наваждение, а их мир — мир зловещих теней наперекор всему должен возвратиться, восстать из праха.

После приветственной речи ангела-хранителя беглых русских черносотенцев фашиста Шейбнер-Рихтера и молитвы архиепископа Сергия о «восстановлении престола царя «земного» и зачтения телеграммы находившейся в Дании «вдовствующей императрицы» Марии Федоровны съезд приступил к работе. Прежде всего собравшиеся направили телеграмму Врангелю, в которой выразили уверенность, что его войска «еще раз проявят свою доблесть» в борьбе с Советской Россией. Затем один за другим на трибуну поднимались докладчики, развивавшие перед собравшимися различные проекты «восстановления» России. А. М. Масленников доказывал, что это «восстановление» возможно только посредством возвращения к монархическому образу правления «под скипетром Романовых». Е. К. Ножин требовал приступить к широкой монархической пропаганде, утверждая, что все белогвардейские вожди потерпели поражение именно из-за отсутствия таковой. Е. А. Ефимовский провозглашал принцип «единой и неделимой» России, но, учитывая происшедшие перемены, не исключал возможности «местных автономий» и «областных самоуправлений». Бывший эсер

⁵¹ «Двуглавый орел» (Берлин), 1921, 5 (28) марта. В это же время в Монголии действовала тесно связанная с Семеновым банда Р. Унгерна. В мае 1921 г. Унгерн отдал приказ о наступлении в Советскую Сибирь для восстановления на престоле «хозяина земли русской — императора всероссийского Михаила Александровича» (подробнее см.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья, 1917—1925. М., 1975, с. 530—539).

Т. В. Локоть проектировал будущий аграрный строй России, который должен был основываться «на правах частной собственности», но в целом предлагал не предрешать этого вопроса.

Вообще некоторые из делегатов Рейхенгальского съезда старались хотя бы на словах отмежеваться от твердолобо-черносотенных реакционеров, ничего не понявших и ничему не научившихся. В этом проявились первые признаки раскола в белоэмигрантской монархической среде.

Среди рейхенгальцев имелись и такие, кто стремился использовать любой антикоммунистический лозунг, даже «левого» происхождения. Так, один из присутствовавших на съезде офицеров-монархистов выступил с призывом «поднимать престол» под лозунгом... «да здравствуют Советы — долой коммунистов!»⁵² Хотя призыв этот не получил поддержки, он свидетельствовал о готовности крайне правых белоэмигрантских кругов схватиться даже за «революционные» лозунги «беспартийных» кронштадтских контрреволюционеров, если эти лозунги давали хоть малейшую надежду на устранение главного врага — большевиков. Присутствовавший на съезде «народно-монархический» писатель И. Наживин назвал это выступление офицера «подземным ударом тех сил, которые, возможно, пойдут скоро во главе неизбежной и мрачной реакции»⁵³.

В связи с этим следует отметить, что высказываемое иногда утверждение, будто бы монархическая эмиграция прошла мимо кронштадтского мятежа, требует коррективы⁵⁴. Как и эмиграция более «левого» толка, монархисты отнюдь не остались индифферентными к контрреволюционному выступлению в Кронштадте, и если бы Советская власть не покончила с мятежниками в кратчайший срок, вооруженные силы белогвардейщины, контролируемые монархистами Врангелем и Кутеповым, при благоприятной обстановке пришли бы в движение⁵⁵. «...Все настоящие белогвардейцы, — писал В. И. Ленин, — приветствовали кронштадтцев и собирали через банки фонды в помощь Кронштадту!»⁵⁶

Несмотря на наметившиеся на съезде разногласия в вопросе об устройстве восстановленного «монархического образа правления», сторонники легитимной монархии «в полном объеме», ведомые Марковым 2-м, восторжествовали. Была принята резолюция, в которой говорилось: «Съезд признает, что единствен-

⁵² *Наживин И.* Среди потухших маяков. Берлин, 1922, с. 191.

⁵³ Там же.

⁵⁴ В «Известиях» была опубликована переписка черносотенцев Н. Тальберга и генерала И. Батюшина, свидетельствующая, что и монархисты готовы были временно принять кронштадтские лозунги («Известия», 1922, 18 февраля). О поддержке лозунгов кронштадтских мятежников монархистами писала также эсеровская «Воля России» (1921, 16 марта).

⁵⁵ *Семанов С. Н.* Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа. М., 1973, с. 132.

⁵⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 239.

ный путь к возрождению великой, сильной и свободной России есть восстановление в ней монархии, возглавляемой законным государем из дома Романовых, согласно основным законам Российской империи»⁵⁷.

Это полностью соответствовало духу многих выступлений на рейхенгальском сборище, в которых сквозила волчья тоска по былому самодержавию, презрение и ненависть к русскому народу, осмелившемуся сбросить его. Неоднократно выступавший Марков 2-й кичливо напомнил, какую «отповедь» адвокату Плевако дал он еще в III думе. В ответ на слова Плевако, что русскому народу «пора одеть тогу гражданина», Марков 2-й громко заявил: «Не римская простыня нужна русскому народу, а теплый романовский полушубок». «Теперь,— громыхал Марков 2-й на Рейхенгальском съезде,— добавлю еще — нужна тугая трехцветная опояска и хорошие ежовые рукавицы»⁵⁸. От этого веяло угрозой кровавого разгула мрачной реакции. «Царь и плаха делают дело,— писала «Правда» о Рейхенгальском съезде.— Царь и плаха на лобном месте ожидают русские трудящиеся массы в случае победы контрреволюции»⁵⁹.

В итоге работы съезд избрал Высший монархический совет в составе Н. Е. Маркова 2-го, А. А. Ширинского-Шихматова и А. М. Масленникова. Съезд направил делегацию (митрополит Антоний, А. Ф. Трепов и генерал Безобразов) к вдовствующей императрице Марии Федоровне с просьбой собрать семейный романовский совет для избрания временного «блюстителя престола» до окончательного решения вопроса о его замещении «законным государем-императором». Вдовствующая императрица (жена Александра III) жила в Дании и, находясь в старческом маразме, упрямо считала, что Николай II и его семья чудодетственным образом спасены. Она даже организовала вокруг себя офицерский «Союз верных», который в нужную минуту должен был прийти на помощь «государю-императору». Союз был связан с Марковым 2-м, который, по некоторым данным, получал от вдовствующей императрицы немалые средства⁶⁰.

Мария Федоровна предпочла уклониться от каких-либо переговоров с рейхенгальцами, а старейший представитель Романовых — бывший верховный главнокомандующий Николай Николаевич (обосновавшийся во Франции) — временно отказался возглавить монархическое движение, заявив, что он должен быть призван «всемирно». Уклончивая, неопределенная позиция Романовых усиливала нездоровый ажиотаж среди участников съезда. И. Наживин саркастически писал: «Чувствуется работа сторонников разных «претендентов» на престол. Но непримиримо борется со всеми этими претендентами кучка изуверов,

⁵⁷ «Двуглавый орел» (Берлин), 1921, 1 (14) июля, с. 16.

⁵⁸ «Двуглавый орел» (Берлин), 1921, 15 (28) июня, с. 7.

⁵⁹ «Правда», 1921, 30 августа.

⁶⁰ Белов В. Белое похмелье, с. 94.

которая неустанно проповедует, что вся царская семья жива... Здесь жалкая грызня, взаимное окачивание помоями и пошлые интриги. И всякая котерия так и хватает вас за фалды: к нам, к нам, пожалуйста,— наш кандидат самый законный, самый лучший»⁶¹.

Прибывший в Рейхенгаль колчаковский следователь Н. Соколов, который вел расследование в Екатеринбурге, сообщил, что у него имеются данные о расстреле Романовых. Однако многие из присутствовавших продолжали упрямо твердить, что царская семья где-то благополучно скрывается. Делегат съезда корниловец Ф. Винберг решил даже представить заявление Н. Соколова неким «хитроумным маневром», рассчитанным на то, чтобы обезопасить спасшихся Романовых. Винберг публично обнял оторопевшего следователя и слезно благодарил его за «патриотическое сокрытие факта того, что царь жив»⁶².

Итог рейхенгальского слета бывших черносотенцев и более «умеренного» крыла монархистов заключался не только в создании организационного ядра российской монархической эмиграции, которая, по словам кадетских «Последних новостей», намечала «полную реставрацию, полное возвращение даже не к 1916 г., а к 1904 г.»⁶³. Этот съезд, кроме того, значительно укрепил связи между нею и германскими реакционно-националистическими кругами⁶⁴. Начался «взаимный флирт» между крайне правой частью белой эмиграции и растущей нацистской партией в Мюнхене⁶⁵. Основу этого сближения, как отмечалось, составляла присущая и тем и другим жгучая ненависть к демократии, Советской власти и большевистской партии. Прогрессивная и коммунистическая пресса Германии прямо указывала на опасность начавшегося взаимопроникновения русского, белогвардейского монархизма и германского фашизма при фактическом попустительстве властей.

Газета «Форвертс» еще накануне Рейхенгальского съезда писала, что симпатии, которые проявляют пангерманисты к русским белогвардейцам, дают возможность создавать «постоянный людской резервуар для монархических заговоров»⁶⁶. Центральный орган Германской коммунистической партии заклеил Рейхенгальский съезд как «черносотенное собрание, состоявшееся при молчаливом согласии Вильгельмштрассе». Газета писала, что Берлин стал центральным пунктом сосредоточения русских реакционеров и всех врагов Советской Республики⁶⁷.

Протестовали и баварская демократическая общественность, и печать. В ландтаге последовал запрос об активизации дея-

⁶¹ *Наживин И.* Среди потухших маяков, с. 200.

⁶² «Последние новости» (Париж), 1927, 2 апреля.

⁶³ «Последние новости» (Париж), 1921, 22 июля.

⁶⁴ *Volkman H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland, 1919—1929, S. 83.

⁶⁵ *Williams R.* Culture in Exile, p. 179.

⁶⁶ «Vorwärts», 1921, 19 May.

⁶⁷ «Die Rote Fahne», 1921, 1, 7 June, 27 July.

тельности белогвардейских эмигрантов и местных нацистов. Накалившаяся атмосфера закончилась террористическим актом: один из левых депутатов был убит фашистами⁶⁸.

Между тем участники Рейхенгальского съезда во главе с Марковым 2-м стремились развить свой успех и навязать формулу восстановления монархии во главе с царем из династии Романовых по крайней мере большей части российской эмиграции. С этой целью они попытались использовать так называемый Заграничный русский церковный собор, проходивший с 21 ноября по 3 декабря 1921 г. в Сремских Карловацах (Югославия). Карловацкий собор, призванный, казалось бы, обсуждать исключительно духовные, религиозные проблемы, на деле, по словам белогвардейца В. Даватца, оказался «оскверненным самой нечистоплотной политикой», опутанным «паутиной интриг»⁶⁹.

Из 155 человек, присутствовавших на соборе, менее 1/3, являлись лицами «духовного звания», все остальные были «мирянами», прожженными политиканами, погрязшими не только в зоологическом антисоветизме и антибольшевизме, но и яростно ненавидевшими «интеллигентов и либералов», погубивших, по их убеждению, царскую Россию. Приехавший было на собор М. В. Родзянко, который на всех перекрестках доказывал, что он никак не виновен в революции, что она произошла помимо его воли и желаний, подвергся на соборе грубым оскорблениям и вынужден был уехать⁷⁰.

Собор осудил Великую Октябрьскую революцию и коммунизм и призвал вести неустанную борьбу с Советской властью во имя возвращения «на всероссийский престол помазанника... законного православного царя из дома Романовых»⁷¹. При этом карловчане не скрывали, что для достижения намеченной цели следует использовать все средства, в том числе и поразивший Советскую Россию голод. «Теперь,— писала «Правда»,— вся белогвардейская печать радуется, пляшет и играет, бьет в литавры по случаю... голода»⁷². Другое средство восстановления «помазанника» на престол делегаты собора видели в интервенции и новом белогвардейском походе на Советскую Россию. «Народы Европы,— говорилось в обращении собора к Генуэзской конференции,— дайте им (эмигрантам.— Г. И.) в руки оружие, дайте им своих добровольцев и пошлите изгнать большевиков». Собор уверял империалистов Европы, что сами эмигран-

⁶⁸ Williams R. Culture in Exile, p. 179.

⁶⁹ Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы, с. 51.

⁷⁰ «Руль» (Берлин), 1922, 1 декабря.

⁷¹ Русская православная церковь за границей, 1918—1968. Под ред. А. А. Соллогуб, т. I. Нью-Йорк, 1968, с. 31.

⁷² «Правда», 1921, 22 июля. Подробнее см.: Красиков П. А. Избранные атеистические произведения. М., 1970, с. 153—156; Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции. М., 1968, с. 137—142; Поляков Ю. А. 1921-й, победа над голодом. М., 1975, с. 89—96.

ты «в лице доброй своей половины офицеров, генералов и солдат готовы взяться за оружие и идти походом в Россию...»⁷³

Активизация монархических сил вызвала беспокойство «левого сектора» русской эмиграции (от Милюкова до эсеров), претендовавшего на роль «истинных выразителей» ее устремлений и пользовавшегося поддержкой определенных антибольшевистских кругов европейских стран⁷⁴. В свою очередь это оказывало известное влияние на «умеренных» рейхенгальцев, опасавшихся, что откровенно черносотенная линия Высшего монархического совета, руководимого Марковым 2-м, приведет к изоляции монархического движения, скомпрометирует его в глазах «респектабельной» буржуазно-демократической Европы.

Настроения такого рода были выражены, в частности, в письме за подписью «рейхенгалец», опубликованном в сборнике «Детинец». Автор критиковал Рейхенгальский съезд за то, что там предпринимались «усилия во что бы то ни стало реабилитировать прошлое и его деятелей и героев», хотя у свергнутой династии были «тяжкие грехи и ошибки» и в царствовании Николая II «далеко не все было достойно фимиама». «Рейхенгалец» считал, что монархистам необходимо «пересмотреть свои положения и программы основательно, введя в них те новые данные, которые властно выдвинуты жизнью за последние годы и от которых ни отмолчаться, ни отговориться пустяками нельзя». С этой точки зрения автор письма отвергал принцип легитимизма, считая, что вопрос о монархии и монархе должен решаться выборным путем. Он также требовал подведения под монархизм «народной базы», сделав ставку на зажиточных крестьян, на кулака, как это намеревался сделать Столыпин⁷⁵.

Письмо «рейхенгальца» являлось свидетельством определенной переоценки ценностей, происходившей среди некоторой части монархистов, их стремления выжить, видоизмениться, приспособившись к новой обстановке. Эта линия нашла выражение в формировании «конституционного крыла» монархистов во главе с бывшими кадетами Е. А. Ефимовским и А. М. Масленниковым, которые предприняли издание газеты «Грядущая Россия». В отличие от «чистых» рейхенгальцев они выступали за расширение общественной опоры монархистов и поэтому высказывались за блок «налево». Но это «лево» не шло дальше кадетов правого толка, и к тому же «умеренные» отнюдь не намеревались порывать с другими рейхенгальцами⁷⁶. Поэтому, когда в апреле 1922 г. они создали в Берлине конференцию так называемого Русского народно-монархического союза (конституционных монархистов), на нее были приглашены и представители черносотенных кругов. Выступавшие на конференции прославляли

⁷³ Русская православная церковь за границей, т. 1, с. 33.

⁷⁴ «Руть» (Берлин), 1921, 10 июня; «Воля России» (Прага), 1921, 16 июля.

⁷⁵ Детинец, сб. 1. Берлин, 1922, с. 208—209.

⁷⁶ «Грядущая Россия» (Берлин), 1921, 12 августа, 1921, 6 сентября.

«либерализм» царского правительства, столыпинскую реформу, высказывались за «народное представительство» при восстановленном на престоле царе. Чтобы выйти из состояния изоляции, предлагался блок со всеми, стоящими «правее Милюкова»⁷⁷ (на деле это означало блок с остатками врангелевщины). Такова была истинная цена монархического конституционализма.

В разгар горячих прений о будущем устройстве монархической России произошло событие, всколыхнувшее всю эмиграцию. В Берлин из Парижа для чтения лекций приехал П. Н. Милюков. Во время его выступления в зале филармонии к нему бросился человек и с криком «за царя и Россию!» несколько раз выстрелил из пистолета. После первого же выстрела один из присутствовавших успел сбить Милюкова на пол и тем спас ему жизнь. К Милюкову и покушавшемуся бросились находившиеся в зале люди, в том числе два других кадетских лидера, В. Д. Набоков и А. И. Каминка. В возникшей панике никто не заметил второго террориста, который открыл огонь по толпе. В результате Набоков был убит, Каминка и еще несколько человек ранены.

Убийц удалось арестовать и без труда опознать. Ими оказались белогвардейцы, издатели черносотенного «Луча света» Р. Шабельский-Борк и С. Таборицкий. В подготовке покушения принимал участие и Ф. Винберг, но за несколько дней до выступления Милюкова он уехал из Берлина. Все трое были самым тесным образом связаны с Высшим монархическим советом и лично Марковым 2-м⁷⁸.

Террористический акт в Берлинской филармонии обнаружил истинное лицо белогвардейско-монархической эмиграции: лицо отчаявшихся в своих надеждах карателей и убийц, готовых прибегнуть к ликвидации всех, кто, по их мнению, хоть в какой-то мере был ответствен за крушение царско-помещичьей России. Выстрелы Таборицкого и Шабельского-Борка лишний раз показали, что корниловцы и белогвардейцы в случае своей победы готовили свободной России кровавую баню.

Вместе с тем насилия, к которым прибегли монархисты, в конечном счете свидетельствовали об их политической слабости, дальнейшей потере почвы под ногами. На это, между прочим, указывала почти вся «левая» эмигрантская печать. Демократическая общественность Германии, прежде всего коммунисты, требовала принятия необходимых мер для пресечения подрывной деятельности белой эмиграции и резко критиковала германское правительство за «позорное патронирование русской контрреволюции»⁷⁹.

⁷⁷ Труды учредительной конференции русского народно-монархического союза (конституционных монархистов). Мюнхен, 1922.

⁷⁸ «Голос России» (Берлин), 1922, 14 июля. Таборицкий ранее пытался убить в берлинском метро А. И. Гучкова.

⁷⁹ Williams R. Culture in Exile, p. 211.

Раскол и грызня среди монархистов усиливались. На следующем их сборище, состоявшемся в Париже в ноябре 1922 г., в некоторых выступлениях звучали нотки разочарования в «германофильской ориентации» и были предприняты попытки убрать Маркова 2-го с поста председателя Высшего монархического совета. Сошлись на том, что пополнили его состав новыми членами — П. А. Оболенским и А. А. Крупенским. Вместе с тем проявились разногласия между марковским руководством совета и сторонниками Врангеля, пытавшимися играть самостоятельную роль. Монархистам явно не хватало общепризнанного вождя. К этому времени все отчетливее обозначилась борьба между двумя главными претендентами на несуществующий российский престол: бывшим верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем и великим князем Кириллом Владимировичем, особенно «знаменитым» тем, что 1 марта 1917 г. он пришел вместе со своим Гвардейским экипажем присягать на верность Временному правительству. Базой «кирилловцев» стала Бавария, куда после полицейских преследований, связанных с убийством Набокова, вновь откочевала большая часть монархистов.

До весны 1922 г. Кирилл предпочитал отсиживаться в политической тени и на все предложения заявить о своих «царских правах» вполне трезво отвечал, что у него «нет денег на подобные вздорные замыслы»⁸⁰. Однако затем он «передумал», что могло быть связано с оживлением монархистско-националистического движения в Германии. Правда, число сторонников Кирилла было немногочисленно, но зато они проявляли активность.

Один из «идеологов» Кирилла, бывший нововременец Н. Снесарев (позднее, правда, отошедший от кирилловцев), дал прямо-таки убийственную характеристику кирилловскому лагерю. Верховодила здесь жена Кирилла Виктория Федоровна, державшая своего мужа под каблуком. Далее шли авантюрист и проходимец генерал В. Бискупский, бывший царский министр, граф А. А. Бобринский, прозванный еще до революции «патриотическим барабаном» (вместе с братом П. А. Столыпиным А. А. Столыпиным он издавал газетку «Вера и верность», которую даже Снесарев за откровенное черносотенство назвал «паскудным листком»), и др. Всем им, пишет Снесарев, до России было столько же дела, «сколько до Абиссинии»⁸¹. Они развернули рекламную пропаганду, заявляя о правах Кирилла и его сына Владимира на престол, о реставрации царизма в России, которая, по их мнению, должна осуществляться в тесном союзе с Германией. В августе 1922 г. Кирилл издал манифест, в котором объявлял себя «блюстителем русского престо-

⁸⁰ Белов В. Белое похмелье, с. 95.

⁸¹ Снесарев Н. Кирилл I, император Кобургский. Берлин, 1925, с. 134.

ла» вплоть до выяснения судьбы Николая II, его семьи и великого князя Михаила Александровича⁸².

Одним из первых шагов «престолюбителя» была попытка наложить руку на остатки врангелевской армии. В специальной телеграмме Кирилл требовал от Врангеля подчинения, но последний ответил отказом. Он заявил, что разделяет взгляды великого князя Николая Николаевича, выступающего за «непредрешение формы будущего правления в России и возможность возглавления широконационального, а не только монархического движения». Посему, провозглашал Врангель, он будет «счастлив повести армию за Николаем Николаевичем»⁸³.

Врангеля поддерживали монархисты, группировавшиеся вокруг Высшего монархического совета. В мае 1923 г. состоялся съезд объединения монархических организаций с участием представителя армейского командования генерала Е. Миллера. Было принято обращение ко всем белоэмигрантским группам и организациям с предложением ответить на вопрос, согласны ли они поддержать Николая Николаевича в случае «возглавления» им «национального» (антисоветского.— Г. И.) движения. Совершенно явно проступало стремление монархистов расширить свой фронт за счет блока с «левыми» (по их представлению) антисоветскими образованиями. Расчет был прежде всего на провокадетский Национальный комитет и Торгово-промышленный союз, но он не оправдался⁸⁴. Сплотить всю белую эмиграцию вокруг Николая Николаевича Трепову и Маркову 2-му не удалось. «...Эмигрантские центры,— писал кирилловец Н. Снесарев,— обратились в клоаку сплетен, лжи, интриг и всевозможных недостойных слухов...»⁸⁵.

Монархисты все больше раскалывались на николаевцев и кирилловцев, причем кирилловцы, организовавшие в Мюнхене Русский легитимно-монархический союз, оказались в меньшинстве. В начале 1923 г. они начали издавать свою газету «Вестник русского монархического объединения в Баварии» при содействии баварской реакции, явно склонявшейся к фашизму. Уже весной 1923 г. энергичная супруга «престолюбителя» великая княгиня Виктория Федоровна все чаще и чаще стала появляться на фашистских сборищах и парадах штурмовиков.

Взаимное тяготение европейской реакции и русских монархистов-эмигрантов продолжало усиливаться. Если даже провокадетский Национальный комитет различал в фашизме «животворную силу», бывшие черносотенцы тем более быстро схватили, что в концепциях национал-социализма кроется нечто, во многом соответствующее их собственным взглядам. Они были непрочь позаниматься у Муссолини и Гитлера разнузданно-

⁸² Снесарев Н. Кирилл I, император Кобургский. Берлин, 1925, с. 47—54.

⁸³ Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы, с. 96.

⁸⁴ Миллюков П. Н. Эмиграция на перепутье, с. 14.

⁸⁵ Снесарев Н. Провокация монархизма. Берлин, 1923, с. 39.

шовинистическую пропаганду, незуитскую демагогию, оболванивающую мелких буржуа и ставившую их под всеохватывающий контроль «сильной власти». «Необходимо,— писал некий А. Волин,— возможно скорее обосновать фашизм, превратив его в государственную теорию, а не в ряд опытов дилетантов». Кирилловец А. Байков публиковал в националистической, реакционной газете «Völkischer Beobachter» статьи, в которых доказывал, что России, как и Германии, необходим «национальный социализм», который освободит ее от «большевиков и III Интернационала»⁸⁶.

Сотрудничавшие в фашистской прессе эмигранты-монархисты (в том числе и Марков 2-й) выражали уверенность, что фашизм рано или поздно придет к монархизму.

Зарождавшийся союз русских монархистов с поднимающимся фашизмом был сразу же отмечен эсеро-меньшевистской эмигрантской печатью. «Внешние успехи фашизма,— писала берлинская газета «Дни»,— укрепили зарождавшееся черное заплесневение русской реакции. Фашизм стал модной этикеткой для искателей русского престола». «Процесс вращивания европейских реакционных идей в русское монархическое движение,— продолжала газета,— не подлежит сомнению. Монархисты воспринимают при этом внешнее, наглядное, наиболее грубое и надеются в западных образцах найти новую опору для российского трона»⁸⁷.

Там, где монархисты видели возможность поддержать поднимающийся фашизм, они с готовностью протягивали ему руку. Фашистское русско-германское общество Aufbau имело свои отделения и ячейки в Югославии и Венгрии. По сообщению газеты «Дни», уже в 1922 г. члены их — русские монархисты — объединились в большую организацию, которая всемерно поддерживала югославских реакционеров и фашистскую организацию «Возрождающаяся Венгрия», тесно связанную с союзником Гитлера Хорти⁸⁸.

В Болгарии монархическая белогвардейщина действовала еще активнее. К лету 1922 г. здесь скопилась масса врангелевских солдат и офицеров, большинство из которых влачило бедственное существование. Поведение этой деморализованной и озлобленной массы вызвало протесты болгарской общественности. Даже «певец» врангелевщины В. Даватц пишет, что вся Болгария говорила «о возмутительных случаях непристойного поведения частей врангелевской армии, расквартированных в стране»⁸⁹.

В 1922—1923 гг. классовая борьба в Болгарии обострилась. С одной стороны, шло наступление реакции, с другой — усили-

⁸⁶ Волин А. Молодая Россия. Берлин, 1923, с. 265.

⁸⁷ «Дни» (Берлин), 1923, 16 октября.

⁸⁸ Там же, 1923, 15, 22 декабря.

⁸⁹ Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы, с. 167.

валось движение народных масс за демократизацию страны. Врангелевские отряды, естественно, оказались на стороне реакционных сил и участвовали в фашистском перевороте (июнь 1923 г.), в результате которого было свергнуто правительство А. Стамболийского. При этом Врангель и его окружение рассчитывали, что фашистский режим превратит Болгарию в «исходный пункт» для новой войны против Советской России. Когда в сентябре 1923 г. народные массы Болгарии, руководимые коммунистами, поднялись на восстание, врангелевцы, действуя вместе с правительственными войсками, активно «усмиряли» повстанцев⁹⁰.

Тем временем в Германии, переживавшей острый социально-экономический кризис, гитлеризм предпринял первую попытку захватить власть. Базой стала Бавария. При попустительстве баварских властей и при поддержке главным образом националистических и монархических групп будущий нацистский фюрер решил, что в ноябре 1923 г. настал подходящий момент для повторения путча, подобного капповскому. По плану, разработанному при непосредственном участии руководителей Aufbau и главных покровителей русских эмигрантов-монархистов М. Шейбнер-Рихтера и А. Розенберга, предполагалось захватить власть в Мюнхене и организовать фашистский марш на Берлин. Все детали плана были согласованы Гитлером и Шейбнер-Рихтером на встрече 6 ноября, за два дня до путча.

Не исключено, что, «стимулируя» Гитлера к выступлению, Шейбнер-Рихтер обещал ему поддержку своего эмигрантско-монархического «актива». Во всяком случае уже после провала путча хорошо осведомленная газета «Дни» писала «о фактах участия многочисленных русских офицеров в германских организациях Гитлера и ген. Людендорфа». Газета утверждала также, что к путчу был причастен «сам» Марков 2-й. «Какими высокопатриотическими фразами,—говорилось в газете,—будет оправдывать Марков 2-й это участие русских офицеров в боевых отрядах крайне правых в Баварии?»⁹¹

8 ноября Гитлер в сопровождении фашистско-монархического сброда ворвался в пивной зал «Бюргерброй», произвел несколько выстрелов и объявил о перевороте. Себя он назначил главой правительства, а генерала Людендорфа — главнокомандующим. Начались погромы рабочих и демократических организаций⁹². Во время одной из фашистских демонстраций Шейбнер-Рихтер, шедший рука об руку с будущим фюрером, был убит. Провалился и весь «пивной путч».

⁹⁰ Подробнее см.: *Шкаренков Л. К.* Белая эмиграция: агония контрреволюции, с. 109—110.

⁹¹ «Дни» (Берлин), 1923, 22 декабря.

⁹² *Гейден К.* История германского фашизма. М.—Л., 1935, с. 126—129; *Кульбакин В. Д.* Очерки новой и новейшей истории Германии. М., 1962, с. 209—211.

«Гитлеровское движение в Баварии,— писал кирилловский идеолог Н. Снесарев,— провалилось с треском и увлекло за собой Людендорфа, а последний дискредитировал и Бискупского, только на Людендорфа и опиравшегося. Монархическое движение в Баварии да и во всей Германии сильно ослабело...»⁹³

Кирилловцы, николаевцы, самозванцы

Спад монархической деятельности в Германии совпал с переселением массы белоэмигрантов главным образом во Францию, где ощущалась острая нужда в рабочей силе. Перебирались сюда и многие эмигрантские организации и объединения⁹⁴. Высший монархический совет также обосновался в Париже и, оказавшись в непосредственном контакте с великим князем Николаем Николаевичем, продолжал активно противодействовать претензиям Кирилла на царский трон.

Между тем «престолоблудитель» решил, что настала пора перейти от «блудительства» к занятию «престола». Чтобы привлечь к себе максимальное количество сторонников, он использовал даже угрозу, заявив в апреле 1924 г., что те из эмигрантов, кто его не поддержат... будут лишены права считаться русскими и возможности возвратиться в Россию после того, как он, Кирилл I, будет коронован в московском Кремле! Эмигрантская монархическая пресса выразила протест против подобного «беззакония». Но это не остановило Кирилла: в августе 1924 г. он официально объявил себя императором всероссийским, а своего сына Владимира — наследником престола.

Принцип «непредрешенства» был таким образом решительно отброшен. По словам Н. Снесарева, в окружении Кирилла понимали, что «выбрать при данных условиях царя в России — это то же самое, что вынуть голой рукой из кипящего котла с ухой наменного ерша, когда их варится в котле 1000 штук»⁹⁵. В отличие от планов николаевцев программа Кирилла отвергала интервенцию как средство свержения Советской власти, а всю свою ставку делала (как и Милоков!) на внутренние силы в России, для привлечения которых объявляла «механическую реставрацию» дофевральских порядков невозможной. Более того, Кирилл даже соглашался на сохранение... Советов, при условии если их система будет увенчана царем, т. е. им — Кириллом I⁹⁶.

Николаевцы немедленно выразили протест. С заявлениями выступили вдовствующая императрица Мария Федоровна и сам бывший главком — Николай Николаевич. «Ход», сделанный Ки-

⁹³ Снесарев Н. Кирилл I, император Кобургский, с. 30.

⁹⁴ Александровский Б. Из пережитого в чужих краях, с. 68—70.

⁹⁵ Снесарев Н. Кирилл I, император Кобургский, с. 19.

⁹⁶ Там же, с. 146.

риллом, заставил его отбросить демагогические заявления о согласии возглавить монархическое движение лишь при условии «всенародного призвания». В ноябре 1924 г. он объявил, что принимает на себя руководство всеми белогвардейскими формированиями и организациями, прежде всего находившимися в распоряжении Врангеля. «Император» Кирилл I, таким образом, оказался без армии.

Но и бывший верховный главнокомандующий теперь командовал армией, которая как единая боевая сила уже не существовала. В сентябре 1924 г. Врангель, учитывая усиливающуюся разбросанность белогвардейских частей по разным странам и фактический переход многих из них на положение рабочих отрядов и команд, издал приказ об образовании так называемого Российского общевойска (РОВС), который объединил все врангелевские подразделения, военные союзы и общества. Это была попытка сплотить на новой организационной основе рассыпающиеся остатки белогвардейщины, сохранить в ней внутреннюю связь на случай новых возможностей интервенции против СССР, с мечтой о которой ни Николай Николаевич, ни Врангель, ни их окружение ни в коем случае не хотели расстаться. Вот почему идеология РОВСа была идеологией «галли-полийцев» с их «символом веры», требующим беспощадного искоренения демократии, большевизма и интернационализма, а методами его деятельности — шпионаж, диверсии, террор.

В организационном отношении РОВС делился на пять отделов, начальники которых назначались главнокомом и непосредственно ему подчинялись. Хотя номинальным руководителем РОВСа был Врангель (умер в 1928 г.), фактически в нем управлял генерал Кутепов. Штаб-квартира РОВСа находилась в Париже. Здесь же, затем в Бельгии издавался его официоз — погромно-белогвардейский журнал «Часовой». Политическая линия РОВСа была «пропиоколаевской», претензии Кирилла отвергались.

Положение «императора» оказалось не из завидных. Его правая рука — генерал Бискупский, уличенный в связях с гитлеровцами, был выслан из Баварии, а с самого «царя» взяли заявление, что он отказывается от какой бы то ни было политической деятельности. Коммунисты в ландтаге потребовали выдворения Кирилла как нежелательного лица. Среди кирилловцев зрела идея переориентировки на США, и энергичная «императрица» Виктория Федоровна поехала собирать деньги в Америку. Миссия эта, правда, закончилась безуспешно.

Монархическое движение все явственнее обнаруживало черты вырождения, все более и более превращаясь в интриганство, склобничество, авантюристическое прожектерство, сопровождавшееся выклянчиванием денег у иностранных покровителей. Пожалуй, наиболее полно эта тенденция обнаружилась в появлении самозванцев.

Конечно, вся многолетняя история с лжеромановыми — дурной и пошлый фарс. Но у него были режиссеры, которые преследовали далеко не комедийные цели. Ими двигали как политические, так и финансовые расчеты. Им казалось, что «чудесное спасение» кого-либо из прямых и бесспорных наследников престола, во-первых, поможет консолидировать разобщенный белоэмигрантский монархизм, а во-вторых, даст надежду на укрепление его материальной базы путем получения по последству денег семьи Романовых, как полагали, хранящихся в европейских банках.

Имелось и еще одно соображение политического характера. Версия о спасении кого-либо из расстрелянной в Екатеринбурге семьи Романовых создавала немалые возможности для клеветнических, антисоветских кампаний, раздувания антикоммунистического пропагандистского шабаша вокруг «ужасов» революции и т. п. А в этом были заинтересованы не только белоэмигранты, но и реакционные круги империалистических государств Запада. Конечно, вся идея с самозванцами была густо замешана на политическом авантюризме, но крайняя реакция иногда не брезгует и такими средствами.

Слухи, что Романовы (или по крайней мере кто-то из них) не были расстреляны в доме Ипатьева летом 1918 г., появились почти сразу после захвата белыми Екатеринбурга. В разных местах они циркулировали на протяжении всей гражданской войны, то возникая, то угасая. Очередная их вспышка произошла уже в конце гражданской войны, когда становилось ясно, что расчеты монархической белогвардейщины на свержение Советской власти рухнули.

...В феврале 1920 г. в Берлине полицейский наряд извлек из Ландверканала молодую женщину, пытавшуюся покончить с собой. Доставленная в клинику, она заявила, что является... младшей дочерью Николая II Анастасией. Это была сенсация, однако покровители Анастасии не спешили, так как незадолго до этого оказались разоблаченными уже две «Анастасии». Чтобы третью не постигла та же участь, следовало провести более тщательную подготовку. Лишь летом 1922 г. «Анастасию» перевезли в имение бывшего сподвижника гетмана Скоропадского и одного из создателей монархической Южной армии на Украине в 1918 г., герцога Лейхтенбергского, где она официально и заявила о своих «правах». В дом к Лейхтенбергскому бросились как высокопоставленные белоэмигранты, в том числе из семьи Романовых, так и эмиссары германских и других западноевропейских королевских и аристократических семейств. Их голоса разделились. Одни «опознаватели» признали «Анастасию», другие решительно отвергли ее как сумасшедшую, третьи осторожно высказывали неопределенное мнение.

Тогда герцог Лейхтенбергский, его покровитель генерал М. Гофман и некоторые другие решили, что самозванке необ-

ходимо обеспечить поддержку германских промышленников и реакционных политиков. По данным М. Касвинова, через находившуюся при Лжеанastasии переводчицу и наставницу некую Г. Раттлеф-Кейльман самозванка была представлена гитлеровским «верхам», которые широко использовали ее имя для подогревания антикоммунизма⁹⁷.

Зарубежный съезд

«Эпопея» с Лжеанastasией, достигшая своего пика в 20—30-х годах⁹⁸, была судорожной попыткой черносотенной эмиграции придать новый импульс своему движению. Но в сущности она лишь наглядно свидетельствовала о его разложении и упадке (как, впрочем, всей белой эмиграции). Главными факторами, влиявшими на этот процесс, были укрепление внутреннего положения в Советской стране и рост ее международного престижа. Все более быстрые темпы набирало хозяйственное и культурное строительство. Советское правительство установило дипломатические отношения с рядом капиталистических государств. Советский Союз выходил на международную арену как великая держава. Среди части эмиграции все более широкий отклик находила идея примирения с Советской властью, получившая выражение в «сменовеховстве», в растущем числе возвращавшихся на Родину⁹⁹. Надежда монархической белоэмиграции на новую интервенцию, казалось, все больше и больше таяла.

Однако весной и летом 1925 г. империалистические круги вновь попытались усилить напряженность, раздувая клеветническую кампанию вокруг пресловутой «руки Москвы», вмешательство которой якобы угрожает европейским странам и их колониальным владениям. Снова начали циркулировать провокационные слухи о возможной интервенции и разделе России. Это сразу же взбудоражило и активизировало русских монархистов. Им казалось, что час их затаенных вожделений наступает.

В сентябре 1925 г. глава Высшего монархического совета Марков 2-й публично заявил, что все эмигранты должны поддерживать интервенцию во всех случаях, даже в том, если она завершится разделом России¹⁰⁰. Такое заявление делалось явно в расчете на реакционные круги империалистических государств,

⁹⁷ Касвинов М. Двадцать три ступени вниз.— «Звезда», 1973, № 10, с. 185—187.

⁹⁸ Rathlef-Keilman H. von. Anastasia, the Survivor of Ekaterinburg. New York, 1928; Botkin G. The Women who Rose Again. New York, 1937.

⁹⁹ Подробнее см.: Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972, с. 258—294; Шкаренков А. К. Белая эмиграция: агония контрреволюции, с. 117—120.

¹⁰⁰ Милуков П. Н. Эмиграция на перепутье, с. 13.

от которых в конечном счете зависело решение об интервенционистском походе и привлечении к нему белогвардейцев. Монархисты заранее называли плату, которую они готовы были внести иностранному империализму за свержение Советской власти. Но необходимо было также убедить империалистов, что ставка на белую эмиграцию вполне надежна, поскольку она представляет собой значительную силу. В связи с этим осенью 1925 г. в белоэмигрантских кругах остро встал вопрос об объединении под эгидой какого-либо органа или лица. Поскольку такая необходимость диктовалась в основном страстными надеждами на интервенцию, инициатива исходила от правой — монархической — части белой эмиграции.

Ее план сводился к созыву так называемого Зарубежного съезда, на котором великий князь Николай Николаевич должен был быть провозглашен «верховным вождем» всей эмиграции. Для максимально широкой поддержки монархического замысла его облекли в «непредрешенческое» прикрытие. В интервью, опубликованном в газете «Вечернее время» еще в мае 1924 г., проектируемый «верховный вождь» заявил, что, находясь на чужбине, он не собирается предрешать форму государственного строя России, но тем не менее будущая власть должна быть «национальная, внеклассовая и внепартийная. Эта власть должна быть твердой и сильной...»¹⁰¹

Получив поддержку «русского беженства» и опираясь на иностранный империализм, «верховный вождь», по расчетам белогвардейской эмиграции, сумеет начать новый поход против СССР и свергнуть Советскую власть. После этого «народное собрание» окончательно решит вопрос о власти. Однако «непредрешенческий» туман рассеивали сами сторонники Николая Николаевича. Бывший донской атаман П. Краснов рассылал «братьям-казакам» свои открытые письма, в которых, призывая сплотиться вокруг Николая Николаевича, громил «народоправство» и напоминал, какое «благоденствие» было при царях¹⁰².

Но несмотря на черносотенно-монархический характер программы Зарубежного съезда, ее главный пункт — избрание «верховного вождя» получил поддержку Национального комитета и Торгово-промышленного союза. Торгпром, созданный еще в 1920 г. и располагавший большими средствами, организовал даже издание газеты «Возрождение» (во главе с П. Б. Струве). По характеристике милюковских «Последних новостей», эта газета специализировалась на прославлении экономических и культурных достижений царизма, отчетах о заседаниях монархических организаций, а также чествовании Врангеля и Николая Николаевича как вождей, вокруг которых должна объединяться

¹⁰¹ «Вечернее время» (Париж), 1924, 8 мая.

¹⁰² Краснов П. Н. Открытое письмо к казакам, № 5. Дер. Сантеин (Франция), 6. г., с. 8.

вся эмиграция во имя свержения Советской власти и реставрации монархии¹⁰³.

Конечно, октябристско-кадетская окраска главарей Национального комитета и Торгпрома (в его ЦК входили А. И. Гучков, П. П. Рябушинский, С. И. Третьяков и др.) вынуждала их официально отмежевываться от черносотенно-реставрационистских планов А. Ф. Трепова, П. Н. Крупенского, Н. Е. Маркова 2-го и К°. Они утверждали, что идут на съезд только ради осуществления «отрицательной идеи», т. е. свержения большевиков при условии все того же пресловутого «непредрешенства». При этом подчеркивалось, что новый строй должен быть «правовым», что практически означало возврат к «Основным законам» Российской империи, существовавшим до переворота 3 июня 1907 г., т. е. к «конституции 17 октября 1905 г.»

Таким образом, монархизм «умеренных» не вызывал сомнений. Они лишь старались прикрыть его «конституционными» словесами. П. Струве прямо заявлял о необходимости признания Николая Николаевича «вождем», поскольку в нем он узрел «явственную печать исторической избранности». В ряде статей, опубликованных в «Возрождении» накануне Зарубежного съезда и после него, Струве реабилитировал царизм и защищал право царя стоять выше закона, поскольку он — царь — «преобладающий фактор государства перед народным представительством»¹⁰⁴.

Марков 2-й и его друзья из черносотенно-монархического лагеря, в течение почти всей эмиграции проклинавшие «слонявшихся интеллигентов», погубивших российский престол, теперь готовы были не замечать их либеральной отрыжки. Они знали истинную цену их либерализма и без особых колебаний шли на блок с ними, стремясь придать Зарубежному съезду более представительный вид. Монархист А. Ф. Трепов, соглашаясь не предрешать «здесь, на чужбине вопроса о будущем государственном строе России», высказывал в то же время уверенность, что «возглавление» эмиграции великим князем Николаем Николаевичем станет «поручкою в том, что чаяния народа русского свободно осуществятся и России не будут навязаны несвойственные ей и чуждые русской самобытности политические формы»¹⁰⁵. Марков 2-й же со свойственной ему прямолинейностью призывал от «праздноболтания скорее перейти к делу». «Если,— говорил он,— нам удастся достать денег, получить помощь иностранцев и выставить на советскую границу хотя бы небольшую армию, тогда с нами (монархистами.— Г. И.) будет не 90, а

¹⁰³ «Последние новости» (Париж), 1925, 12 июля.

¹⁰⁴ Милоков П. Н. Итоги полемики.— «Последние новости» (Париж), 1926, 12 июля.

¹⁰⁵ Российский зарубежный съезд в Париже, 4—11 апреля 1926 г. Париж, 1926, с. XIII.

105%. Пора переходить от слов к делу»¹⁰⁶. Марков 2-й говорил, что монархисты готовы сотрудничать даже с кадетами-республиканцами, лишь бы поскорее свергнуть большевиков под водительством «народного вождя» Николая Николаевича¹⁰⁷. Однако Милюков заявил, что он и его сторонники не будут «участвовать в создании политической организации, целью которой (явной или, еще хуже, скрытой или подразумеваемой) является восстановление монархии...»¹⁰⁸

Так спорили о будущем России люди, представлявшие ее безвозвратно ушедшее прошлое, люди, которых Россия, строившая социалистическое общество, раз и навсегда отбросила со своего пути в мусорную яму истории.

Зарубежный съезд открылся 4 апреля 1926 г. в парижском отеле «Мажестик». На нем присутствовало около 500 делегатов от «организованной эмиграции» из 26 стран. Председествовал на съезде П. Б. Струве, по тону задавали монархисты из черносотенного лагеря: А. Ф. Трепов, Н. Е. Марков 2-й и др.¹⁰⁹

Французская и вообще иностранная печать почти не реагировала на съезд. Газеты помещали лишь маленькие информации в отделах хроники. Так, например, парижская «Котидьен» писала: «Энтузиазма не чувствуется в собрании. Нет жизни: люди ходят, как разбитые автоматы. В общем это собрание переживших себя бюрократов и царедворцев»¹¹⁰.

Делегаты делали все возможное, чтобы скрыть разногласия и продемонстрировать «единение» белой эмиграции. Выступая от крайних правых, Трепов и Марков 2-й сокрушались по поводу того, что белогвардейское движение своевременно не поднял монархического знамени, но заявляли, что и теперь монархисты, оставаясь верны этому знамени, не разворачивают его ради общей цели — единения под главенством «верховного вождя» Николая Николаевича¹¹¹. «Конституционалист» Федоров заявил, что, если правые свертывают свои знамена, и они, «умеренные», «готовы сделать то же самое»¹¹².

Сам кандидат в «вожди» во время приема делегатов съезда в своей резиденции, в Шуаньи, в туманной форме также высказался за компромисс, заявив (для «умеренных»), что он согласен «не предрешать будущих судеб России» и (для правых)

¹⁰⁶ Это был своего рода ответ на подсчеты П. Б. Струве, по которым 85% всей белой эмиграции составляли монархисты («Последние новости» (Париж), 1925, 12 июля).

¹⁰⁷ Российский зарубежный съезд в Париже, с. XIV.

¹⁰⁸ «Последние новости» (Париж), 1925, 4 августа.

¹⁰⁹ Биограф Струве Л. Франк рассказывает, что один из присутствовавших на съезде черносотенных вождей говорит ему: «Чего можно ожидать от съезда, на котором председательствует такой... (следовало нецензурное бранное слово), как Струве?» (Франк Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956, с. 140).

¹¹⁰ Цит. по: «Известия», 1926, 14 апреля.

¹¹¹ Российский зарубежный съезд в Париже, с. 10.

¹¹² Там же, с. 26—27.

что ценит их «готовность содействовать моим (Николая Николаевича.— Г. И.) начинаниям»¹¹³.

Волна злобной клеветы на Советский Союз и лживой демагогии захлестывала съезд. «Бывшие» громогласно заявляли, что если господь-бог дарует им возможность возвращения в Россию и вновь поставит их у власти, они «встанут выше всяких сословных, партийных, классовых и частных интересов» и «не будет мести и кар»¹¹⁴. Но саморазоблачение последовало немедленно, при обсуждении вопросов о земле и создании Российского зарубежного комитета — своего рода эмигрантского правительства при «верховном вожде» Николае Николаевиче.

Выступавший с докладом о «земельном устройении» будущей России В. И. Гурко, бывший сподвижник П. А. Столыпина, сформулировал три главных принципа решения земельного вопроса: частная собственность, закрепление земли, находящейся в фактическом владении, отказ от гонений за земельные захваты во время революции. Сам Гурко, конечно, не верил в начертанную им программу и формулировал ее лишь для «внешнего употребления». Но присутствовавшие не хотели признавать никаких маневров. Разбередили их самую болезненную рану, и они не могли сдерживать своего возмущения. Князь Н. В. Щербатов заявил, что «закрепление земли за захватчиками невыполнимо»¹¹⁵. М. Ф. Николаев настаивал, чтобы «интересы владельцев земли были защищены», как «равно необходимо защитить и тех, у кого земля захвачена иностранцами и иудеями»¹¹⁶. Стремясь как-то сгладить впечатление от раздраженных окриков бывших латифундистов, Трепов предложил теперь не предпринимать земельный вопрос, приняв резолюцию в самой общей форме. Но и он подчеркнул, что «надо соблюдать известную осторожность даже в тех обещаниях, которые мы дадим»¹¹⁷. Таков был подлинный смысл монархических деклараций об отказе от «имущественной реставрации».

С особой силой духом монархической реставрации повеяло при обсуждении вопроса о создании подчиненного «вождю» органа — Российского зарубежного комитета. Когда некоторые из присутствовавших выразили сомнение в его своевременности, из лагеря монархистов зазвучали прямые угрозы. Марков 2-й заявил, что, если «орган» не будет создан, как бы его противники не оказались впоследствии поставленными «к правой стенке»¹¹⁸. «То, что «правая стенка» уже зреет, — это факт», — говорил Марков 2-й. «Если бы Союз русского народа, — сетовал он, — в свое время расправился достаточно энергично с врагами

¹¹³ Российский зарубежный съезд в Париже, с. 30.

¹¹⁴ Там же, с. 32.

¹¹⁵ Там же, с. 57.

¹¹⁶ Там же, с. 61.

¹¹⁷ Там же, с. 62.

¹¹⁸ Там же, с. 79.

царя и русской государственности, у нас не было бы революции». Монархический идеолог П. А. Ильин призывал белую эмиграцию «нести дело цареву честно и грозно»¹¹⁹. Кровавый призрак самодержавия маячил над съездом.

Но напоминания о грядущей «правой стенке», о «грозном несении царева дела», по-видимому, напугали присутствовавших на съезде бывших либералов; они не поддержали предложения о создании правительства черной сотни. Под их давлением крайне правые временно отказались от создания правительства при «верховном вожде». Вместо него была избрана Особая исполнительно-финансовая комиссия. Однако это был вынужденный тактический маневр. Комментируя дешевые демагогические трюки «конституционной» части Зарубежного съезда, «Известия» писали, что эти люди хотят, чтобы «тактическая резолюция вышла бы не слишком густой, чтобы программа Маркова 2-го была не сразу развернута». Это, указывали «Известия», объединяет их с Милюковым и с левым крылом эмиграции (отказавшимся от участия в съезде. — Г. И.). «Формула Струве — «умолчание мысли не есть ее отрицание» — является высшей тактической мудростью для всего просвещенного крыла эмиграции, прикрывающейся либерализмом, демократией, социализмом, смотря по тому, на какие слои рассчитана приманка. Глупцы! И на этой мякине они надеются поймать народ, переживший Великий Октябрь»¹²⁰.

Если в своей объединительной работе Зарубежный съезд не достиг цели, вторая часть его деятельности, заключавшаяся, по словам делегата Я. Н. Офросимова, в «подготовке к активной борьбе с большевиками», завершилась при полном согласии. Злобный антисоветизм и антибольшевизм характеризовали всю работу съезда. Так, некий Ю. Семенов заявил, что борьба с Советской властью «должна вестись всякими способами и не должна исходить из единичных выступлений». «Зарубежная Россия, — говорил он, — войну с коммунистическим интернационалом приняла и от нее не откажется»¹²¹. Эти слова были встречены громом аплодисментов и «установлением», что борьба с Советской Россией «является обязательным делом, неотвратимым и высоким долгом»¹²². В качестве образца такой борьбы указывался фашизм. В докладе В. Н. Новикова «О государственном строительстве фашизма» прославлялся «основатель и пророк фашизма» — Муссолини, который учит, «как надо бороться с большевизмом»¹²³.

Тяготение белоэмигрантов-монархистов к фашизму продолжалось и в дальнейшем. В. В. Шульгин писал, что после свер-

¹¹⁹ Там же, с. 89.

¹²⁰ «Известия», 1926, 16 апреля.

¹²¹ Российский зарубежный съезд в Париже, с. 26.

¹²² Там же, с. X.

¹²³ Там же, с. XIX.

жения Советской власти в России должна будет на некоторое время установиться военная диктатура, которая и подготовит почву для восстановления монархии. Но эта монархия не может быть простым повторением монархии, свергнутой в 1917 г. В нее необходимо влить силу, «мощную духовно и достаточно численную количеством, силу приблизительно в типе выступившего сейчас на мировую арену фашизма»¹²⁴. П. Б. Струве также видел в фашизме «крупное духовное явление», «героическое направление ума»¹²⁵.

Провокации, шпионаж, террор

Пока монархические идеологи теоретизировали вокруг фашизма, определяя возможность его применения на русской почве, практики белогвардейского монархизма уже использовали фашистские методы — шпионаж, провокации, диверсии, террор — в борьбе против Советской страны. Активизация антисоветской подрывной и террористической деятельности белой эмиграции обычно связывалась с обострением международного положения Советского Союза, а также определенными внутренними трудностями, возникавшими в процессе социалистического строительства. При этом главари Высшего монархического совета, РОВСа преследовали двоякую цель. С одной стороны, успешно проведенные диверсии или террористические акты должны были, по их расчетам, не давать застаиваться белоэмигрантскому «болоту», встряхивать его напоминаниями о том, что примирения с Советской властью нет, что борьба не на жизнь, а на смерть продолжается и будет продолжаться. С другой стороны, ставка делалась на иностранные реакционные круги, которые должны были убеждаться, что белая, и прежде всего монархическая, эмиграция — это не только бесплодные споры и грызня на различных съездах, конференциях, совещаниях и т. п., но и серьезная боевая сила, значительный фактор в возможной борьбе против СССР. Тут уже пахло не только морально-политической, но и существенной материальной поддержкой.

Так протягивалась нить от белоэмигрантских монархических организаций к иностранным разведкам. Факт этой связи признавался, между прочим, в хорошо осведомленном меньшевистско-эсеровском секторе эмиграции. «Социалистический вестник» писал: «...Все монархическое подполье тесными нитями связано с иностранными разведками, причем этим патентованным патриотам безразлично, кому продавать военные тайны России, — только бы хорошо платили полноценной валютой!»¹²⁶

Шпионско-диверсионная и террористическая деятельность

¹²⁴ Шульгин В. В. Три столицы. Берлин, 1927, с. 364.

¹²⁵ «Последние новости» (Париж), 1927, 8 апреля.

¹²⁶ «Социалистический вестник», 1927, 20 октября.

монархической эмиграции, в которую были втянуты савинковцы, представители Торгово-промышленного союза и иностранных секретных служб¹²⁷, представляла серьезную угрозу безопасности Советской страны. На пути белогвардейских шпионов, диверсантов и убийц стояла созданная еще в декабре 1917 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), преобразованная впоследствии в ГПУ.

В конце декабря 1921 г., выступая на IX Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин говорил: «Господа капиталисты, российские и иностранные! Мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать как никто, в обстановке, когда вы нас удушали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно»¹²⁸.

Еще в начале 20-х годов ВЧК была создана мнимая монархическая организация — Монархическое объединение Центральной России (МОЦР), более известная под кодовым названием «Трест». По плану, разработанному в ВЧК, «Трест» должен был установить контакты с зарубежными монархическими организациями и таким образом поставить их антисоветскую деятельность под свой контроль. Фактически руководимый группой чекистов, «Трест» вел напряженную борьбу против подрывной деятельности белых эмигрантов-монархистов. «Заговорщики» из «Треста» сумели внедриться в сердцевину монархической эмиграции, установив связь с самим главарем боевой организации РОВСа (а затем и самого РОВСа) генералом Кутеповым и его подручными. Представители «Треста» были введены непосредственно и к «верховному вождю», великому князю Николаю Николаевичу.

Несмотря на строжайшую конспирацию, проявляемую главарями белой эмиграции, их деятельность во многом оказалась под наблюдением «Треста»¹²⁹.

«Трест» функционировал на протяжении шести лет (вплоть до 1927 г.) и во многом парализовал подрывную антисоветскую деятельность белой эмиграции. Он прекратил свое существо-

¹²⁷ Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1928, с. 14.

¹²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 327—328.

¹²⁹ Примером может служить «конспиративная» поездка В. В. Шульгина в Советский Союз летом 1926 г. При помощи «Треста» он «незаконно» перешел границу и прибыл в Москву. Здесь он вел «секретные» переговоры с целью более тесного согласования деятельности «Треста» и зарубежных монархических организаций (Шульгин В. Послесловие к «Трем столицам». — «Сегодня» (Пгд), 1927, 18—20 октября; Shulgin V. How I was Hoodwinked by the Bolsheviks. — «Slavonic and East European Review», 1928, vol. 6, № 18, p. 505—519).

вание после того, как фактически выполнил поставленную перед ним задачу¹³⁰.

Стремясь спасти свой «престиж», монархисты-белогвардейцы предприняли отчаянные попытки организовать несколько террористических актов. В июне 1927 г. они сумели перебросить из Финляндии на территорию СССР две группы. Одна из них во главе с Ларионовым и Соловьевым должна была совершить террористический акт в Ленинграде, другая во главе с Захарченко-Шульц — в Москве. Ленинградская группа произвела взрыв в «Деловом клубе» (на Мойке), жертвами которого стали десятки людей, и сумела уйти через границу. Группа Захарченко-Шульц пыталась взорвать общежитие чекистов на Малой Лубянке в Москве, но диверсия была предупреждена, а диверсанты при переходе через границу убиты. В июле-августе 1927 г. были обезврежены еще две группы террористов, заброшенных в СССР купцами из Польши и Латвии¹³¹.

Белогвардейцы принимали активное участие и в многочисленных провокациях, направленных на усиление международной напряженности и организацию новых интервенционистских вылазок против СССР.

7 июня 1927 г. выходец из белоэмигрантских, монархических кругов Борис Каверда убил советского посла в Польше П. Л. Войкова.

В мае 1932 г. бывший белогвардейский офицер П. Горгулов убил в Париже французского президента П. Думера. В ходе следствия выяснилось, что Горгулов после окончания гражданской войны был тесно связан с савинковскими и монархическими подпольными организациями, которые переправили его за границу. В дальнейшем он оказался среди белогвардейцев, сотрудничавших с фашистами, писал, в частности, в белоэмигрантский журнал «Набат», который, по сведениям парижских «Последних новостей», получал «денежные субсидии от гитлеровских кругов и имел своей задачей распространять гитлеровские идеи в русской среде»¹³².

Однако безрезультатность белогвардейско-террористических методов борьбы против Советского Союза порождала среди части эмигрантов, главным образом молодежи, убеждения, что старый монархизм идет к «тихой и мирной кончине, замирая от старческого склероза». В этой среде усилилось влияние евразийства — неославянофильской идеологии, приписывавшей России некий особый, отличный от Запада, путь развития, который якобы спонтанно приведет ее к исконно консервативным нача-

¹³⁰ В советской литературе деятельность «Треста» описана в документальных работах: *Никулин Л.* Мертвая зыбь. М., 1935; *Ардаматский В.* Возмездие. М., 1962.

¹³¹ Подробнее см.: *Кичкасов Н.* Белогвардейский террор против СССР. М., 1928.

¹³² «Последние новости» (Париж), 1932, 7, 10, 25 мая.

лам. Политически евразийство выразилось, в частности, в так называемом младоросском движении, охватывавшем, правда, незначительную часть белоэмигрантской молодежи. Младороссы выдвигали новый «монархический принцип», исходящий не только из «исторически традиционного» российского самодержавия, но и... из тех изменений, которые произошли в стране со времени революции. В результате идея «легитимного царя» сочеталась у них даже с признанием... Советов, но, конечно, освобожденных от большевиков ¹³³.

От всей этой мешанины лозунгов «императора» Кирилла и анархизовавших контрреволюционеров мятежного Кронштадта также веяло духом фашизма с его реакционностью, приправленной ложью и демагогией, рассчитанными на мелкобуржуазные, обывательские слои. Не случайно многие младороссы благоговели перед дуче и фюрером. С младороссами были связаны небольшие по численности, но весьма крикливые группки (Русское национал-социалистическое движение, Национальный совет нового поколения и др.), члены которых открыто сотрудничали с гитлеровскими штурмовиками. «Последние новости» писали, что члены Русского национал-социалистического движения расхаживали по Берлину со свастикой на рукавах, образуя «где можно вспомогательные гитлеровские дружины» ¹³⁴.

Приход Гитлера к власти несколько оживил явно дряхлеющие белоэмигрантские монархические организации в Европе ¹³⁵. Их представители поспешили направить фюреру поздравительные телеграммы, рассчитывая на новое тесное сотрудничество с фашистской верхушкой. Махровый реакционер и авантюрист генерал В. Бискупский, профессиональный убийца Р. Шабельский-Борк, прибалтийский «конкистадор» генерал П. Бермонт-Авалов, бывший донской атаман П. Краснов и другие обивали пороги высших фашистских чиновников, доказывая свою лояльность, предлагая услуги в антисоветской деятельности. При этом они не гнушались никакими методами, в том числе фальсификациями и подлогами. В их среде был сфабрикован «меморандум» Гитлеру от «имени русского народа», в котором доказывалось, что Красная Армия чуть ли не готова к восстанию, а белая эмиграция вот-вот сформирует «общероссийское» правительство ¹³⁶.

Национал-социалистические заправилы, не брезгавшие ничем в борьбе с коммунизмом, охотно протянули руку белогвар-

¹³³ «Возрождение» (Берлин), 1928, 3 августа; «Последние новости» (Париж), 1928, 13 декабря. Подробнее см.: *Стерлигов А.* Младоросская правда. София, 1931.

¹³⁴ «Последние новости» (Париж), 1933, 24 мая.

¹³⁵ Оживились в этот период и германские монархисты. Даже сам бывший кайзер, казалось, уже канувший в небытие, начал проявлять некоторые признаки политической активности. Об этом в 1932—1933 гг. писали многие европейские газеты.

¹³⁶ *Williams R.* Culture in Exile, p. 333.

дейскому охвостью. Геббельс вынашивал планы объединения всех белоэмигрантских организаций, и потому немалое число русских монархистов можно было встретить в германском министерстве пропаганды и в ведомстве «специалиста» по России А. Розенберга. С их помощью стряпались антисоветские и антикоммунистические мифы и фальшивки, антисемитское чтиво и т. п. «материалы». В свою очередь гитлеровцы содействовали изданию профашистской белоэмигрантской газетки «Новое слово», поддерживавшей претензии «императора» Кирилла I¹³⁷.

Было вполне логичным, что немало представителей монархической белогвардейщины принимало участие в различных фашистских деяниях. Так, например, на стороне фашистских мятежников генерала Франко, сражавшихся против республиканской Испании, можно было встретить и бывших врангелевцев¹³⁸. А когда гитлеровская Германия в июне 1941 г. обрушилась на Советский Союз, в рядах немецко-фашистских войск против своей бывшей Родины двинулись и остатки белогвардейской, монархической эмиграции. Активно сотрудничали с гитлеровским командованием поступившие на службу в фашистскую армию П. Краснов, Г. Шкуро, Султан-Гирей Клыч и др.¹³⁹ Немало белогвардейцев вступило во власовскую РОА. Эти люди вызвали к себе презрение даже в эмигрантской среде, многие представители которой в тяжелую для их Родины годину сражались с фашизмом в рядах Сопротивления.

Если европейская белая эмиграция сформировалась главным образом из числа бежавших в рядах разбитых армий Юденича, Деникина и Врангеля, на Дальнем Востоке, преимущественно в Маньчжурии, она состояла из отброшенных сюда остатков войск Колчака, атаманов Семенова, Калмыкова, Анненкова и др. Покровительствовали дальневосточной монархической эмиграции японские и китайские милитаристские круги, рассчитывавшие использовать ее в своей антисоветской политике.

Основная масса эмигрантов сосредоточилась в Харбине. В ней особенно выделялись группы, настроенные откровенно монархически. Озлобленные поражениями, потерей своего материального благополучия (например, генерал Пепеляев занимался в Харбине извозным делом, а генерал Соболевский возил

¹³⁷ Кирилл умер в 1938 г., и на «престол» вступил его сын Владимир (*Ерошкин Н. П.* Последние Романовы и их судьбы.— «Преподавание истории в школе», 1967, № 6, с. 88).

¹³⁸ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг. Сост. В. Е. Павлов, кн. 2. Париж, 1961, с. 371.

¹³⁹ Подробнее см.: *Самойлов Е.* От белой гвардии — к фашизму.— В кн.: Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины. М., 1974, с. 136—146.

на продажу квас¹⁴⁰), эти люди дышали лютой злобой к Советской России и с готовностью втягивались в любую антисоветскую деятельность (вступали в белобандитские отряды, участвовали в разного рода провокациях и демонстрациях против СССР, издавали черносотенную литературу)¹⁴¹. Как и их европейские собратья, они быстро усваивали фашистские идеи.

Первые белогвардейские организации фашистского типа появились в Маньчжурии и Китае еще в первой половине 20-х годов¹⁴², а в мае 1931 г. состоялся первый съезд их представителей, на котором была образована Русская фашистская партия (РФП) во главе с неким К. В. Родзаевским (филиалы этой партии возникли в Китае и Японии). По словам Родзаевского, фашистом мог быть только «монархист, легитимист, бонапартист и т. п.», что являлось призывом к белогвардейцам-монархистам вступать в ряды РФП. Вместе с тем в духе времени Родзаевский и его подручные проповедовали младоросские идеи. Издаваемая на японские деньги фашистская газетка «Нация» писала: «Трагическая катастрофа белого движения учит нас, как не следовало бороться с большевизмом, а опыт итальянского фашизма показывает, как мы должны вести борьбу против большевиков»¹⁴³.

После того как в Германии к власти пришел Гитлер, дальневосточные эмигранты-белогвардейцы, подобно европейским, направили ему свои приветственные послания. Среди приветствовавших был, в частности, и бывший атаман Г. Семенов, тесно сотрудничавший с РФП и его «фюрером» Родзаевским. В газете «Голос эмигранта» он призывал «честно и открыто идти с передовыми державами «оси» — Японией и Германией», соглашаясь даже на раздел территории Советского Союза между ними¹⁴⁴.

В конце 1933 г. Родзаевский выступил с инициативой объединения всех белогвардейских фашистских групп (на Дальнем Востоке, в Европе и Америке) в единую организацию. Инициатива была подхвачена некоторыми белоэмигрантами, проживавшими в США, в частности неким А. Вонсяцким, сыном жандармского полковника, бывшим врангелевцем. Еще весной 1933 г. он основал Всероссийскую фашистскую организацию

¹⁴⁰ *Серебрянников И. И.* Мои воспоминания, т. 2. В эмиграции (1920—1924). Тяньцзинь, 1940, с. 27, 34.

¹⁴¹ *Киржниц А.* У порога Китая. М., 1924, с. 124; *Полевой Е.* По ту сторону китайской границы. М.—Л., 1930, с. 7.

¹⁴² Например, в Китае (Шанхае) действовали две монархические группировки — группа Н. Н., связанная с великим князем Николаем Николаевичем, и Богоявленское братство (*Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья, с. 656).

¹⁴³ Цит. по: *Oberländer E.* The All-Russian Fascist Party.—«Journal of Contemporary History», 1966, vol. I, № 1, p. 159.

¹⁴⁴ *Чистяков Н.* Разгром семеновщины.— В кн.: Неотвратимое возмездие, с. 160.

(ВФО), и теперь вдохновленный успехами Гитлера, сам решил стать «фюрером». В конце 1933 г. Вонсяцкий направился в Европу, где заключил соглашение с некоторыми монархо-фашистскими группами. Затем он двинулся на Дальний Восток, и после переговоров с Родзаевским в мае 1934 г. была создана так называемая Всероссийская фашистская партия, штаб которой находился в Харбине¹⁴⁵. Впрочем, альянс двух белогвардейских фюреров продолжался недолго. Вскоре они перегрызлились между собой, и каждый вновь возглавил свою собственную «партию».

Наибольшую активность проявляла, однако, партия Родзаевского. Теперь она называлась Русский фашистский союз (РФС) и пользовалась достаточно широкой поддержкой милитаристских кругов Японии. На японские деньги формировались белогвардейские группы, осуществлялся шпионаж против СССР, издавалась погромная, антисоветская литература¹⁴⁶. В своих программных заявлениях Родзаевский по-прежнему призывал к установлению монархии, но после победы фашистской диктатуры¹⁴⁷.

Разгром гитлеровской Германии и империалистической Японии во второй мировой войне практически подвел черту под историей монархо-белогвардейской эмиграции.

Впрочем, последние обломки давно потонувшего царизма все еще плавают на поверхности. Где-то на задворках Лондона существует Высший монархический совет, давший о себе знать в дни 50-летнего юбилея Великого Октября. В 1967 г. он издал брошюру под названием «Правда о царствовании императора Николая II», в которой доказывалось, что отнюдь не Советской власти принадлежит заслуга стремительного прогресса России, так как уже при Николае II происходило «удивительное по быстроте развитие в экономической, социальной и культурной областях»¹⁴⁸.

В Мадриде проживает «законный» претендент на российский престол — Владимир, по характеристике английского журналиста У. Карлея, «одетый, как французский делец, говорящий, как английский стряпчий, и выглядящий, как герой американского дикого запада». Иногда он выпускает «манифесты», в которых уверяет, что «только возвращение к монархии гарантирует России свободу». Даже Карлей, склонный взвешивать шансы отставных монархов на возвращение к власти, считает все это «слишком странным...»¹⁴⁹

¹⁴⁵ «Правда», 1934, 30 марта; 1946, 29 августа.

¹⁴⁶ «Правда», 1946, 28, 29 августа.

¹⁴⁷ Oberländer E. The All-Russian Fascist Party, p. 172.

¹⁴⁸ The Truth about the Reign of the of Nickolas II. London, 1967, p. 3, 7

¹⁴⁹ Curley. Monarchs in Waiting. London. 1975, p. 68, 71.

На протяжении 50—60-х годов продолжали сутяжничать Лжеанastasия (Анна Андерсон) и другая Лжеанastasия (Евгения Смит), доказывавшие свои права на царское наследство.

В конце 60-х — начале 70-х годов в США произвел «сенсацию» некий М. Голеневский, объявивший себя... наследником российского престола Алексеем¹⁵⁰. Новый самозванец вызвал в буржуазной печати Англии и США нездоровый ажиотаж: появились спекулятивные сообщения о спасении Николая II и его семьи, об их «таинственном» бегстве из Екатеринбурга и т. п.¹⁵¹ Но, как справедливо заметил по поводу всей этой возни советский историк Ю. А. Поляков, история здесь уже ни при чем...¹⁵²

Царская Россия, ее господствующие классы ушли в безвозвратное прошлое. Современные советологи, говоря о судьбе «бывших людей» — аристократов, помещиков, капиталистов и т. д., нередко стремятся представить их жертвой «страшного суда 1917 года», «ужасов» революции и гражданской войны¹⁵³. На самом деле причина трагедии тех, кто представлял отживавшую Россию, была в ином. Утратив власть и привилегии, они пытались всеми средствами вернуть их наперекор неотвратимому ходу истории. В развязанной ими жестокой, но обреченной борьбе они обрекли и себя. «Страшный суд» несла поэтому не революция, а контрреволюция... Однако тысячи лучших людей старой, буржуазно-помещичьей России, сумевших осознать величие свершившегося в октябре 1917 г., пошли одним путем с новой, Советской Россией.

¹⁵⁰ Richards G. The Hunt for the Tsar. New York, 1970; *idem*. The Rescue of the Romanovs. Greenwich, 1975.

¹⁵¹ «The Times» (London), 1971, July 30, 1972, October, 11; «The New York Times», 1973, July, 1; Summers A. and Mangold T. The File on the Tsar. London, 1976.

¹⁵² «Литературная газета», 1973, 22 августа.

¹⁵³ Brown D. Doomsday 1917. The Destruction of Russia's Ruling. Class. London, 1975, p. 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В августе 1920 г. Верховный революционный трибунал рассматривал дело так называемого Тактического центра — объединения, возникшего весной 1919 г. для координации деятельности различных антисоветских организаций: эсеров-меньшевистского Союза возрождения, кадетского Национального центра и монархического Совета общественных деятелей. Это была группа, претендовавшая на роль своего рода «мозгового центра» антисоветского движения, нити от которого шли в штабы белогвардейских армий Колчака, Деникина, Юденича.

Оправдываясь перед трибуналом, лидеры Тактического центра старались представить себя «демократами», поборниками «правового строя» и противниками самодержавия. Остановившись на этом, государственный обвинитель Н. В. Крыленко говорил: «Некоторые из подсудимых указали, что они как были, так и остались сторонниками Февральской революции и что они только не принимают революции Октября. Наивно предполагать, что реставрация, произведенная каким-либо из генералов, которым так сочувствовали подсудимые, повлечла бы за собой восстановление демократического строя эпохи Февральской революции. Историки... понимающие хоть что-нибудь в истории, знают, что такие иллюзии только мыльные пузыри, пустые фразы, за которые жестоко платятся»¹.

В безудержном многословии пятитомных «Очерков русской смуты» преемник верховного правителя Колчака генерал Деникин по существу откровенно признал подлинные намерения белогвардейщины. Повсюду, писал Деникин, на западе и востоке, на севере и юге белогвардейские правительства «направляли народную жизнь в старое русло. Одни в нетронутое, затянутое тиной, другие — в расчищенное, углубленное, но все же преж-

¹ Крыленко Н. В. За пять лет, 1918—1922. М.— Пг., 1923, с. 40.

нее»². В какое же из этих двух русел направила бы историю России победа контрреволюции, реальную силу которой составляла белогвардейщина?

Под руслом «нетронутым, затянутым тиной» следует понимать самодержавие «в полном объеме», самодержавие «старое», «черносотенное», существовавшее до первой русской революции³. Сторонники такого самодержавия, прежде всего жаждавшие реванша помещики, реакционные генералитет и офицерство, царская бюрократия и высшее духовенство и т. п., составляли значительный элемент монархической контрреволюции.

Но, как указывал В. И. Ленин, революционные события 1905 г., героическая борьба пролетариата «раз навсегда положили неизгладимую грань между старой и новой Россией», нанесли «смертельные удары старому самодержавию»⁴.

Откровенный антипарламентаризм, писал В. И. Ленин в 1906 г., «осужден на смерть. Он умер. Попытки воскресить его оказывают лишь самое лучшее воздействие в смысле революционизирования наиболее отсталых слоев населения. Единственным возможным способом удержать самодержавие становится «конституционное самодержавие», становится создание и распространение конституционных иллюзий. Это — единственно правильная, единственно разумная политика самодержавия»⁵. Третьейюнское, бонапартистское самодержавие вынуждено было базироваться как на черносотенно-октябристское, так и на октябристско-кадетское большинство Государственной думы. И постепенная, осторожная эволюция этого «конституционного самодержавия» в конституционную монархию была желанной перспективой для буржуазии и обуржуазившихся помещиков, представляемых октябристами и особенно кадетами. Характеризуя их политическую позицию, В. И. Ленин писал: «Не трогайте монархии,— кричали тысячами голосов кадеты по адресу с.-д.,— не трогайте монархии, ибо у вас нет гарантии от реставрации. Чем навлекать на себя опасность реставрации, опасность реакции, лучше войти в сделку с реакцией,— в этом вся суть политической мудрости кадетов, вся их программа, вся их тактика, вытекающая неизбежно из классовой позиции мелкого буржуа, из опасности для буржуазии доведенной до конца демократической революции»⁶.

Но революционные массы, возглавляемые рабочим классом и его авангардом — большевистской партией, боролись за ликвидацию монархии вообще, и их борьба увенчалась победой.

Февральская революция, свергнувшая царизм, хотя далеко не полностью, но все же значительно расчистила «старое рус-

² Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 5. Берлин, 1926, с. 287.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 137.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 214; т. 16, с. 124.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 306.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 21.

ло» от той феодальной тины, которую наперекор неумолимому ходу истории стремился законсервировать погрязший в распутищине царизм. Но сдвиги, произведенные Февралем, не ограничивались только этим. Главное состояло в том, что в их глубинах таились силы, которые спустя восемь месяцев, в октябре 1917 г. направили историю России, течение народной жизни по совершенно новому руслу — руслу социализма. Совершая свою главную — социалистическую — работу, Октябрьская революция попутно, мимоходом сметала на своем пути как поборников «старого» и «конституционного самодержавия», так и поборников конституционной монархии. «Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики,— писал В. И. Ленин,— махали картонным мечом и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда»⁷.

Таким образом, социально-экономические и политические изменения, происшедшие в России в период империализма, в период трех революций (прежде всего Октябрьской социалистической революции), оказались настолько глубокими, что об обратимости их в сторону старого русла, затянутого самодержавно-феодальной тинной, не могло быть и речи. Борьба за реставрацию «черносотенного самодержавия» была обречена, по-видимому, даже в глазах большинства монархистов, сознававших, что в значительной степени оно утратило свою социально-экономическую базу. Высокий уровень капиталистического развития России делал невозможным реставрацию феодальной монархии. Центр монархической контрреволюции поэтому выдвигал, с его точки зрения, более реалистическую программу: в случае низвержения Советской власти реставрировать монархию, которая могла бы опираться не столько на феодальные рудименты, сколько на капиталистические слои города и деревни, значительно укрепившиеся в период империализма. По этой «программе» история России должна была откатиться примерно до третьеиюньского рубежа, воплотившись в монархию столыпинского образца.

Столыпинщина с ее идеей «сильной власти», антидемократизмом, ставкой на «крепкого мужика», великодержавным шовинизмом и т. д. являлась идеалом большей части монархической контрреволюции. Позднее, уже в эмиграции, многие монархисты увидели в ней своего рода синтез «традиционной» русской власти (самодержавия) и «силы приблизительно в типе выступившего сейчас (в 20-х годах.— Г. И.) на мировую арену фашизма»⁸. В. В. Шульгин даже считал, что Столыпин во многом предвосхитил фашистских диктаторов, хотя, конечно, сам того не мог подозревать⁹. Таким образом, «модернизированная» столыпинщина, ранее являвшаяся средством предотвра-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 145.

⁸ Шульгин В. В. Три столицы. Берлин, 1927, с. 364.

⁹ Там же, с. 421.

щения буржуазно-демократической революции, теперь противопоставлялась уже победившей социалистической революции. В этой связи нельзя не сказать о династии Романовых. В буржуазной историографии утверждается, что после Февраля она была «сдана в архив» и никто в контрреволюционном лагере не помышлял о ее возвращении. На самом деле в монархических кругах смотрели на это по-иному.

Сохранилась обширная записка, отправленная М. В. Алексееву на Дон лидерами Правого центра, в которой подробно обсуждались шансы претендентов на престол. Ввиду «запутанной ситуации» в качестве возможного варианта предлагалось временное восстановление Николая II с тем, однако, чтобы по совету с «представительным учреждением» он затем передал трон «приемлемому кандидату» из Романовых. Таким образом, в политической игре контрреволюции Романовы (в том числе и Николай II) отнюдь не считались окончательно битой картой. Позднее, в эмиграции, об этом было заявлено открыто.

Борьба за реставрацию монархии столыпинского образца, по мысли идеологов и политиков монархического центра, должна была обеспечить им поддержку разнородных антисоветских элементов, вплоть до «умеренных» социалистов. Находившийся в лагере Добровольческой армии П. Б. Струве констатировал, что «идея монархии... весьма сильна и есть многочисленные убежденные монархисты». Но в то же время он поучал: «Русская контрреволюция, по-видимому, должна войти в какое-то неразрывное соединение с некоторыми элементами и силами, выросшими уже на почве революции, но глубоко ей чуждыми и противоположными...»¹⁰

Объединение разных секторов антибольшевистского фронта, по мнению белогвардейских лидеров, могло произойти под лозунгом «непредрешенства», обычно выражавшимся в требовании созыва нового Учредительного (или «национального») собрания после свержения Советской власти. «Непредрешенство», таким образом, представляло собой политическую тактику монархической контрреволюции, рассчитанную на консолидацию контрреволюции. И она приносила свои плоды: «демократическая контрреволюция» во многом солидаризировалась (особенно на первых этапах) с белогвардейщиной, рассчитывая отстоять собственную позицию некой «третьей силы» («ни Ленин, ни Колчак»).

Но, как писал вбегный министр омской Директории генерал В. Г. Болдырев, «вожди политических групп, игравших доминирующую роль в Февральской революции», примыкая к белогвардейщине, «неизбежно теряли лицо и сразу же должны были идти на компромиссы»¹¹. В центре компромисса между крайне

¹⁰ Струве П. Б. Размышления о русской революции. София, 1921, с. 32—33.

¹¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новоиколаевск, 1925, с. 23.

правым (монархическим) и левым («демократическим») флангами антисоветского фронта стояли кадеты, большая часть которых маскировала свой монархизм. Кадетский ЦК, по характеристике В. И. Ленина, был политическим штабом контрреволюции¹².

Позднее, в эмиграции, белогвардейско-кадетский журнал «Борьба за Россию», издававшийся в Париже, истерически взывал: «Всякое правительство лучше большевиков! Всякое — безоговорочно, без ограничений, без исключений... Интервенция невозможна, реакция нецелесообразна. Но, откровенно говоря, если бы первая случилась, а вторая... вдруг преуспела — тогда: да здравствуют освободители, кто бы они ни были! Потом все образуется...»¹³

Как именно «все образуется» — ответ на этот вопрос находим у В. И. Ленина. Он разъяснял, что в условиях острейшей классовой борьбы казалось бы даже незначительная передвижка власти в сторону от диктатуры пролетариата, передвижка всего лишь на одну маленькую ступеньку вызовет такой процесс поправления, который остановится лишь на буржуазно-помещичьей, белогвардейской диктатуре. «Все равно,— писал В. И. Ленин,— вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное,— а остальное «мы», Милюковы, «мы», капиталисты и помещики, «сами» сделаем, анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним, как делали в Сибири по отношению к Чернову и Майскому, как делали в Венгрии по отношению к венгерским Черновым и Мартовым, как делали в Германии по отношению к Каутскому, в Вене по отношению к Фр. Адлерам и К°. Этих мещанских Нарциссов — меньшевиков, эсеров, беспартийных — настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать»¹⁴.

Впрочем, это было ясно не только большевикам, но и некоторым представителям мелкобуржуазной демократии. Старый борец с самодержавием, один из лидеров идейного анархизма, П. Кропоткин, осенью 1919 г. писал: «Народ воображает, может быть, что он поддерживает либеральную республиканскую партию в Колчаке и Деникине. В этом кроется ошибка. Какими бы ни были персональные намерения этих обоих военных вождей, большинство из тех, которые окружают их, преследуют

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 83, 84; т. 35, с. 135

¹³ «Борьба за Россию» (Париж), 1927, № 10, с. 2.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 239. Подробнее об этом см.: Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; Подболотов П. А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975.

другие цели. Они неизбежно привели бы нас к монархической реакции и кровавой бане»¹⁵. Направленный в начале 1919 г. в Россию с особой миссией американский журналист Г. Буллит в своем отчете приводил следующие слова одного из лидеров правых эсеров, Вольского: «Если Колчак и Деникин каким-нибудь образом победят, то они будут убивать десятками тысяч там, где большевики убивали лишь сотнями, а в результате Россия погибнет в анархии и разрухе»¹⁶.

Но если неизбежной тенденцией антибольшевистского движения было установление буржуазно-помещичьей диктатуры, то тенденцией развития социалистической революции, стремящейся закрепить свои завоевания, является доведение ее до логического конца, т. е. до диктатуры пролетариата. В резолюции VII Всероссийской конференции РСДРП(б), принятой в апреле 1917 г., указывалось: «В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще,— в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции...»¹⁷

Коммунистическая партия, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, сумела привести революционную Россию к победе пролетариата и беднейшего крестьянства, осуществив затем такие глубочайшие социально-экономические преобразования, которые создали абсолютную гарантию от буржуазно-помещичьей реставрации¹⁸. Вместе с тем, проводя по отношению к мелкобуржуазным партиям, колебавшимся между пролетариатом и буржуазией, гибкую политику¹⁹, партия, поддержанная рабочим классом и трудовым крестьянством, вела беспощадную борьбу с буржуазно-помещичьей контрреволюцией.

Опыт партии большевиков, опыт Великого Октября имеют огромное значение для поборников социализма и прогресса во всем мире. Ибо он свидетельствует, что только решительная борьба с реакцией и отказ от компромиссов с силами, которые вольно или невольно содействуют ей, есть залог сохранения революционных завоеваний народа.

¹⁵ Цит. по: *Болдырев В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты, с. 286.

¹⁶ *Bullitt W.* The Bullitt Mission to Russia. Testimony before Committee on Foreign Relations U. S. Senate. New York, 1919, p. 60—61.

¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 426.

¹⁸ Подробнее см.: *Зародов К. И.* Три революции в России и наше время. М., 1975, с. 404—434, 476—478.

¹⁹ *Гусев К. В.* О тактике РКП(б) по отношению к мелкобуржуазным партиям в годы гражданской войны.— В кн.: Из истории гражданской войны и интервенции (1917—1922). М., 1974, с. 113—122; *Спириг Л. М.* О тактике большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям в годы гражданской войны.— В кн.: Исторический опыт Великого Октября. М., 1975, с. 155—161.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авалов (Бермонт) П. 123, 124, 268, 301
 Аванесов В. А. 150, 151
 Авдеев А. Д. 147, 150, 151, 154, 156, 157, 163, 164
 Авксентьев Н. Д. 174, 175, 180, 184, 186, 187, 189
 Аврех А. Я. 6, 11
 Агранов Я. 102
 Адамович Г. 72
 Акацатов М. Е. 117
 Аладьин 91
 Алексакин В. 149
 Александр I 53
 Александра Федоровна, имп. 8, 13, 16, 21—27, 30, 52, 54, 57, 129—131, 143, 145, 152, 153, 157, 158, 163
 Александров В. 106, 109, 157
 Александровский Б. 271, 289
 Алкесашенко А. П. 252, 253
 Алексеев М. В. 25, 27, 29, 30, 31, 33, 35, 40, 42, 43, 44, 46—49, 55, 56, 72, 76, 78, 87—90, 94, 112, 121, 168, 170, 174, 215—219, 222—230, 233—235, 238, 309
 Алексеев С. А. 29, 99, 177, 183
 Алексинский Г. 139
 Алексинский И. Н. 247
 Алмазов Б. 8
 Альмединген Е. 145
 Андогский 185
 Андреев А. А. 163
 Андреевский 124, 142
 Анденков Б. 175, 177, 195, 199, 302
 Антоний, митроп. 278, 280
 Анфимов А. М. 63
 Аргунов Л. 169, 186, 187
 Аргутинский-Долгоруков 19
 Ардаматский В. 300
 Астрахан Х. М. 5, 70, 275
 Астров Н. И. 101, 102, 111—113, 174, 228, 232, 237, 244, 247, 249, 254, 256, 274
 Ахтамзин А. 109
 Бадмаев П. 137
 Багратинон 87
 Базил Н. А. 55
 Балашов Н. П. 240
 Балашов П. Н. 117
 Балх А. П. 17
 Бальфур А. 135
 Барсов 194
 Барташевский 195
 Барятинская 117
 Баткин Ф. 224
 Батюшин И. С. 241, 279
 Бауэр М. 269
 Бафталовский 180
 Бебутов 257
 Безобразов 280
 Беллинский В. Г. 81
 Белов В. 266, 280, 285
 Белявская М. 158
 Беляев М. А. 17, 27—29, 31
 Белгородский Н. 218
 Бенкендорф П. 105, 135, 139, 141, 142
 Бердяев Н. А. 71, 102
 Березов П. 129
 Беркацкий М. В. 255, 260
 Бернштейн Г. 189, 193
 Билимович А. Д. 248—250
 Бискупский В. В. 117, 268, 269—270, 285, 290, 301
 Блинов С. И. 107
 Блок А. А. 27, 32, 35, 37
 Блюхер В. 106—108
 Бобринский А. А. 117, 239, 285
 Бобринцев-Пушкин А. 266, 273
 Богаевский А. П. 221, 238
 Богаевский М. П. 255
 Боде Н. 141
 Болдырев В. Г. 174, 175, 177, 184—187, 214, 309, 311
 Бонч-Бруевич В. Д. 140
 Бостунич Н. 268
 Боткин Е. С. 136, 145, 154, 158, 163
 Боткин Г. Е. 24
 Боткин П. 105, 106
 Ботмер Б. 108
 Брасова Н. С. 52, 57
 Браун Д. 305
 Бредли Дж. 94, 113
 Брешко-Брешковский П. 78
 Бржезовский 194
 Бринкли Дж. 250
 Брудерер 194
 Брусилов А. А. 31, 42, 47, 65
 Брусяцкий 151, 153, 154
 Брушвиг И. М. 168
 Бубликов А. А. 35, 38, 40, 53
 Будберг А. 191, 193, 197, 198, 203
 Буксгевден С. 16
 Буллит Г. 311

- Булыгин П. 134, 160, 161
Бурджалов Э. Н. 5, 15, 20, 27, 34, 49, 60, 132
Бурсак И. Н. 213
Бурцев В. 274
Быков П. 129, 134, 142, 144, 146, 150, 153, 154, 157, 162—164
Быч Л. Л. 222
Быюкенец Дж. 58, 133, 135
- Вада Х. 40
Ванновский 91
Варламов А. 239
Насилевский И. 53
Васильева А. 143—145
Вениамин, епископ 261
Виллиам Г. 252
Вильгельм II 99, 121, 235
Вильсон В. 203
Вильсон Р. 60
Вильямс Р. 100, 122, 269, 281, 282, 284, 301
Винавер М. М. 114, 119, 234
Винберг Ф. В. 77, 141, 218, 267, 269, 281, 284
Виноградов В. А. 174, 184, 187
Виноградский П. Н. 101, 102, 104, 111, 122
Витте С. Ю. 7, 11, 28, 53, 129
Вишняк М. В. 260
Владимирова В. 104
Владимирцев В. 251
Воейков В. Н. 17, 18, 33, 36—38, 42, 47, 50, 78
Войков П. Л. 300
Войцеховский 212, 213
Волин А. 287
Волков 124
Волков В. И. 171, 185, 187, 195
Волконский П. 233, 234
Волобуев П. В. 64
Вологодский П. В. 169, 171, 174, 180, 187, 190, 208
Вольский В. К. 168, 391
Вонлярлярский В. 8, 115, 142
Вонсяцкий А. 303, 304
Воробьев В. 162—165
Воровский В. В. 276
Воррес И. 157
Восторгов И. 8, 103
Врангель П. Н. 253, 256—264, 270—272, 275—279, 285, 286, 288, 290, 293, 302
Вырובה А. А. 131, 139, 141—143, 145
- Вышнеградский А. И. 76, 79
Гагарин, ген. 87
Гайда Р. 175, 183, 184, 199, 205
Гамов 199
Ган А. 196
Ганелин Р. Ш. 142
Гармиза В. В. 5, 125, 167, 174
Гартлинг Г. 109, 110
Гейбельс Й. 302
Гейден К. 288
Гендельман М. Я. 186
Гендрикова А. 136
Генкина Э. Б. 30
Георг V 134
Гербель 259
Гермоген, епископ 8, 134, 141, 142, 144, 145
Герострат 74
Герцен А. И. 81
Гершензон М. О. 71
Гессен И. В. 68
Гиндин А. 97
Гинс Г. К. 169, 175, 177, 183, 191, 192, 194, 198—202, 206—209
Гитлер А. 286, 288, 301, 303, 304
Гладков И. А. 98
Глазепал 229
Глинка Г. В. 259, 262
Глинка Янчевский С. 137, 138
Глиньский Б. Б. 82
Гоголь Н. В. 102
Голеневский М. 305
Голанков Д. Л. 5, 99, 113, 117, 244, 278, 303
Голицын, ген. 175
Голицын Н. Д. 27—29
Головин Н. Н. 4, 52, 61, 76, 77, 83
Голошенин Ф. И. 148, 150, 151, 162, 193
Голуб П. А. 65, 76
Гольц, фон дер Р. 123
Гоппер 177, 187, 188
Горбаченко В. В. 135
Горгулов П. 300
Городецкий Е. Н. 98, 145, 148, 155, 156, 162
Гофман М. 107, 122, 123, 291
Греков, есаул 121
Греков, поручик 35
Грекулов Е. Ф. 67
Гренар 111
Гренер В. 118
- Гринвальд 142
Гришин-Алмазов А. Н. 169, 170, 172
Грондиг Л. 207, 208
Гроттен 21
Грунт А. Я. 5
Грусланов В. 38
Гузаков П. 154
Гуковский А. 263
Гуль Р. 218, 221, 259
Гуревич В. Я. 79
Гурко В., ген. 137
Гурко 'В. И. 23, 54, 63, 101—104, 106, 111, 123, 160, 161, 236, 241—243, 260, 296
Гурович И. 265
Гусев К. В. 5, 167, 169, 189, 208, 310, 311
Гучков А. И. 9, 39, 40, 45, 46, 49, 50, 52—55, 58, 61, 73, 82, 268, 294, 311
- Давати В. 265, 272, 276, 282, 287
Давидович А. М. 7
Данилов Ю. Н. 30, 31, 46, 48, 50, 54
Дворянов В. 194
Дворянов Н. 194
Девятых 194
Дедусенко Я. Т. 186
Демидов И. П. 20, 21
Демьянов А. А. 215
Демьянов А. Ф. 146
Ден Ю. 16, 31
Деникин А. И. 65, 76, 77, 80, 86—88, 90, 91, 95, 103, 104, 117, 118, 168, 170, 183, 184, 205, 209, 211, 215—219, 222—238, 240—244, 246—251, 253, 254, 256, 257, 259, 260, 264, 276, 302, 306, 307, 310, 311
Дербер П. 183
Деревенько В. И. 136, 158
Джиллерт М. 179
Джунковский В. Ф. 23
Дитерихс М. К. 89, 93, 158, 191, 203, 214
Доблер Б. 81, 82
Добровольский Н. А. 8
Довгерт 104
Долгоруков 120
Долгоруков В. 142, 153
Долгоруков П. 254, 260, 275
Доманевский В. Н. 44
Доманович С. А. 191
Достовалов 83

- Достоевский Ф. М. 71
 Драгомиров А. М. 230
 Дрезен Э. К. 140
 Дроздовский М. Г. 223, 225
 Дубенский 23, 25, 35—37, 42, 51, 53
 Дубровин А. А. 7
 Думер П. 300
 Думова Н. Г. 5, 70, 119, 275
 Дурново 123
 Дутов А. И. 141, 156, 157, 177, 205, 228
 Духоин Н. Н. 87—90, 92, 215
 Дуцман В. Д. 146
 Дьюкс П. 15, 129
 Дьякин В. С. 6, 24, 40
- Евлогий, митрополит 278
 Ерошкин Н. П. 6, 134, 302
 Ерыкалов Е. Ф. 87, 93
 Ефимовский Е. 277, 278, 283
- Жанен М. 170, 191, 198
 Жардецкий 178, 184
 Жильяр П. 24, 83, 145, 153
 Журавлев Г. И. 87
- Зайончковский А. М. 65
 Зайончковский П. А. 7
 Залесский П. 117, 120
 Занкевич 211
 Зародов К. И. 311
 Заславский С. С. 147, 153
 Захаров С. 147
 Захарченко-Шульц М. 300
 Зензинов В. М. 174, 180, 186, 187, 270
 Зенцов Г. 150, 151
 Зенцов П. И. 149, 150
 Зенцова С. П. 149, 150
 Злоказов Г. И. 133
 Zubov В. П. 52, 53, 72
 Зюжда Н. А. 262
- Иван Грозный 71
 Иванов Н. И. 22, 29, 30, 32, 37, 40, 43, 44, 46, 120, 121
 Иванов Н. Я. 5, 81, 87
 Иванов-Ринов П. П. 171, 177
 Игнатъев А. В. 92, 133
 Игнатъева С. С. 8
 Ильин И. А. 297
 Иностранцев М. А. 202, 203
 Иоффе А. Е. 135
 Иоффе Г. З. 15, 84, 130
- Каверда Б. 300
 Кадейкин В. А. 170, 193
 Казагранди 214
 Казанцев 214
 Какурин Н. Е. 168
 Калабухов Н. 222
 Калашников 199, 200
 Каледин А. М. 87, 89, 90, 94, 95, 215, 217, 220
 Калинин И. 261, 263
 Калмыков И. 125, 177, 199, 302
 Каминка А. И. 284
 Каминка Б. А. 76
 Кандидов Б. 67
 Канев С. Н. 100, 163
 Кантакузен 131
 Капл В. 268, 269
 Капель В. О. 126, 168, 207, 212
 Капустин М. И. 5, 81
 Капцугович И. 162
 Карамазов Иван 71
 Карлей У. 304
 Каррик В. 16
 Карташев А. В. 111, 274, 275
 Касаткины-Ростовские 81
 Касинов М. К. 6, 106, 129, 292
 Катанасев 185, 187, 195
 Катков Дж. 11, 30, 34, 129
 Катков Н. Ф. 252
 Каутский К. 310
 Кауфман П. М. 218
 Кашиц В. А. 149, 150
 Келлер Ф. А. 60, 120, 121, 124, 224, 225
 Кенез П. 218, 231, 232
 Кеннан Дж. 14, 164
 Керенский А. Ф. 3, 23, 34, 60, 61, 69, 79, 80, 83—88, 92—94, 98, 107, 120, 130, 132—137, 160, 161, 184, 186, 203, 215, 271
 Кин Д. 90, 216, 231, 237, 247
 Киреев 146
 Киржниц А. 303
 Кириенко Ю. К. 95, 220
 Кислицын В. А. 124, 125
 Кичкасов Н. 299, 300
 Кларов Ю. 212
 Клафтон 180
 Клеванский А. Х. 128
 Клембовский В. Н. 87
 Климович Е. К. 259
 Климушкин П. Д. 167, 168
 Ключевский В. О. 81
 Кляцкин С. М. 98
- Кобылинский Е. С. 60, 134, 136, 139, 145, 150—152
 Коганицкий И. 139, 140, 14
 Коковских М. Н. 149
 Коковцов В. Н. 133, 162
 Колмогоров Н. 194
 Колокольников В. Г. 248
 Колосов Е. Е. 110, 170, 171, 195, 202
 Колчак А. В. 78, 110, 111, 170—172, 174—176, 178—206, 208—214, 225, 243, 246, 251, 260, 264, 276, 302, 306, 309—311
 Комин В. В. 5, 85
 Кондзеровский П. К. 32
 Коновалов А. И. 9
 Коиради М. 276
 Корнилов А. А. 114
 Корнилов Л. Г. 65, 78—81, 83—93, 137, 138, 216—223, 225, 259, 276
 Косых Г. Т. 84
 Котляревский С. А. 109, 111
 Коулс В. 129
 Красиков П. А. 282
 Красильников 175, 177, 185, 187, 195
 Краснов П. Н. 98, 99, 119—121, 223, 224, 228, 235—237, 276, 293, 301, 302
 Кривошеин А. В. 11, 43, 63, 101, 102, 104, 105, 108, 111, 142, 153, 160, 161, 236, 242—244, 248, 255, 257—259, 262
 Кривошеин К. А. 43, 142, 258, 262
 Кривошлыков М. В. 220
 Кроль Л. А. 103, 104, 114, 126, 169, 175—178, 196
 Кротошкин П. А. 310
 Крупенский А. А. 285
 Крупенский П. Н. 278, 294
 Круговский В. М. 171
 Крыжановский С. Е. 241
 Крыленко Н. В. 113, 215, 306
 Крымов А. М. 80, 85, 88
 Куйбышев В. В. 205
 Кульбакин В. Д. 268, 288
 Курлов П. Г. 278
 Курнатовский Н. А. 123
 Кусонский П. А. 216
 Кутепов А. П. 18, 19, 229, 270, 279, 290, 299
 Кутлер Н. Н. 76
 Кучкин А. П. 149
 Кэртисс Дж. 237

- Лаврищев В. Я. 6
 Лазарев М. С. 215
 Лаккет Р. 61, 90, 164, 181
 Лампе. фон А. 242
 Ландау 194
 Ларионов 210
 Лацис М. Я. 159
 Лебедев, ген. 177, 185, 201, 212
 Легра Ж. 179
 Лейбберов И. П. 15
 Лейхтенбергский Г. 115—117, 120, 161, 224, 291
 Лейхтенбергский Н. 233
 Лейхтенбергский С. 257, 261
 Ленин В. И. 4—7, 9—16, 40, 45, 49, 59, 62, 64, 65, 67—70, 72, 73, 80, 85, 87, 91—100, 107, 109, 114, 116, 126, 127, 129, 139, 147, 149—151, 159, 160, 165, 167, 172, 188, 189, 196, 197, 201, 204, 215, 217, 220, 251, 253, 261, 264—266, 270, 271, 273, 279, 299, 307—311
 Леонтьев, ген. 106
 Леонтьев С. М. 102, 108
 Лжеанастасия 292, 304
 Либер М. И. 79
 Либман М. 61
 Литвин А. А. 201
 Лич Ф. 115
 Лихач М. А. 186
 Ллойд-Джордж Д. 133, 191
 Лободин М. 38
 Лодыженский А. А. 30
 Локкарт Р. 111
 Локоть Т. В. 279
 Ломоносов Ю. В. 34, 38, 39
 Лукомский А. С. 29, 31, 33, 40, 46, 84, 87, 88, 112, 120, 216, 217, 225, 230, 232, 239, 249, 250, 257
 Луначарский А. В. 126, 197
 Лунченков И. 272
 Львов В. Н. 134, 178
 Львов Г. Е. 27, 40, 134, 234
 Львов Н. Н. 63, 216, 242, 244
 Людендорф Э. 107, 110, 123, 224, 269, 288, 289
 Людовик XVI 59
 Маевский 194
 Май-Маевский В. З. 253
 Майский И. М. 168, 169, 174—176, 188, 310
 Макаренко 257
 Макаров 135, 136, 139
 Маклаков В. А. 23, 24, 72, 202, 258
 Маклаков Н. А. 8, 9
 Макнил Р. 11, 237
 Максаков В. 169
 Мамкин 158
 Манакин В. К. 93, 121
 Манасевич-Мануйлов И. 137
 Маннергейм К. 203
 Маргулис М. С. 237
 Марков-2-й Н. Е. 7, 59, 62, 100, 101, 103, 112, 122—124, 131, 132, 141—143, 148, 231, 267—269, 275, 277, 278, 280, 282—288, 292, 294—297
 Марков С. 117, 131, 132, 142—144
 Марков С. Л. 87, 91, 225
 Мартов Л. 310
 Мартынов Е. И. 78, 218
 Маслеников А. М. 277, 278, 280, 283
 Маслов С. С. 186
 Матвеев 140
 Матвеев А. С. 56, 57
 Магковский 203
 Медведев Е. И. 167
 Меллер-Закомельский В. В. 101, 242
 Меллинджер Г. 129
 Мельгунов С. П. 36, 38, 56, 61, 104, 111, 122, 126, 127, 129, 153, 168, 176, 178, 180, 181, 183, 185, 186, 195, 200, 209, 231, 232
 Мельгунова П. 122
 Мельник-Боткина Т. Е. 139, 145
 Меркуловы 214
 Мефодьев 171
 Миллер Е. К. 125, 243, 286
 Миллер В. И. 75
 Милоков П. Н. 4, 28, 38, 45, 46, 49, 53, 56, 61, 76, 77, 82, 92, 94, 104, 105, 111, 116, 118, 119, 121, 122, 133, 173, 199, 202, 217—219, 221, 223, 224, 226, 231, 232, 236, 241, 255, 264, 266, 270—275, 277, 283, 284, 289, 292, 294, 295, 297, 310, 311
 Милютин В. П. 165
 Минор О. С. 174, 270
 Милиц И. И. 5, 6, 15, 40, 44, 54, 64, 78, 87, 97—99, 101, 125, 181, 215, 233, 258
 Мирбах В. 105, 106, 108—111, 114, 142
 Мирский Б. 59
 Михайлов И. А. 169, 171, 172, 184, 194, 198, 201
 Михайловский Н. К. 81
 Моисеенко Б. Н. 175—177, 186
 Моллер 170
 Мордвинов А. А. 32, 37, 42, 51, 55
 Морозов С. 104
 Мосолов А. И. 26, 50, 116, 161, 278
 Мосс У. 14
 Муравьев М. А. 164
 Муссоллини Б. 286
 Мэнглед Т. 305
 Мэсси Р. 143, 157
 Мякотни В. А. 245
 Набоков В. Д. 53, 78, 274, 284, 285
 Наживин И. 261, 273, 279—281
 Назаров А. М. 220
 Наметкин 191
 Наполеон 68
 Нарышкин К. А. 50, 55
 Нарышкин Е. А. 130—132, 136
 Наумова Т. 146, 147
 Нейбут Т. 193
 Нейдгардт Д. Б. 105
 Неклютин 167
 Некрасов Н. В. 134
 Нелидов Н. Д. 123
 Немирович-Данченко Г. В. 277
 Немцов Н. 151
 Ненароков А. П. 164
 Негенни А. И. 42
 Нератов А. А. 264
 Нестерович-Берг М. А. 160, 219
 Нестор Камчатский 141
 Нечинолодов А. 239
 Никаноров 91
 Никитин А. М. 83
 Никитин Б. 53
 Николаев М. Ф. 296
 Николаев С. 168
 Николаевский К. В. 76, 77
 Николай II, 3, 4, 7, 8, 11, 12, 16, 18, 21—30, 32—34, 36—39, 42—45, 47—62, 67, 68, 72, 75, 83, 84, 88, 103, 105, 116, 120, 121, 129—137, 139, 140, 143, 144, 150—158, 160—165, 233, 275, 277, 280, 286, 291, 304, 305, 309

- Никольский А. В. 139, 145
Никольсон Г. 134
Никулин Л. 300
Новгородцев П. И. 101, 244, 260
Новиков В. Н. 297
Новоселов Л. Я. 171, 172, 176, 177, 186
Новосильцев Л. Н. 83
Ножкин Е. К. 278
Нокс А. 92, 178, 182, 183
Нольде Б. Э. 105
Нуланс Ж. 110, 111
- Оамер 21
Обелендер Э. 303, 304
Оболеский В. 257, 260, 262—264
Оболеский П. А. 108, 254, 285
Ольденбург С. С. 129
Орем С. И. 137
Орлов, кап. 257
Орлов В. Н. 23
Орловский-Танаевский 136
Осипова Т. В. 63
Офросимов Я. Н. 297
- Павел I 53
Павлов В. 219, 302
Палей О. 132
Панина С. В. 274
Панкевич Ф. 268
Панкратов В. С. 139, 140, 145, 146, 152
Панютин 124
Папин Л. М. 206
Парамонов Н. Е. 252
Парфенов П. С. 202
Пепеляев А. Н. 171, 209, 302
Пепеляев В. Н. 110, 114, 178—180, 183, 184, 192, 206, 208—211, 214
Перетц Г. 44
Першин П. Н. 97
Петрункевич И. И. 119, 274
Пешехонов А. В. 245, 249
Пигнатти В. Н. 134, 145
Пильц 259
Пинсон 179
Плаксин Р. Ю. 67, 98, 145, 282
Плевако Ф. Н. 280
Плехе В. К. 259
Плотников И. Ф. 201, 204
Плотникова М. Е. 169, 170, 193
Подболотов П. А. 310
- Подтелков Ф. Г. 220
Покровский В. 82, 221, 222
Покровский Г. 231, 248, 249
Покровский М. Н. 4
Полевой Е. 303
Поликарпов В. Д. 5, 90, 99, 215
Половцев Л. В. 90, 126, 221
Половцев П. А. 34
Полтавец-Остраница И. 269
Поляков Ю. А. 282, 305
Попов Ф. 168
Постников 199, 200
Пронин В. М. 33, 34
Протопопов 257
Протопопов А. Д. 17, 26, 74
Пуль Д. 108, 118
Пуршикевич В. М. 7, 23, 69, 73, 74, 82, 88, 98—100, 112, 116, 131, 140, 141, 239—241
Путинлов А. И. 76, 79, 80
Путятинна О. П. 56—58, 62, 114
Пэрс Б. 30, 61
- Раевский 141
Раков Д. Ф. 176, 177, 186
Ракитников Н. И. 188
Раковский Г. Н. 257, 260—262
Распутин Г. Е. 8, 11, 23, 24, 51, 74, 103, 142, 143, 198
Распутина М. 143
Ратлеф-Кейльман Г. 292
Ратнер Г. 126
Резник Я. 158, 164
Рейн Г. Е. 118
Реш Н. 106
Римский-Корсаков А. А. 82, 277, 278
Римский-Корсаков Н. А. 103
Ритцлер К. 109
Ричардс Г. 305
Робинс Р. 65, 92
Роговский Е. Ф. 175, 185—187
Родзевский К. В. 303, 304
Родзянко М. В. 26—29, 34, 38, 39, 42, 45—47, 49, 54, 56—58, 61, 63, 74, 82, 216, 224, 282
Родионов 259
Родичев Ф. И. 76, 274
Розанов 177
Розенберг А. 288, 302
Розенберг П. 124
Розенберг У. 84, 178, 229, 231, 232, 254—256
- Романов А. 38, 39, 45, 48, 51—53, 55—58, 61, 152, 158, 233, 305
Романов А. В. 50, 54, 58
Романов Г. М. 125
Романов В. К. 285, 289, 302, 304
Романов Д. К. 125
Романов Д. П. 103, 116
Романов К. В. 57, 123, 285, 286, 289, 290, 301, 302
Романов М. А. 3, 4, 27—29, 45, 47, 50—56, 57, 58, 60—62, 68, 72, 103, 105, 114, 115, 119, 125, 136, 137, 170, 190, 191, 212, 278, 286
Романов Н. М. 22, 30, 56, 58
Романов Н. Н. 23, 42, 47, 212, 233—237, 239, 242, 243, 256, 261, 275, 280, 285, 286, 289, 290, 293—296, 299, 303
Романов П. А. 21, 57, 122, 123, 132, 137
Романов С. М. 42
Романова А. 291
Романова В. Ф. 285, 286, 290
Романова М. 153
Романова М. А. 21
Романова М. Ф. 28, 144, 278, 280, 289
Романовский И. П. 87, 216, 250, 259
Ростовцев 158
Ротштейн Э. 130
Рощевский П. И. 6, 139, 146, 147, 156
Рубцов 195
Руднев С. П. 176
Рузский Н. В. 31, 34, 35, 42—50, 52, 54
Рут Э. 135
Рыкалов В. С. 4
Рэглес 108
Рябовол Н. С. 222
Рябушинский П. П. 294
- Савинков Б. В. 94, 104, 113, 126, 217, 224
Савич Н. В. 69, 236, 247, 249
Савич С. С. 48
Сазонов С. Д. 202
Сакович 162
Салов В. И. 4
Салтыков-Щедрин М. Е. 81
Самарин А. Д. 103
Саммерс А. 305

- Самойлов Е. 302
Сахаров К. В. 190, 198, 212
Сватиков С. Г. 65
Свердлов Я. М. 140, 145, 148, 150, 151, 154—156, 162, 165, 189
Свентенхэм Дж. 181
Святыцкий Н. 174—176, 188
Седов Н. 142
Семанов С. Н. 6, 279
Семенов Г. 113, 125, 177, 183, 199, 209, 210, 214, 278, 302, 303
Семенов Ю. 297
Семенченко 171
Серебрянников И. И. 303
Сергеев 191
Сергеев А. 219
Сергий, архиеп. 278
Сидорин В. И. 253
Сидоров И. И. 157
Скаун Б. 137
Скибелиус 133
Скипетров 210
Скоропадский П. 109, 115, 119, 121, 235, 236, 248, 256, 278, 291
Скрынников Н. 268
Слащев Я. А. 257, 261, 263
Слонимский А. Г. 7
Смердяков 71
Смирнов С. 158
Смирнов И. 193
Смирнов И. Н. 212, 213
Снесарев Н. 285, 286, 289
Соболев Г. Л. 68
Соболевский 302
Соколов К. 141
Соколов К. Н. 230—233, 243—245, 249, 252, 259, 260
Соколов Н. 143, 153, 191, 281
Соллогуб А. А. 282
Соловьев Б. Н. 142, 143
Соловьев М. Е. 133
Соловьев Н. В. 142
Соловьев О. Ф. 6
Софронов В. 156
Спирidonич А. И. 17, 23, 28, 31, 47, 51
Спирidonова М. А. 162
Спирин Л. М. 6, 109, 118, 159, 162, 189, 193, 197, 206, 311
Стааль А. Ф. 137, 138
Ставроу Т. 11
Стамболистский А. 288
Старынкевич С. С. 194, 197
Степанов А. И. 127
Степанов В. А., 2020, 21, 111—113, 229—232, 254, 260
Степанов П. Н. 244
Стерлигов А. 301
Стогов 113
Столыпин А. А. 285
Столыпин П. А. 7, 11, 259, 285, 296, 308
Струве П. Б. 71, 72, 101, 111, 112, 216, 217, 242, 244, 257, 258, 260, 264, 274, 275, 293—295, 297, 298, 309
Ступин 113
Стюарт Дж. 181
Субботонский И. 110
Суворин А. 120, 221
Суворин Б. 87, 88, 218, 219
Суккин 201
Султан-Гирей Клыч 302
Сулькевич С. 235
Супруненко Н. И. 115
Сурин 185
Сыров 194
Сыромятников 193
Таборицкий С. 267, 284
Тальберг Н. 198, 268, 279
Тальберг Г. 60
Тарасов И. Д. 149, 150
Татищев И. 78, 136, 142, 153
Таубе М. А. 277
Терещенко М. И. 61, 133—135
Тяля А. А. 44
Тимирева 213
Тихон, патриарх 103, 144, 145
Томисон Дж. 129
Топорков С. 224
Требиц Я. 269
Тредголд Д. 258
Тренденбах 185
Трепов А. Ф. 103, 105, 122, 123, 278, 280, 286, 294—296
Третьяков 208—210
Трифонов И. Я. 6, 63, 64, 67, 97
Трубецкой Г. Н. 119, 216, 217, 234
Трубецкой Е. Н. 3, 111
Труфанов С. (Илландор) 8
Туземцев Н. 86
Тундутов 121
Туркул А. 223
Турунов А. 169
Турчанinov 63
Тхоржевский И. 103, 105, 112
Тыркопа-Вильямс А. 72, 254, 256, 275
Уайлдмен А. 15
Уайт Дж. 182
Украинцев Н. 80
Унгери Р. 214, 278
Уорд Дж. 177, 184, 186, 192, 193, 196
Урицкий М. С. 162
Урусов С. Д. 108
Успенский Г. 81
Федоров М. М. 111, 112, 216, 217, 232, 244, 249, 254, 274, 295
Федоров С. П. 35—37, 51
Федотов Б. Ф. 123
Федюкин С. А. 6, 292
Филлимонов А. П. 222
Фиников П. Н. 76
Фирсов Н. Н. 61
Флеминг П. 4, 180—182
Фолькман Г. 267, 281
Фомин Е. 171, 194
Франк Л. 71, 72, 295
Франко Ф. 302
Фраунд Г. 107
Фредерикс В. Б. 50
Фрунзе М. В. 205
Фрэнкленд Н. 143
Фрэнсис Д. 108
Хабалов С. С. 17—19, 26—28, 32
Хаджиев Р. 90
Хан Нахичеванский 60
Ханжин М. В. 205, 210
Харузин М. А. 259
Хасегава Ц. 49
Хвостов А. Н. 8
Хесин С. С. 99, 182
Хитрово М. 136—139
Хмелевский К. А. 222
Холль 182
Хорват Д. Л. 183
Хорти М. 270, 287
Хотинский 162
Хохряков П. Д. 146, 147, 151
Цабель 36
Чаадаева О. Н. 63, 64, 74
Чайковский Н. В. 111, 125, 174, 186, 202, 245, 246
Чаплин Г. Е. 124, 125, 186
Чебышев Н. Н. 242, 260
Челищев В. Н. 232, 248, 255

- Чемберлин У. 4, 179, 203, 250
 Червен-Водали 208, 210
 Черменский Е. Д. 7
 Чернов В. М. 53, 180, 188, 189, 310
 Черчилль У. 178, 179
 Чириков Е. 227, 228
 Чиндяков Н. 303
 Чудинов Д. М. 150, 151, 154
 Чудновский С. 214
 Чхендзе Н. С. 38
- Шабельский-Борк Р. 267, 284, 301
 Шабловский И. С. 88
 Шавельский Г. 22, 23, 242, 243
 Шапиро Л. 4
 Шапрон А. 88
 Шарاپов Ю. П. 145, 148, 155, 156, 162
 Шатилов, ген. 257
 Шатилов М. Б. 171
 Шебеко Н. Н. 243
 Шейбнер-Рихтер М. 277, 278, 288
 Шереметьев Д. А. 43
- Шидловский С. И. 34, 38, 39, 48
 Шиллинг 257
 Шингарев А. И. 85
 Ширинский-Шихматов А. А. 278, 280
 Ширямов А. 212, 214
 Шкаренков Л. К. 6, 267, 271, 273, 288, 292
 Шкуро Г. 221, 261, 302
 Шлейфер 263
 Шпилен Г. 170
 Штейн 142, 153
 Штюрмер Б. В. 8, 74
 Шульгин В. В. 10, 39, 45, 48, 50, 54—56, 58, 82, 117, 160, 216, 226, 229—231, 237—240, 242, 248, 253, 260, 273, 297—299, 308
 Шумицкий Б. З. 196, 197
- Щагин Э. М. 156
 Щегловитов И. Г. 8
 Щепин 185
 Щепкин Д. М. 101
 Щепкин Н. Н. 102, 111, 112, 244, 246
- Щербатов Н. В. 296
 Щербачев Д. Г. 227
 Щетинин С. С. 217
- Эвальд Ф. 269
 Эверт А. Е. 31, 47
 Эйхгорн Г. 118
 Энгельгардт Б. А. 84, 85, 91, 92, 239, 241, 249, 250, 252
 Энно Э. 237
 Эрдели И. Г. 87, 216
 Эрхардт Ю. 268
- Юденич Н. Н. 123, 124, 203, 215, 243, 264, 302, 306
 Юровский Я. М. 164
 Юсунов Ф. 23, 24
- Яблоновский С. 58
 Ягов К. 105, 106
 Якобий И. 18, 129
 Яковлев В. В. 24, 148—157, 164
 Якушев И. А. 171
 Ярославский Ем. 197
 Ярошинский К. И. 142
 Яхонтов В. 86

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. В борьбе с Февральской революцией	14
В Петрограде	17
В Царском Селе	20
В Ставке. Каратель генерал Иванов	25
В литерных поездах	33
В Пскове. Отречение	39
Переотречение	49
Глава вторая. Кадетско-монархический блок (между Февралем и Октябрем)	59
Поколебленный пьедестал опрокинутого трона	59
«Левение» монархистов и правление либералов	68
Идея военной диктатуры	72
Монархисты и корниловщина	77
Корниловцы второго призыва	85
Глава третья. Монархическая контрреволюция после победы Октября (конец 1917 г.— середина 1918 г.)	96
Правый центр	100
Прогерманская или проантантовская ориентация? Национальный центр	107
Гетманский Киев — монархическая «мекка»	115
Под прикрытием кайзеровской Германии (на западе)	119
Под прикрытием Антанты и «демократической контрреволюции» (на севере и востоке)	124
Глава четвертая. Монархисты и свергнутые Романовы	129
В Царском Селе	130
В Тобольске	136
Между Тобольском и Екатеринбургом	148
В Екатеринбурге	157

Глава пятая. Верховный правитель	167
От эсеро-меньшевистской «учредиловащины» к колчаковщине	167
Омский переворот	181
Режим верховного правителя	196
Конец колчаковщины	204
Глава шестая. «Царь Антон»	215
Деникинщина принимает эстафету корниловщины	215
«Умолчание» и «непредрешение»	223
Между крайней реакцией и «либерализмом»	235
«Левая» политика правыми руками	253
Глава седьмая. Агония монархической контрреволюции	265
Начало белогвардейско-монархической эмиграции	267
«Новая тактика» Милюкова и старый кадетский монархизм	270
Кающиеся либералы и нераскаявшиеся черносотенцы	277
Кирилловцы, николаевцы, самозванцы	289
Зарубежный съезд	292
Провокации, шпионаж, террор	298
Заключение	306
Именной указатель	312

Генрих Зиновьевич Иоффе
КРАХ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР и Научным советом по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции»

Редактор издательства В. М. Черемных. Художник И. Е. Саяко
Художественный редактор И. К. Капранова. Технический редактор Н. П. Кузнецова
Корректоры М. М. Баранова, И. С. Кияжницкая

Сдано в набор 17/XI-1976 г. Подписано к печати 8/IV-1977 г. Формат 60×90^{1/16}.

Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 22,8. Тираж 12 000.

T-08509. Тип. зак. 1441. Цена 1 р. 67 к.

Издательство «Наука». 117485, Москва, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10